

Джон Бушнелл
Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки
в XVIII–XIX веках

Historia Rossica –

HISTORIA ROSSICA

ЭПИДЕМИЯ
БЕЗБРАЧИЯ
СРЕДИ РУССКИХ
КРЕСТЬЯНОК
СПАСОВКИ
В XVIII – XIX
ВЕКАХ

ДЖОН БУШНЕЛЛ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок Спасовки в XVIII–XIX веках»: Новое
Литературное Обозрение; Москва; 2020
ISBN 978-5-4448-1383-6

Аннотация

Исследование Джона Бушнелла о брачных практиках крестьян-старообрядцев Спасова согласия в Ярославской, Владимирской и Костромской губерниях меняет наши представления о социальной истории крестьянства в России XVIII–XIX веков. Количество спасовцев в середине XIX века, по мнению автора, достигало как минимум миллиона человек, и жили они в основном вдоль Волги – от Ярославля до Астрахани. Поэтому их брачное поведение оказывало существенное влияние на жизнь деревни всего этого большого региона. Влияние это, как показывает автор, было иногда разрушительным для экономики и демографии. Автор также связывает широкое распространение безбрачия среди спасовок с началом вмешательства дворян в брачное поведение своих крепостных, что обогащает наши знания о развитии крепостного права. Джон Бушнелл – профессор Северо-западного университета в США (Northwestern University).

Джон Бушнелл Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок Спасовки в XVIII–XIX веках

ВВЕДЕНИЕ. СМЯТЕНИЕ В АРХИВЕ

Данное исследование, посвященное русским крестьянкам, не желавшим вступать в брак, появилось в результате двух совершенно неожиданных находок, сделанных одновременно и потянувших за собой клубок вопросов, на которые у меня не было ответов. Находки эти обнаружились в ряде исповедных ведомостей – в списках состава семей прихожан, которые приходили (или не приходили) на ежегодную исповедь, как это требовалось от всех членов Русской православной церкви. Это были ведомости из прихода села Купля – кучки деревень возле небольшого городка Гороховец в восточной части Владимирской губернии. Одна из находок демографического характера: в некоторых из этих деревень в конце XVIII столетия весьма значительная часть взрослых женщин всю жизнь оставались в девках. В русских деревнях XVIII и XIX вв. нередко можно было обнаружить одну или двух взрослых незамужних женщин, но с той же вероятностью даже в очень большой деревне все до одной взрослые женщины могли оказаться замужем. Среди российских историков и этнографов бытует единодушное мнение, что вступление в брак для русских крестьян было практически неизбежно. В приходе с. Купля дело обстоит явно не так: на 1795 г. в деревне Случково 44% женщин старше 25 лет были не замужем. Даже эта цифра сильно преуменьшает сопротивление случковских женщин браку: ревизские сказки показывают, что из всех женщин, родившихся в этой деревне и достигших возраста 25 лет в период между 1763 и 1795 гг., целых 70% остались незамужними. Случковские же мужчины почти все были женатыми, но подавляющее большинство их жен были родом из других деревень. Дальнейшее исследование показало, что, хотя случковские женщины отказывались от брака в процентном соотношении чаще, чем женщины в других деревнях данного района, в этой части Гороховецкого уезда в конце XVIII в. среди уроженок этих деревень процент воздержавшихся от брака колеблется от 20 до 40%. Ничто из прочитанного мной о крестьянском браке или крестьянской культуре в России не предвосхищало и не объясняло обнаруженной ситуации в приходе с. Купля.

Из тех же исповедных ведомостей я узнал, какие именно женщины чурались замужества, – они были членами старообрядческого Спасова согласия. Это удивило меня по двум причинам. Во-первых, у спасовцев брак не запрещался, наоборот, они имели нелестную славу в старообрядческих кругах именно из-за того, что венчались в православных церквях. Во-вторых, мне никогда раньше не попадались исповедные ведомости, где священник указывал бы, к какому согласию принадлежат старообрядцы из его прихода. Во многих исповедных ведомостях старообрядцы (или, как называли их православные, «раскольники»)

обозначаются только по их общей принадлежности к расколу: священники указывают эту принадлежность как причину, почему те или иные прихожане не являются на исповедь. В приходе с. Купля священники начали обозначать старообрядческие согласия еще до 1830 г. и продолжали как минимум до 1850 г. Это не входило в их обязанности, однако пример первого священника, называвшего согласия, оказался заразителен для его преемников. Возможно, исповедные ведомости с. Купля не уникальны в этом отношении, хотя нельзя сказать наверняка. То, что я заказал тома исповедных ведомостей именно с. Купля, а не другого прихода Гороховецкого уезда, было чистым везением. Этот шанс – один к нескольким тысячам, если не больше: спасовцев даже в те времена было заведомо трудно опознать, поскольку они маскировались под православных. Они крестились в церкви, венчались в церкви и перед венчанием исповедовались и причащались в церкви. Приходские священники обычно включали их в списки православных. В приходе с. Купля, однако, спасовцы раскрыли местному священнику свое вероисповедание.

То, что не выходявшие замуж женщины-староверки д. Случково были из Спасова согласия, скорее усложнило, чем разрешило загадку. Спасовцы заодно со многими россиянами отвергли текстуальные и обрядовые нововведения патриарха Никона (поставлен в патриархи в 1650 г., оставил первосвятительскую кафедру в 1658 г., извержен из патриаршества в 1666 г.), официально утвержденные поместным Московским собором в 1667 г. Эти реформы вызвали смятение в Русской православной церкви. Противники сочли все реформы ересью, Никонианскую православную церковь еретической и заключили, что грядет конец света, а Антихрист, должно быть, уже шествует по миру. К несчастью для антиреформистов, хотя на раннем этапе священники и монахи были среди главных заводил протеста, в их рядах не оказалось ни одного епископа. Поскольку лишь епископы могли совершать хиротонию, после смерти последнего священника, рукоположенного до патриаршества Никона, мир – по логике самых радикальных и последовательных староверов – останется без священства, то есть некому будет совершать большинство таинств. Исключение составляли крещение и исповедь, которые по старым правилам православной церкви в экстренных случаях – например, в отсутствие священника – могли совершаться мирянами. Эти, как их называли, беспоповцы категорически отрицали брак, так как не было не впадших в ересь попов, чтобы брак освятить. Более прагматичные среди староверов принимали к себе беглых попов, которые отреклись от никонианской ереси и очистились через таинство миропомазания. Эти прагматики известны под именем «поповцы», и в этой истории они не играют почти никакой роли.

Спасовцы проявили себя как отдельное беспоповское согласие в конце XVII в. и в некоторых отношениях оказались более радикальны, чем другие согласия: они настаивали, что без попов не могут совершаться никакие таинства (даже крещение и исповедь), что Бог лишил мир Своей благодати и что христиане уже ничего не могут сделать для своего спасения. По меньшей мере до 1730 г. брак они однозначно запрещали. К концу XVIII в., однако, они решительно пересмотрели свою брачную доктрину и постановили, что члены согласия могут заключать браки в православных церквях и что православные священники могут также крестить их детей. Поскольку православная церковь требовала, чтобы молодые перед венчанием исповедовались и причащались, брачующиеся спасовцы совершали также и эти таинства¹. При этом спасовцы по-прежнему отказывались признавать православное венчание, крещение, исповедь и причастие действительными таинствами, но, очевидно, они не считали – в отличие от большинства других старообрядцев, – что, принимая эти

¹ Все, в том числе сами священники, считали это правилом, хотя, как отметил Священный синод в 1839 г., православное каноническое право не содержит положения, требующего, чтобы брачующиеся исповедовались и причащались перед венчанием (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 359–361). Синод постановил, что священники должны продолжать предлагать брачующимся совершить таинство, но делать это в качестве личного совета, а не приказа. На практике это недоразумение обрело силу закона.

лжетаинства от священников-еретиков (то есть православных попов), они подвергают опасности свои бессмертные души. Поскольку любого, кто принимает православные таинства, священники считали православным, они ничтоже сумняшеся записывали в исповедных ведомостях спасовцев, не объявивших себя таковыми, как православных.

Существует очень мало источников, располагающих сведениями о спасовцах XVIII в., и ни в одном из них (и ни в одном из источников XIX в.) не объясняется, почему спасовцы решили венчаться в православных церквях. Я выдвигаю предположение по этому поводу в главе 5. В целом спасовцы в этом вопросе не сильно отличались от большинства других беспоповских согласий, которые также в течение XVIII–XIX вв. постепенно примирились с браком, так как жесткий запрет на заключение брака не позволил бы им сохранить многочисленный контингент приверженцев из мирян. Беспоповские согласия, продолжавшие запрещать брак, теряли своих членов в пользу брачующихся согласий, и в XVIII–XIX вв. в согласиях часто происходили расколы в результате разногласий по вопросу о браке. Другими словами, приемлемость брака у спасовцев в XVIII в. соответствовала более широкой тенденции среди беспоповцев. Однако только они потворствовали привлечению православных священников к совершению брачной церемонии.

Еще более озадачивает то, что в то же самое время, когда спасовцы сочли приемлемым брак, совершаемый православными священниками, все больше крестьянок-спасовок стали отказываться от замужества, и это касается не только прихода с. Купля. Доктрина пошла навстречу браку, на практике же женщины бежали от него. Между тем мало кто из современников спасовцев в XIX в. вообще заметил, что большое число женщин Спасова согласия избегали замужества. Мной был обнаружен лишь один такой источник: некий наблюдательный чиновник отметил, что в одной губернии в среде спасовцев было необычайно много незамужних женщин. Но это замечание не сопровождалось никаким объяснением. В главе 5 я предлагаю свое, кажущееся мне вероятным толкование предпочтения спасовских женщин оставаться в девках: они отвергали брак от отчаяния, что живут в мире, к которому Господь Бог совершенно безразличен. Аргументы в пользу этого решающего довода в лучшем случае косвенные и контекстуальные. Я должен с сожалением признать, что не могу пока представить окончательного ответа на некоторые вопросы из тех, что посыпались со страниц исповедных ведомостей с. Купля.

Даже при отсутствии объяснения отношения спасовцев к браку и если мое предположение ошибочно, демографические и социальные последствия резко повысившегося уровня воздержания от брака очевидны. Так, например, спасовские дворы оставили вполне отчетливый след в демографических источниках. Возникло новое явление, которое можно назвать «двор-женонакопитель»: незамужние сестры и дочери главы дома, его жена и жены его сыновей, порой незамужние внучки главы, иногда другие родственницы, влившиеся в женонакопитель после распада их собственного двора. Многие крестьянские хозяйства в России разорялись вследствие различных демографических зловещих, но спасовские дворы просто напрашивались на разорение. При этом каждый разорившийся двор увеличивал демографическое бремя других дворов, где находили прибежище его уцелевшие домочадцы. Отношение спасовцев к браку привело к возникновению дворов и общин, чья структура шла вразрез с традиционными стратегиями выживания русского крестьянства.

Брачные обычаи спасовцев создавали также проблемы для остальной части крестьянской общины. При широком распространении противления браку среди крестьянок, принадлежавших к Спасову согласию, и притом что практически 100% крестьян-спасовцев женились, где эти мужчины находили жен? За исключением самых крупных русских деревень многие и даже большинство крестьян находили невест в других деревнях, на расстоянии порядка 10 километров от собственной деревни. Именно таков был радиус поиска у мужчин прихода с. Купля в 1760-х гг., как раз когда спасовские женщины начали активно покидать рынок невест. К концу XVIII в. они расширили радиус поиска до 15 километров, а в отдельных случаях и значительно дальше и зачастую были вынуждены

покупать невест из крепостных, что весьма редко случалось до того (сами крестьяне Случково не были крепостными). Поскольку во многих деревнях вблизи прихода с. Купля находилось большое количество спасовских дворов (они выделялись своей характерной структурой), можно сделать вывод, что большие расстояния, которые приходилось покрывать в поисках невест, и затраты на выкуп крепостных невест – это беды, которые спасовцы сами навлекли на свою голову. Можно лишь удивляться успеху спасовцев в обеспечении себя невестами.

Однако последствия спасовской брачной головоломки не ограничивались нарушениями местного паритета между мужчинами и женщинами, желающими вступить в брак. Бок о бок со спасовцами жили *неспасовцы*, для которых было совершенно естественно, что все крестьяне – мужчины и женщины – брачатся. Крестьяне признавали, конечно, исключения – например, отдельным женщинам серьезные физические или умственные недостатки не позволяли выполнять положенную жене работу по дому; некоторые женщины (и православные, и староверки) не выходили замуж, поскольку они чувствовали призвание свыше. Большинство же неспасовцев принимали за должное, что, за редким исключением, все крестьяне брачались. Они предполагали также и даже настаивали на том, что все молодые крестьянки должны быть готовы вступить в брак. Русские крестьяне понимали – и это отражается в некоторых их челобитных, – что всеобщий брак означает многосторонний обмен дочерьми между всеми местными дворами. Если же осязательное количество молодых женщин не вступает в брак, то в данной местности образуется нехватка невест и юношам, возможно, будет трудно добывать себе жен. Те двory, которые стремились оженить своих сыновей, а дочерей замуж не отдавали, вызывали возмущение у соседей. И поскольку столь многие из их дочерей не выходили замуж, спасовцы в большой степени зависели от готовности крестьян с другими религиозными убеждениями поставлять невест для их сыновей. Есть косвенные данные о том, что некоторые деревни, обменивавшиеся дочерьми с д. Случково в 1760-х гг., к 1780-м стали отказываться выдавать дочерей замуж в это село. Есть немало прямых свидетельств возмущения в крепостных имениях, порожденного отказом женщин от брака: крепостные жаловались своим владельцам, что из-за отказа женщин выходить замуж их сыновья не могут найти себе жен. Они просили своих хозяев, чтобы те заставили отцов отдать дочерей замуж. Эти свидетельства у меня представлены в главе 2. Крепостные помещики во второй половине XVIII в. первыми – не считая самих крестьян – узнали о широко распространившемся противлении браку, потому что им донесли об этом их крепостные, и я привожу доводы в пользу тезиса о том, что тенденция вмешиваться в брачные дела своих крепостных была спровоцирована именно жалобами крепостных мужиков на баб, отказывавшихся выходить замуж.

Я также выдвигаю тезис о том, что в Спасовом согласии решение выходить или не выходить замуж фактически принимали сами женщины. В приходе с. Купля в первой половине XIX столетия все или почти все женщины, родившиеся в семьях спасовцев, избежали уз брака, но так было не во всех общинах Спасова согласия. Да и в самом приходе с. Купля до конца XVIII в. ситуация была иной. Демографические источники показывают, что в некоторых общинах Спасова согласия были семьи, где некоторые дочери выходили замуж, а другие нет. Если бы речь шла не о русских крестьянах, то сам собой напрашивался бы вывод, что дочери, вероятно, сами принимали решение относительно замужества. Однако в данном случае мы имеем дело с твердо устоявшимся стереотипом: в России в крестьянских семьях родители принимали все брачные решения за своих сыновей и дочерей. В отношении XVIII в. вышеуказанный стереотип имеет твердую основу, так же как в некоторых, но не во всех областях России первой половины XIX в. Когда некоторые девочки выходили замуж в минимальном для брака возрасте – в 12 (начало XVIII в.) или 13 лет (конец века) – и когда большинство из них уже были замужем к 15–16 годам, а большинство мальчиков – к 16–17 годам, у детей было мало возможности повлиять на выбор брачного партнера. По мере повышения брачного возраста и, соответственно, большего количества лет, которые дети проводили до брака, играя в ухаживания, а затем женихаясь всерьез, стереотип этот терял

свою силу или по крайней мере становился не столь очевиден.

Говоря о с. Купля, мы в действительности не знаем, каков был средний возраст брака в XVIII в.: даже в конце этого столетия очень немногие священники во Владимирской епархии отмечали возраст при венчании. В любом случае из с. Купля не сохранилось метрических книг (в отличие от исповедных ведомостей) XVIII в. Мы знаем только, что в некоторых семьях некоторые из дочерей выходили замуж, а другие – нет. Решали ли отцы и матери из Спасова согласия, какой дочери выходить замуж, а какой нет? Мне кажется гораздо более вероятным, что в религиозной общине, где по какой бы то ни было причине наблюдалось растущее сопротивление замужеству, родители, возможно, не приветствовали вступление дочерей в брак, но – как свидетельствуют ревизские сказки – все-таки позволяли им или же просто не могли воспрепятствовать браку некоторых дочерей. Другими словами, в явном противоречии с крестьянской традицией молодые женщины Спасова согласия, похоже, пользовались свободой выбора, то есть сами принимали решение, выходить или не выходить замуж. Если это основное право выбора оставалось за ними, то наверняка у них были значительные возможности выбора жениха. Именно этот вывод я попытаюсь обосновать на конкретных примерах прихода с. Купля (главы 3 и 4), с. Баки на юго-востоке Костромской губернии (глава 6) и с. Стексово на юге Нижегородской губернии (глава 7).

Крестьянки, которые предпочитали не выходить замуж, являлись разрушительной силой для крестьянского общества во многих отношениях. Когда большое число крестьянок отказались выходить замуж, практически ни одна грань крестьянского уклада жизни не оставалась непоколебленной. Когда молодые женщины из Спасовых общин уже в третьей четверти XVIII в. приобрели право решать, выходить им замуж или нет и даже за кого выходить, они нанесли удар по традиционному крестьянскому укладу. Но это была лишь одна часть более широкого – хотя необязательно сознательного – покушения на основы основ традиционного крестьянского общества. Распад общей культурной матрицы должен был, в свою очередь, облегчить возможность или даже создать необходимость для того, чтобы молодые женщины брали на себя принятие брачных решений.

Я не утверждаю, что только женщины Спасова согласия избегали замужества. В приходе с. Купля, например, в первой половине XIX в. к отказу от брака женщин Спасова согласия присоединились женщины из беспоповского поморского согласия, хотя руководители поморского согласия относились к браку с одобрением. В других местах, где священники вешали ярлык раскольника на всех староверов, трудно иногда определить, к какому согласию принадлежали браконенавистницы. Тем не менее именно Спасово согласие, похоже, служило основным очагом женского противления браку и рассадником этой «заразы» для других. Насколько значительным было это явление для русского крестьянства, зависит от численности спасовцев.

Когда Министерство внутренних дел выпустило статистический анализ старообрядческого населения на 1858 г., про спасовцев анонимный автор мог сказать лишь то, что «большинство Спасова согласия, весьма многочисленного на Волге» невозможно отличить от православных, поскольку так же, как и некоторые другие раскольничьи секты, они «исправно бывают у исповеди и причастия»². Посчитать количество спасовцев не представлялось возможным, ибо по внешнему религиозному поведению они, как правило, были неотличимы от православных.

Оценить численность старообрядцев всяких толков было достаточно трудно. Министерство, однако, усердно старалось вывести более или менее вероятную цифру. Начиная с 1844 г. его сотрудники отправлялись в губернии, где старообрядцы были особо

---

² Бушен А., ред. Статистические таблицы Российской империи. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год (с карт населенности Европейской России). С. 235. Данная формулировка предполагает, что информация была получена от Павла Мельникова, министерского чиновника, занимавшегося обследованием старообрядцев в Нижегородской губернии в конце 1840-х – начале 1850-х гг. См. приводимые далее источники.

многочисленны, и выявляли число раскольников на основе данных, представляемых священниками в ежегодных исповедных ведомостях: к официально записанным и открыто принадлежавшим к расколу они причисляли и тех, кто по отчетам не исповедовался «по склонности к расколу»; тех, кто не был на ежегодной исповеди по нерачению (по определению священников); тех, кто исповедовался, но не причащался; и часть тех, кто представлял какую-то уважительную причину неявки на исповедь (например, отлучка из прихода во время Великого поста)³. Хотя не существовало никакой очевидной причины относить к старообрядцам всех крестьян, не желавших причащаться или якобы забывших прийти на исповедь, министерские чиновники, посоветовавшись с попами и другими лицами, хорошо знавшими старообрядческий мир, пришли к выводу, что так сделать правильно. Анализ ежегодных исповедных ведомостей, например, показал, что «забывчивые» забывали исповедоваться из года в год. Результаты этих официальных исследований поразительны: в Ярославской губернии, к примеру, оказалось в 37 раз больше старообрядцев, чем было указано в официальных отчетах: в 1859 г. – 278 417, а не 7454. Это был вопиющий случай; министерство пришло к выводу, что старообрядцев примерно в 10 раз больше, чем их официально зарегистрировано: 875 382, то есть около 8 миллионов на 1859 г., что соответствует почти одной шестой всего номинально православного (то есть в основном русского) населения⁴.

В 1868 г. Павел Мельников, в течение многих лет будучи чиновником Министерства внутренних дел, занимавшийся изучением (и преследованием) старообрядцев в Нижегородской губернии (а позже под псевдонимом Андрей Печерский писавший романы о старообрядцах этой губернии), опубликовал статью «Счисление раскольников». В ней он рассуждает о ряде причин, по которым местные чиновники и попы намеренно занижают данные о количестве старообрядцев: в основном это вариации на темы взяточничества, вымогательства и боязни подать неприятные сведения. Затем он делает пересчет министерской статистики и выводит общее число раскольников – 8 584 494. К этой цифре он добавляет еще 110 тысяч, посчитав различные небольшие тайные секты, которые обычно не причислялись к раскольникам (хлысты, скопцы и др.), и предположительные 700 тысяч спасовцев, которые «исполняют требы в православных церквях, то есть крестят детей, приобщаются (особенно перед свадьбой), венчаются. Все они записываются в духовных росписях бытчиками у исповеди и св. причастия»⁵. Всего на 1859 г. Мельников насчитал 9 миллионов 300 тысяч старообрядцев. А учитывая ежегодное приращение народонаселения России – согласно тогдашним оценкам – в 1,3%, общая цифра к 1868 г. достигла 10 295 000 (Мельников не стал возиться со сложными процентами).

Мельников не объясняет, каким образом у него получилось 700 тысяч спасовцев. Однако он отмечает, что число старообрядцев в Нижегородской губернии, указываемое министерством, – 172 500 (как министерский специалист по старообрядцам в данной губернии он отвечал за подачу этой статистики и описывал ее как «полученную мной») –

³ Эти цифры можно найти в печатных экземплярах ежегодных отчетов Святейшего синода 1850-х гг., например: Извлечение из отчета по ведомству духовных дел Православного исповедания за 1859 год. СПб.: Синодальная типография, 1861. С. 21.

⁴ Бушен А., ред. Статистические таблицы. Вып. 2. С. 210–212, 216–217, 234–235. В министерский подсчет включено было также пропорциональное число детей до 7 лет, которые не обязаны были исповедоваться, и гипотетический миллион «тайных раскольников», тех, кто совершал и исповедь, и причастие. Два отчета министерству – за 1852 и 1853 гг., оба из Ярославской губернии – приводятся в составленном В. Кельсиевым «Сборнике правительственных сведений о раскольниках» (Лондон: Trübner & Co, 1862. Вып. 4. С. 1–187). В отчете за 1852 г. пространно и убедительно обосновываются правила подсчета.

⁵ Мельников П. И. Счисление раскольников // Мельников П. И. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: А. Ф. Маркс, 1909. Т. 7. С. 384–409 (цитата на С. 408). Впервые напечатано в: Русская мысль. 1868. № 2.

ниже цифры, позднее представленной преосвященным Иеремиею, епископом Нижегородским, – 283 323, – и выдвигает предположение, что именно спасовцы, чью численность в своей губернии он теперь оценивает в 60 000, вероятно, и составили основную разницу⁶. Годы, проведенные в беседах со старообрядцами и попами, должны были дать ему определенное представление о численности спасовцев. Судя по всему, он экстраполировал сведения, полученные о Нижегородской губернии, на Россию в целом. Сергей Зенковский, анализируя данные Мельникова на 1859 г., в свою очередь подсчитал, что в начале XX в. спасовцев должно было быть 1,5–2 миллиона – цифра, скорее всего, основанная на предположении, что число спасовцев росло примерно такими же темпами, что и православное население Российской империи⁷.

Мельников почти наверняка недооценил общее количество как в целом старообрядцев, так и спасовцев. Начнем с того, что кроме староверов, притворявшихся православными (включая большинство спасовцев), были еще, если можно так сказать, «полуверы» – мужчины и женщины, которые ходили на исповедь и к причастию, не принадлежали ни к какому определенному согласию, но полагали себя старообрядцами и – в старости или чувствуя приближение смерти – покидали официальную церковь, чтобы прибиться к какому-нибудь старообрядческому толку. Были и такие, что свободно сочетали православные и старообрядческие обычаи, и те, что говорили попам, что они православной веры, но предпочитали старые книги и старые обряды. В данном рассуждении, однако, мы можем принять за исходную точку предварительный подсчет Мельниковым количества практикующих (в том числе тайно) староверов. В пограничных случаях православного и старовера различить невозможно. Даже если бы нам удалось с уверенностью определить количество притворявшихся православными, но твердо уверенных в своей подлинной принадлежности к старой вере, все равно оставались бы неучтенными еще миллионы с изменчивой или неопределенной религиозной принадлежностью.

Что же касается количества спасовцев, мы должны опираться в качестве экспертной оценки на цифру 60 тысяч, приблизительно выведенную Мельниковым в 1850-х гг. по Нижегородской губернии. Солидный том его отчета от 1854 г. Министерству внутренних дел о раскольниках в данной губернии свидетельствует о глубокой осведомленности как в истории местных старообрядцев (взятой с их слов), так и в губернских и епархиальных документах, касающихся этой истории, в географии распространения различных согласий по губернии, в роли, которую старообрядцы играли в экономике губернии, в их обычаях и убеждениях, даже в различиях между иконами, которым разные согласия отдавали

---

⁶ Мельников П. И. Счисление раскольников. С. 404, 409. В 1853 г. Мельников докладывал, что в губернии 170 506 старообрядцев (Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министерстве внутренних дел коллежским советником Мельниковым // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. IX. С. 3). Он же, по-видимому, представил более высокую цифру, которая фигурирует в министерском анализе годом или двумя позднее. В неопубликованном приложении к докладу он объясняет, каким образом получил эту цифру в 1853 г. Цифра, доложенная митрополитом Геронтием, дается в длинном списке указаний Геронтию от Священного синода о мерах, которые необходимо принять для преодоления раскола в его епархии (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 672–682). Помимо всего прочего, Геронтию было указано на необходимость объяснить разницу между его цифрой и цифрой Мельникова.

⁷ Зенковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1970. С. 472. Зенковский не объясняет, откуда взял свою оценку, однако в 1859 г. православные и старообрядцы вместе составляли 54 628 083 человек, а в 1897 г. – 89 328 200, то есть их число увеличилось на 70% менее чем за 40 лет; Бушен А., ред. Статистические таблицы. С. 233–234; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб.: Центральный статистический комитет, 1905. Т. 1. С. 248.

предпочтения⁸. Он представил также значительную информацию о губернских спасовцах. Тем не менее, как бы усердно он ни трудился, стремясь установить истинную численность старообрядцев и спасовцев в губернии, он почти наверняка допустил здесь просчет.

Мельников подсчитал, что в крепостном селе Стексово (подробнее о нем в главе 7) среди официально заявленных в начале 1850-х гг. православных прихожан 60% в действительности являлись староверами. Далее он прикинул, что в группе из 16 приходов, в которую входило Стексово, 50% населения принадлежало к одному или другому старообрядческому согласию⁹. Результат его подсчета в с. Стексово оказался гораздо выше, чем можно было высчитать с помощью методологии Министерства внутренних дел: в 1826 г., например, из 1164 стексовских прихожан от 7 лет и старше 218 человек (18,7%) не исповедовались потому, что были заявлены староверами или склонными к старой вере, или забывчивыми, или отсутствующими; все остальные «были у Исповеди и Святого причастия»¹⁰. Однако пространность обсуждений проблемы староверов в вотчинной переписке и частота епархиальных расследований (как показано в главе 7) убедительно говорят в пользу подсчета Мельникова, что 60% являлись староверами. И все же исповедная ведомость из этого прихода (несколько по-другому составленная, нежели в 1826 г.) от 1861 г. преподносит сюрприз: в этом году во время Великого поста на исповедь явились лишь 28 из 723 приходских крестьян, остальные же 695 (96%) не исповедовались и были записаны либо как признанные староверы, либо как неисповедовавшиеся «по склонности к расколу»¹¹. Вряд ли можно сомневаться, что это неслучайно: 1861-й – год освобождения крепостных. В Нижегородской губернии попы читали своим прихожанам-крестьянам «Манифест об отмене крепостного права» с 12 по 20 марта, во время Великого поста, как раз тогда, когда крестьяне должны были исповедоваться¹². В контексте вызванных манифестом чрезвычайно преувеличенных надежд крепостные с. Стексово вообразили, должно быть, что царь-батюшка освободил их не только от крепостной зависимости, но и от необходимости притворяться православными. Епархиальные документы не оставляют сомнений, что большинство старообрядцев в с. Стексово – иными словами, большинство крепостных крестьян с. Стексово – были спасовцами. Возможно, именно потому, что спасовцев так трудно было опознать, Мельников и его местные осведомители и недооценили их количество на 36% (или, если посчитать по-другому, старообрядцев в с. Стексово было на 60% больше, чем Мельников предполагал). Один-единственный документированный случай значительного занижения численности именно там, где старообрядцы были в основном из Спасова согласия, имеет неопределенный доказательный вес¹³. И все-таки он по крайней мере дает основания предположить, что число спасовцев в Нижегородской губернии в 1850-х

⁸ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии.

⁹ Там же. С. 33, 40, 44.

¹⁰ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 559а. Д. 966. Л. 449–466.

¹¹ Там же. Д. 1502. Л. 100–107, 123 – 132 об. (в 1861 г. в приходе было два попа, каждый из них со своей паствой).

¹² Evtuhov C. Portrait of a Russian Province. Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 196.

¹³ Последний печатный выпуск ежегодного отчета Священного синода, в который включены сведения о количестве номинальных православных, пропустивших исповедь, относится к 1860 г.: Извлечение из отчета по ведомству духовных дел Православного исповедания за 1860 год. СПб.: Синодальная типография, 1862. С. 24. Отчет за 1861 г., похоже, не был издан, а в последующих томах подобной статистики не приводилось.

гг. было, вероятно, ближе к 100 тысяч, чем к 60 тысяч.

Хотя оценка Мельниковым численности спасовцев в 700 тысяч по империи в целом основывается на том, что ему было известно о спасовцах в других губерниях, похоже, он неверно представлял себе географическое распространение многочисленных популяций спасовцев. Он утверждал, что наиболее многочисленны спасовцы в приволжских губерниях – от Нижнего Новгорода на юг до Астрахани, а также в Пензенской, Тамбовской и Воронежской губерниях¹⁴. Ему, по-видимому, не были известны значительные скопления спасовцев в Гороховецком уезде и, по всей вероятности, на востоке Владимирской губернии в целом. Несколько больше удивляет то, что Мельников, похоже, не знал о наличии – и это впоследствии станет очевидно – большого количества спасовцев также и в Костромской и Ярославской губерниях, где их было, возможно, больше, чем в любой другой из названных им губерниях, кроме Нижегородской. Учитывая, что даже весьма добросовестный Мельников значительно недооценил количество спасовцев в губернии, которую он инспектировал, подсчеты в других губерниях тоже, вероятно, были занижены и он либо не принял в расчет, либо сильно преуменьшил количество спасовцев во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях, мне кажется справедливым предположение, что в середине XIX в. количество спасовцев достигало как минимум миллиона, возможно, даже полутора миллиона человек, а в первом десятилетии XX в. – от 2,5 до 3 миллионов. Эти цифры подчеркивают значение отношения спасовцев к браку. Поскольку спасовцы в большинстве своем населяли губернии вдоль Волги – от Ярославля вниз до Астрахани, они составляли особенно существенную часть населения в этих районах. А так как они не были равномерно распределены по этим губерниям, их влияние в местном масштабе могло быть колоссальным – колоссально разрушительным, как в примере с приходом с. Купля и его окрестностями.

Большая часть из вышесказанного стала мне известна только после моего неожиданного знакомства с исповедными ведомостями с. Купля. Я приехал во Владимир в поисках первоисточников для совершенно другой книги, которую я в тот момент писал, – об истории крестьянского брака в России. Я нашел очень полезную информацию о брачном возрасте в XVIII в. в Рязанской губернии, и мне нужны были сопоставимые данные о брачном возрасте в регионе с другими экологическими параметрами. Подобных сведений во Владимирской губернии не оказалось. То, что я обнаружил взамен, описано выше.

Мне не сразу стали понятны причины брачного поведения спасовцев прихода с. Купля, отличавшегося от практически всего, что я знал о крестьянском браке в России, и поэтому я не начал тут же на месте писать данную книгу. Мне пришлось еще не один раз вернуться во владимирский архив прежде, чем у меня создалось более или менее адекватное представление о сопротивлении замужеству среди спасовских женщин в приходе с. Купля. И тем не менее то первое прочтение исповедных ведомостей начало мало-помалу выкристаллизовываться в переоценку отрывочных сведений, которые уже мне попадались, о сопротивлении браку среди крестьянок старообрядческих толков. К примеру, подворная опись 1845 г. из одного из имений Сергея Михайловича Голицына, с. Стексово, показывает, что 17,6% среди женщин 25 лет и старше из села и 14,1% по всему имению (куда входили части еще пяти сел и деревень) всю жизнь оставались старыми девами. Из документов имения становится понятно, что эти противницы брака были из старообрядцев того или другого толка и что Сергей Голицын и его приказчики многие годы безуспешно пытались заставить своих крепостных девок выходить замуж. Я выступил на конференции с докладом о сопротивлении браку в Стексово, в котором выдвинул предположение, что здесь существовала какая-то связь со старой верой. Но даже в контексте старообрядчества Стексово выглядело аномальным; большинство крестьян-старообрядцев все-таки вступали в брак. Купля навела меня на след спасовцев, а в епархиальных документах из Центрального

---

¹⁴ Мельников П. И. Счисление. С. 408.

архива Нижегородской области обнаружили доказательства присутствия спасовцев в Стексово. От прихода с. Стексово сохранилось очень мало исповедных ведомостей, и ни в одной из сохранившихся, естественно, старообрядцы не подразделялись на согласия. Мне удалось, однако, составить комплект ревизских сказок с середины XVIII до середины XIX в. Демографическая история имения с. Стексово походила на демографическую историю прихода с. Купля, хотя женское сопротивление браку в Стексово не достигало таких чрезвычайных размеров, как вокруг с. Купля.

На самом деле подворная опись 1845 г. из Стексово не была моим единственным источником до того, как я обнаружил приход с. Купля. Еще в самом начале моих изысканий я сталкивался с признаками сопротивления браку в среде старообрядцев в виде жалоб крепостных мужиков на крепостных баб, не желавших выходить замуж. Я даже написал о них в статье о том, как Владимир Орлов распоряжался брачными делами крепостных в своих имениях. Но тогда я пришел к выводу, что «документы не дают оснований предполагать, что было очень много» крепостных баб, отказывавшихся выходить замуж¹⁵. Этот вывод касался всех многочисленных поместий Орлова и, в большей или меньшей степени, справедливо отражал полученные из этих документов сведения. Если бы я тогда обратил внимание на географию жалоб крепостных по поводу браконенавистниц, обработал бы эту информацию и изучил соответствующую демографическую документацию, хранящуюся в областных архивах, я мог бы прийти к другому выводу или, по крайней мере, отметить некую географическую закономерность. К тому времени, как я проштудировал документы из сел Купля и Стексово, у меня сложилось совсем другое понимание неколичественных сведений о крепостных бабах-старообрядках, противившихся браку, которые, как стало понятно, были не просто старообрядками, а вероятнее всего – спасовками или, по крайней мере, частью широкой волны женского сопротивления браку среди крестьян-беспоповцев в районах к северу от Москвы и вдоль реки Волги.

Когда я стал рассказывать историкам, как в России, так и за ее пределами, о том, что я обнаружил – весьма высокий уровень отказа от брака среди Спасовых женщин как минимум с середины XVIII до середины XIX в., – это вызвало определенный интерес, но и вполне понятный скептицизм. То, что я им рассказал, никак не увязывалось с тем, что всем известно и во что я сам верил до того, как наткнулся на исповедные ведомости прихода с. Купля, а именно: утверждение, что за редким исключением все русские крестьяне вступали в брак. Меня спрашивали, уверен ли я, что правильно истолковал документы. Один коллега, согласившись с приведенными фактами, утверждал, что Купля наверняка явление аномальное, обусловленное, должно быть, некими местными обстоятельствами. Другие предполагали, что натолкнулся я, скорее всего, не на избыток незамужних баб, а на нехватку женихов в результате, по-видимому, местных излишеств с рекрутчиной: столько мужиков забрали в солдаты, что оставшихся не хватало для всех девушек на выданье. Я мог легко опровергнуть все эти возражения, но заданные вопросы, несомненно, помогли мне сформулировать мои доводы.

Этот изначальный скептицизм побудил меня принять два решения. Во-первых, я сделал вывод, что для придания моим аргументам неопровержимой силы требуется еще больше доказательств. Положась на удачу, я просмотрел в Британском музее документы из имения с. Баки Костромской губернии. Публикации Эдгара Мелтона, касающиеся баковского имения князей Ливенов, дают основания предположить там осязаемое присутствие старообрядцев, и я уже нашел сведения о значительном женском сопротивлении браку в других частях Костромской губернии¹⁶. Хранившийся среди ливенских бумаг экземпляр баковской

¹⁵ *Bushnell J.* Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773–1861 // *Slavic Review*. 1993. August. № 3. Vol. 52. P. 433.

¹⁶ В частности: *Melton E.* Household Economies and Communal Conflicts on a Russian Serf Estate, 1800–1817 // *Journal of Social History*. 1993. Vol. 26. № 3. P. 564–578.

ревизской сказки от 1795 г. действительно показал значительное женское сопротивление замужеству. Я отправился в Кострому искать дополнительных сведений с некоторым трепетом, поскольку в 1982 г. примерно треть документов местного архива была уничтожена пожаром. Хотя из с. Баки не сохранилось (не обязательно по вине пожара) ни одной исповедной ведомости, несколько ревизских сказок все-таки уцелело (в том числе один экземпляр со сплошь опаленными по краям страницами). И оказалось, что каждый том ревизских сказок Костромской губернии, который мне довелось открыть, содержал сказки деревень, в которых множество женщин всю жизнь оставались незамужними.

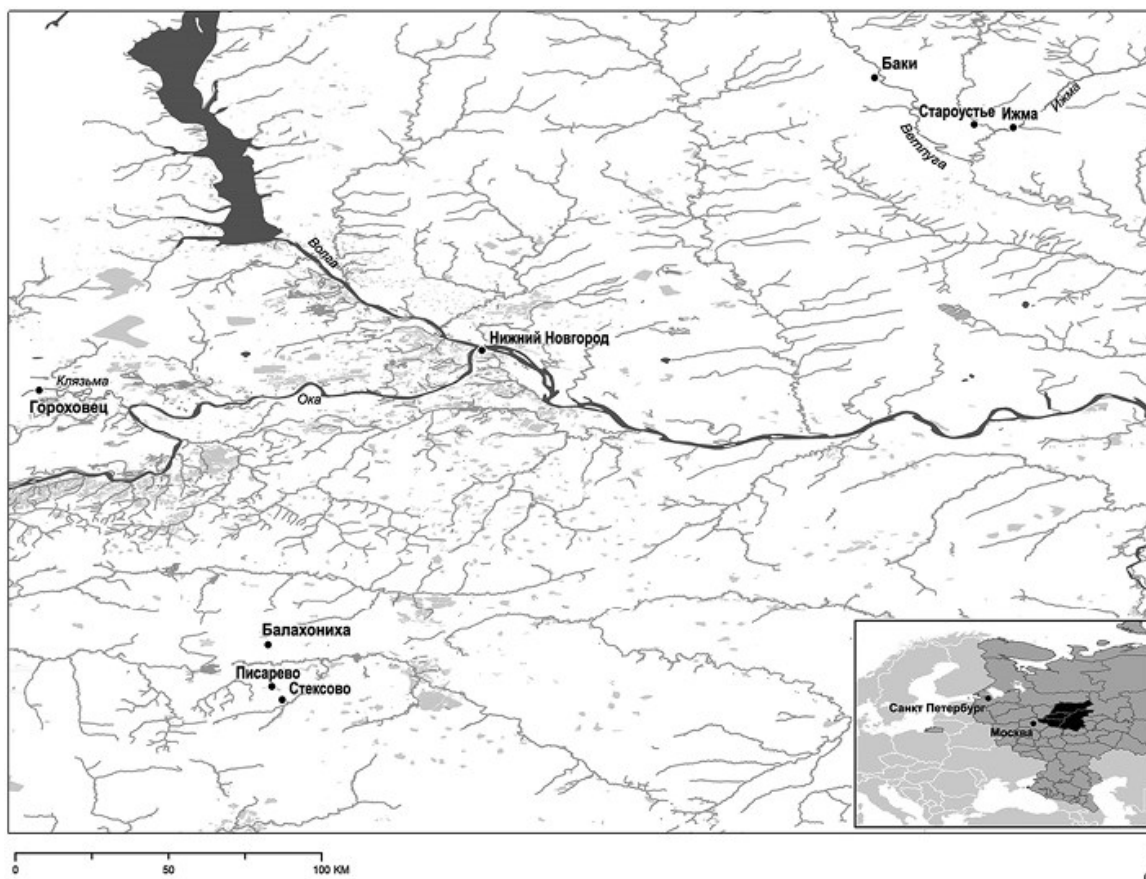
Второй моей реакцией на скептицизм, с которым я столкнулся, а также на массу накопившегося у меня фактического материала было решение, что для убедительности материал должен быть представлен развернуто, а не в общих словах. Многое здесь действительно требует объяснения. История сопротивления браку среди спасовцев не укладывается в одну главу истории крестьянского брака в России, она требует и заслуживает отдельной книги.

Я добиралась до истории сопротивления спасовских женщин браку несколько окольным путем – только к главе 3. В главе 2 я говорю о том, как дворяне-крепостники столкнулись с сопротивлением браку во второй половине XVIII в., потому что данные, извлеченные из личных фондов дворян, позволяют обрисовать географическое распространение сопротивления браку. К тому же то, как господа реагировали на донесения своих крепостных мужиков, само по себе является частью нашего рассказа: брачные порядки спасовцев вызывали весьма жесткую реакцию со стороны *многих* помещиков, которые считали, что женское сопротивление браку угрожает их собственным интересам. Многие дворяне стремились выдать замуж крепостных баб, всех до одной, и часто за мужиков из своего, а не чужого поместья. Брачные порядки спасовцев, таким образом, становились частью истории крепостного права. Этот аргумент, однако, идет вразрез с широко распространенным убеждением, что дворяне стремились контролировать браки своих крепостных практически с самого начала крепостного права в XVII в. или что по крайней мере с начала XVIII столетия установление определенного порядка женитьбы крепостных считалось одной из основ хорошего хозяйствования. В главе 1 я показываю, что помещики XVII в. практически никогда не пытались устанавливать свой порядок или вмешиваться в браки крепостных и что в первой половине XVIII в. большинство дворян по-прежнему позволяли своим крепостным жениться по их собственному усмотрению. Это рассуждение, надо признаться, никак не связано с сопротивлением браку среди спасовцев, но оно является необходимым дополнением к главе 2, а также дает представление о брачных обычаях русских крестьян, от которых спасовцы так радикально отклонились.

Исследование практически заканчивается на ревизских сказках от 1850 и 1858 гг. – последних подворных переписях населения. В принципе, перепись 1897 г. проводилась приблизительно таким же образом, но от нее сохранились – за малым исключением – лишь сводные сказки, а не местные – подворные – описи. Аналогичным образом исповедные ведомости в начале 1860-х гг. встречаются уже редко, а затем и вовсе сходят на нет: разрешение советского архивного начальства в 1920-х гг. уничтожить исповедные ведомости, составленные после 1865 г., было, похоже, повсеместно воспринято как приказ¹⁷. Я не нашел сопоставимых документов, созданных позднее начала 1860-х в тех местах, которые меня особенно интересовали. Есть основания полагать, что после 1850-х гг. женское сопротивление браку среди спасовцев ослабело, возможно в значительной степени. Об этом я буду говорить в главе 5 (о Спасовом согласии) и в заключительной части.

---

¹⁷ О работе местных Разборочных комиссий // Бюллетень Центрархива РСФСР. 1927. № 4/5. С. 7.

Карта 1. Расположение исследованных в монографии селений

Глава 1

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА БРАЧНОГО РЫНКА КРЕПОСТНЫХ В РОССИИ, 1580–1750: БРАКИ КРЕПОСТНЫХ НЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНЫ

Во второй половине XVIII столетия браки крепостных в России были нераздельно связаны с моральной экономикой. Например, в 1706 г. Петр I пожаловал своего фельдмаршала Бориса Шереметева (1652–1719) дворцовым владением с центром в Вошажниково в Ростовском уезде, приблизительно в 200 километрах на север от Москвы. Будучи дворцовыми крестьянами, жители этого села платили подати, которые шли на содержание царя, его родни и правительства. В числе дополнительных сборов было выводное – 10 или 25 копеек – в случаях, когда дочери выходили замуж за мужиков, не подчинявшихся дворцовому управлению, – например, за владельческих или монастырских крестьян¹⁸. Как правило, платить приходилось семье жениха. Шереметев продолжал взимать выводное, по-видимому, примерно в том же размере, что и дворцовая администрация. В январе 1712 г. он, возможно впервые, послал в Вошажниково инструкцию вотчинному приказчику; в ней не было указаний относительно выводных денег или каких-либо других аспектов браков крепостных¹⁹. Вероятно, где-то в конце 1717 г. он объявил, однако, что

¹⁸ О десятикопеечном сборе сказано в наказе, посланном приказчику дворцового владения в Вошажниково в 1703 г., двадцатипятикопеечный упоминается в наказе по дворцовым владениям в целом от 1705 г. (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). М.: АН СССР, 1984. С. 12, 147).

¹⁹ Там же. С. 24–25.

отныне выводное будет в размере 5 рублей. Крестьяне взроптали – как против этой наценки, так и против увеличения оброка и других сборов. По поводу выводного, в частности, они утверждали, что соседские крестьяне отказываются столько платить, а у них самих нет таких денег, «и тех девок у нас сирот твоих за тем большим выводом умножилось не малое число и между собою в вотчине не изверстатса»²⁰. Крестьяне просили установить выводное на том же уровне, как у местных вотчинников. 4 мая 1718 г. Шереметев ответил, что купил вотчину кровью своей, что жалован он был ею, чтобы пользоваться по собственному усмотрению, и крепостным его должно делать, что им велят, и чтобы челобитных больше не подавали. Тем не менее он согласился уменьшить размер выводного до обычного местного уровня, каким бы он там ни был²¹.

Шереметев, конечно, как и любой другой дворянин на его месте, не до конца поверил в слова крепостных, но признал, что был неправ, устанавливая исключительно высокий – по тем временам – сбор за выход замуж не в своей вотчине (в ту эпоху в Вошажниковском районе цена в 5 рублей, вероятно, в два, а то и более раза превышала рыночную стоимость бракоспособной крепостной девки), и что он в действительности не знал, каким в этом районе мог бы быть приемлемый размер выводного. Его немедленная и полная капитуляция в этом деле говорит о том, что Шереметев понял, что переступил некую нравственную черту. Его сыновья Петр и Сергей последовали его примеру. В 1733 г. они взимали 15 копеек за выход замуж не в своей вотчине, что на тот момент являлось примерно средним по Ростовскому уезду сбором²². До 1772 г. Петр иногда брал за вывод рубль, но чаще позволял женщинам из Вошажникова выходить замуж на сторону без выводного²³.

Успешный протест крепостных свидетельствует о том, что в вопросе о браке Шереметев и его крепостные придерживались единой позиции: владелец не должен ставить финансовых препон на пути своих крепостных женщин к замужеству. Как показывает Е. П. Томсон в «Моральной экономике низших слоев английского населения в XVIII в.», подобным же единогласием между беднотой и местной политической и социальной элитой в Великобритании XVIII в. относительно того, что высокие цены на хлеб не должны лишать трудящиеся массы доступа к пропитанию, объяснялось то, что в годы продовольственного дефицита рабочему люду часто удавалось добиться от фермеров, мельников и пекарей снижения цен на зерно, муку и хлеб до привычного уровня²⁴. Вошажниковский инцидент не является единственным основанием моего утверждения, что примерно до середины XVIII в. браки крепостных крестьян имели твердые корни в моральной экономике. В начале XVIII в. поразительно схожие конфликты по поводу выводных денег возникали и в других местах и разрешались точно таким же образом, и я вернусь к этому в конце данной главы.

Я хочу, однако, с самого начала обозначить следующее: браки крепостных подчинялись принципам моральной экономики, которые продолжали действовать где-то до 1760-х гг., когда значительная часть дворянства отказалась от единой позиции по этому

²⁰ Архив села Вошажникова. М.: Типо-литография А. В. Васильева, 1903. С. 98.

²¹ Там же. С. 99.

²² РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.). Оп. 1. Д. 9159 (1733). Л. 44.

²³ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9177. Л. 7, 23; Д. 9180. Л. 4 об. – 5 об., 12–12 об., 15 об.; Д. 9205. Л. 10 об. – 11, 16–16 об., 22 об. – 23; Д. 9207. Л. 9–9 об., 28–29 об., 39–39 об., 70–70 об. Это касается только Вошажниковой вотчины.

²⁴ Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Feb. P. 76–136; также: Thompson E. P. The Moral Economy Reviewed // Customs in Common. Pontypool: Merlin Press, 1991. P. 259–351.

вопросу. Из XVII в. до нас дошли лишь намеки на ту же моральную экономику, что проявилась в капитуляции фельдмаршала Шереметева, но намеки достаточно прозрачные. Я собираюсь показать, что в период с 1580-х гг., когда российское правительство начало запрещать свободное передвижение крестьян, по 1750-е гг. помещики редко вмешивались или пытались контролировать браки своих крепостных. При этом в течение XVII и первой половины XVIII в. масштабы деспотизма и вмешательства в жизнь крепостных со стороны их владельцев последовательно росли, так почему они *не* попытались, по крайней мере, извлечь прибыль из браков своих крепостных? Почему они пренебрегали очевидной возможностью превратить номинальное выводное в некий вид продажи, как это собирался, по-видимому, сделать граф Шереметев в 1717 г.? Если бы дворян XVII в. попросили объяснить по этому поводу, они, скорее всего, сказали бы, что следуют традиции. Вряд ли многие из них когда-либо задумывались над браками крепостных. Они просто позволяли им действовать сообразно местным обычаям. Сами же крестьяне формулировали свое понимание моральной экономики брака, лишь когда обычаи нарушались. Я привожу здесь концепцию моральной экономики, чтобы подчеркнуть, что долгое время русские помещики признавали право крепостных на заключение браков по собственному усмотрению и тот вред, который мог быть нанесен попытками регламентировать браки крепостных или нажиться на них.

«Экономика» в данном случае не метафора. Брак у русских крестьян в XVIII в. – так же как и до и после – был сопряжен с рядом экономических операций. Семья жениха платила выкуп за невесту. Семьи жениха и невесты сговаривались, сколько во время свадебных торжеств будет потрачено на еду, водку и подарки. Нужно было купить у архиерея венечное знамя и заплатить священнику за совершение обряда венчания. Вплоть до начала первой половины XVIII в. вступление в брак в большинстве случаев предполагало небольшое денежное или съестное подношение тому, кто управлял деревней – помещику ли, его приказчику, посельскому старцу в монастырских деревнях либо местному чиновнику, заведовавшему черносошными крестьянами. Дополнительный взнос, уплачиваемый в случаях, когда невеста переходила из одной юрисдикции в другую, обычно составлял лишь малую часть свадебных расходов. Крепостные Шереметева оспаривали не выводные деньги как таковые, а только внезапное – возможно, 20-кратное – увеличение с 25 копеек до 5 рублей. Как и британский рабочий люд XVIII в., они просили лишь о снижении таксы до привычного им уровня.

МОБИЛЬНОСТЬ КРЕПОСТНЫХ ЖЕНЩИН ПРИ ВЫХОДЕ ЗАМУЖ

Если оставить в стороне набор правил, установленных православной церковью, до второй половины XVIII в. браки крепостных в России облагались сборами, но практически совсем не регламентировались. По общепринятому толкованию с окончательным установлением крепостного права в 1649 г. крестьяне, жившие в дворянских имениях, крепостные, потеряли право сдвигаться с них на другие места. На самом же деле право перехода потеряли только крепостные мужики, в то время как женщины могли переселяться при выходе замуж. Согласно статье 19 в главе 11 Соборного уложения от 1649 г., «а будет» вотчинник или помещик «или чьи приказчики или старосты крестьянских дочерей или вдов учнут отпускати итти замуж за чьих людей или за крестьян», женщинам этим давались отпускные за подписью их владельцев или духовных отцов. Эти документы нужно было хранить на случай возникновения спора о том, кто является действительным владельцем женщины. Согласованное выводное должно было быть уплачено, и сумма его записывалась в отпускной документ²⁵. Эта статья не только обеспечивала женщинам мобильность, коей

²⁵ Hellie R., ed. and transl. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part 1. Irvine, CA: C. Schlacks, 1988. Jr. P. 89. Русский и английский тексты на смежных страницах.

мужчины были лишены, но и шла, в принципе, вразрез с рядом положений Уложения, направленных на предотвращение убыли населения из жалованных поместий, – как, например, запрет отпускать на волю крепостных (мужского пола) из этих поместий²⁶. В Уложении 1649 г. свобода передвижения женщин посредством замужества принималась как данность и давалось добро на этот установленный порядок.

Конечно, крепостное право не возникло, а было лишь закреплено законом в 1649 г. Начиная с 1582 г. цари издавали указы о «заповедных летах», когда крестьяне – сначала временно, а с 1603 г. уже постоянно – теряли право сдвигаться с дворянского имения, в котором они жили. В течение всех этих лет женщины выходили замуж наперекор границам собственности. Их переход облагался налогом – владельцы взымали выводное, но неважно, заповедный был год или нет, – женщины все равно уходили.

Выводное как таковое существовало еще до крепостного права: этот сбор взымался великими и более мелкими князьями, начиная по крайней мере с середины XV в., и иногда упоминается в тарханных грамотах, освобождавших жителей имений от различных повинностей. Самая ранняя из сохранившихся тарханных грамот, где упоминается выводное, об освобождении от этого и других сборов, выданная князем Ярославским Юрием Васильевичем Новинскому монастырю, относится к 1464 г.; это выводное было в ходу, по-видимому, в течение некоторого времени до того²⁷. Как и следовало ожидать, большинство сохранившихся тарханов были выданы монастырям и другим церковным владениям, но в некоторых случаях такие грамоты выдавались собственникам-мирянам. В 1487 г., например, Иван III освободил половину села Глядящего (и обширные земли? и озера вокруг) в Муромском уезде от этой и других мелких повинностей, когда передавал его в наследственное владение Ивашке Глядящему²⁸.

Хотя в грамотах об этом обычно не упоминалось, получатели ее в большинстве случаев, по-видимому, продолжали взымать выводное, но уже в свою пользу. Когда в 1564 г. Иван IV пожаловал митрополиту Афанасию Ржевскую десятину, он непосредственно передал Афанасию право взымать вывод²⁹. В 1590 г., передавая патриаршие угодья Новинскому монастырю, патриарх Иов оговорил, что вывод, который ранее уплачивался патриарху, будет отныне платиться игумену монастыря³⁰. Поскольку великий князь, по всей вероятности, дал патриарху (или до него митрополиту) и землю, и тарханную грамоту, право взымать вывод передано Новинскому монастырю через вторые руки. В целом, когда в XV в. царь начал давать землю за службу, владельцу имения отходило право «собирать зерно и доход» – в том числе, видимо, выводные деньги как часть «мелкого дохода», иногда

---

²⁶ Ibid. P. 101.

²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: АН СССР, 1951. Ч. 1. С. 68. В 1471 г. князь Юрий таким же образом освободил земли, принадлежавшие Свято-Троицкой Сергиевой лавре (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: АН СССР, 1952. Т. 1. С. 292). Это первые найденные мной ссылки на *выводную куницу*. Есть более ранние упоминания *новоженой куницы*, которая была, вероятно, другим налогом – и меньшего размера – на все браки в государстве, который впоследствии – или также – назывался *убрусом*. Возможно, термин «новоженная куница» иногда включал в себя дополнительную пошлину, взымавшуюся за переход «за рубеж».

²⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: АН СССР, 1964. Т. 3. С. 146–147.

²⁹ Это указано в подтвердительной грамоте патриарху Филарету на владение землей и на право собирать вывод (Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: АН СССР, 1961. Ч. 3. С. 98–99).

³⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. С. 45. Есть и другие подобные дарственные патриарха.

указывавшегося в тексте пожалования, – которое раньше принадлежало царю, его местному правителю или бывшему владельцу конфискованного имения³¹. К XVII в. владельцы и вотчин, и жалованных поместий, а также владельцы церковных земель собирали то, что к тому времени стало частной пошлиной на вывод невест. В крупных имениях вывод обычно шел в доход приказчику.

Материалы, свидетельствующие о том, что даже во время заповедных лет женщины выходили замуж в чужие владения, вполне надежны, хотя их не так много, в то время как не осталось ни малейших свидетельств того, что женщинам не давали выйти замуж за рубеж, хотя такое наверняка иногда случалось. В 1591 г. Иосифо-Волоколамский монастырь дал наказ одному из своих приказчиков брать по 6 копеек (по контрасту с 4 копейками, взимавшимися до того) в случае, когда отец выдавал дочь замуж в чужое имение³². В 1607 г. патриарх Гермоген обязал крестьян, принадлежавших Благовещенскому монастырю, платить своему старцу 10 копеек, когда невесту отдавали за пределы монастырских владений³³. В 1619 г. царь Михаил Федорович дал патриарху Филарету подтвердительную грамоту на Ржевскую десятину, которая изначально была пожалована митрополиту Московскому в 1564 г., с четко прописанной передачей митрополиту, а ныне патриарху права собирать – среди прочих – выводную пошлину³⁴. В 1620 и 1621 гг. он наделил той же привилегией другие патриаршие владения³⁵. Приблизительно в 1620 г. царь Михаил издал указ, согласно которому те, кто жил в ямских слободах и на окружающей территории, обязаны были платить царю 3 копейки, если отдавали дочь замуж в другую юрисдикцию. В 1620–1630-х гг. архиепископ Рязанский и Покровский девичий монастырь устанавливали выводные деньги в своих владениях в размере 10–20 копеек³⁶.

Информация, подтверждающая, что собственники-миряне в первой половине XVII в. отпускали крепостных женщин для вступления в брак, скудна, но в 1631 г. Воин Карсаков приказал старосте на своем Вышеславском поместье в Суздальском уезде взимать выводное, когда женщины выходили замуж в чужие владения³⁷. В 1643 г. приказчик имения, принадлежавшего вдове Феодосии Волынской, в районе, позже ставшем частью Вологодской губернии, взял выводное в размере 2 рублей с женщины, которая затем

---

³¹ Архивный материал: новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М.: Университетская тип., 1905. С. 124–128 и в других местах. См. также: Се аз пожаловал есми... в поместье. Жалованная грамота Ивана III 1482 года // Исторический архив. 1993. № 5. С. 187–189; Корбин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. С. 107; Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 27–28.

³² Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М.: АН СССР, 1948. С. 161–162; Щенетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века // Исторические записки. 1946. Вып. 18. С. 116.

³³ Акты феодального землевладения. М.: АН СССР, 1961. Ч. 3. С. 85–86.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Там же. С. 107, 115.

³⁶ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. С. 75; Материалы для истории Владимирской губернии. Владимир: Типолитография губернского правления, 1904. Вып. 3. С. 329; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 17 (Личный фонд Уваровых). Оп. 2. Д. 2а; Д. 302. Л. 1.

³⁷ Материалы для истории Владимирской. Вып. 3. С. 333. Текст обрывается за одну строчку до того, как Карсаков определил размер выводного.

оказалась уже замужем, и распорядился, чтобы местный священник совершил обряд венчания. Приказчик, знамо дело, потребовал непомерную сумму 2 рубля за пособление незаконному браку³⁸. В любом случае обильный материал по второй половине XVII в. не оставляет сомнений. Скудность информации о том, как помещики обходились с браками крепостных в первой половине этого века, объясняется малым количеством какой бы то ни было частной переписки того времени, дошедшей до нас. Обычай отпускать женщин из имений был настолько широко принят в начале XVII в., что в 1607 г. в указе о заповедных летах, в течение которых переход крестьян (мужского пола) из одного имения в другое запрещался, царь Василий Шуйский заявил, что свобода передвижения в брачных целях распространяется даже на холопов: если хозяин не обеспечил девке замужество до 18 лет или мужику женитьбу до 20 лет, то государев служащий должен был выдать им отпускные грамоты – так, чтобы они могли самостоятельно искать себе супругов³⁹.

Формулировка статьи 19 главы 11 в Уложении 1649 г. «а будет» помещик или вотчинник из поместья своего крестьянских дочерей отпускать идти замуж предполагает, что отпуск оставался на усмотрение владельца. Василий Семевский высказал мнение, что официальное требование к владельцам выдавать отпускную грамоту должно было вызывать у них нежелание это делать и, таким образом, препятствовать выходу женщин замуж в чужие поместья⁴⁰. Мне, однако, встретился только один документ, подтверждающий, что, возможно, некоторые из владельцев все-таки упорствовали в нежелании отпускать крепостных женщин: где-то во второй половине XVII в. Воскресенский монастырь в Череповце запретил вдовам и девкам в его поместьях в Белозерском уезде выходить замуж за тех, кто не проживает в деревне, принадлежащей монастырю⁴¹. Алексей Новосельский утверждает, что Андрей Безобразов (1621–1690; был казнен за то, что прибег к помощи колдунов, дабы расположить к себе молодого Петра I) энергично вмешивался в браки своих крепостных и тем самым мостил дорогу к полному контролю над браками со стороны помещиков в XVIII в.⁴² Как и Семевский, Новосельский принимает это за аксиому, неверно истолковывая фактическую информацию. Один из приказчиков Безобразова действительно докладывал, что какие-то крепостные женщины вышли замуж в чужое владение, не испросив, как положено, разрешения у Безобразова, но в переписке не содержится никаких сведений о том, что Безобразов когда-либо отказывал в разрешении (он, возможно, всего лишь хотел проследить, чтобы были выданы необходимые отпускные грамоты), зато достаточно доказательств того, что его крепостные девки выходили замуж на сторону

³⁸ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Изд-во П. И. Щукина, 1898. Ч. 3. С. 79. Крестьянин отрицал, что ему было известно о бигах жены, но, вполне возможно, говорил неправду.

³⁹ Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. М.: Изд-во Н. Н. Ключкова, 1910. С. 49. В указе 1607 г. не говорится, что крепостная женщина имела право выйти замуж в другое имение, потому, вероятно, все это уже и так знали. К сожалению, на текст указа нельзя полагаться, поскольку он был частично подделан Василием Татищевым на основе более поздних документов XVII в. Тщательный анализ был проведен В. А. Аракчеевым (Соборное уложение 9 марта 1607 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 98–114). Он делает вывод, что это положение присутствовало в сохранившемся фрагменте оригинала, так как его не было в позднейших законах и указах, из которых Татищев заимствовал.

⁴⁰ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. Т. 2. 2-е изд. С. 302.

⁴¹ ГИМ ОПИ. Ф. 229 (Материалы к истории землевладения, крестьян и дворян). Оп. 1. Д. 46. Л. 12–12 об. Документ без даты, но написан, согласно приписке архивиста, почерком второй половины XVII в.

⁴² Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 73, 78 и в прочих местах.

безвозбранно. Безобразов на самом деле отзывался на жалобы крепостных о том, что они так бедны и никто не принимает сватовства их сыновей, отдавая распоряжение приказчикам найти несчастным юношам невест и прибегая при необходимости к нажиму (что иногда не приносило результата). С позиции жениха, по крайней мере, Безобразов оказывал таким образом матримониальную услугу⁴³.

Все остальные данные свидетельствуют в пользу того, что практически повсеместно владельцы позволяли своим крепостным женщинам выходить замуж через границы поместий. Монастыри Свято-Пафнутьев Боровский, Спасо-Прилутский, Кирилло-Белозерский, Свято-Троицкая Сергиева лавра и Нижегородская епархия, например, во второй половине XVII в. позволяли браки с переходом в чужие имения⁴⁴. Тысячи отпускных грамот, сохранившихся со второй половины XVII в., делают очевидным, что границы владений не были границами матримониального рынка. И хотя Уложение 1649 г., судя по всему, касалось только выхода замуж крепостных девок за крепостных мужиков (холопов) – в каковом случае их свобода была мимолетной и обрывалась, как только они шли под венец, попадая таким образом обратно в крепостную зависимость, – на самом деле крепостные крестьянки иногда выходили замуж за некрепостных крестьян или за мещан, приобретая после свадьбы правовой статус мужа.

подавляющее большинство уцелевших отпускных документов XVII в. не отвечают требованию Уложения 1649 г. об указании размера выводного. В некоторых выводное вообще не упоминается, что может означать, что, когда девушка покидала поместье, денег за это действительно не брали; в некоторых отпускных грамотах прямо указывается, что девушку отпустили безвыводно⁴⁵. В некоторых сказано, что выводное было взято «по договору», в других, что «по указу [хозяина]», а в некоторых, что выводное «уплачено все сполна». По указанным в отпускных бумагах пошлинам получается, что в середине века уровень выводных был низким, медленно поднимался к началу 1680-х, затем, в конце 1680-х и 1690-х, вырос на порядок или больше, но не во всех владениях.

В середине XVII в. выводные были в основном по 10–20 копеек. Управляющие дворцовыми владениями начиная с 1647 г. взимали за вывод невесты по 10 копеек⁴⁶. В 1650-х гг. в отпускных грамотах, представлявшихся в Суздальский Рождественский собор девушками из дворянских, монастырских, патриарших и дворцовых имений, вписаны пошлины в пределах от 12,5 до 20 копеек; крепостной, написавший отпускную собственной дочери, взял с крепостного из Суздальской епархии 25 копеек⁴⁷. Примерно в то же самое

⁴³ Переписка Безобразова о браках крепостных: РГАДА. Ф. 1257 (Безобразовы). Оп. 1. Д. 1. Л. 401 – 403 об.; Д. 3. Л. 271–271 об.; Д. 4. Л. 317, 403–403 об., 463–464 об.; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 29 (Беляев). Д. 135. Л. 92–93. Три из этих документов опубликованы в: Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники исторической мысли, 2012. Ч. 1. С. 442, 658–661. См. дополнительные доклады, посланные приказчиками Безобразову, о выводных или о девушках, отпущенных замуж из его имений (Там же. С. 441, 458, 500, 638, 646).

⁴⁴ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 258, 300–301; РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2; Щенетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века // Исторические записки. 1946. Вып. 18. С. 116; ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 552, 1726. Д. 42. Л. 11.

⁴⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Коллекция. Ед. хр. 13. Д. 1363. Л. 2, 5 (Л. 1, 5. Муромский посад; касается мещанок, выходивших замуж в крепостные деревни); Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М.: Синодальная типография, 1917. Вып. 4. Кострома «со товарищи» и Переславль-Залесский. С. 415–416.

⁴⁶ Гневушев А. М. Новгородский дворцовый приказ в XVII веке (краткий очерк деятельности приказа и документы). М.: Русская печатная, 1911. С. 9–10.

⁴⁷ Описание актов собрания Графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым под редакцией профессора М. В. Довнар-Запольского. М., 1905. С. 129, 131–132.

время Борис Морозов – самая влиятельная фигура при дворе царя Алексея – взимал выводное в размере 13 копеек или столько, сколько брали в соседних имениях, если его собственным крепостным приходилось платить больше⁴⁸. В 1650-х более мелкие дворяне, монастыри и Успенский собор в Кремле взыскивали по 7–25 копеек за отпуск крепостных невест в замужество⁴⁹. В 1658 г. архимандрит Печерского монастыря в Нижнем Новгороде распорядился собирать по 10 копеек за девицу, по 20 за вдову или столько, сколько взимали соседи, если монастырским крепостным женихам приходилось платить им больше⁵⁰.

С 1660-х по конец 1680-х гг. выводные увеличились совсем ненамного. В 1660-х государственный служащий взыскал 25 копеек (по его расчетам, по-видимому, это соответствовало обычной местной таксе) за вывод девушки из конфискованного поместья в Казанском уезде, в то же время два помещика из Белозерского уезда взимали по 1–2 рубля соответственно (это были крайние случаи)⁵¹. В 1670–1690-х гг. монастыри в Переславль-Залесском, Суздале и Владимире выдавали и получали отпускные грамоты с проставленными выводными в 13–40 копеек⁵².

В конце 1680-х и в 1690-х гг. ряд владельцев повысили таксу довольно сильно и, по всей видимости, внезапно. В 1681 г., например, Саввино-Сторожевский монастырь дал распоряжение приписному Спасо-Зарецкому монастырю взимать выводные, равные выводным в соседних имениях, так что мы можем считать, что в том году монахи Спасо-Зарецкого монастыря следовали в своих владениях обычаям края⁵³. Затем, в 1689 г., Саввино-Сторожевский монастырь распорядился, чтобы его приписной Пурдышевский монастырь брал за женщин, выходящих замуж в чужие деревни, вывод в размере 2 рублей 20 копеек, что безусловно означает, что Саввино-Сторожевский монастырь установил у себя такую же таксу⁵⁴. В 1691 г. Иван Семенов из Ржевского уезда взял 5 рублей выводного за вдову, вышедшую замуж за крепостного, приписанного к Иосифо-Волоколамскому монастырю; вдова забрала с собой трех незамужних дочерей, и Семенов должен был

⁴⁸ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.: АН СССР, 1940. Ч. 1. С. 152; *Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век) // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 22–23; *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л.: Наука, 1967. С. 71.

⁴⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1а, 2а, 3, 136, 152, 296с, 428; *Дмитриева З. В.* Уставные грамоты Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 266–267.

⁵⁰ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. С. 98.

⁵¹ *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии» // Тексты и обзор белозерских актов (1395–1758 гг.). М.: ИОИДР, 1900. Вып. 2. С. 30 (Белозерск); Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: Археографическая комиссия, 1864. Т. 2. Стб. 582 (конфискованное поместье); ГИМ ОПИ. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 46 (Документы Смоляниновых). Л. 19 (Белозерск).

⁵² *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 2. С. 238; Там же. Вып. 4. С. 415; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. С. 281–282; ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1; Д. 102; Оп. 2а. Д. 251, 252; Оп. 4. Д. 550.

⁵³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. Т. 5: 1676–1700. С. 96.

⁵⁴ Там же. С. 333.

получить по 3 рубля за каждую, когда они в свою очередь пойдут под венец⁵⁵. С другой стороны, Нижегородская епархия в 1690-х собирала всего по 15 копеек с женщин, выходявших замуж за пределы епархиальных имений⁵⁶. Отдельные выводные доходили до 2 рублей в 1690 г. в Кашинском уезде, 5 рублей в 1690 г. в Старицком уезде, 6 рублей в 1693 г. в окрестностях Москвы, 30 копеек в 1695 г. в Суздальском уезде, 2 рублей в 1696 г. в Курмишском уезде⁵⁷. Монастыри чаще всего вносили от 20 до 50 копеек⁵⁸. Нет оснований считать, что большинство владельцев брали больше 2 рублей, когда крепостные женщины уходили из их имений в замужество, поскольку (как я поясню дальше) 2 рубля были исключением даже в начале XVIII в. Тем не менее мы можем сказать, что в 1690-х гг. некоторые владельцы крепостных начинали рассматривать выводные деньги не как взимаемую на общепринятых основаниях относительно мелкую пошлину, а как продажу собственности.

Этот новый подход к выводным складывался одновременно с возникновением рынка купли-продажи крепостных. За некоторыми исключениями, возможно, купля-продажа отдельных крепостных (то есть отдельно от земли) началась только во второй половине XVII в. и совершалась на первых порах околичными путями: бывшему владельцу платились деньги за беглых крепостных, живущих теперь в имении нового хозяина, или же крепостного отдавали в заклад под невозвращавшийся долг. Лишь с 1675 г. стало возможно записывать купчие на отдельных крепостных (без земли). И только в 1688 г. вышел указ «учинить» в Поместном приказе специальные Записные книги крепостей на крестьян. Именно с этого момента продажи всякого рода стали, похоже, стремительно расширяться. Единственным доступным нам статистическим показателем, по всей видимости, может считаться число «околичных продаж», зарегистрированных в Новгороде: 4 в 1667–1676 гг., 7 в 1677–1686 гг., 124 в 1687–1699 гг.⁵⁹ Установить, какой могла быть общепринятая ставка за крепостную девку брачного возраста, не представляется возможным, поскольку большинство крепостных продавались семейными группами. Однако во время одной из сделок 1689 г. девушку в брачном возрасте продали за 10 рублей. Это была внушительная сумма, гораздо выше 2–4 рублей, которые платились за незамужнюю крепостную в 1730–1740-х гг. Почти все известные нам цены за группы крепостных в конце XVII в. были выше цен за подобные группы в первой половине XVIII в.⁶⁰ Возможно, это типично для становления рынка новых товаров, в данном случае крепостных без земли – сначала цены высокие, а затем, по мере

---

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский монастырь). Оп. 1. Д. 1148.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 552, 1726. Д. 42. Л. 51. Эта информация о размерах выводных в прошлом представлена в форме пояснительной записки, составленной в 1725 г. в подготовку к составлению новых инструкций для приказчиков.

⁵⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданы Археографической комиссией. СПб.: Археографическая комиссия, 1864. Т. 2. Стб. 650–652 (примеры из 1690, 1693 и 1696 гг.); ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Коллекция. Ед. хр. 4. Д. 563 (1695).

⁵⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1, 115, 119, 36, 461, 465, 473.

⁵⁹ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 193–217. Вполне, как представляется, обоснованное утверждение, что Борис Морозов покупал крепостных без земли еще до 1650 г., находим у Петрикеева: Крупное крепостное хозяйство. С. 156–157. Ссылки на «купленных крестьян» встречаются иногда в переписке Андрея Безобразова: Архив стольника. С. 230–231 (1671), 650 (1681).

⁶⁰ Маньков А. Г. Развитие. С. 210–211; Борисов В. Помещичье хозяйство. Цена людей в конце XVII века // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1898. Кн. 4. Смесь. С. 22–24.

расширения объемов продаж, продавцы и покупатели выходят на цену, обеспечивающую равновесие спроса и предложения. Резкий скачок в размере выводного в 1690-х гг. был почти несомненно отражением высоких цен, назначавшихся за крепостных без земли, когда они впервые стали появляться на рынке в более или менее значительном количестве.

Шаблон «отпускной бумажки» – имя-фамилия женщины и ее мужа, сумма выводного (если указана), владелец отпускающий и владелец принимающий невесту – не раскрывает нам человеческой драмы, которая наверняка в некоторых случаях предшествовала ее написанию, но иногда дает кое-какие намеки. Отпускное письмо от 1691 г., оформившее согласие ржевского помещика отпустить вдову по уплате 5 рублей с оговоркой, что он в будущем получит по 3 рубля за каждую из трех ее дочерей, когда они будут выходить замуж, говорит нам не только о скачке в размере выводного в 1690-х. Чем это вдова и дочери так привлекли крепостного крестьянина Волоколамского монастыря, что он готов был заплатить подобную цену, и откуда у него взялись деньги? А как насчет крепостного крестьянина-отца, который сам оформил отпускное письмо дочери и забрал себе плату? Надул ли он таким образом своего владельца, и не могло ли это быть обычным делом в местностях, где крепостные жили в маленьких деревнях вдали от глаз хозяина? Мошенничество приказчиков должно было быть весьма распространено, как показывает эпизод с крепостными Андрея Безобразова. 9 марта 1670 г. приказчик с. Ивашково Владимирской губернии отписал Безобразову, что, мол, собрал по 50 копеек выводного за каждую из трех девок, отпущенных в замужество. 13 марта крепостные того же села послали челобитную с нижайшей просьбой избавить их от многих лишений, жалуюсь, что приказчик на самом деле взыскал по 60 копеек за каждую отпущенную девушку, а трех других отпустил, поимев по 2 рубля с четвертью с каждой, доложив при этом Безобразову, что не получил с них никаких выводных, так как они, мол, поменяны были на привозных невест. Еще ивашковские плакались, что приходится платить по 1 рублю 20 копеек и более за вывод девок из соседних деревень, а в следующем предложении просили снизить гужевые повинности⁶¹. Крепостные явно пытались выжать какую-нибудь выгоду для себя из разницы в местных ставках за вывод невест и доноса о приказчиковых злоупотреблениях.

Челобитные, поданные Безобразову (по случайному совпадению в марте 1670 г.) из деревни Суздальской губернии, свидетельствуют о том, что крестьянская община могла чинить препятствия браку с не меньшим, по крайней мере, успехом, чем какой-нибудь помещик того времени. Артем Семенов жалуется, что соседи отказываются отдавать своих дочерей замуж за его сына Фролку, потому что, по их мнению, Артем с женой до смерти забили Фролкину первую женку. Артем клянется, что это враки. Безобразов получает отдельное сообщение от местных крепостных крестьян, что Фролка жену свою колотил. Фролка в своей челобитной плачется, что ни одна семья в деревне не хочет выдать дочь за него и из соседних деревень не отдают: требуют выкупа в 5 рублей, а то и более, а ему платить не по силам. Это была, по-видимому, учтивая форма отказа жениху⁶².

Если очевидно, что пятирублевый выкуп являлся непреодолимым препятствием для брака в округе Фролкиной деревни, то с какого уровня выводное становилось серьезной помехой для ищущего себе невесту крестьянина? Типичный заработок крестьянского труда вне деревни в среднем равнялся 3 копейкам в день, каменщикам платили около 8 копеек за день. Сложить обычного типа печку могло обойтись крестьянину примерно в 1 рубль 70 копеек; ведро водки, выставлявшееся семьей жениха на свадьбу, стоило 55 копеек⁶³. В

⁶¹ Архив стольника. С. 441–442.

⁶² РГАДА. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 3. Л. 402–403 об.

⁶³ *Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 419, 450–451, 139, 105.

конце XVII в. выводное в размере 50 копеек могло, вероятно, позволить себе большинство крестьянских дворов. Два или более рублей за вывод отнимали, наверное, надежду у многих потенциальных женихов, но сохранившиеся отпускные бумаги, где указан размер платы такого порядка, свидетельствуют о том, что были крестьяне, способные столько заплатить. Обычные выводные в начале XVIII в. зачастую были ниже 50 копеек, но поднимались и до 1, а в некоторых районах до 2 рублей⁶⁴. Обычное для XVII в. выводное не могло помешать большинству крепостных подыскать себе невесту или не крепостным жениться на крепостной.

Так или иначе, кладка, которую отец жениха должен был выложить отцу невесты, влияла на выбор жен, скорее всего, больше, чем выводное. Сведения о том, сколько крестьяне XVII в. запрашивали друг с друга за выдачу дочерей замуж, достались нам единственно от группы владений, принадлежавших солотчинскому монастырю в Рязанском уезде, и относятся к концу 1680-х и 1690-м гг. В тот период отцы женихов из Солотчинских поместий платили кладку в 3–4 рубля; в одном случае отец потребовал за свою дочь 6 рублей, в другом – снизил плату до двух, потому, вероятно, что зять не забирал дочку, а шел жить в их двор⁶⁵. Стремление самих крестьян получить солидную цену за дочерей действительно являлось, как жаловались Солотчинские крепостные в челобитных архимандриту, камнем преткновения в приобретении невесты⁶⁶. В то время как до 1696 г. выводное Солотчинские крепостные платили сравнительно скромное – 25 копеек. В ноябре 1696 г. монастырь попытался поднять ставку, по крайней мере в одном из владений, до 3 рублей. Крепостные воспротивились, и ставка была понижена до 2 рублей или же «по рассмотрению» старца, отвечавшего за деревню. Когда в 1708 г. девушка вышла замуж в другую деревню, монастырь взыскал всего лишь 1 рубль выводного⁶⁷. То есть монастырь в 1696 г. сделал попытку собирать за вывод столько же, сколько крестьяне брали за своих дочерей. Как и Шереметев, монахи в результате пошли на попятную.

Необходимо признать, что дворяне XVII в. позволяли крепостным женщинам уходить в замужество потому, что им была ясна двусторонняя природа движения невест: их девки покидают имение, но их мужики приводят к ним своих невест, и так будет продолжаться при условии, что соседские помещики следуют тому же обычаю. Крестьяне сами понимали, что брак предполагает многосторонний обмен дочерьми, как солотчинские крепостные толковали это в челобитных архимандриту. 12 из 18 отцов, просивших его содействия в приобретении жен для сыновей в свадебный сезон с сентября 1693 по февраль 1694 г., напомнили ему, что они отдали своих дочерей по его указу и ожидали, соответственно, компенсации такого же рода. Типичной была челобитная Васьки Климентева от 1694 г. В октябре мне приказали выдать дочь за сына Леонтия Подшивалова, мой сын Тимошка достиг совершеннолетия, моя жена немощна, у Захара Афанасева есть дочь брачного возраста, пожалуйста, прикажи ему выдать ее, чтобы мой дом не погиб, писал он⁶⁸. То, что в

⁶⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1а; Д. 148; Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 79; РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв.). Оп. 1. Д. 8526 (Пошехонье, 1704–1710); Д. 8529 (Пошехонье, 1714). Рязанский уезд, о котором позже пойдет речь, был одним из первых, где двухрублевое выводное стало нормой.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1202 (Солотчинский Рождественский мужской монастырь). Оп. 1. Д. 265, 324, 451, 502; *Доброклонский А. П.* Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1881. № 1. С. 72.

⁶⁶ Полное исследование брака среди солотчинских крепостных в 1690-х гг. можно найти в работе: *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2006. № 2. С. 81–98.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1202 (Солотчинский монастырь). Оп. 1. Д. 499, 502.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 324. Л. 29. Остальные челобитные см.: Там же: Л. 4, 5, 8, 13, 14, 18, 19, 25, 26,

представлении крестьян могло быть обменом между дворами в одном и том же имении, дворяне XVII в. понимали, по всей видимости, как обмен среди многих имений.

ПОНЯТИЯ КРЕПОСТНЫХ О МОРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ БРАКА ОДЕРЖИВАЮТ ВЕРХ, 1700–1750-Е

В течение XVIII столетия дворяне вводили в управление поместьями все больше детально прописанных правил. Существует некий историографический консенсус, что, мол, с начала этого века помещики насильно вмешивались в браки своих крепостных и, в частности, запрещали крепостным крестьянкам выходить замуж на сторону, а также принуждали всех своих крепостных жениться, причем в раннем возрасте⁶⁹. Материалы по первой половине XVIII в. показывают, однако, что в отношении браков крепостных большинство дворян сохраняли нейтралитет. Дошедшие до нас инструкции о вотчинном управлении – явно случайная выборка из общего числа – составлены в основном знатными вельможами того времени и, вероятно, отражают образ мышления этого класса. До 1750 г. они уделяли мало внимания бракам крепостных. Сохранилось немного источников со сведениями о более мелких вотчинниках, составлявших значительное большинство дворянства. По всей вероятности, мало кто из них давал себе труд разрабатывать свод правил управления, но представление об их подходе к делу можно получить из других источников.

Действительно, как минимум у двух вельмож указы приказчикам содержали правило, запрещавшее девицам и вдовам выходить замуж за пределами своего имения. В 1718 г. фаворит Петра I Дмитрий Алексеевич Шепелев (1681–1759) послал инструкции в свое село Глинки Михайловского уезда и – с небольшими отличиями – в свои вотчины в Угличском, Луховском и Рязском уездах (все они, по всей видимости, были недавно получены женой Шепелева от жены Петра I Екатерины в качестве приданого), требовавшие не пускать женщин замуж за пределы вотчины и, когда крепостные вступали в брак, взимать по 50 копеек с жениха и невесты⁷⁰. Князь Алексей Михайлович Черкасский (1680–1742) составил инструкции по управлению своего села Маркова около Москвы в январе 1719 г., возможно в предвидении назначения в мае на должность губернатора Сибири. Он также запретил вневотчинные браки и в придачу наложил запрет на браки с пришлыми

27, 28. Я разбираю обычай, бывший в ходу у крестьян в солотчинских поместьях и требовавший, чтобы архимандрит приказал им выдать дочь замуж: *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. Вкратце, это позволяло им избежать бесчестного, по их разумению, поступка – добровольной выдачи дочерей.

⁶⁹ Достаточно привести мнения только самых серьезных историков: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 302–324 и в разных местах; *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. С. 303–309; *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. С. 152–153; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 3-е изд. С. 167–168. Исключением из этого консенсуса является: *Moore D.* The Russian Peasantry 1699–1930. The World the Peasants Made. London: Longman, 1999. P. 168. Остальные приняли сведения из второй половины XVIII в. как отражающие ситуацию в этом веке в целом. По вотчинным инструкциям в целом: *Александров В. А.* Сельская община. С. 47–116; *Тихонов Ю. А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб.: Летний сад, 2005. С. 337–413; *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 132–148.

⁷⁰ *Петровская И. Ф.* Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII века // Исторический архив. М.: АН СССР, 1953. Т. 8. С. 224, 234–235; Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. Т. 23. С. 96–97. 50-копеечный сбор был отголоском *убруса*, собиравшегося в пользу князя с каждой свадьбы и – так же, как *выводная куница* – позже приватизированного.

работниками⁷¹. Ни Шепелев, ни Черкасский не объясняют причины этих запретов, но мы можем предположить, что они считали выход женщины замуж на сторону потерей собственности. В 1742 г. Василий Татищев (1686–1750; в то время губернатор Астрахани, более известный как историк и фальсификатор исторических источников) в своих неопубликованных записках рекомендовал не позволять девицам и вдовам уходить из вотчины в замужество, потому что, унося с собой приданое, они обедняют имение⁷².

Артемий Волынский (1689–1740; казненный по обвинению в заговоре против императрицы Анны), напротив, не запрещал своим крепостным крестьянкам выходить замуж на сторону, но был, возможно, первым, кто установил требование, чтобы крепостные женились к определенному возрасту. В 1724 г. – возможно, в связи с назначением в 1723 г. казанским губернатором – он составил длинный список инструкций своему дворецкому Ивану Немчинову. Помимо прочего, он приказал Немчинову принять меры к тому, чтобы мужики к 20 годам женились, так как Волынский полагал, что они тянут с женитьбой, дабы избежать причисления к тяглу. Он приказал также, чтобы они тягло тянули с 20 лет, даже если не женаты; женитьба к 20 годам не была жестким требованием. В то же время Волынский распорядился об оказании вспомоществования бедным сиротам для выхода замуж: если денег было немного, им полагалось выдавать по 1–2 рубля, если денег было больше – по 5 рублей, но получить это пособие они могли, только если выходили замуж в своей вотчине, а не на сторону. Девок безродных было приказано приставлять к работе на барском дворе и, как «приспеют», выдавать замуж за своих крестьян. А если у себя не будет женихов, то выдавать их замуж в чужие деревни, но при этом жених должен уплатить вывод (сумма не оговаривалась)⁷³.

Шепелев, Черкасский и Волынский не были, конечно, единственными вотчинниками, которые в первой половине XVIII в. делали попытки контролировать, где и в каком возрасте вступают в брак их крепостные⁷⁴. Среди сохранившихся списков вотчинных правил было, однако, больше таких – составленных, между прочим, не менее именитыми дворянами (Строгановыми, Шереметевыми, Салтыковыми, Головкиными, Патриархатом, Кирилло-Белозерским монастырем), – где требования не заходили дальше взимания выводных или приказа, чтобы у женщин, приходящих в имение в замужество, и у крепостных крестьянок, уходящих из имения⁷⁵. Бутурлины давали приказчикам,

⁷¹ Петровская И. Ф. Наказы. С. 250–253; Русский биографический словарь. СПб.: Тип. А. Н. Скороходова, 1905. Т. 22. С. 183–194.

⁷² «Краткие экономические до деревни следующие записки» в: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 409.

⁷³ Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и Регула о лошадях. СПб., 1881. С. 14, 16–19; Anisimov E. Five Empresses. Westport: Praeger, 2004. С. 78, 100, 121–123.

⁷⁴ Петр Бестужев-Рюмин установил также в 1730-х гг. возраст, к которому его крепостные крестьянки в Пошехонском уезде Новгородской губернии должны были выйти замуж, но его аргументация была весьма эксцентрична (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. С. 201. Гл. 2). В своем указе от 1724 г., запрещавшем родителям принуждать невест и женихов вступать в брак, Петр I вскользь упоминает, что владельцы не должны насильно женить или выдавать замуж своих холопов (Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 197–198). В 1723 г. Петр отменил холопство, но указ был подготовлен в 1722 г. Вероятно, Петр имел в виду применять указ именно и только к холопам. В указе ничего не сказано о крепостных; скорее всего, Петр полагал, что владельцы крепостных душ и так не принуждают их к браку.

⁷⁵ Андреев А. И. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. // Исторический архив. М.: АН СССР, 1953. Т. 8. С. 271 (Андрей Виниус, 1709); Устюгов Н. В. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVII в. // Исторический архив. М.: АН СССР, 1949. Т. 4. С. 160–161 (Строгановы, 1725); Щенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметева. М.: Дворец-музей, 1947 (Анна Шереметева, 1727). С. 267; Рязановский Ф. А. Крестьяне Галичской вотчины Мешериновых в XVII – первой половине XVIII века. Галич, 1927. С. 39–40

управлявшим их палехской вотчиной (позднее ставшей частью Владимирской губернии), указания лишь самого общего порядка. Время от времени они издавали краткие инструкции, касавшиеся брака: женщины могли выходить замуж на сторону при условии уплаты вывода, невест можно было брать со стороны, только если у них были отпускные грамоты⁷⁶. Михаил Головкин, бывший вице-канцлером во время регентства Анны Леопольдовны, составил в 1740 г. «Контракт» с крестьянами своего Кимринского поместья (в Кашинском уезде позднее ставшей Тверской губернии). После того как в 1741 г. Головкин был арестован и сослан в Сибирь, а его поместья конфискованы только что возведенной на престол императрицей Елизаветой, данный документ попал в документацию Палаты государственного имущества. Головкин позволял крестьянкам уходить из поместья в замужество безвыводно и не проявлял интереса к тому, в каком возрасте его крепостные вступали в брак. Единственная его инструкция относительно брака была о том, чтобы каждый жених в вотчине уплатил 45 копеек⁷⁷.

Духовные владельцы придерживались столь же широких взглядов. Архиепископ Питирим Нижегородский в инструкциях 1726 г. управителям владений, доходы от которых шли на содержание его епархии, сделал жест в сторону ограничения свободы передвижения женщин, но в действительности не ограничил ее. Когда к вотчинной девке сватаются и мужик со своей вотчины, и чужой, писал Питирим, она должна выйти за своего. Женщины, не имевшие местных женихов, могли выходить за чужих при условии уплаты вывода. Любой уважающий себя крестьянин сумел бы воспользоваться столь вместительной лазейкой, и трудно поверить, что Питирим этого не понимал⁷⁸. В 1720-х гг. Троице-Гледенский монастырь в Великом Устюге отдал распоряжение своим вотчинным приказчикам следить за тем, чтобы у невест, приводимых в монастырские владения из чужих имений, были отпускные грамоты, а те, кто выходил замуж в чужие деревни, платили такие же выводные, какие взимали помещики в данной округе⁷⁹.

Упоминания в инструкциях брака большинством вотчинников в первой половине XVIII в. ограничивалось наказом приказчикам брать вывод с женщин, уходящих из их владений замуж в другое, и проверять, в порядке ли отпускные бумажки (реже – собирать небольшую мзду, когда свадьба празднуется у себя). То есть большинство дворян считали само собой разумеющимся, что крепостные женщины находили мужей за пределами вотчин, в которых жили. Они не чинили помех традиционному обычаю крестьян устраивать браки через границы вотчин и не уделяли внимания возрасту, в котором их крепостные вступали в брак.

Когда им вообще приходило в голову принуждать своих крестьян к браку, вотчинники в середине XVIII в., судя по всему, налегали на мужиков и умножение тягол, как это делал

(Владимир Салтыков, 1732); РГАДА. Ф. 1441. (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2 (1735); Горчаков М. И. О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода, 988–1738 гг. СПб.: Тип. А. Траншелия, 1871. Приложение. С. 168–169 (1714).

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1365 (Бутурлины). Оп. 1. Д. 20. Л. 6 (1717), 18–19 (1719); Д. 36. Л. 3–4 (1720), 5 (1721), 8–8 об. (1721), 26–26 об. (1728).

⁷⁷ Тихонов Ю. А. Договор (Контракт) 1740 года М. Г. Головкина с выборными крестьянами об управлении ими имением в селе Кимри с деревнями // Отечественная история. 2003. № 3. С. 146–151.

⁷⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552: 1726. Д. 42. Л. 11. Святейший синод поручил Питириму издать вотчинные инструкции, и он доложил о выполнении поручения (Там же. Л. 20–21 об.). Изначального предписания Синода нет в архивной папке, возможно, Синод дал определенные наметки по составлению правил. Ни Синод, ни Питирим не могли рекомендовать непосредственного принуждения в отношении крестьян, поскольку это нарушило бы правило самой Церкви, что идущие под венец должны дать согласие на брак.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1187 (Троицкий-Гледенский монастырь). Оп. 1. Д. 2366. Л. 109–109 об.а

Артемий Волинский в 1724 г. Александр Жуков, родившийся около 1700 г. в бедной провинциальной семье (биографу не удалось установить дату его смерти), начал военную службу рядовым, но в 1730-х гг. стал адъютантом генерала Александра Румянцева, а в 1744-м (вероятно, с подачи Румянцева) воеводой Пензенской провинции. На этом посту в 1752 г. он был арестован за зверства и мздоимство. Когда Жуков женился, у него не было собственности, но жена принесла в приданое два небольших имения, и для них Жуков в 1743 г. составил управленческие «пункты». С помощью несправедливо нажитого богатства он в 1751 г. прикупил еще одно имение. Для всех трех своих владений он дословно повторил пункт в наказе от 1743 г. селу Троицкому Елецкого уезда под заголовком «О умножении тяголь». Наказ, в частности, гласил: «...а у которого крестьянина есть дети сыновья или племянника или внучат годные к женидбе таких принуждат чтоб женили и жени накладывать на мужа з женою по полутяглу а будет кто в мысле женить не станет для того чтоб не прибавили тягло то ни на что не взирая на таковых накладевать пополу тягло...»⁸⁰ Как и Артемию Волинскому, Жукову вроде бы хотелось сделать брак принудительным, но он готов был удовлетвориться обложением трудовой повинностью неженатых молодых людей. Мы не знаем, каким из двух указаний руководствовались его приказчики. Другие помещики, хотя тоже связывали наложение денежных и натуральных повинностей с браком, полагали, что все их крестьяне женятся по своей воле. Тимофей Текутьев, гвардейский офицер, также не имевший собственности, пока жена не принесла ему в приданое маленькое имение, в период между 1754 и 1757 гг. сочинил необычайно подробный свод хозяйственных правил – рукопись на 69 листах (138 страницах, если считать обе стороны листа), в котором брак затрагивается лишь один раз и тоже, как у Жукова, в связи с крепостными сборами: «от 18 покуда женитца, по три рубли» брать⁸¹. Здесь нет и намека на то, что мужчин следует принуждать к женитьбе.

Если наказания управляющим, которые владельцы рассылали по своим разбросанным имениям, считать показательными, то они свидетельствуют лишь о ходе их мыслей и о том, что только у незначительного меньшинства было намерение регламентировать браки крепостных, но не о том, что на самом деле происходило в их или других крепостных селах. С другой стороны, крепостные книги контор, в которых должны были регистрироваться, чтобы иметь законную силу, все имущественные сделки (включая отпускные грамоты), показывают, что в первой половине XVIII в. для крепостных женщин было в порядке вещей выходить замуж за пределами родного имения (по крайней мере, так было в районах к северу от р. Оки), а также что выводные были довольно скромными⁸².

В 1725 г. в Серпуховском уезде в расчете на 73 женщин, получивших вольную для выхода замуж, с учетом 16 случаев, в которых выводные вообще не взымались, средний размер вывода получается всего 1,43 рубля, а если считать только 57 случаев, где вывод платился, то 1,82 рубля. В период с мая по декабрь 1739 г. (сведения с января по апрель отсутствуют) 18 женщин уезда получили вольную для выхода замуж, заплатив за вывод в среднем по 1,42 рубля. В 1741 г. средний сбор по 22 вольным равнялся 1,73 рубля, в 1744 г. – 2,03 рубля в расчете на 30 выводов. К 1760-м гг. размер среднего сбора поднялся до

⁸⁰ РГАДА. Ф. 196 (Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1618. Л. 7–7 об., 36–36 об., 48 об. – 49; *Заозерская Е. И.* Помещик Жуков и его хозяйство // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 213–226; *Неелов Н. Н.* Следственная комиссия о злоупотреблениях Пензенской воеводы Жукова (1752–1756 гг.) // *Чтения ОИДР.* 1888. № 1. С. 1–40 (отдельная нумерация страниц).

⁸¹ *Смилянская Е. Б.* *Дворянское гнездо середины XVIII века. Тимофей Текутьев и его «Инструкции о домашних порядках».* М.: Наука, 1998. С. 58–59; весь документ: С. 32–145.

⁸² У контор были предшественники XVII в., но Петр I упорядочил систему, и с 1719 г. вошло в употребление название «крепостная контора». См.: *Капустина Г. В.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник // *Проблемы источниковедения.* М.: Наука, 1958. Вып. 7. С. 216–273.

примерно 2,5 рубля⁸³. Сбор за вывод увеличивался с 1720-х по 1760-е гг., но очень медленно.

В одной большой части Ярославской губернии в первой половине XVIII в. большинство владельцев крепостных душ не требовали никакой платы за вывод, когда их крестьянки выходили замуж в чужие имения. В четырех отпускных бумажках, поступивших в юсуповские имения Романовского уезда в начале XVIII в., выводные не отмечены, еще в одной указан сбор в размере 1,2 рубля⁸⁴. В семейном архиве Щербатовых находится папка с 35 отпускными грамотами за 1719–1762 гг., довольно равномерно распределенными по годам⁸⁵. Одна из них – копия отпускной грамоты для крепостной девки Щербатовых, отпущенной в замужество в другую вотчину, остальные попали в папку, потому что их принесли с собой крепостные женщины из других вотчин, вышедшие замуж во владения Щербатовых в смежных уездах – Ярославском, Ростовском и Романовском. Из первых восьми, датированных годами от 1719 до 1735, только в одной, от 1730 г., обозначен вывод: 1 рубль. Во многих других указана плата – 9 или 10 копеек за написание и регистрацию документа в уездных крепостных конторах. Это дает нам основание считать, что в XVIII в., по крайней мере когда в отпускных бумажках вывод не указывался, это происходило не по недосмотру, а потому, что вывод не взимался. Начиная с 1736 г. в некоторых из отпускных документов отмечается, что женщины были отпущены «без вывода» – эта пометка проставлена в 4 из 17 грамот от 1736–1750 гг. Между тем за те же самые годы в 8 отпускных не показано никаких сборов, кроме как за оформление и регистрацию самих документов. Лишь в 5 из 17 отмечен вывод: четыре раза по рублю и в одном случае два рубля. В другой отпускной бумаге – не из архива Щербатовых, а выданной в 1739 г. женщине, которая вышла замуж в имение, близкое к нескольким щербатовским деревням, – зарегистрирован вывод в 1 рубль⁸⁶.

Другими словами, вплоть до 1750 г., если с щербатовских женихов, приводивших в свои села и деревни невест со стороны, требовали вывод, то им почти никогда не приходилось платить больше 1 рубля. В большинстве случаев они и вовсе не платили выводных. Это происходило не потому, что они шли по протоптанной дорожке в одни и те же несколько мест, где невест отдавали задаром: большинство отдавших невест сел и деревень встречаются в щербатовской папке единожды, а среди владельцев упоминаются и вельможи, типа Салтыковых, Шереметевых и Голицыных, и дворяне, о которых вряд ли кто слышал за пределами их уездов. Надо полагать, что дворяне этого региона, где преобладали совсем мелкие вотчины, отдавали себе отчет в том, что крепостным мужикам каждого из них придется находить себе жен за пределами их собственных поместий и что в долгосрочном плане обмен будет взаимовыгодным⁸⁷.

⁸³ РГАДА. Ф. 615. Д. 10197, 10206, 10207, 10231, 10266, 10269.

⁸⁴ Там же. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 1. Д. 193. Л. 2–6.

⁸⁵ Там же. Ф. 1289 (Щербатовы). Оп. 1. Д. 149. Это небольшой, но, как мне кажется, показательный срез крестьянок, пришедших невестами в щербатовские вотчины в Ярославской губернии.

⁸⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 182 (Шишкины). Оп. 1. Д. 13. Л. 45.

⁸⁷ Том с результатами ревизии, проведенной в 1762–1764 гг. в Игрецкой волости, Закоторожском и Верховском станах Ярославского уезда – из всех этих мест щербатовские крестьяне привозили себе жен, – содержит ревизские сказки из 65 дворянских имений, ни в одном из которых не насчитывалось даже 50 душ мужского пола, а в большинстве было по 10 или меньше (РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 4301. Ч. 1). В комплекте из 40 сказок по дворянским и духовным вотчинам только у Закоторожского стана в 10 имениях было более 100 крепостных мужиков (в самом крупном, принадлежавшем монастырю имении, таковых было 1438), в 16 же карликовых поместьях было по 10 или менее крепостных мужского пола, то есть обычно они состояли всего лишь из двух или трех крепостных дворов (РГАДА. Ф. 350).

Отпускные письма из Ростовского уезда, в котором частично располагались владения Щербатовых, подтверждают, что документы щербатовского архива достоверно фиксировали местные порядки. В 1733 г. из 83 крестьянок, зарегистрированных в уездных крепостных книгах как получившие вольную для замужества, за 38 не брали вывода. В первой половине 1750 г. вывод не платился за 31 из 68 вышедших замуж на сторону женщин. В 1751 г. 46 из 97 обошлись без уплаты вывода; в 1771 и 1772 гг. большинство женщин, отпущенных из вотчин замуж, – 32 из 57 и 41 из 81 соответственно – тоже ушли без вывода. Когда выводные взимались, они были минимальны: в среднем 23 копейки в 1733-м, 94 копейки в 1750-м, 75 копеек в 1751 г. В 1771 и 1772 гг. с мужчин, забиравших женщин из имений, ранее принадлежавших монастырям или другим духовным учреждениям, взимали по 10–11 рублей (в то время как до секуляризации церковных вотчин в начале 1770-х они часто не платили ничего). В те годы дворяне-землевладельцы взимали в среднем 3,13 и 3,88 рубля⁸⁸. Это являлось отражением повсеместного увеличения платы за вывод и приближения ее к рыночной цене бракоспособной крепостной.

В первой половине XVIII в., однако, выводные в Ростовском уезде никак не соотносились с рыночной ценой бракоспособных крестьянок. В 1733 г., когда 38 женщин получили вольную для замужества бесплатно, а с остальных 45 в среднем было взыскано весьма скромно, по 23 копейки, 12 бракоспособных крепостных женщин уезда были проданы по средней цене в 5,09 рубля. Если исключить двух крестьянок, проданных за 15 и 10 рублей, как, предположительно, особые случаи, мы получим среднюю цену в более точном приближении – 3,44 рубля⁸⁹. Вокруг Ростова только в 1770-х гг. размер выводных начал сближаться с рыночной ценой крепостных девок.

Ростовский уезд, конечно, располагался в нижней части шкалы выводных, но с ним соседствовали и другие уезды. В Пошехонском уезде (в то время Новгородской, но позже Ярославской губернии) в период между 1709 и 1715 гг. средний вывод был меньше рубля, в 1749 г. он был немного выше рубля⁹⁰. В коллекции из 33 отпускных грамот, собранных в 1720–1750-х гг. монастырями Переславль-Залесского уезда, на полпути между Москвой и Ростовом, восемь документов не дают информации о выводных; в 13 отмечено, что вывода не взималось; в восьми проставлена сумма в 1 рубль и в одном – 3,50 рубля. В трех сказано, что вывод уплачен, но сумма не уточняется⁹¹. В наборе из восьми отпускных грамот, принесенных в имение Шуваловых во Владимирском округе между 1735 и 1754 гг., семь показывали вывод в 1 рубль, а одна – 2 рубля⁹².

В других местах, даже в смежных с Ярославской губернией, вывод не всегда был на столь низком уровне. Папка с 38 отпускными бумажками, принесенными в имения Глебовых-Стрешневых в Новоторжском уезде, к западу от Ярославского уезда, показывает, что разброс цен мог быть весьма широким даже внутри одного уезда. В пяти вольных грамотах, датированных 1708–1718 гг., записаны выводные в среднем на сумму 2,40 рубля, в 21 от 1720-х гг. – 2,93 рубля, 11 из периода 1730–1750 гг. – в среднем 1,31 рубля.

Оп. 2. Д. 4301. Ч. 2).

⁸⁸ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9159 (1733), 9177 (1750), 9180 (1751), 9205 (1771), 9207 (1772).

⁸⁹ Там же Л. 127–182. Среди этих женщин было 10 незамужних (из них 4 дворовых, чья средняя цена была ниже, чем у других) и 2 вдовы.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8526, 8528, 8529, 8531, 8594.

⁹¹ Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. С. 414–422.

⁹² РГАДА. Ф. 1288 (Шуваловы). Оп. 1. Д. 7.

Здесь, в отличие от близлежащих Ярославского и Ростовского уездов, отмена вывода не была распространена. Более того, средняя сумма вывода в 1720-х была самой высокой из всех, которые мне удалось отыскать за первую половину XVIII в. С другой стороны, 11 вольных от 1730–1750 гг., хотя они и не являются удовлетворительной выборкой, почти несомненно подтверждают, что размер вывода действительно уменьшился в 1730–1740-х гг., возможно где-то на 50%. Вотчины, из которых прибыли эти женщины, принадлежали Долгоруковым, Ладыжинским, Бутурлиным и Мусиным-Пушкиным, а также многим менее значительным дворянским родам⁹³.

В Рязанском уезде, большая часть которого располагалась к югу от р. Оки, выводные в 1720–1730-х гг. были также сравнительно высокими, а потом снизились. В 1726–1727 гг. средняя сумма вывода из 27 уплаченных в уезде составила 2,07 рубля. Самый низкий из них был 50 копеек, самый высокий – 4 рубля⁹⁴. В 1737 г. в уезде были зарегистрированы 93 отпускные грамоты в связи с выходом замуж, и средняя сумма вывода равна 2,17 рубля; в 1738 г. средняя сумма сократилась до 2,02 рубля (92 вольные), в 1739 г. – до 1,67 рубля (36 вольных), но в 1754 г. поднялась до 2,42 рубля (90 вольных)⁹⁵. Размеры сбора здесь колебались, как и в Новоторжокском уезде.

В Рязанском уезде, как и в других местах, бракоспособных крепостных женщин редко продавали по отдельности, поэтому трудно сравнивать размер вывода с покупной ценой. В моей выборке за 1738 г. в Рязанском уезде была зарегистрирована только одна такая продажа и еще четыре в 1739 г. Цены были: два раза по 3 рубля и три раза по 2. Десять дворовых девок были проданы в те годы в среднем по 4,3 рубля⁹⁶. Некоторые, наверное, обладали умениями, повышавшими их цену, но в первой половине XVIII в. дворовые девки иногда стоили больше, а иногда меньше крепостных крестьянок. Логично сделать вывод, что в Рязанском уезде средняя стоимость вывода была ближе к рыночной цене бракоспособной женщины, чем в Ростовском, но тем не менее составляла только около половины местной цены крепостной.

По Нижегородской губернии есть папка с отпускными документами 24 женщин, вышедших замуж в юсуповскую вотчину Безводное, в 25 километрах на восток от Нижнего Новгорода, в 1732–1754 гг. В 14 случаях владельцы женщин назначили вывод в 1–1,5 рубля, в пяти случаях – в 2 рубля, еще в пяти – 3–4 рубля. После 1750 г. шкала явно поползла вверх: за вывод четырех женщин, вышедших в эти годы замуж в с. Безводное, владельцы взяли по 2–4 рубля. Опять же, значение имеет не только относительно низкий средний уровень выводных, но и то, что владельцы – среди них были Голицыны, Волконские, Мусины-Пушкины, Лунины, Шереметевы и Апраксины, а также Нижегородская епархия – отпустили девушек замуж⁹⁷. В первой половине XVIII в. так поступало подавляющее большинство именитых дворянских семей.

⁹³ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1614 (Семейный фонд Глебовых-Стрешневых). Оп. 1. Д. 118.

⁹⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 91. Л. 128–218.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8509 (1737), 8510 (1738), 8511 (1739), 8512 (1754). В архивной описи и на обложке последняя подшивка ошибочно датирована «1751 г.»; документ начинается с «В 1754 г...». Большинство вольных в связи с замужеством выданы незамужним крестьянкам, а некоторые – вдовам и дворовым, у которых уровень выводных был того же порядка. В каждом году несколько женщин не платили вывода, что немного снизило среднее значение.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8510. Л. 6 об. – 7 об., 14, 18, 19 об., 22 об.; Д. 8511. Л. 2–4 об., 5 об. – 6, 7, 8, 12, 13 об., 17, 18, 20, 24.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 193. Л. 9–11, 13–14, 17, 19–25, 27–31, 34–40.

Выводные, взятые мной из нотариальных записей и отпускных грамот и показывающие явную тенденцию к росту, требуют поправки на денежную инфляцию. В период с 1701 по 1730 г. средние цены на зерно и промышленные товары удвоились. Цены 1730-х и 1750-х гг. были почти одинаковыми, хотя в промежуточные годы они сначала немного поднялись, а потом немного опустились⁹⁸. Иначе говоря, размер вывода, который в 1720-х составлял 1 или 2 рубля, идя в ногу с инфляцией, должен был вырасти до 1,5–3 рублей. В некоторых уездах так и произошло, в некоторых нет, то есть в реальном выражении брать невесту со стороны стало обходиться дешевле. На фоне самой разнообразной динамики цен в разных уездах надежнее всего заключить, что в общем-то с начала по середину XVIII в. размер выводных с учетом инфляции не изменился или чуть снизился.

Хотя я предполагаю, что некоторые дворяне отказывались отпускать молодых крепостных женщин из своих вотчин в уездах на севере от Оки, мне не встретилось доказательств таких отказов, кроме вотчинных инструкций 1718 и 1719 гг. Шепелева и Черкасского. В Рязанском уезде, с другой стороны, хотя женщин отпускали в связи с замужеством, владельцы некоторых крупных вотчин не позволяли своим женщинам выходить замуж за пределы своих владений. Эти сведения извлечены не из вотчинных инструкций, а из ревизских сказок 1762–1763 гг. Это была первая ревизия, в которой учитывались женщины, и переписчикам было наказано записывать их возраст и – с целью отследить цепочку собственников – их родные деревни, а у крепостных душ – их предыдущих владельцев. В Константиново, на южном берегу Оки, где права собственности были поделены между несколькими семьями, самая крупная доля в 1762 г. принадлежала Семену Нарышкину. Из 99 нарышкинских замужних и вдовых крепостных женщин 97 родились не просто в Константиново, а именно в части деревни, принадлежавшей Нарышкину; две другие были привезены из отдаленных нарышкинских вотчин. Одна-единственная женщина старше 20 лет никогда не была замужем; возможно, причиной были серьезные физические недостатки⁹⁹. Практически все вступили в брак до 1762 г.; нарышкинских женщин, по-видимому, принуждали выходить замуж в своей вотчине с 1720-х гг. Я подозреваю наличие принуждения, потому что, будучи предоставлены сами себе, некоторые из нарышкинских женщин вышли бы замуж за мужчин из других частей Константиново и из других сел в округе. В таком случае некоторым нарышкинским мужчинам пришлось бы находить себе жен в других вотчинах, но их, по всей видимости, принуждали жениться в своей, если там имелись бракоспособные женщины.

Такая же ситуация наблюдалась в обширном имении Волынских, пересекавшемся с владениями Семена Нарышкина: в доле с. Константиново, принадлежавшей Егору Волынскому, 23 из 24 волынских жен родились в волынских вотчинах; только одна была привезена из чужого имения. Примечательно, что в четырех селах (или частях сел), составлявших волынские владения, было 128 женатых или вдовых мужиков и один в возрасте 24 лет неженатый; возможно, он женился позже. Все 137 женщин 20 лет и старше были либо замужем, либо вдовы; только четыре женщины родились не в волынских владениях; несколько жен были завезены из волынских имений за пределами Рязанского уезда¹⁰⁰.

⁹⁸ Mironov B. Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // *Economic History Review*. 1992. Vol. 49. № 3. P. 457–459.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2616. Л. 485–574. Я не включил в расчеты ни дворовых, ни группу – в основном холостых – мужчин в конце сказки; последние были, похоже, либо дополнительными дворовыми, либо крепостными, недавно переселенными в Константиново из каких-то других владений Нарышкиных. В 1792 г. из 150 взрослых женщин в этой части Константиново (принадлежавшей в то время Голицыным) только 2 – в возрасте 26 и 28 лет – не были замужем, и обе были калеки (ГИМ ОПИ. Ф. 17 (Голицыны). Оп. 1. Д. 2503. Л. 16–28).

¹⁰⁰ Там же. Оп. 2. Д. 2616. Л. 187–212. Я не принял в расчет крепостных деревни Волынь, так как они все,

Нет оснований предполагать, что, запрещая браки за пределами своих владений, Нарышкины и Волынские насильно заставляли всех своих крепостных вступать в брак: всеобщий брак был правилом у всех крестьян в округе. Крестьяне большой деревни Новоселки и среднего размера деревни Чешуево в 1762 г. переходили из статуса крепостных Солотчинского монастыря в мирской статус «экономических крестьян». Их монастырский владелец позволял женщинам выходить замуж на сторону и не применял принудительных мер в отношении брака, между тем в д. Чешуево в 1762 г. все 49 мужчин 20 лет и старше были женаты или вдовы и только 2 из 53 женщин 20 лет и старше никогда не были замужем; 24 женщины попали в Чешуево в связи с замужеством. Двум незамужним было по 20 лет, и они почти наверняка еще должны были выйти замуж¹⁰¹. Если начать счет с возраста, после которого брак становился весьма маловероятным, – 25 лет, то тенденция чешуевских женщин и мужчин брачиться выглядит стопроцентной. В тот же год в Новоселках все мужчины 25 лет и старше, 261 человек, были в браке или вдовы – так же как и все 307 женщин этой возрастной категории¹⁰². В этой части Рязанского уезда и господские, и монастырские крепостные брачались все без исключения. При этом они вступали в брак в одном и том же возрасте. В выборке из семи деревень экономических крестьян (включая Чешуево и Новоселки) и пяти крепостных деревень (в том числе Константиново и Федякино, которое вскоре войдет в наш сюжет) средний возраст вступления в брак в 1780-х практически один и тот же: 17,5 и 17,6 года у крепостных и экономических крестьян мужского пола соответственно, 15,7 и 15,5 – у крепостных и экономических крестьянок¹⁰³. Универсальный и относительно ранний брак среди рязанских крепостных не нужно принимать за доказательство агрессивной политики принуждения крепостных к браку со стороны владельцев, это скорее было то, к чему местные крестьяне сами прилагали все усилия.

В относительно крупной вотчине можно было поддерживать режим и универсального брака (крестьянская практика вокруг Рязани), и демографической автаркии (идеал с точки зрения некоторых дворян), как минимум если владелец был способен в случае необходимости подвезти невест из других семейных владений. В более мелких имениях это было нереально. У большого села Федякино, непосредственно граничащего с Константиново, было много владельцев, среди них семья Волынских; крепостные последних обменивались дочерьми только с другими волынскими владениями. У остальных 14 владельцев с маленькими долями – вплоть до одного-единственного двора – не было поблизости крупных имений. Они не могли быть демографически самодостаточными, как бы ни старались. Из 145 принадлежавших им жен 52 нашли мужей внутри мини-долей Федякино, в которых родились, 15 – были привезены владельцами из своих отдаленных имений, а остальные 78 были родом из имений других дворян или (несколько) не были крепостными. Все женщины 20 лет и старше были замужем. Среди мужчин 20 лет и старше 126 были женаты, восемь – холосты. Шести из последних было 20–27 лет, и они еще имели шанс жениться, но в уезде, где универсальный брак был нормой, эти восемь взрослых

кажется, были дворовыми. Разница в количестве когда-либо состоявших в браке мужчин и женщин в большой степени объясняется численным превосходством вдов над вдовцами.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2616. Л. 295–304 об.

¹⁰² Там же. Л. 305–350. Я исключил группу «прибыли» – мужчин и женщин, приехавших в Новоселки после предыдущей ревизии 1744 г., поскольку они, вероятно, вступили в брак до переезда.

¹⁰³ ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 627 (Рязанская духовная консистория). Оп. 249. Метрические книги относятся к 1781, 1785, 1786 и 1787 гг. В 1760-х большинство попов не записывали возраст невест и женихов. Для расчета среднего возраста вступления в брак можно было бы использовать ревизские сказки 1762 г., но возраст женщин в том году был подвержен экстремальной возрастной аккумуляции.

холостяков были, по всей вероятности, показателем демографической напряженности¹⁰⁴. Ввиду недоступности женщин из больших соседних имений Волынских и Нарышкиных федякинским мужчинам приходилось пересекать многие границы, чтобы найти себе жен. Даже сами Волынские признавали тщетность попыток сохранить демографическую автаркию в Дубровичах, примерно в 20 километрах на восток от их основных владений, где у них было всего 46 крепостных и небольшая часть села. Здесь они позволяли обмен невестами с крепостными, принадлежавшими другим дворянам¹⁰⁵.

Возможно, разграничение вдоль р. Окиа было природного происхождения: к северу очень мало свидетельств попыток владельцев контролировать браки своих крепостных, к югу же очевидно, что по крайней мере в крупных имениях некоторые владельцы действительно запрещали заключение браков через границы владений. В Рязанской области Ока протекает примерно по границе между плодородными южными и неплодородными северными землями. Можно предположить, что растущие амбиции дворян XVIII в., владевших значительными земельными угодьями на юге, желавших производить зерно на продажу и, вследствие этого, вводящих барщинный труд, побудили их сконцентрироваться на максимальном увеличении количества трудовых единиц. Может быть, они решили обеспечить своих мужиков местными невестами. С другой стороны, не исключено, что демографически автаркичные нарышкинские и волынские вотчины были нетипичны даже для Рязанского уезда. Расположенные на Оке или поблизости они находились в исключительно выгодном положении для поставки зерна на московский рынок. Между тем относительно высокий размер вывода в Рязанском уезде мог быть нетипичным для всех местностей к югу от Оки. В юсуповской папке отпускных грамот есть документ от князя Репина, отпустившего девушку в связи с замужеством (выводное не вписано) в местность, впоследствии ставшую Тульской губернией; еще одну тульскую девушку отпустили за 3 рубля, а девушку из будущей Орловской губернии – за 2. Три вывода в Брянском уезде с 1720-х по 1750-е говорят о стандартной таксе примерно в 1 рубль¹⁰⁶.

Хотя в том, как дворяне относились к бракам крепостных в первой половине XVIII в., были значительные местные и индивидуальные различия, подавляющее большинство из них позволяли женщинам выходить замуж на сторону и вносили относительно низкие выводные или же – в удивительно большом количестве случаев – отпускали совсем без вывода. Иначе говоря, наблюдалась преемственность с установившимися порядками XVII в. Кирилло-белозерские монахи сознательно решили следовать прецеденту: в инструкциях приказчику, отправлявшемуся в 1735 г. управлять имениями в Нижегородском и Арзамасском уездах, было сказано собирать выводные таким же образом, как было установлено в предыдущих инструкциях по тем же имениям в 1653 г.¹⁰⁷ Нижегородская епархия подняла в 1726 г. уровень вывода с 15 копеек, но всего лишь до 31 копейки¹⁰⁸. Не только в Ярославском и Ростовском уездах многих женщин отпускали без уплаты вывода. Когда в 1714 г. управители, назначенные Александро-Невской лаврой, основанной в Санкт-Петербурге в 1713 г., приступили к своим обязанностям в переданных им от

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2616. Л. 141–186 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 210–212.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 193. Л. 6, 12, 16; Там же. Л. 1. Датировано 1700 г., из будущей Тульской губернии, обозначен вывод в 5 рублей, что явно нетипично для этого периода; РГАДА. Ф. 1200 (Новопечерский-Свенский монастырь). Оп. 1. Д. 157, 201, 616.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ч. 1. Д. 2285. Л. 2.

¹⁰⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552: 1726. Д. 42. Л. 46 об.

Свято-Троицкой Сергиевой лавры и новгородского Свято-Духова монастыря вотчинах в Бежецком, Угличском, Ярославском, Тверском и Кашинском уездах, они докладывали, что в недавнем прошлом в некоторых из этих вотчин крепостные девки выходили замуж на сторону без уплаты вывода¹⁰⁹. Эти доклады необязательно означали, что от бывших управителей имений не требовалось собирать выводные; их надзор мог быть настолько небрежным, что крестьяне запросто обходили правила.

Монастыри и другие духовные владельцы, возможно, придерживались старых порядков дольше, чем дворяне, но данные по первой половине XVIII в. в гораздо большей степени свидетельствуют о традиционном невмешательстве дворян в брачные дела крепостных, чем о желании принуждать женщин выходить замуж в своих родных вотчинах, предписывать вступление в брак к определенному возрасту или взимать выводные на уровне рыночных цен. Когда в 1751 г. князь Петр Александрович Румянцев наказывал приказчику своих нижегородских владений: «В свадьбах между крестьяни ни под каким видом и вымыслом отнюдь не вступать, тожь силою кого в замужество не принуждать под жестоким истязанием но исправлять те свои свадьбы собственно по их желаниям и договорам», он просто формулировал пассивный подход, практиковавшийся значительным большинством дворян того времени¹¹⁰. Наверняка одной из причин, по которой мало кто из дворян запрещал браки на стороне, было то, что они не видели, какую проблему мог бы разрешить подобный запрет. Для владельцев же маленьких имений, где скрупулезные правила православной церкви о грехе кровосмешения (касавшиеся также и родственников «по свойству и кумовству») почти полностью исключали браки у себя, многосторонний обмен женщинами между имениями был единственным способом – кроме покупки – обеспечения всех своих мужиков женами.

До начала 1760-х крепостным и другим крестьянам в большей части Ярославской губернии, в Серпуховском, Переяславском, Новоторжском и Нижегородском уездах, да и в других местах также либо вообще не чинились препятствия в плане брака, либо они были минимальны. Рязанский уезд был частичным исключением из этого правила, но, конечно, не единственным. Однако предоставление крепостным свободы устраивать браки самостоятельно настолько оправдывало себя, что нет очевидной причины, почему в первой половине XVIII в. Нарышкины и Волынские запрещали своим константиновским крепостным женщинам выходить замуж за пределами своих владений.

Неочевидно также, почему в первой половине века дворяне продолжали отпускать женщин без всякого вывода или за выводное значительно ниже цены бракоспособной крепостной девки, но мне кажется, что моральная экономика – не стоит нарушать обычаи! – является здесь наилучшим объяснением. Моральная экономика проявляется только тогда,

¹⁰⁹ Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования Императора Петра Великого. СПб.: Синодальная тип., 1903. Т. 1: 1713–1716 гг. Стб. 485, 623, 651, 704; Там же. Пг.: Синодальная тип., 1916. Т. 3: 1720–1721 гг. Стб. 412.

¹¹⁰ Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. 1903. № 12. С. 7. Другие рассматривают инструкции Румянцева как единственное исключение из дворянского вмешательства в браки крепостных. В проекте уложения второй половины 1750-х гг. признается, что брак через границы владений был в порядке вещей: дворянам предоставлялось право давать вольную вдовам и девкам в связи с замужеством. Поскольку проект уложения в то же время давал дворянам неограниченное право делать с крепостными что пожелают (кроме убийств, пыток и бития кнутом), то право дворян запретить выход замуж в чужие владения не требовало подтверждения. Латкин В. Н., ред. Проект нового уложения, составленный законодательной комиссией 1754–1766 гг. (Часть III. О состояниях подданных вообще). СПб.: Тип. Одиной тюрьмы, 1893. С. 119–120, 131. Эта третья и последняя редакция части III была завершена к 1762 г. и касается прав не только дворян, но и лиц духовного сословия и заводчиков, в то время как более ранние редакции, от 1750-х гг., касались лишь дворянских прав. Немногое, что известно о составлении этого проекта, можно найти в: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1897. Т. 1. С. 90–91, 136, 140 и в других местах. Краткое описание проекта уложения см.: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 64–68.

когда происходит посягательство на обычай, и я уже приводил два таких примера (Солотчинский монастырь в 1696 г., Шереметев в 1717 г.). В обоих случаях владельцы, столкнувшись с протестом своих крестьян, отступили.

Иногда конфликты между крепостными и их владельцами по поводу выводных денег вспыхивали, когда на смену старому владельцу приходил новый, который резко поднимал плату. Александро-Невская лавра дала указание местным управителям, посланным принять новые вотчины монастыря в 1714–1716 гг., установить вывод в размере 5 рублей или не меньше 2 рублей¹¹¹. Эта мера вызвала в деревнях переполох. В Присеках Бежецкого уезда, например, в конце 1716 или начале 1717 г. крестьяне жаловались, что дочерей «выдать стало не за кого», потому что местные крестьяне не готовы были столько платить, а до ближайшей другой вотчины лавры было 50 километров. Они умоляли архимандрита смилостивиться, дабы девки их «век не сочетавша браками не со старетця». В феврале 1717 г. архимандрит велел управителю Присек не отступать от установленной пяти- или двухрублевой таксы¹¹². Крестьяне села Кунганово Новоторжковского уезда в начале 1717 г. тоже жаловались на новый сбор, говоря, что раньше они обменивались дочерьми с соседями, и просили архимандрита вернуть кунгановских женщин в их село, потому что оно, по их словам, приходило все больше в запустение¹¹³. В июле 1717 г., после еще одной жалобы, из имения Олонецкого уезда, что пятирублевый вывод не дает их девкам выходить замуж, лавра пошла на попятную. Архимандрит решил, что позволителен обмен дочерьми по обычной местной таксе с крестьянами из вотчин других монастырей и Новгородской епархии. Вскоре после этого архимандрит принял решение разрешить также обмен бракоспособными девками с дворянскими вотчинами, которые не взымали платы за вывод. В сентябре 1718 г. архимандрит сдался: он дал распоряжение всем своим вотчинным управителям взымать столько, сколько соседние владельцы крепостных брали за женщин, отпущенных в связи с замужеством¹¹⁴.

Безусловно, имеет значение то, что в двух из трех жалоб лавринские крепостные делали упор на вред, наносимый женщинам пятирублевым выводом, который не давал им выйти замуж (в чем именно состояла проблема в представлении кунгановских крепостных, не совсем ясно), а не на то, что соседи оплачивали им за этот сбор – что, конечно же, было неизбежно, либо требуя с лавринских женихов по пять рублей за невесту, либо отказываясь отпускать своих женщин в лавринские вотчины. Воцажниковские крепостные Шереметева тоже делали упор на то, сколь пагубен для их дочерей пятирублевый сбор, установленный барином. Возможно, крестьяне считали, что женщинам действительно наносился наибольший вред или же, скорее всего, что зло, причиняемое женщинам, будет самым веским аргументом в пользу их притязаний. Может быть, архимандрит сам понимал (как подразумевалось, вероятно, в жалобе кунгановских крестьян), что у лавринских мужиков возникли проблемы с нахождением жен. Возможно, до монахов также дошло, что рынок невест реально существует и нельзя на нем устанавливать цены произвольно. Или же они признали, что просто грешно препятствовать женщинам в выходе замуж.

Аргумент о том, что крепостные девки имеют право выходить замуж, даже если для этого приходится покидать родное имение, оказался внушительным. Понимание этого поможет разобраться в том, как в XVIII в. русские крестьяне, будь они крепостного или иного состояния, и дворяне относились к крестьянскому браку. Крепостные, выдвигавшие

¹¹¹ Описание архива Александро-Невской лавры. СПб.: 1911. Т. 2. Стб. 256, 609–611, 807, 839–84 06.

¹¹² Там же. Стб. 10.

¹¹³ Там же. Стб. 69.

¹¹⁴ Там же. Стб. 209, 332, 585.

подобный аргумент, не имели, конечно же, в виду, что их дочери должны сами выбирать себе мужей. Устоявшееся представление о том, что в крестьянской семье отец и мать выбирали супругов своим детям, не обращая внимания на предпочтения самих детей, несомненно является преувеличением. Тем не менее в начале XVIII в., когда браки в крестьянской среде заключались фактически между детьми – девочками и мальчиками, зачастую не старше 15 лет, – родительское мнение оставалось, как правило, решающим¹¹⁵. Не было у крепостных и обычая, чтобы девушки сами решали, выходить им замуж или нет в принципе. Как мы поймем из 2 главы, крепостные в поисках невест для своих сыновей нередко требовали, чтобы их владельцы принудили других отцов отдать замуж своих противящихся браку дочерей. С крестьянской точки зрения, выход замуж был, в зависимости от обстоятельств, либо дочерним правом, либо обязанностью.

Вред, на который ссылались крестьяне и который был понятен Шереметеву и монахам Александро-Невской лавры, был почти наверняка морального порядка: девки, «век не сочетавшаяся браками». Вредно было именно засидеться в девках: все девки (так же как все парни) должны были вступать в брак. Крестьянские пословицы и поговорки, собиравшиеся в основном в XIX в., но вряд ли сильно изменившиеся с 1700 г., выставляют девку-вековуху злобной старой бабой, даже и не настоящей бабой вовсе, потому что не стала она ни женой, ни матерью. Этнографические записи XIX в. свидетельствуют, что к бобылкам относились как к дармоедкам, не имевшим определенной роли в семье и посему не заслуживавшим уважения, как к никчемным и отверженным, если только безбрачие не было с их стороны сознательным решением или правдоподобной имитацией оного – сохранить целомудрие по религиозному призванию¹¹⁶. Обречение женщин на противоестественный образ жизни должно было казаться крестьянам начала XVIII в. настолько в корне несправедливым, что они положили это в основу своих челобитных – Шереметеву, который немедленно пошел на уступки, и монахам Александро-Невской лавры, которые – вероятно, в силу собственного религиозного призвания – сначала отклонили просьбу, но в конце все-таки тоже уступили. Моральный довод потому возымел действие, что вотчинники разделяли мнение своих крестьян о противоестественности незамужнего состояния для взрослой женщины. Они ведь тоже стремились найти подходящих женихов своим дочерям.

Крестьянское убеждение, что старая дева – существо не просто несчастное, но и явление противоестественное, оправданно в таком обществе, где взрослые незамужние женщины были действительно редкостью и если не вели затворнический, религиозный образ жизни, то являлись умственными или физическими калеками. Более того, в тех многих больших деревнях, где все до одного мужчины и женщины состояли в браке, в их числе должны были быть и ограниченно дееспособные. Универсальный брак и боязнь, что дочери

¹¹⁵ Фактических сведений о брачном возрасте крестьян в первой половине XVIII в. весьма мало, поскольку в приходских книгах большинства епархий возраст при вступлении в брак не отмечался вплоть до XIX в. (во многих случаях до 1830-х гг.). Я согласен с Даниелем Кайзером (*Kaiser D.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // *Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в.* М.: МФТИ, 1994. С. 225–236), что, хотя некоторые крестьяне вступали, возможно, в брак в минимально дозволенном законом возрасте (12 лет для девочек и 15 для мальчиков), большинство девочек, вероятно, выходили замуж позже. Судя по тому, что солотчинские крепостные отцы говорили в своих челобитных, отказываясь выдавать замуж дочерей, в конце XVII в. обычным возрастом брака у девушек было 14–15 лет. *Бушнелл Д.* Борьба за невесту. С. 92. Как мы знаем из описания Бестужева-Рюмина от 1737 г. своего пошехонского имения (см. следующую главу), многие девушки выходили замуж в 20 лет и позже.

¹¹⁶ *Тульцева Л. А.* Чернички // *Наука и жизнь.* 1970. № 11. С. 80–82; *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 103–104; *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 3-е изд. С. 161; *Worobec C.* Peasant Russia. Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 4, 264; *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сянта, 1996. С. 264–265.

могут остаться в девках, были тесно взаимосвязаны.

Моральное обоснование ходатайств крепостных к своим владельцам об отмене выводных сборов, грозивших оставить их дочерей в девках, было настолько убедительным, что действовало даже без страшщей перспективы бунта, который подкрепил требования британских рабочих XVIII в. о помощи, когда взлетели цены на хлеб. Моральный довод был столь весом, что действовал даже тогда, когда жалоба на причиняемый якобы вред была заведомо безосновательной. Когда воцажниковские крепостные говорили Борису Шереметеву, что некоторые из их дочерей никак не могли найти женихов в родной вотчине, они почти наверняка грешили против истины. Воцажниково было огромным имением с населением в 1910 крепостных мужиков, 1911 женщин в 1765 г. и, вероятно, порядка 2500–3000 крепостных в начале XVIII в.; его деревни были раскиданы по территории более 130 квадратных километров¹¹⁷. Поскольку имение было по площади столь обширным, естественно, что многим из его крепостных удобнее было свататься к соседям по другой, близкую сторону вотчинной границы, чем искать невест в отдаленных деревнях того же имения. Однако с населением такого размера демографическая автаркия представляется вполне реальной. Фельдмаршал от споров на этот счет воздержался.

Глава 2

ДВОРЯНЕ ОБНАРУЖИВАЮТ СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНОК БРАКУ И РЕАГИРУЮТ НА НЕГО

До 1750-х гг. мало кто из дворян чинил препятствия замужеству своих крепостных женщин за пределами своих владений или проявлял интерес к возрасту, в котором их крепостные вступали в брак. После 1750 г. многие помещики – по крайней мере, владельцы крупных имений, составлявшие подробные инструкции по их управлению, – напрямую вмешивались в браки своих крепостных и в общих устанавливаемых правилах, и в конкретных случаях. Их могло беспокоить то, что их крепостные девки не выходят замуж или что выходят недостаточно рано, тормозя таким образом образование тягла, ядром которого в большинстве имений являлась супружеская пара. Проблема эта не была вымыслом душевладельцев: когда выяснилось, что в некоторых имениях женщины действительно отказываются выходить замуж, многих помещиков это побудило ввести правила *terminus ante quem*. В этих правилах иногда устанавливался предельный возраст вступления в брак и для мужчин, но большинство мужиков и так были не против жениться. Когда соседские девки противились замужеству, женихи обращались к своим владельцам за помощью. Зачастую именно эти просьбы открывали помещикам глаза на существование проблемы женского отношения к браку. Весьма возможно, что некоторые помещики начали требовать, чтобы их крепостные девки выходили замуж в своих вотчинах, потому что их тревожили трудности мужиков в поиске невест: выход замуж на сторону мог еще усугубить нехватку незамужних девок.

БОРЬБА С БЛУДОМ: ПЕТР БЕСТУЖЕВ-РЮМИН ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ ДЕВКИ ВЫХОДИЛИ ЗАМУЖ К 20 ГОДАМ

Петр Бестужев-Рюмин (1664–1743) – единственный вотчинник, о котором известно, что в первой половине XVIII в. он ввел правило относительно возраста выхода замуж. Проблема, которую он таким образом думал решить, состояла не в нежелании крепостных девок выходить замуж, а в их добрачном блуде. Бестужев узрел эту проблему лишь потому, что впал в немилость при дворе. В 1712 г. Петр I определил его гофмейстером к своей

---

¹¹⁷ Щенетов К. Н. Крепостное право. С. 326; Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 32.

племяннице, вдовствующей герцогине курляндской Анне Иоанновне¹¹⁸. Бестужев заведовал финансами Анны, «присматривал» за соблюдением интересов России в герцогстве и в какой-то момент попал к Анне в любовники. В 1727 г. он был вызван в Санкт-Петербург для расследования обвинения в обогащении за счет Анны Иоанновны. К его возвращению назад место в кровати Анны уже было занято Эрнстом Бироном. В 1728 г. Бестужев был арестован после того, как Анна обличила его в расхищении ее имения (тут она как минимум преувеличила) и в дворцовой интриге, в которой была замешана его дочь. После вступления на трон, с Бироном в свите, в 1730 г. Анна сослала 66-летнего Бестужева в «дальние селения», которыми оказалось его имение вдоль северного участка р. Шексны на севере Новгородской губернии. Бестужеву там принадлежали обширные владения. В двух селах были приходские церкви, и он жил по очереди то в одном, то в другом: в Люковеси в 10 километрах на запад и в Городище в 8 километрах на юг от маленького городка Череповца – оба на берегах Шексны. Более мелкие деревни были разбросаны промеж них в густых лесах, частично уходя глубже в чащу¹¹⁹.

Бестужев-Рюмин, вероятно, до этого в своих вотчинах не бывал и по приезду, похоже, имел мало представления о жизни крепостных. Он служил как минимум тридцать лет без сколь бы то ни было продолжительного отпуска, не считая периода расследования; время же, когда он мог оторваться от политических дел, проводил, скорее всего, в своей усадьбе под Москвой. Когда в 1731 г. он выпустил Инструкцию своему пошехонскому приказчику, единственное правило, касавшееся брака, звучало несколько противоречиво: «Девки крестьянских на сторону не отдавать, а кому отпускная подписана будет, вывод брать наперед по 5 рублей, а смотря по состоянию и по 3 рубля». Далее он добавил, что если брак заключается в своей вотчине, то отдавать следует без вывода¹²⁰. Толковать это правило можно следующим образом: по возможности не позволяй девкам выходить замуж на сторону, если же позволил, бери по 5 рублей, но я согласен и на 3.

В августе 1737 г. Анна простила Бестужеву-Рюмину его прегрешения и разрешила жить в Москве или в любом другом его поместье. Вероятно, он написал свою Инструкцию 1737 г. до или сразу же после отъезда из Пошехонья. В ней он не только расписал обязанности приказчика, но и составил частичную этнографию жизни своих крепостных душ. Они занимались подсечно-огневым земледелием («Также в подсеках работали и чистили по вся годы») и жили в разбросанных на большой площади починках, типичных для крестьян, которым приходилось каждые несколько лет расчищать пригодные для пахоты участки леса. Они должны были держать больше лошадей и скота и употреблять навоз в удобрение. За непоявление в церкви к воскресной обедне или на ежегодную исповедь полагался штраф – 1 копейка. Отмечать праздник с варением пива можно было не больше двух-трех дней¹²¹. Все это было добавлено к его Инструкции 1731 г. Он также внес две

¹¹⁸ Я черпаю эти биографические подробности из его собственной автобиографической описи «Петр Михайлович Бестужев-Рюмин». С. 14–21; *Соловьев С. М.* История России. М., 1995. Кн. 9. С. 418–421, 538; Кн. 10. С. 39–41, 89–92, 132–137, 178–179, 217, 259, 319; *Anisimov E. V.* Five Emperresses. Court Life in 18th-Century Russia. Westport, CT, 2004. P. 72–74.

¹¹⁹ Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его Новгородское поместье // Русский архив. 1904. № 1. С. 5. Люковеси ныне лежат на дне Рыбинского водохранилища. Местный ландшафт вырисовывается из бестужевской Инструкции 1737 г., а также описан в документе от 1680 г., где вновь подтверждаются права Троицкой Филиппа Ирапского пустыни на землю в том же районе (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 2. С. 170–174).

¹²⁰ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.). С. 182.

¹²¹ Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. С. 189, 195.

поправки в свой наказ о браке. Во-первых, в правило о том, чтобы девки замуж на сторону не выходили, он добавил слова «без прошения»¹²². Может быть, Бестужев-Рюмин исправлял противоречие в правиле от 1731 г., а может, до него дошло, что для некоторых крепостных из далеко заброшенных дворов обмен дочерьми с чужими крестьянами неизбежен. Во-вторых, он постановил девок отдавать замуж не позже 20 лет. Этому требованию предшествовало объяснение: ребята и девки, мол, войдя в возраст, делают что хотят, то есть развратничают. Родители их работать не заставляют, и «от того своевольничания и безстрашия ребята пристают к воровству, а девки впадают в блуд <...> а девки в блудном деле, которых уже девок и брюхатых за муж выдали, а другие и родили в девках, которые и наказаны при собрании всех людей кошками... И для того крестьянам детей своих содержать бы в крепости и страхе и наказании и для того отцам и матерям дочерей своих в девках выше 20 лет не держат, отдают за муж, а ежели прежде 20 лет от безстрашия отцова и несмотрения матерня впадет в блуд, и за то отцу и матери и девке, и блуднику, которой с ней сблудит, ежели изобличается при собрании людей жестоко кошками наказаны будут»¹²³.

Бестужев-Рюмин утверждал также, что его пошехонские крепостные женят малых своих ребят на взрослых девках, а другие женятся в одинаковом возрасте и что мужья с женами начинают ненавидеть друг друга, живут порознь и занимаются прелюбодеянием¹²⁴. Неясно, то ли он считал причиной прелюбодеяний женитьбу мальчиков на девках старше их, то ли равенство возраста, то ли и то и другое, а возможно, не то и не это.

Эти положения Инструкции 1737 г. стали прямым результатом наблюдений Бестужева-Рюмина за крепостными во время его опалы. Он требует, чтобы девки выходили замуж к 20 годам, в попытке побороть половую безнравственность, процветавшую при попустительстве родителей. Такое отношение родителей к добрачному сексу вполне естественно, если в течение какого-то времени подобное считалось нормой в данной местности. Возможно, это тот самый случай: эта часть Пошехонья находилась в том районе, где – по утверждению Маркелла, архиепископа Вологодского и Белозерского в 1658 г., – незаконные браки и наложничество были повальным явлением¹²⁵. Принимая во внимание глухие леса, низкую плотность населения и расстояния между многими лесными поселенцами и их священниками, это неудивительно. В конце XIX в. крестьяне вспоминали времена, когда, по их словам, пошехонская молодежь предавалась свальному греху¹²⁶. Но поведение, отмечаемое Бестужевым-Рюминым, могло быть одним из побочных результатов раскольниковства. Пошехонские леса в те времена и позже изобиловали староверами беспоповского толка, и недоверие к институту брака вполне могло проявиться у крестьян в описываемом Бестужевым-Рюминым виде¹²⁷. В Инструкции 1737 г. он нигде не упоминает

¹²² Там же. С. 199.

¹²³ Там же. С. 201.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. 4. СПб., 1836. С. 145–146. По материалам ревизии 1858 г. не менее чем 6,31% незамужних баб брачного возраста в Пошехонском уезде имели незаконных детей (Ярославская губерния. Списки населенных мест по сведению 1859 года. СПб., 1865. С. XIV).

¹²⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы. Т. 2: Ярославская губерния. СПб., 2006. Гл. 1. С. 408.

¹²⁷ О самосожжении староверов в Череповецкой области и Пошехонье в целом в конце XVII в. см.: *Евфросин*. Отразительное писание. СПб., 1895. С. 17, 70–71; *Дмитрий*, митрополит Ростовский и Ярославский. Розыск о Раскольнической Брынской Вере. Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1903. С. 585–587; Старая Вологда XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 153. О староверах, бежавших в пошехонские леса в XIX в., см.: ГАИАО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4354. Л. 7–10 об., 16 об. – 17, 96–98 об.,

старую веру, но в самой первой статье речь идет о нерегулярном посещении церкви. Хотя мы не можем сказать, насколько распространены были тенденции, отмеченные Бестужевым-Рюминым, и чем они объяснялись, мы можем утверждать, что, если бы он не провел какое-то время в своем пошехонском имении, ему о них ничего не было бы известно.

МИХАИЛ ЩЕРБАТОВ ОБНАРУЖИВАЕТ И НЕВЕРНО ИСТОЛКОВЫВАЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ БРАКУ КРЕСТЬЯНСКИХ ЖЕНЩИН

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) оказался среди первых (возможно, самым первым), кто установил своим крепостным девкам предельный возраст выхода замуж, поскольку считал, что многие из них не пойдут замуж без принуждения. Щербатов владел несколькими тысячами крепостных душ. Он прославился пламенными речами в Уложенной комиссии Екатерины II в 1767–1768 гг. в защиту дворянских привилегий и призывами к их расширению, в которых нападал на купечество и клеймил любые намеки на облегчение доли крепостных как губительные для России и для самих крепостных. Он занимал ряд руководящих постов в правительстве, в том числе в Сенате; был удостоен звания официального историографа и стал автором истории России в пяти томах; написал знаменитое сочинение с критикой социально-политических нравов в царствование Екатерины II и утопический роман, в котором монарх царствует, а управлением занимается благодетельное высшее дворянство.

В Генеральной инструкции 1758 г. для приказчика своих близко друг к другу расположенных имений, Михайловское и Кузмодемьянское в Ярославском уезде, он велел, чтобы крепостные девки выходили замуж к 17, а мужики женились к 20 годам. И объяснил это следующим образом: «Понеже усмотрено во многих деревнях, что многия крестьяне до престарелых лет доходят холостыя и не женятся, также и девки стареются не замужем, отчего: 1. Дома пустуют, 2, и меньше душ становится и следственно все поборы, как государевы, так и госпоцкие, тягостнее крестьянам бывают. И для сего наблюдать, чтоб конечно девка не более семнатати лет сидели в девках, развя которому крестьянину необходимая нужда в работнике, да и такому можно принять в дом зятя, а мушчины женились дватцети лет»¹²⁸.

Часть юности Щербатов провел в Михайловском – родовом поместье семьи. Прослужив два года в Семеновском гвардейском полку в Санкт-Петербурге (1755–1756), он вернулся в Михайловское с молодой женой и маленькой дочкой, но вскоре был опять вызван на службу в связи с Семилетней войной. Щербатов сочинил Генеральную инструкцию в июле 1758 г. во время службы в Санкт-Петербурге и вносил в нее поправки вплоть до 1762 г.¹²⁹ Он воспользовался освобождением дворян в 1762 г. от обязательной службы, чтобы

212–215, 225–226 об., 233–236 об., 256–263; Оп. 1. Д. 6068. Л. 22–26 об., 49–57 об., 104–107 об. Эти примеры от 1843 и 1852 гг. характерно демонстрируют эпизоды, имевшие место во многие другие годы.

¹²⁸ Индова Е. И. Инструкция князя М. М. Щербатова // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. С. 460.

¹²⁹ Индова Е. И. Инструкция князя М. М. Щербатова. С. 432–469. В биографических деталях я придерживался предисловия С. Г. Калининой к «Переписке князя М. М. Щербатова» (М., 2011. С. 3–42); вводной статьи Энтони Лентина к: *Shcherbatov M. M. On the Corruption of Morals in Russia*. Cambridge, 1969. P. 21 и др.; Фурсенко В. Кн. Михаил Михайлович Щербатов // Русский биографический словарь. Т. 24. СПб., 1912. С. 104–124, где мало говорится о его официальной карьере, но даются хорошие выдержки из его речей на заседаниях Уложенной комиссии и из его трудов. И. А. Федосов (Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли. М., 1967. С. 132–158) представляет качественный конспект взглядов Щербатова на крепостное право. Л. В. Сретенский (Сретенский Л. В. Помещичья инструкция второй половины XVIII века // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 197–211) дает хороший анализ Генеральной инструкции 1758 г., а В. Дэниел (*Daniel W. Conflict between Economic Vision and Economic Reality // Slavonic and East European Review*. 1989. Vol. 67. № 1. P. 42–67) сравнивает Генеральную инструкцию с щербатовскими методами

уйти из армии, много времени проводил в Михайловском в период с 1762 по 1767 г. и затем опять после выхода в отставку в середине 1780-х. Щербатов хорошо знал своих михайловских крепостных, о чем свидетельствует его обильная переписка с приказчиками.

Можно предположить, что, как и у Бестужева-Рюмина, правило Щербатова о браках основывалось на наблюдениях за обычаями его собственных крепостных душ, но это не так: «многие деревни», в которых молодые мужики и девки не женились, были не его. Согласно черновому варианту ревизской сказки от 1762 г., в его близко расположенных друг к другу имениях Михайловское и Кузмодемьянское было более 1200 душ мужского и женского пола¹³⁰. Почти все мужчины и женщины к 20 годам состояли в браке. Было только пять незамужних женщин старше 20 – в возрасте 40, 45, 50, 50 (безногая, то есть, вероятно, для замужества непригодная) и 60 лет¹³¹. Несколько больше было неженатых мужиков: пять человек от 20 до 24 лет, которые вполне еще могли жениться, и восемь от 27 до 57. Обширная переписка между Щербатовым и его ярославским приказчиком незадолго до и после 1758 г. не содержит и намека на сопротивление крепостных женщин браку, на трудности крепостных мужиков в нахождении невест или на то, что он установил свое правило о браках из-за горстки холостых мужиков и незамужних девок в его Ярославских владениях. Из переписки видно, что его крепостные время от времени просили разрешения привести невесту из одного или другого щербатовского имения и что он всегда давал им на это разрешение (оформленное в виде приказа)¹³².

Судя по возрастам никогда не бывших замужем женщин на 1762 г., если и были когда-то трудности с убеждением вотчинных девок выйти замуж, то проблема была решена еще 20 лет назад. По другим имеющимся сведениям видно, что щербатовские мужики никогда не испытывали трудностей с нахождением жен¹³³. Некоторые, возможно, затруднялись выбрать невесту у себя, но – как показывает выборка из 35 отпускных грамот от 1719–1762 гг. (приведены в главе 1) и подтверждает ревизская сказка от 1762 г. – всегда было можно за небольшую цену заполучить невесту из соседних имений. Сохранившаяся вотчинная переписка первой половины XVIII в. представляет собой лишь малую долю всех приказов, посланных в Михайловское. Показательно, однако, что тема брака возникает только один раз: в 1741 г. после того, как один из крепостных женился на якобы отпущенной, которая оказалась солдаткой, Ирина и князь Петр Щербатовы (мать и старший брат Михаила) приказали, чтобы священники, совершающие венчание, проверяли отпускные бумаги всех приходящих со стороны женщин¹³⁴.

управления. Ни в одном из этих исследований не упоминается правило о браках от 1758 г. Обзор литературы о Щербатове см.: *Lentin A. A la recherche du Prince méconnu // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28. № 4. P. 361–398.*

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 84. Это очень «сырой» вариант ревизской сказки по двум имениям, где столько поправок и вычеркиваний, что из него можно извлечь только приблизительную статистику.

¹³¹ Обозначенные возрасты служат примером крайней степени возрастной аккумуляции у женского населения от 20 лет и старше во время ревизии 1762 г., поскольку это была первая ревизия, в которой учитывались женщины. У населения младше 20 лет возрастная аккумуляция почти или совсем не наблюдается.

¹³² РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 281, 306, 323, 326, 335, 356, 359: переписка 1753 г. (его матери) и 1757–1761 гг. (самого Щербатова).

¹³³ Отчет по предыдущей ревизии, составленный в 1745 г. и включавший только мужчин, все равно показывает дворы, где все мужчины женаты. (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 55).

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 236. Другая переписка и приказы первой половины XVIII в.: там же. Д. 113, 121, 144, 165, 169, 176, 183, 209, 214, 223, 225, 228, 237.

Крестьяне, среди которых женщины не выходили замуж, принадлежали соседям Щербатова: ревизские сказки 1762 г. свидетельствуют о том, что в близлежащих имениях наблюдалось растущее число взрослых незамужних женщин. Так, например, в деревне Жабино, вотчины Спасского монастыря в Ярославле, 9 из 53 женщин 25 лет и старше (17%) никогда не были замужем; 6 из 44 женщин 30 лет и старше (14%) никогда не были замужем. Среди 37 мужчин от 30 лет и старше только один никогда не был женат. Двое из восьми мужчин, 25 и 29 лет, никогда не были женаты, но вполне еще могли жениться. Такого нельзя сказать о женщинах в возрасте 25–29 лет¹³⁵.

Жабино не единственная деревня, где было такое количество незамужних женщин. По ревизской сказке 1762 г. села Кузминское, находившегося в собственности генерал-лейтенанта Василия Нарышкина, 11 из 69 женщин 25 лет и старше (16%) или 7 из 55 женщин 30 лет и старше (13%) никогда не были замужем – процент почти идентичный жабинскому. В Кузминском, однако, в отличие от Жабино, 4 из 64 мужчин старше 25 (6%) и 4 из 54 старше 30 (7%) никогда не были женаты¹³⁶. Щербатов наверняка посчитал бы, что эти мужики не были женаты, потому что местные девки не захотели выходить замуж, и есть небольшая вероятность, что тут он был бы прав. Между тем в ревизской сказке 1762 г. села Кузминское зафиксировано предыдущее место жительства каждой жены: 58% были со стороны. Очевидно, неженатые мужчины могли при желании найти жен в округе.

В Жабино было на 8,4% больше женщин всех возрастов, чем мужчин всех возрастов, в Кузминском – на 13% больше. В выборке из 11 других имений в этой местности с общим количеством крепостных душ (мужчин и женщин) от 182 до 2843 (стало быть, резкие случайные различия в количественном соотношении полов здесь маловероятны) в пяти насчитывалось от 10 до 19% больше женщин, чем мужчин, поэтому там, скорее всего, проживало значительное количество женщин, никогда не выходивших замуж. Три из этих пяти имений были монастырскими, одно населено экономическими крестьянами, а еще одно – владельческое¹³⁷. Это не значит, что гендерный дисбаланс был наиболее характерен для монастырских владений. Большинство владельческих вотчин в той части Ярославской губернии были карликового размера, не больше двух-трех дворов – результат многолетних разделов между наследниками и выделения приданого¹³⁸. Во всяком случае, по положению на 1762 г. примерно в половине имений среднего и крупного размера вокруг щербатовского села Михайловское скапливались взрослые незамужние женщины. Как и Бестужев-Рюмин, Щербатов, по всей видимости, засвидетельствовал то, что видел и о чем, наверное, беседовал со своими соседями.

Убеждение Щербатова, высказанное им в 1758 г., что многих крепостных необходимо принуждать к вступлению в брак, что это на пользу и самим крепостным, и их владельцам, и государству, оставалось незыблемым до конца его жизни. Последние лет пять он посвятил размышлениям, сочинительству и управлению Михайловским, где явно отсутствовали какие-либо проблемы с браком: в ревизской сказке 1782 г. по Михайловскому и

¹³⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4302. Гл. 2. Л. 29–38. Я исключил из подсчета одну девку, так как из-за выцветших чернил невозможно определить ее возраст.

¹³⁶ Там же. Л. 491–505.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4302. Л. 4–9 об., 49–165, 176–401, 416–429, 439–460, 513–423. То, что там было на 8–13% больше женщин, чем мужчин, само по себе еще не означает скопления взрослых незамужних женщин.

¹³⁸ Десять вотчин, там же, подходят под это описание. В комплекте 65 ревизских сказок, от 1762 г., из Игретской волости и примыкающих друг к другу станов – Закоторжский и Верховский. Все они либо находились рядом, либо включали в себя щербатовские вотчины, и ни в одной не насчитывалось даже 50 душ мужского пола, а в большинстве было меньше 10 (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4301. Гл. 2).

Кузмодемьянскому зафиксирована только одна никогда не выходившая замуж женщина 34 лет и один неженатый 29-летний мужчина, и в обширной вотчинной переписке предыдущих лет ни разу не упоминается сопротивление крепостных браку¹³⁹.

Из всех дошедших до нас сочинений Щербатова некоторое объяснение предполагаемого нежелания крестьян вступать в брак можно обнаружить только в написанном им после ухода в отставку. Но в целом Щербатов неизменно утверждал, что крепостные не будут действовать в соответствии со своими насущными интересами, покуда их владельцы им этого не прикажут, – точка зрения, широко распространенная среди русских дворян того времени. В своем неопубликованном «Размышлении о самстве», написанном, по-видимому, во второй половине 1780-х, Щербатов говорит, что лень и непреодолимое стремление к самоублажению, если их не держать в узде, неуклонно приводят к нищете, которая вкупе с непомерной тягой к совокуплению побуждает крестьян к обману и преступлениям. Так они «часто отнимают нужное у сыновей и отбегают от отдания дочерей в замужество, дабы не лишиться работницы»¹⁴⁰. В этом высказывании интересно то, что, когда крестьянских отцов спрашивали, почему они не выдают дочерей замуж, зачастую они действительно отвечали, что труд этих женщин незаменим в хозяйстве. Иногда это была ложь¹⁴¹. Иногда – правда¹⁴². Щербатов, вероятно, слышал подобные объяснения крестьян и истолковывал их ответы в контексте своих мыслей о праздности, лукавстве и половых сношениях крепостных душ.

Примерно в то же время Щербатов осветил проблему, создаваемую нежеланием крепостных девок идти замуж, в еще одном неопубликованном трактате «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений»: «Все те, которые с прилежанием наблюдают добрый порядок и в своих деревнях, довольно приметили, что отцы неохотно выдают дочерей своих, держа их, яко работниц, для своего прибытку, и лишь токмо господское побуждение принуждает их оных выдавать, побуждение, клонящееся к общему благу государства. А без сего бы побуждения колико бы во всякой деревне нашлось девок и молодых вдов, не вышедших замуж, и холостых, и вдовых неженатых, а тем бы колико уменьшение народа приключилось. Дворцовые и экономические крестьяне пример ясный нам сему представляют. В них во всякой почти деревне можно сыскать множество холостых и вдовых неженатых, а девок, так же и молодых вдов, не вышедших в замужество и не исполняющих долга человечества в размножении народа»¹⁴³.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 162. Эти двое были из одного двора, что обычно указывает на религиозные причины сопротивления браку. Соответствующая переписка: Оп. 1. Д. 484, 493, 508, 510, 519, 523, 525, 550.

¹⁴⁰ Щербатов М. М. Сочинения князя М. М. Щербатова. СПб., 1898. Т. 2. «Самство» – неологизм, придуманный Щербатовым для перевода французского слова «эгоизм». Владимир Рыжков комментирует это и связанные с этим выдержки из текста сочинений в: «Домостроительство» и политика: Место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 345.

¹⁴¹ Как в имении Баки Шарлотты Ливен в 1800 г. См. главу 6 этой книги.

¹⁴² Например, когда в имении Шишкиных в Вологодской губернии отец просил разрешения оставить дочь дома до зимы, потому что ему нужна была ее помощь по хозяйству, а двору ее будущего жениха нет; но он просил также, чтобы его двору было позволено выбрать жениха (ГИМ ОПИ. Ф. 182 (Шишкины). Оп. 1. Д. 8. Л. 203–204 об.). Профессиональный управляющий имениями с 30-летним опытом тоже говорил о необходимости сохранения рабочих рук как причины, почему отцы иногда оставляли дочерей дома (Карнович У. Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления имениями. СПб.: Тип. И. Воробьева, 1837. С. 275). На его свидетельство, вероятно, можно положиться.

¹⁴³ Щербатов М. М. Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или

Примечательно, сколько в этом отрывке содержится заблуждений. Ревизские сказки, исповедные ведомости и подворные описи вотчин безоговорочно свидетельствуют о том, что почти повсюду в России крестьяне всех категорий практически поголовно вступали в брак без малейшего понуждения со стороны владельцев или управителей дворцовых имений. Хотя некоторые дворы действительно испытывали потребность по крайней мере временно удерживать у себя женские рабочие руки, в целом у крестьянских отцов был экономический стимул отдавать дочерей замуж. Женатые сыновья были необходимы для обеспечения продолжения существования двора и сносной старости родителям; крестьянским отцам по всей России, чтобы получить жен для своих сыновей, приходилось оплачивать кладку, размер которой колебался в соответствии с конъюнктурой рынка; получить такой же выкуп они могли, только отдавая своих дочерей замуж. Даже обнаружив, что крепостные девки в некоторых имениях, в его местности, по крайней мере, на самом деле сопротивлялись замужеству, Щербатов совершенно неверно определил корень этого зла. Лениность и скопидомство, якобы присущие русскому крестьянину, не имели к этому явлению никакого отношения.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ УЧИТСЯ ИЗВЛЕКАТЬ ВЫГОДУ ИЗ ОТНОШЕНИЯ СВОИХ КРЕПОСТНЫХ К БРАКУ

Владимир Орлов (1743–1831), в имениях которого многие крепостные девки действительно отказывались от брака, тоже ошибался насчет причин этого, пока не узнал правду от самих крепостных. Владимир был младшим и наиболее образованным из пяти братьев Орловых, которые после захвата трона Екатериной II в 1762 г. вознеслись на вершину российской политики и общества. Его брат Григорий был в то время фаворитом Екатерины и одним из организаторов переворота. И он, и его брат Алексей сразу же заняли командные посты в политической и военной сферах. Все пятеро братьев были возведены Екатериной в графское достоинство и пожалованы вотчинами: на начало 1770-х гг. им в совокупности принадлежало как минимум 27 тысяч душ мужского и примерно равное число женского пола, большинство из них в имениях, полученных от Екатерины¹⁴⁴. Сам Владимир – ему в 1762 г. было всего 19 лет – не принимал участия в перевороте. В 1763 г. братья отправили его в Лейпцигский университет, где он обучался три года. По возвращении в 1766 г. Екатерина назначила его директором Академии наук, то есть на деле исполняющим обязанности ее президента: номинальный президент Кирилл Разумовский никогда не принимал активного участия в делах Академии. Владимир действительно занимался Академией: договорился, например, с ее членами – в большинстве своем немцами – о замене языка записи протоколов заседаний с латинского на немецкий (но не на русский, как он предлагал) и организовывал научные экспедиции. Одна из них, под руководством Петера Палласа, проходила через Симбирскую губернию, и Орлову был послан отчет о качестве почвы и природных ресурсах недавно приобретенного там Орловым имения. С годами он стал проводить меньше времени в Санкт-Петербурге, и, после того как Григорий (в 1772 г. утративший благосклонность Екатерины) в 1774 г. ушел в отставку, Владимир последовал его примеру и посвятил большую часть оставшейся жизни благоустройству своих

сделать собственность имений // Щербатов М. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 154.

¹⁴⁴ После смерти отца в 1746 г. братья получили в наследство 2 тысячи (мужских) душ (*Полушкин Л. П.* Братья Орловы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. С. 10). Семевский насчитал 27 000 душ мужского пола, записанных во владениях Орловых при Генеральном межевании (*Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. СПб.: М. М. Стасулевич, 1903. Т. 1. 2-е изд. С. 34). Галина Тасева насчитала 23 083 души мужского пола по указам Сената о пожаловании имений Орловым до 1774 г. (*Тасева Г.* Организация управления крупной помещичьей вотчины и вотчинный режим в конце XVIII – первой половине XIX в. По материалам вотчинного архива (инструкциям и уложению Орловых-Давыдовых) // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»*. 1973. Т. 76. С. 310).

имений¹⁴⁵.

За отдельными исключениями Орлов придерживался дворянской традиции и позволял женщинам выходить замуж в чужие владения. Одним из исключений было его первое, насколько известно, правило о браке – изданный в 1767 г. запрет на выход замуж за пределами вотчины для крепостных девок Поречья-Рыбного Ростовского уезда¹⁴⁶. Это было, по всей видимости, инстинктивное решение молодого и неопытного помещика, принявшего за данность, что потеря души женского пола по причине замужества наносит очевидный имущественный ущерб. Владимир всерьез занялся хозяйствованием в 1773 г., когда братья доверили ему управление всеми совместно им принадлежавшими в то время вотчинами. Он сразу же осведомился у бурмистров о том, как высчитывается норма оброка, как часто устраиваются деревенские сходы и какие вопросы на них обсуждаются, как исполняется воинская повинность, а также о многих других делах, в которых добросовестный управляющий должен был разбираться¹⁴⁷. Он не задавал вопросов о браках крепостных. Тем не менее, когда бурмистр села Сидоровское (Нерехтинского уезда Костромской губернии) спросил, что делать с крестьянином, который хотел взять невесту для сына со стороны, а также выдать дочь замуж на сторону, Орлов постановил (только в отношении Сидоровского, по всей видимости), что в случае подобных обменов за дочь не нужно брать вывода¹⁴⁸. В 1774 г. его первый полный сборник правил по управлению позволял уход незамужних девок в связи с замужеством, если они не являлись единственными наследницами своего родного двора. В последующей переписке добавлялось, что бездетные вдовы тоже могут выходить замуж на сторону, но вдовы с детьми – нет¹⁴⁹.

И все-таки отношение Орлова к выходу крепостных девок замуж на сторону оставалось амбивалентным. Он дал безоговорочное добро на уход своих женщин в замужество в вотчины братьев (многие из которых граничили с его поместьями) без уплаты вывода, если только в обмене невестами сохранялся приблизительный баланс. Он дал также разрешение женщинам одного имения в Орловской губернии выходить замуж на сторону безвыводно при условии, что соседние вотчины будут следовать такому же правилу¹⁵⁰. С другой

¹⁴⁵ Краткая биография Владимира Орлова дается в: Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. Т. 12. С. 347–348. Двухтомная биография, написанная его зятем и наследником Владимиром Орловым-Давыдовым: Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. Его жизнеописание есть также в: *Полушкин Л. П.* Братья Орловы. М., 2007. С. 385–432.

¹⁴⁶ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897. Гл. 3. С. 338.

¹⁴⁷ *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк. Т. 1. С. 280–281.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1454 (Сидоровское вотчинное правление). Оп. 1. Д. 343. Л. 25. Это приказ Орлова от 1785 г., отменяющий постановление 1773 г. и требующий уплату вывода за каждую девку, выходящую замуж на сторону.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 1273 (Орловы-Давыдовы). Оп. 1. Д. 510. Л. 7 об., 107–107 об., 112–112 об., 114–114 об. Эти правила касались по крайней мере трех имений в Ярославской губернии и как минимум одного в Нижегородской губернии, вполне возможно, что всех остальных орловских вотчин тоже. Журнал приказов за 1774 г. утерян, но правила Орлова от 1774 г. упоминаются в переписке 1776 г. Экземпляр инструкций от 1774 г., посланный в Сидоровское: РГАДА. Ф. 1454. Оп. 2. Д. 92. Л. 1–5.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 60, 80 об.; Д. 662. Л. 77–77 об., 113–113 об., 114 об. – 115. Инструкции об управлении 1776 г. для имения Семеновское (где он жил, когда уезжал из Москвы) в Серпуховском уезде не содержали никаких правил относительно брака, возможно, из-за того, что почти все деревни на милях вокруг принадлежали другим членам семьи (Там же. Д. 510. Л. 52 об. – 56).

стороны, он в 1779 г. запретил замужество на сторону из своей вотчины в Бежецком уезде. В 1790 г., когда он купил имение Симбилей (в Нижегородской губернии) у князей Прозоровских, позволявших девкам выходить замуж на сторону, он приказал: «Девки в постороння вотчины не выпускать в замужество как и до сего производило!»¹⁵¹ Периодические запреты Орлова на замужество на сторону после 1773 г. могли быть связаны с тем, что он либо знал, либо предполагал, что соседи не всегда отвечают взаимностью. Однако, составляя в 1796 г. Уложение для всех своих вотчин, он дал разрешение незамужним девкам и вдовам без сыновей выходить замуж в чужие вотчины по уплате (неуточненного размера) вывода. За одним исключением: чтобы не допустить утрату вотчинного имущества, женщинам без братьев запрещалось замужество за пределами имения¹⁵². По-видимому, Орлов имел в виду домашнюю утварь, которую они могли со временем унаследовать. Такой закон в вотчинах Владимира Орлова существовал вплоть до его смерти в 1831 г., а в некоторых случаях и дольше.

Терпимое отношение Орлова к замужеству вне его владений было в русле устоявшихся дворянских порядков, а вот суммы, которые он взимал, когда женщины пользовались этим правом, шли с обычаем вразрез: вместо номинального сбора, как прежде, он подходил к отпуску крепостной девки для замужества как к продаже. Единственное сохранившееся указание на выводное, взятое Орловым в 1770-х, касается бежецкой вотчины, где в 1776 г. была истребована сумма 15 рублей. Это была такса, установленная самым старшим из братьев Орловых Иваном в 1773 г. в Сидоровском¹⁵³. Владимир, очевидно, повторял за братом. 15 рублей – это намного больше, чем другие помещики брали в это время: в начале 1770-х в округе Сидоровского такса была 1–2 рубля, в Ростовском уезде неподалеку от Бежецка – 2–5 рублей¹⁵⁴. Иван и за ним Владимир Орловы в 1770-х гг. установили выводное выше рыночной цены бракоспособной крепостной крестьянки – примерно 10 рублей¹⁵⁵. К 1783 г. Орлов повысил вывод в Сидоровском и, вероятно, в других вотчинах до 30 рублей, в то время как другие помещики в окрестностях Сидоровского в 1780 г. взимали около 10 рублей¹⁵⁶. Размеры вывода росли везде, но у Орлова быстрее, чем у большинства.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 80 об. (Бежецк); Д. 2763. Л. 29 об. (Нижний Новгород).

¹⁵² Там же. Ф. 1384 (Орловы-Чеменские). Оп. 1. Д. 1484. Л. 17 об. – 19. Во всех других рукописных экземплярах, которые я видел, разночтения были не более значительными, чем ошибки переписчика. Печатный экземпляр см.: *Довнар-Запольский М. В.* Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1910. № 11. С. 253–288.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 510. Л. 10; Ф. 1454. Оп. 1. Д. 344. Л. 4. До 1789 г., когда впервые были выпущены бумажные деньги (*ассигнаты*), цены были в серебряных рублях. Позже, если не оговорено иначе, цены нужно считать номинированными в бумажной валюте (стоимость которой в отношении к серебру колебалась). В бумагах Орлова редко отмечается, был ли сбор в серебряных или бумажных деньгах, но в большинстве случаев бумажные деньги предполагались «по умолчанию».

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 164. Л. 1, 2, 9, 10, 12–13; Д. 41, 58, 115; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 228 (Сидоровское вотчинное правление). Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2 об.; Д. 34, 41, 58 (Сидоровская округа). РГАДА. Ф. 615 (Крепостные книги). Оп. 1. Д. 9205, 9207 (Ростовский уезд).

¹⁵⁵ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. С. 174. У Семевского небольшая выборка и наблюдаются значительные местные отклонения. Когда в 1774 г. служащий Ярославской Казенной палаты назначил выводное в 10 рублей за женщину, уходившую в замужество из конфискованного имения, он мог ориентироваться на рыночную цену (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 149. Л. 57).

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 308. Л. 1. По состоянию на 1780 г. вывод был по-прежнему 15 рублей: Там же. Д. 238. Л. 7, 9, 20, 22, 26. 10-рублевый вывод, взятый помещиками, чьи крепостные девки вышли замуж в орловскую вотчину в 1780 г., см.: Там же. Д. 253. Л. 1–2.

Орловское Уложение 1796 г. не уточняло размера вывода потому, что к тому времени размер менялся, в зависимости от состоятельности двора уходящей невесты. Орлов, возможно, понимал, что зажиточное семейство выдаст дочь замуж только в зажиточный же двор, но я не думаю, что он вдавался в такие подробности: если дочь зажиточного отца выходила замуж на сторону, вывод устанавливался большой, и Орлову было все равно, кто его будет платить. Поскольку рыночная цена бракоспособных крепостных девок (как и крепостных душ в целом) со временем росла, повышался и размер вывода у Орлова¹⁵⁷. В 1792 г. Орлов установил минимальный уровень выводного в своем городецком имении в 50 рублей, в Сидоровском в 1790-х вывод был в диапазоне от 30 до 100 рублей¹⁵⁸. В первой четверти XIX в. за большинство невест, ушедших из орловских вотчин, взималась плата от 100 до 150 рублей, хотя иногда она снижалась до 60, но изредка поднималась гораздо выше: например, в 1821 г. за девку из Городецкого было уплачено 420 рублей¹⁵⁹. С 1799 по 1825 г. сам Орлов покупал невест для своих мужиков, для которых не нашлось жен в собственном имении, по 100–150 рублей¹⁶⁰. Если женщина, уходящая из вотчины в замужество, обменивалась на ее денежный эквивалент, то не было оснований беспокоиться об имущественном ущербе. Усвоив эту концепцию, Орлов в Уложении 1796 г. позволил замужество на стороне женщинам во всех своих вотчинах. Возможно, он увидел в замужестве крепостных девок в посторонних вотчинах дополнительный источник дохода.

В реальном выражении размер выводного у Орлова не повысился в 6–7 раз, как можно заключить из разницы между 15 рублями в 1770-х годах и 100 рублями в среднем на рубеже XVIII и XIX веков. С поправкой на инфляцию и предполагая, что после 1789 г. валютой по умолчанию (почти никогда не указываемой) был бумажный ассигнат, а не серебряный рубль, средний размер выводного, взимаемого за женщин, выходивших замуж из Сидоровского на сторону, между 1773 и 1800 гг. на самом деле только удвоился¹⁶¹. Если же отсчитывать от

¹⁵⁷ О несколько противоречивых цифрах, отражающих цены конца XVIII в. на покупку крепостных для военной повинности и на мужиков, приобретаемых вместе со всей вотчиной, см.: *Миронов Б.* Благополучие населения и революции в имперской России. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 257; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985. P. 64, 348.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 79 об.; Ф. 1454. Оп. 1. Д. 419. Л. 1 – 1 об.; Д. 446. Л. 1–2; *Тасева Г.* Организация управления. С. 329.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 705. Л. 103 об.; Д. 562. Л. 50; Д. 661. Л. 86; Д. 662. Л. 128; Д. 707. Л. 26 об. – 27, 58 об.; Д. 742. Л. 6 об., 167; Д. 937. Л. 59 об.; Д. 1000. Л. 50 об.; Д. 936. Л. 8 об. (Городец, 1821).

¹⁶⁰ Там же. Д. 533. Л. 43 об. – 44, 61, 89 об. – 90; Д. 531. Л. 162–162 об.; Д. 564. Л. 100 об.; Д. 662. Л. 76 об., 86 об. – 87; Д. 707. Л. 99, 161; Д. 742. Л. 2 об.; Д. 937. Л. 101 об. – 102; Д. 973. Л. 1; Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 1154. Л. 2. В 1784 г. генерал Александр Суворов оставил в Москве 150 рублей на покупку трех девок для замужества; вотчинный чиновник сказал ему, что этого недостаточно, за 50 рублей можно было купить только девку, которая совсем ничего не умела, а за 80 он мог приобрести искусницу. В 1785 г. Суворов попросил доверенного купить четырех женщин в жены дворовым по 50 рублей за душу в Новгородской губернии, где они стоили меньше (*Рыбкин Н.* Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М.: Патриот, 1993. С. 23, 25 (впервые издано в 1874 г.)).

¹⁶¹ Я использовал показатель инфляции Бориса Миронова из: *Миронов Б.* «Революция цен» в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 49–61. И отсюда: *Mironov B. N.* Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // *Economic History Review*. 1992. Т. 45. № 3. P. 457–478. Миронов приводит все цены в серебряных рублях, поэтому для периода после 1769 г. я брал обменные курсы серебра к ассигнату из: *Owen T.* A Standard Ruble of Account for Russian Business History, 1769–1914: A Note // *Journal of Economic History*. 1989. Т. 49. № 3. P. 703–704. Когда выводная такса была всего несколько рублей, крестьяне, возможно, платили медяками разного веса и стоимости; см.: *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994.

1760-х гг., когда управитель дворцовыми имениями в Сидоровском брал, наверное, двухрублевый вывод за уходящих из имения невест, к 1800 г. реальная стоимость выводного увеличилась в 13 раз¹⁶². Учитывая, что в районе 1760 г. владельцы крепостных душ обычно взимали 2–4 рубля за вывод, а к 1800 г. брали, как Орлов, уже около 100 рублей, в последней трети XVIII в. реальный рост стандартной ставки выводного был в диапазоне от 6,5 до 13.

В 1777 г. Орлов, видимо, впервые обратил внимание на крепостных женщин, отказывавшихся вступать в брак: он распорядился, чтобы девки в Сидоровском были замужем к 20 годам. Если же в будущем обнаружатся достигшие этого возраста незамужние женщины, бурмистр будет оштрафован, а женщины эти будут выданы замуж за крепостных из других орловских вотчин¹⁶³. Новое правило вызвало смутнение: сидоровский бурмистр Иван Ратков докладывал, что девок старше двадцати слишком много, чтобы всех сразу сосватать. Орлов смилиостивился на том условии, что девки замуж будут выходить «за благовременно»¹⁶⁴. Ни в орловских, ни в сидоровских бумагах нет прямого намека на то, что могло подтолкнуть Орлова приказать женщинам под страхом сурового наказания выходить замуж к 20 годам, но, вероятнее всего, он только в 1777 г. узнал о том, что некоторые женщины из Сидоровского отказывались вступать в брак – возможно, от какого-нибудь мужика, попросившего его о помощи в приобретении жены. Такого документа нет в сохранившихся материалах, но, когда невест не хватало, крепостные мужики естественным образом шли жаловаться к своим хозяевам, в том числе и к Владимиру Орлову.

Во время ревизии 1763 г. население имения Сидоровское, немного на юг от р. Волги, насчитывало 1208 душ мужского и 1277 женского пола, а деревня Сидоровское – 234 и 281 соответственно¹⁶⁵. До пожалования его Орловым в 1773 г. это было дворцовое имение, и хотя многие крестьяне занимались сельским хозяйством, основой экономики здесь были рыболовство и торговля, а также все больше развивались кустарные промыслы, в частности изготовление ювелирных изделий¹⁶⁶.

В составе населения имения было значительное количество староверов. В документах от 1764 г. указаны 34 мужчины и 64 женщины в возрасте 25 лет и старше, державшиеся старой веры. Только в деревне Сидоровское 17 из 116 мужчин (14,7%) и 32 из 141 женщины (22,7%) из этой возрастной группы были записными староверами¹⁶⁷. Нет оснований считать, что все староверы в этой деревне, по состоянию на 1764 г., были зарегистрированы (то есть сами на себя донесли). Мужчины, зарегистрированные таким образом, платили двойную

¹⁶² В длинном меморандуме (длинной докладной записке) от 1777 г., дающем обзор истории сборов за уход из дворцовых имений в связи с замужеством, отмечается, что в разных местах взимали по-разному: от 25 копеек до 2 рублей, а иногда и 5 рублей (РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовый архив). Оп. 3. Д. 49409–49420. Л. 432–435 об.).

¹⁶³ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 145. Л. 2 – 2 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 2 об.; Д. 181 (Указы, 1778). Л. 11–11 об.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 1454. Д. 46. Л. 17 – 138 об.

¹⁶⁶ Тасева Г. Организация управления. С. 315–316.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 1454. Д. 46. Л. 1 – 10 об. Я выделил население с 25-летнего возраста, потому что по состоянию на 1763 г. 25 лет – это был, кажется, предельный возраст вступления в брак для женщин: в 1763 г. 10 из 37 женщин в возрасте 20–24 лет были не замужем, в то время как из возрастной группы 25–29 лет 6 из 21 были не замужем так же, как и 6 из 21 в группе 30–34-летних. Предельный возраст для женитьбы мужчин был, судя по всему, 30 лет.

ежегодную подушную подать, записные женщины-староверки облагались по ставке православных мужчин, в то время как православные женщины вообще не платили подати¹⁶⁸. Более того, в регистрационные списки они были занесены как раскольники. Сами они считали православную церковь раскольнической или еще хуже, и были старообрядцы, которые отказывались регистрироваться, потому что это, по их мнению, было равносильно признанию раскола, то есть отречению от веры истинной. Единственной выгодой регистрации было то, что она избавляла их от преследований со стороны церкви и государства, требовавших от них либо принять православные таинства, либо заплатить штраф.

Гораздо большее число «саморазоблачившихся» староверов появляется в списке от 1800 г. – 25 мужчин и 75 женщин в деревне Сидоровское, 12 мужчин и 49 женщин в остальной части имения – потому что императрица Екатерина II (1762–1796) отменила многие дискриминационные законы против них¹⁶⁹. В списке от 1800 г. указано количество мужчин и женщин по деревням, без имен и возрастов, но, поскольку в такие списки дети практически никогда не включались, мы можем считать, что почти все сидоровские староверы, зарегистрированные в 1800 г., были взрослыми. Иначе говоря, в 1800 г. почти половина взрослых женщин и, по всей вероятности, 20% взрослых мужчин в деревне Сидоровское были записаны староверами. Можно также предположить, что некоторое число староверов остались незарегистрированными.

Существовало много течений старообрядчества, но все те, кто был зарегистрирован в 1763 г., почти наверняка являлись членами беспоповских согласий, особенностью вероучения которых было убеждение, что реформы Никона середины XVII в. уничтожили благодать священства и, следовательно, таинство брака. В 1763 г. в целом в деревне Сидоровское 25 из 141 женщины 25 лет и старше (17,7%) никогда не были замужем, при этом 18 из 25 никогда не бывших замужем взрослых женщин являлись записными староверками. Остальные семь, скорее всего, были незарегистрированными староверками. Из мужчин-старообрядцев этой деревни, достигших 25 лет, только двое никогда не были женаты (38 и 54 лет), а 15 состояли в браке. В списках 1764 г. не указывается различие между староверами-беспоповцами и поповцами (которые принимали священников, перешедших к ним из православной церкви, и твердо стояли за брак), а в списке от 1800 г. эти сведения есть: в тот год 55 женщин деревни Сидоровское были из поповцев, а 20 из беспоповцев – цифра, почти совпадающая с количеством взрослых незамужних женщин в 1763 г. Женщины беспоповского толка принадлежали к двум разным соглашениям: 17 спасовок и три поморки. Остальная часть книги – это, по сути дела, развернутое объяснение вышеприведенной статистики по замужним и незамужним взрослым женщинам Сидоровского и их религиозной принадлежности. Для Владимира Орлова же значение имело только то, что сидоровские женщины чурались брака.

До 1777 г. Орлов, вероятно, мало знал о староверах и поначалу, судя по всему, не понимал, что это и были отказывавшиеся выходить замуж женщины из Сидоровского. После приказа незамужним выходить замуж вторым решением Орлова было запретить родителям потенциальных сидоровских невест требовать за дочерей кладку и возместить ее, если уже взяли (в одном случае того года кладка составляла 7 рублей)¹⁷⁰. Сначала Орлов считал, что бракам в Сидоровском препятствует кладка. Однако в конце 1777 г. он уже говорит о не желавших выходить замуж девках и вдовах как об «оказавшихся в незаконных обращениях»,

¹⁶⁸ См., например, отчет об уплате подушной подати в Сидоровском за половину 1772 г.: РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 38. Л. 26.

¹⁶⁹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Л. 7 об. – 8.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 145. Л. 2–2 об.; Д. 166, Л. 26 об. – 27 об.

то есть Орлов знает, что это староверки¹⁷¹. Таким было вводное предложение в приказе о том, что если выяснится наличие каких-либо канонических препятствий (кровное или духовное родство, например) к браку, то женщин следует отправлять в его московскую контору с тем, чтобы выдать их замуж в других его деревнях. В июне 1779 г. бурмистр Ратков прислал известие, что вдовцам никак не удастся уговорить женщин выйти за них замуж, в ответ Орлов приказал бурмистру и сельскому сходу самим заняться сватовством: «...непременно обженить приказывать несмотря ни на какие с тех девок отговорки»¹⁷². Затем в июле он послал указ, который начинался со слов: «Известно мне что многие крестьянские девки живут не в замужестве до очень поздних лет, от чего... блудовство и другие непорядки происходят должны», – стандартное нарекание православных в сторону староверов-беспоповцев. Сход должен был выбрать им женихов, позаботившись только о том, «чтобы человек человека стоил». Если женщины продолжали противиться браку, следовало отдавать их замуж даже против их воли¹⁷³. Сидоровский сход тут же заставил трех женщин выйти за вдовцов и продолжал принудительное сватовство в последующие годы¹⁷⁴.

То, что Орлов узнал о Сидоровском, побудило его присмотреться, нет ли признаков подобного явления в других его имениях. В октябре 1779 г., требуя от бурмистра Городца (Нижегородская губерния) представить информацию о количестве зажиточных крестьян и о том, как они заработали свои деньги, Орлов заодно поинтересовался, у кого есть незамужние дочери, которые по возрасту уже должны быть замужем, и есть ли молодые вдовы. Когда в декабре 1779 г. городецкий вдовец попросил Орлова заставить молодую вдову выйти за него, Орлов распорядился в случае, если она и дальше будет отказываться, отправить ее – явно в наказание, возможно, чтобы выдать насильно в другом месте, – в его московскую усадьбу¹⁷⁵. В Городце было много староверов, в основном поповцев, и имелась старообрядческая часовня, в которой орловские староверы-поповцы венчались. Было бы весьма удивительно, если бы отказ от брака в его городецкой вотчине превышал минимальный уровень¹⁷⁶.

В своей симбелейской Инструкции от 1791 г. Орлов ввел много правил, нацеленных на борьбу с отказом от брака. Он повторил запрет на кладку: «Отцам за дочерей денег отнюдь не брать под опасением жестокого наказания!»¹⁷⁷ Но искоренить этот обычай ему не удалось – из Симбилеев, например, сообщали о кладке, взятой в 1821 г., так что он отказался от дальнейших усилий. Впоследствии он ограничивался пожеланием, чтобы кладка была

¹⁷¹ Там же. Д. 166. Л. 53 об.

¹⁷² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 50 об.

¹⁷³ Там же. Л. 57.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 238. Л. 101; Д. 345. Л. 22.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 516. Л. 66 об., 95 об.

¹⁷⁶ О староверах в городецкой вотчине: РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1000. Л. 23 об., 24 об. Об орловских крепостных, венчавшихся в старообрядческой часовне: ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория). Оп. 557 (1830). Д. 46. Л. 2–3. Особенно ценный источник сведений по поповцам Городца: *Мельников П. И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Министерстве Внутренних Дел Коллежским Советником Мельниковым // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Нижний Новгород, 1910. Т. 9. С. 166–178. Мельников написал этот отчет в 1854 г.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2763. Л. 29 об.

умеренной¹⁷⁸. Он подтвердил правило, ранее установленное для Сидоровского и остававшееся в силе до конца его жизни: если женщины к 20 годам не выходили замуж, отцы их были обязаны найти женихов в течение шести месяцев. Если это не было сделано, семьи непокорных невест облагались штрафом: 10 рублей со среднего двора, 15 рублей с зажиточного. Если двор был настолько беден, что не мог уплатить штраф, отца девки следовало высечь при мирских людях деревни. Если же ни штраф, ни розги не возымели действия, бурмистр и выборные должны были сами выбрать жениха, позаботясь при этом, «чтобы друг другу и дом дому стоили»¹⁷⁹. Орлов не замедлил провести свои распоряжения в жизнь. Инструкция датирована 26 сентября 1790 г. 8 октября он велел симбилейскому бурмистру прислать списки холостых мужиков и предназначенных им бракоспособных, но незамужних женщин и приказал, чтобы их женили незамедлительно¹⁸⁰. В своем Уложении 1796 г. Орлов сохранил все эти правила, кроме одного (наказания розгами), и добавил новые, например, что с холостыми и вдовыми мужиками 25 лет и старше следовало поступать так же, как с незамужними девками и вдовами (однако во всей обширной вотчинной переписке нет ни одного свидетельства, что данное распоряжение имело какие-либо практические последствия). Штрафы не состоявшим в браке были увеличены до 25 и 50 рублей; самых бедных бурмистр должен был штрафовать на свое усмотрение. Орлов добавил, что мужчин и женщин, к браку действительно непригодных, принуждать к нему не надо. Списки тех, кому положено было вступать в брак, должны были посылаться в его московскую контору с припиской о том, что вотчинные власти намеревались делать в каждом конкретном случае¹⁸¹. Несмотря на отмену телесного наказания, орловские документы свидетельствуют, что и после 1796 г. сельские сходы все-таки принуждали некоторых непокорных женщин выходить замуж (хотя иногда наталкивались на сопротивление попов, требовавших соблюдения церковного правила, что венчающиеся должны дать свое согласие на брак), а Орлов и его московская контора продавали, или грозились продать, других упрямцев или ссылали их в Сибирь¹⁸².

Орловские правила относительно браков крепостных бросают свет как на возникавшие проблемы, так и на попытки их преодоления. Орлов не имел определенного отношения к женщинам, выходящим замуж за пределами его вотчин, пока не пришел к пониманию, что, позволяя женщинам уходить из вотчины в замужество за рыночную цену, он не терпит убытка; иногда ему удавалось получить за них гораздо больше рыночной цены. Хотя он был готов в любое время применить (и уполномочить бурмистров и выборных привести в исполнение) карательные меры к взрослым незамужним женщинам, то, что он предпочитал использовать штрафы, несколько умеряло жесткость режима и сулило еще один источник дохода. Его неослабевающие усилия принудить женщин выходить замуж были, безусловно, жестокосердны, но – с учетом нравов эпохи – не в исключительной степени. Орлов отказался от принародного битья розгами (хотя после 1796 г. все-таки были случаи порки) и от попыток искоренить кладку. К тому же он готов был покупать крепостных девок в жены своим крепостным мужикам, которые не смогли найти невест у себя, – жестоко по

¹⁷⁸ Там же. Д. 561. Л. 27 об.; Д. 936. Л. 143 об.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2763. Л. 29 об., 30.

¹⁸⁰ *Архангельский С. И.* Симбилейская вотчина Вл. Гр. Орлова (1790–1800 гг.) // Нижегородский краеведческий сборник. 1929. № 2. С. 181.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 1484. Л. 17 об. – 19.

¹⁸² Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 561. Л. 26 об.; Д. 2830. Л. 1–2 об.; Д. 936. Л. 143 об.; Д. 661. Л. 66–67 об.; Д. 937. Л. 41 об. – 42; Д. 705. Л. 78.

отношению к девкам, конечно, но большое благо для мужиков, получивших купленных невест. Своим бурмистрам он наказывал, что если крепостные сами купили себе крепостных крестьянок, а потом отдали их замуж, выводные деньги должны идти крепостным, а не ему¹⁸³. И его правила относительно брака – во многих имениях вообще и в большинстве имений в основном – не имели приложения: девки по своей воле выходили замуж обычно до исполнения 20 лет, большинство молодых мужиков к 30 годам были женаты, и они или их родители справлялись со сватовством сами без всякого вмешательства со стороны Орлова¹⁸⁴.

Правило Орлова об универсальной брачности и его упорные попытки это правило насадить соответствовали желаниям его крепостных мужиков: универсальная брачность была вековым устоем их жизни, и Орлов требовал, чтобы женщины вели себя, как им положено по статусу русских крепостных крестьянок. Крепостные мужики привычно (вдовы, стоявшие во главе двора, изредка) просили Орлова, чтобы он устроил брак поневоле, и сельские сходы часто выступали в этом усердными пособниками. В 1801 г. в имении Романовского уезда Ярославской губернии деревенские власти не смогли заставить 27-летнюю староверку выйти замуж; как доложил бурмистр, «она по упрямству своему у священника отказалась от замужества не ити не за кого». Община предложила изгнать ее из имения; московская контора Орлова приказала ее продать или, если покупателя не найдется, послать на фабрику. Тем временем ее три месяца держали в кандалах. В июне 1802 г., после того как бурмистр и выборные по согласованию с московской конторой уже были готовы отправить ее в ярославский смирительный дом, она дала согласие на брак. Бурмистр после этого предложил отправлять всех противящихся браку девок в смирительный дом, поскольку штрафы не оказывали на них никакого действия. Московская контора велела ему подчиняться орловскому Уложению 1796 г., где такого положения не было¹⁸⁵.

Романовские выборные были возмущены, потому что отказ женщины выходить замуж грозил бедой не одному только несостоявшемуся жениху, а всему миру. Они рассматривали женщин как общинный ресурс. По стечению обстоятельств романовским крепостным в 1802 г. представилась возможность напрямую заявить о своих общинных правах на женщин. Молодая бездетная вдова, попавшая ранее в имение в связи с замужеством, попросила разрешения вернуться в отцовский двор. Ее свекр согласился, мечтая получить свою 100-рублевую кладку обратно, но бурмистр и выборные были другого мнения: вдова была молода и здорова, ее нужно оставить в имении и оштрафовать на 25 рублей за нежелание снова выйти замуж. Орлов принял решение, что вдова может вернуться к отцу¹⁸⁶.

В своих челобитных крепостные мужики объясняли значение брака: от него зависело само существование двора. Они подробно описывали, как им позарез нужны женщины: я вдовствую уже два года, у меня пять малых детей, мне никак не обойтись без жены, которая растила бы их и смотрела за их здоровьем, велите 30-летней девке из Сохтонки, которая ведет беспутную жизнь, выйти за меня. Мне 37 лет, у меня двое детей и старик-отец 61 года, без жены мне не справиться с повинностями¹⁸⁷. Эти и многие другие челобитные настолько схожи друг с другом, что есть основания предполагать, что все челобитчики

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 113. Л. 12.

¹⁸⁴ *Bushnell J. S. Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773–1861 // Slavic Review. 1993. Vol. 52. P. 437–445.*

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 561. Л. 6 об. – 8, 33 об., 37–37 об., 58 об.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 756. Л. 1–2; Д. 533. Л. 61.

пользовались аргументом, который они считали наиболее эффективным, чтобы убедить хозяина вмешаться: ведь гибель или обнищание двора угрожали его собственным интересам. Между тем многие дворы были действительно подвержены демографическим зловключениям, на которые ссылались челобитчики, и многие из их дворов действительно были бы обречены на обнищание и не смогли бы выполнять свои обязанности перед хозяином, если для них не нашлось бы жен. В брачных делах интересы Орлова и его крепостных мужиков совпадали¹⁸⁸. Это было благоприятным обстоятельством для Орлова, так как он в большей степени, чем большинство владельцев крепостных душ, зависел от своих крестьян в отношении соблюдения его правил: он нанял приказчика управлять единственным имением, где почти исключительно использовался барщинный труд, а во всех остальных вотчинах, где в конце XVIII в. крестьяне платили оброк, управляли крепостные бурмистры¹⁸⁹.

Впрочем, там, где сами бурмистры держались старой веры, они могли и скрывать правду. Гавриил Палкин, бурмистр в вотчине в Любимском уезде на севере Ярославской губернии, докладывал в декабре 1805 г., что, поскольку вотчинные мужики взяли невест со стороны, некоторые девки остались без мужей. Он бы, мол, их оштрафовал, согласно правилам Уложения 1796 г., но родители девок утверждают, что это было бы несправедливо. Вместо этого они просят разрешить им заплатить по 100 рублей за отпускные грамоты, чтобы дочери их могли выйти замуж за пределами вотчины. В апреле 1806 г. московская контора Орлова выдала 11 отпускных бумаг. Четыре года спустя, в марте 1810 г., холостые мужики любимовской вотчины послали анонимный донос: невест не хватает, а местные отцы требуют кладку в 300 рублей, которых у челобитчиков нет. Назначая кладку такого размера, отцы явно стремились вывести дочерей за пределы досягаемости. Более того, отцы, открыто державшиеся старой веры, не соглашались отдавать дочерей замуж вообще ни на каких условиях¹⁹⁰. Бурмистр Палкин – почти наверняка сам старообрядец – схитрил: девкам дали вольную не для того, чтобы они вышли замуж, а чтобы избежали замужества. Здесь характерны и временно удавшийся обман, и его, в итоге, разоблачение: Орлов не мог знать того, о чем крепостные ему не говорили, но мужики, отчаянно нуждавшиеся в женах, готовы были пойти даже против могущественных бурмистров, если те пытались защитить противящихся замужеству женщин. В данном случае, однако, донесшие на Палкина мужики так его боялись, что не объявились, даже когда Орлов прислал доверенного для расследования дела¹⁹¹.

Ошибка Палкина заключалась в масштабности фальсификации. Вотчинная переписка, касающаяся двух небольших имений в Костромской губернии – деревень Болотниково и Матвеиха Кинешемского уезда, подчинявшихся сидоровскому бурмистру, а не напрямую Орлову и его московской конторе, – показывает, что часто возможно было прикрыть браконенавистниц по отдельности, если община это поддерживала. В Болотниково в 1805 г. 12 из приблизительно 65 женщин 25 лет и старше (18%) никогда не были замужем. Десять из них приходились на три двора – верный признак того, что они избегали замужества по религиозным причинам. Семь, по имеющимся данным, были физически или психически

¹⁸⁸ Это подтверждает выводы, сделанные в: *Hoch S. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 91–132 и в других местах.

¹⁸⁹ Тасева Г. Организация управления. С. 312.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 2772. Л. 1–11; Д. 632. Л. 25 об.; Д. 731. Л. 1 – 5 об.

¹⁹¹ Там же. Д. 731. Л. 1 – 5 об. Таким образом, московская контора, судя по всему, не приняла никаких мер. Вотчина принадлежала одной из дочерей Орлова, Екатерине Новосильцевой. Управлял ею Орлов, но решение о вольных приняла Новосильцева.

больны и, таким образом, небракоспособны, что в случае трех сестер крайне маловероятно. Еще трех сестер не заставили выйти замуж и не оштрафовали благодаря заслугам их усопшего отца – вероятно, бывшего бурмистра и старовеера-беспоповца. В трех более мелких деревеньках имения, насчитывавших всего 29 душ мужского пола, 3 из где-то 33 женщин той же когорты были не замужем и, по докладу бурмистра, больны¹⁹². В том же году бурмистр Василий Федоров был смещен за пьянство и недобросовестное исполнение обязанностей, а также за то, что брал взятки вместо того, чтобы принуждать незамужних женщин к браку. Мы можем проследить по докладам Федорова за 1798 г., как он уклонялся от необходимости принуждения к браку: он сообщал главным образом о парах, женившихся по собственной воле, упоминая также о браках предстоящих и намечающихся в будущем. Если, однако, ему приказывали, он штрафовал и сек отцов незамужних девок¹⁹³. В 1820 г. сидоровский бурмистр заехал в Болотниково и сообщил в Москву о жалобах крепостных, что девять незамужних женщин и один холостой мужик, которых тогдашний бурмистр Ефим Балакирев (назначенный в 1805 г.) оштрафовал, на самом деле недееспособны и посему штрафование не подлежат¹⁹⁴. Между тем Балакирев, судя по всему, не сделал попытки принудить их вступить в брак. Более того, в 1818 г. у самого Балакирева были незамужняя внучка и незамужняя внучатая племянница – обе 24 лет и с незаконнорожденными детьми. Эта информация поступила от жалобщика, которому Балакирев «посоветовал» (по выражению крестьянина, то есть Балакирев не приказывал ему) отдать дочь за местного холостого мужика¹⁹⁵.

В Матвеихе тоже было подозрительно большое количество женщин, которые, как следует из доклада за февраль 1804 г., были небракоспособны¹⁹⁶. И, похоже, их полку все прибывало. В феврале 1804 г. Степан Иванов из д. Дубанки заявил, что его сыну нужна жена, и попросил, чтобы семью Максима Никитина из Матвеихи заставили отдать за него, Степана, дочь. Сидоровский бурмистр Иван Ретнев приказал выборным Матвеихи разобраться; они сообщили, что, хотя девка возраста подходящего, но болеет и для замужества негодна. Они отклонили подобную же просьбу Тимофея Сергеева, утверждая, что, по их сведениям, женщина слишком стара и хрома для брака¹⁹⁷. Выборные лгали: сложно представить, что и Степан, и Тимофей вместо подходящих для брака девок выбрали себе невест, которые действительно для этой цели были негодны. Они же знали, кто эти девки и где они живут, наверняка их видели. Если здоровых женщин в округе не было, они могли бы обратиться к Орлову с просьбой найти им жен; он благосклонно реагировал на такие просьбы из Матвеихи¹⁹⁸. Матвеихинские бурмистр и выборные отказали также в

¹⁹² Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3057. Л. 1–2. Цифры по податному населению в 1812 г., когда женщины не учитывались, поэтому я добавил несколько единиц к общему количеству мужчин, чтобы получить приблизительное количество женщин, и половину из них посчитал как достигших возраста 25 лет (Там же. Д. 2994. Л. 5–5 об. Содержится список этих женщин и их недееспособности).

¹⁹³ Там же. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 2971. Л. 7–7 об., 8–8 об., 10–10 об., 12 об., 14–14 об., 26–26 об.; Д. 2993. Л. 9.

¹⁹⁴ Там же. Д. 3131. Л. 2 об. – 3.

¹⁹⁵ Там же. Д. 3113.

¹⁹⁶ Там же. Д. 3178. Л. 1–3.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3172. Л. 5 – 5 об. (Иванов); Там же. Л. 7–7 об.; Д. 3176. Л. 4.

¹⁹⁸ Там же. Д. 3195. Л. 1. Приказ официально поступил от владельца – князя Ивана Оболенского, чья жена была родственницей Орлова, контора которого управляла имением (Там же. Д. 3167. Л. 3–4).

просьбах о конкретных женщинах, ссылаясь на неравенство дворов невесты и жениха, – еще одна лазейка, оставленная наряду с физической недееспособностью в самом Уложении 1796 г. – и нашли другие отговорки для отклонения настойчивых просьб устроить женитьбу с незамужними девками¹⁹⁹. Не один раз семьи отказывались принять девуку, выбранную для них деревенскими властями²⁰⁰. Были ли эти семьи участниками общинного заговора? Или выборные предлагали брачные союзы, которые заведомо могли быть отвергнуты? Поскольку мы не можем сами оценить состояние здоровья этих женщин, нам сложно разобраться в противоречивых заявлениях, но имеющаяся документация оставляет настойчивое впечатление, что у крепостных мужиков, которым доверили управлять имением, было твердое намерение выгородить браконенавистниц. И это им, похоже, в значительной степени удавалось.

А что насчет села Сидоровское? Ко времени ревизии 1834 г. из 57 лет с момента отдачи приказа о том, чтобы все незамужние женщины были выданы замуж, Орлов владел этим имением в течение 54, и, по данным ревизии, 12,7% женщин 25 лет и старше никогда не состояли в браке – в отличие от 17,7% в 1763 г.²⁰¹ Достижение не блестящее. Впечатляет количество женщин, которые – конечно же, при попустительстве бурмистров – пренебрегли приказом Орлова. В 1858 г. 13,8% взрослых женщин села никогда не были замужем, несмотря на то что его владельцы Панины продолжали применять Уложение Орлова в управлении вотчиной²⁰². Надо полагать, что и в Сидоровском крестьянские власти были из староверов и им удавалось прикрывать многих женщин, чужавшихся брака. Когда в 1821 г. двое отцов из Болотникова попросили разрешения купить вольные своим дочерям – 18 и 39 лет – по 200 рублей за каждую, сидоровский бурмистр передал просьбу Орлову с рекомендацией ее удовлетворить²⁰³. Даже в отсутствие прямых доказательств мы можем подозревать, что бурмистры в Сидоровском, Болотниково и Матвейхе действовали сообща, стремясь при всякой возможности помешать попыткам Орлова принудить женщин к замужеству.

Вотчинная переписка Орлова много говорит нам о единстве интересов Орлова и молодых мужчин, желавших жениться, а также о том, как бурмистры – по всей видимости, сторонники старой веры – уклонялись от исполнения орловских приказов. Она также важна для определения границ географического распространения сопротивления женщин браку. Незамужние женщины в значительных количествах находились в вотчинах Орлова в сопредельных Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях, и есть недвусмысленные свидетельства того, что женщины, противившиеся браку, были из старообрядцев. Старший брат Владимира Алексей Орлов (и впоследствии дочь Алексея) также владели вотчинами в Ярославской губернии, где было много староверов-беспоповцев федосеевского толка, отказывавшихся вступать в брак²⁰⁴. Однако в крупных вотчинах Владимира Орлова в Московской губернии (Коломенский и Серпуховский уезды) и Орловской губернии (Епифанский и Болховский уезды) сопротивление браку либо вообще

¹⁹⁹ Там же. Д. 3163. Л. 5–5 об., 10, 25–25 об., 27–27 об.; Д. 3193. Л. 1–2; Д. 3197. Л. 1–2 об.

²⁰⁰ Там же. 1. Д. 3187. Л. 2–2 об.

²⁰¹ Там же. 1. Д. 2075. Л. 4 об. – 59.

²⁰² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 200 (Костромская казенная палата). Оп. 13. Д. 400. Л. 165–240.

²⁰³ РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3137. Л. 10.

²⁰⁴ Там же. Ф. 1384 (Орловы-Чесменские). Оп. 1. Д. 44, 145, 163, 782, 1059, 1060.

не наблюдалось, либо было незначительным, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний этой проблемы в обширной вотчинной переписке. Надо, правда, сказать, что объем сохранившейся переписки из некоторых имений настолько мал или правление Орлова было столь кратковременным, что выводы делать невозможно. И все-таки достоверно определяется лишь один выбивающийся из географической схемы объект – усольская вотчина в районе Самарской Луки (где р. Волга делает петлеобразный изгиб) в Симбирской губернии. В этом имении отцы ошутимого количества незамужних женщин платили штрафы²⁰⁵. Позже, однако, мы увидим, что Усолье вовсе не выбивалось, а, наоборот, входило в географический пояс женского сопротивления браку вдоль нижнего течения р. Волги.

ВОТЧИННИКИ В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ: АНАФЕМА БРАКАМ НА СТОРОНЕ ИЛИ ПРИБЫЛЬ ОТ ТОРГОВЛИ ОТПУСКНЫМИ БУМАГАМИ?

Другие помещики ломали головы над теми же вопросами, которые Орлов решал в своих уложениях: позволять крепостным девкам уходить из вотчины в связи с замужеством или нет, каким должно быть выводное, что делать с женщинами, отказывающимися выходить замуж, и как разбираться с кладкой, которую крестьяне брали друг с друга. У некоторых, как у Орлова, правила время от времени менялись и, как орловские, остались без объяснений или же были очевидной реакцией на брачное поведение их крестьян.

В одном отношении вотчинники, бесспорно, проявили инициативу: в прошлое ушло их безразличие к браку на стороне. Начиная с 1750-х гг. все больше помещиков запрещали женщинам выходить замуж не у себя. До 1759 г., например, Бутурлины не возражали против ухода их палехских крестьянок в связи с замужеством и в 1750-х брали за эту вольность всего 2 рубля. Затем, в 1759 г., Иван Бутурлин приказал своему палехскому бурмистру зачитать вотчинным крестьянам приказ: отныне отцы могут отдавать дочерей только за мужиков из его вотчины. Бутурлин также распорядился, чтобы крепостные платили ему по 2 рубля за каждую справленную свадьбу – явно в компенсацию (и сверх того) за потерю выводных. Это правило оставалось в силе как минимум до конца 1780-х²⁰⁶. В 1785 г. князья Грузинские запретили замужество на стороне из своего имения в Нижегородской губернии²⁰⁷. Ни Бутурлины, ни Грузинские не озаботились объяснением своих приказов.

На удивление, в большом количестве случаев помещичьи наказы об управлении XVIII и начала XIX века совершенно не упоминают браки крепостных, и другие сохранившиеся документы так же не дают нам определенных сведений²⁰⁸. Однако за действиями

²⁰⁵ Катаев И. М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск: Челябингиз, 1948. С. 42–45.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 1365 (Бутурлины). Оп. 1. Д. 120. Л. 26, 38; Д. 202. Л. 20, 38, 40, 47, 84, 126 об., 145–146.

²⁰⁷ Инструкция князей Грузинских // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1912. Т. 10. С. 49–57.

²⁰⁸ Салтыковы выдали много инструкций своим имениям во второй половине XVIII в., но ни одна, судя по всему, не касалась брака (Кондрашова Л. И. Малоизвестные помещичьи наказы управителям XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: МГИАИ, 1957. Т. 10. С. 237–238). В инструкциях, выданных по вотчине Нарышкиных в Серпуховском уезде Московской губернии, без даты, но относящихся, вероятно, к концу XVIII в., брак не упоминается (РГАДА. Ф. 1272 (Нарышкины). Оп. 2. Д. 28. Л. 29–29 об.). Самаринские вотчинные наказы имению в Тульской губернии от 1778 г. и вотчинам в Симбирской, Тульской, Тверской и Муромской губерниях от 1788 г. не упоминают брак (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII в.). М.: Ин-т истории АН СССР, 1987. С. 251–255; РГАДА. Ф. 1277 (Самарины). Оп. 1. № 665. Л. 1–68). В инструкциях, выданных их вотчинам в 1817 г., говорится только, что по достижении совершеннолетия мужики и девки должны жениться и образовывать тягло, но формулировка дает понять, что они это делали

душевладельцев в конкретных ситуациях часто видна стратегия. Если самый выдающийся полководец России XVIII в. Александр Суворов (1730–1800) сочинял когда-либо подробные управленческие инструкции, они до нас не дошли. В те немногие годы, когда он не был полностью поглощен военными делами, он часто вмешивался в браки крепостных, лично выбирая, какого холостого мужика женить на какой незамужней девке, если они сами не справлялись со сватовством. Он также покупал женщин для нуждавшихся в женах мужчин и дарил 10 рублей на уплату вывода, когда его мужики приводили невест из чужих вотчин. В остальном выводные никак не фигурируют в его переписке. Вкупе с другими фактами это дает основания думать, что невесты из его вотчин не уходили²⁰⁹. В обильной переписке между Александром Михайловичем Голицыным (1723–1807; бывшим, кроме прочего, вице-канцлером Коллегии иностранных дел в 1762–1775 гг.) и его константиновским имением в Рязанском уезде выводное ни разу не упоминается, и многое указывает на то, что Голицын не позволял женщинам выходить замуж на сторону²¹⁰. Когда в 1780 г. бурмистр его маленького имения Карловка (на 1782 г. 75 мужских душ) в Белевском уезде доложил, что все дворы там состоят в родстве друг с другом и поэтому придется обмениваться невестами с соседними поместьями, князь отреагировал на это скептически: каждый конкретный случай должен быть представлен ему со всеми подробностями, и он будет решать, что делать²¹¹. В петровской вотчине Гагариных (в Тамбовской губернии), где в первой половине XIX в. крестьянки выходили замуж в молодом возрасте все без исключения, в обширной вотчинной переписке не содержится никаких признаков ни вмешательства управителей в первые браки пахотных крестьян, ни замужества девок на сторону с их позволения, разве что иногда это разрешалось вдовам²¹².

Как видно на примере Суворова, некоторые вотчинники тщательно контролировали браки своих крепостных. Два помещика из Ковровского уезда (Владимирской губернии) продемонстрировали эту тенденцию в первой половине XIX столетия. Алексей Чихачев вызывал потенциальных женихов и невест из своих широко раскиданных вотчин в центральную усадьбу для вынесения решения о соответствии их друг другу²¹³. А. М. Черемисинов в 1834 г. наказывал старосте составить список бракоспособных мужиков и девок и, если они самостоятельно друг с другом не договаривались, сам подбирал супружеские пары. При этом он позволял своим крепостным брачные обмены с соседними вотчинами²¹⁴.

естественным образом, а не вступали в брак по принуждению (Там же. Д. 223. Л. 1–26).

²⁰⁹ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус Князь Суворов. СПб.: Тип. М. М. Стасулевича, 1884. Т. 1. С. 272–275; *Рыбкин И.* Генералиссимус Суворов. С. 22–24, 66–67, 76; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 309–310, 313, 317.

²¹⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 14 (Голицыны). Оп. 1. Д. 2483, 2484, 2489, 2490, 2503. Он издал правила по управлению в 1785 г., но в них нет упоминаний вопросов брака (Там же. Д. 2484. Л. 51 – 62 об.).

²¹¹ Письма князя Александра Михайловича Голицына своим приказчикам и бурмистрам 1780, 1788, 1792, 1795, 1796, 1798 и 1799 годов // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1901. Гл. 9. С. 7, 25 (статистика населения).

²¹² *Hoch S.* Serfdom and Social Control. P. 119–122. Дворовые обязаны были просить разрешения московской канторы на женитьбу сыновей и дочерей.

²¹³ *Pickering Antonova K.* An Ordinary Marriage. The World of a Gentry Family in Provincial Russia. N. Y.: Oxford University Press, 2013. P. 58.

²¹⁴ Приказ помещика А. М. Черемисинова, Ковровской вотчины, деревни Елоховой, старосте Егору Васильеву и всему миру // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862.

Мелочная регламентация браков крепостных была доведена до крайности Алексеем Аракчеевым (1769–1834), всесильным министром во второй половине царствования Александра I. В 24 Правилах о свадьбах, которые он направил в 1805 г. в свое имение Грузино в Новгородской губернии, ничего не говорилось о браке не в своей вотчине, по всей видимости, потому, что ему это представлялось немыслимым. В отличие от всех других правил о браках его устав почти полностью был адресован мужчинам. Женщин касалось только постановление о том, что девок дурного поведения не нужно выдавать замуж, кроме как если какую-нибудь из них берут в зажиточное семейство. Аракчеевские правила были необычны также в том, что свадебный сезон сдвигался с привычных предшествовавших Великому посту недель в январе и начале февраля на период от Пасхальной недели до Троицы: списки потенциальных женихов должны были составляться в январе, во время Великого поста Аракчеев экзаменовал их на знание «Отче наш» и десяти заповедей, в Пасхальную неделю он производил смотр всех пар, после чего получившие разрешение жениться шли под венец. Как и некоторые другие помещики, он пытался ограничить свадебные расходы и – как мне кажется, беспрецедентно – запретил питье водки за свадебным столом²¹⁵.

Дворян, которые запрещали или разрешали браки на стороне, можно иногда определить по церковным метрическим книгам. В шести маленьких деревнях вокруг Никольского в Рязанском уезде в 1781 г., например, было зарегистрировано два брака между вельяминовскими крепостными, четыре между окороковскими и по одному между хлудневскими и левоновскими. Из венчавшихся в том году в Никольской церкви ни одна пара не была из разных вотчин²¹⁶, что не могло быть совпадением – эти помещики явно требовали, чтобы их крепостные мужики и девки женились друг на друге. Таким же образом в приходской церкви села Талеж в Серпуховском уезде Московской губернии в 1803 и 1805–1817 гг. венчано было всего восемь пар крепостных из деревни Бершово, принадлежавшей тогда Федору Колтовскому: в трех случаях невесты и женихи были из Бершово, а в пяти бершовские мужики взяли невест из вотчин Колтовского в других уездах. Колтовский не жалел усилий, чтобы заставить своих крепостных жениться только друг на друге²¹⁷. Но в то время как одни владельцы маленьких вотчин по-кощеевски стерегли своих крепостных женщин, другие доверялись кругообороту невест на рынке. Во второй половине 1850-х гг. Бершово принадлежало Андрею Боборыкину, и метрическая книга талежского прихода за тот период показывает, что его мужики приводили жен со стороны, что практически неизбежно предполагает уход некоторых его девок из вотчины в связи с замужеством²¹⁸.

Вероятно, не меньшее число вотчинников подняли обычные выводные до необычных уровней. В куракинских владениях в 1770-х гг. вывод стоил 15 рублей – тот же уровень, что и у Орлова в эти годы; 10 рублей Куракины выделяли в общинную копилку, 5 брали себе²¹⁹.

Т. 3. С. 19–20, 28–29.

²¹⁵ Распоряжения Графа Аракчеева // Новгородский сборник. 1865. Вып. 4. С. 275–279.

²¹⁶ ГАРО. Ф. 627. Оп. 249. Д. 55. Кн. 27.

²¹⁷ ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 737 (Серпуховское духовное правление). Оп. 1. Т. 3. Д. 3745. Материалы за 1804 г. отсутствуют.

²¹⁸ Там же. Д. 3752.

²¹⁹ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 316; *Коган Е. С.* Волнения крестьян пензенской вотчины А. В. Куракина во время движения Пугачева // Исторические записки. 1951. № 37. С. 124.

В 1767 г. генерал Михаил Голицын, брат вице-канцлера Александра Голицына, послал Инструкцию в свое Троицкое имение в Пермской губернии, в которой женщинам разрешалось выходить замуж на сторону (при условии, что они не были наследницами своего двора) по уплате неуточнявшихся (то есть, по всей вероятности, обычных для этой местности) выводных²²⁰. В 1789 г. он взял 10 и 15 рублей за вывод невест из его сулостской вотчины в Ростовском уезде и распорядился отдать эти деньги в приходскую церковь. В 1794 г. он истребовал по 50 рублей за каждую из двух девок, ушедших из его сулостской вотчины в замужество, и взял деньги себе. Во всех четырех случаях, по словам бурмистра, девки были такие бедные, что никто из своей вотчины не брал их в жены²²¹. Возможно, Михаил Михайлович предпочитал держать крепостных женщин в своей вотчине, но готов был делать исключения и – к 1794 г. – получать от них свою выгоду.

В районе 1800 г. 100 рублей было типичным размером вывода, например в имении княгини Дашковой, Коротово в Череповецком уезде Новгородской губернии, а также в вотчинах Шишковых и Орловых²²². Выводные продолжали расти. Владимир Орлов-Давыдов (1809–1882), внук Владимира Орлова, в 1831 г. унаследовал некоторые орловские имения и семейное Уложение: он позволял женщинам выходить замуж на сторону за выводные, которые были выше и более стандартизированы, чем у деда²²³. Никита Панин (1801–1879), министр юстиции при Александре I и Николае I, получивший через жену другие вотчины Орлова, в том числе сидоровское и городецкое, позволял обмен невестами без выводных, отпускал девок замуж на сторону, беря за вывод свыше 200 рублей, и штрафовал незамужних взрослых женщин²²⁴.

Из обширной документации, оставшейся от Глебовых-Стрешневых, видно, что с 1815 г. вплоть до отмены крепостного права женщины из их многочисленных вотчин в Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Псковской, Московской, Тульской, Орловской и Симбирской губерниях выходили замуж в чужие владения (и явно делали это и до 1815 г.) и соседи отвечали им тем же. В вотчинной переписке иногда отмечается, что Сидор, например, хочет отдать свою дочь замуж на сторону и считает нужным напомнить хозяевам, что он сам ранее приобрел невесту для сына из соседней вотчины. С 1815 г. и далее Глебовы-Стрешневы взимали выводные в размере 250 или 350 рублей, при этом по более высокой ставке брали с более зажиточных дворов и только в отдельных случаях ставка снижалась (до 225 рублей, например) для женщин из бедных дворов²²⁵. Как и Владимир Орлов, многие владельцы крестьян понимали, что, устанавливая выводные на уровне или выше растущей рыночной цены бракоспособной крепостной девки, они не остаются в убытке, когда женщины выходят замуж в чужие владения.

К 1800-м гг. многие помещики были нацелены на извлечение максимума прибыли из

²²⁰ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897. Ч. 3. С. 337–338.

²²¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14 (Голицыных). Оп. 1. Д. 3097. Л. 5, 14–14 об.; Д. 3101. Л. 1, 4, 8.

²²² Черты из жизни кн. Е. Р. Дашковой // Русский архив. 1864. № 5–6. Кол. 584; ГИМ ОПИ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. Л. 202.

²²³ Тасева Г. Организация управления. С. 312, 330. К сожалению, Тасева не сообщает размер новых выводных.

²²⁴ РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 1268. Л. 17 об., 28 об. – 30, 35–36 об.

²²⁵ ГИАМ. Ф. 1614 (Семейный фонд Глебовых-Стрешневых). Оп. 1. Д. 278. Л. 1, 28–28 об.; Д. 279. Л. 35–35 об., 46–46 об., 48–49, 54–55; Д. 281. Л. 2–2 об.; Д. 283. Л. 14–14 об., 55–56; Д. 288. Л. 4; Д. 288. Л. 75–76 об.; Д. 290. Л. 1–52; Д. 297. Л. 1–41; Д. 302. Л. 6–9.

замужества крепостных на сторону, и Шереметевы более откровенно, чем кто-либо. Из шереметевских отпускных грамот первой половины XVIII в. видно, что Петр Борисович (1713–1788) взимал тогда либо номинальный вывод, либо вообще никакого, а уже в инструкциях, разосланных по его многочисленным имениям в 1764 г., вывод устанавливался, в зависимости от зажиточности двора, на уровне 10, 20 или 30 рублей; 20 и 30 рублей значительно превышали тогдашнюю рыночную цену бракоспособной крепостной девки. Более того, если хозяйственная деятельность девкиного отца приносила больше 500 рублей в год, она не могла уйти без личного разрешения барина²²⁶. Понятно, что в таких случаях он назначал особую цену.

Николай Петрович Шереметев, вошедший в наследство с 1788 г., поднял на следующий же год обычную ставку до 40, 80 или 120 рублей, а в 1790 г., как минимум в своих вотчинах на севере Центральной России, где многие из его крепостных занимались не сельским хозяйством, а ремесленным и торговым делом, – до 100, 150 или 200 рублей. В 1796 г. он объявил, что будет лично определять выводные для дворов, чье состояние перевалило за 1000 рублей. С другой стороны, в том же году он установил более низкий тариф для своих пахотных крестьян – 40, 80 и 120 рублей, а бедным дворам, по крайней мере в Вошажниковской вотчине Ростовского уезда, которые жаловались на бремя других поборов, разрешил рассчитываться пряжей и холстом. В 1800 г. он отменил плату натурой и – по меньшей мере в торговых селах – снизил денежную ставку для беднейших дворов до 50 рублей, подняв при этом до 200 рублей ставку среднезажиточным дворам с капиталом от 500 до 1000 рублей и оставив за собой решение, сколько брать с богатых дворов. В 1803 г. он увеличил выводные для пахотных крестьян до 100, 150 и 200 рублей; если бедный двор не мог собрать минимальной платы, им можно было все же выдать своих дочерей на сторону на взаимообразной основе, но только с его личного одобрения²²⁷. Когда же богатейшие дворы выдавали своих дочерей в чужие руки, ему случалось в отдельных случаях истребовать тысячи рублей. По вступлению в наследство в 1809 г. Дмитрий Николаевич Шереметев сохранил ту же шкалу расценок и ту же прерогативу определять размер платы для особо богатых²²⁸.

Шереметевы вполне сознательно обратили замужество своих крепостных на сторону в существенную статью дохода²²⁹. С другой стороны, и в XVIII, и в XIX вв. они позволяли

²²⁶ Щепетов К. Н. Крепостное право. С. 269–285, полный текст, посланный в юхотскую вотчину; правила, касающиеся брака: Там же. С. 272, 274, 281–282. Точно такой же свод правил был в том же году послан в имение Шереметевых в Муромском уезде: Довназапольский М. Т. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев. 1904. № 7. С. 79–96; 1905. № 8. С. 97–103. Относительно более раннего периода см.: Крепостные книги Ростовского уезда. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9159. Л. 44 (1733); Д. 9177. Л. 17, 21, 23 об. (1750); Д. 9180. Л. 4 об. – 5 об., 12–12 об., 15 об. (1751).

²²⁷ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 3. Д. 555. Л. 9, 11, 21, 49–50; Щепетов К. Н. Крепостное право. С. 78; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России. С. 140; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л.: Наука, 1981. С. 48–49.

²²⁸ К вопросу об очень высоких ставках выводных: Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Шуя: Тип. Я. И. Борисоглебского, 1884. Гл. 1. С. 111; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России. С. 140; Прокофьева Л. С. Крестьянская община. С. 49. По ставкам Дмитрия Николаевича: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 791. Л. 1–8 (1821); Д. 1217. Л. 18 (1834); Д. 1837. Л. 1–4 (1848); Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 74.

²²⁹ Щепетов (Крепостное право. С. 210) утверждает, что в 1814 г. Дмитрий Шереметев собрал в общей сумме 7800 рублей выводных (в три других года еще меньше), но это наверняка недооценка. Щепетов насчитал всего 25 женщин, вышедших замуж из шереметевских в чужие владения за период с 1818 по 1850 г. В 1834 г., однако, из одного только Вошажниково были отпущены в замужество 8 или 9 женщин (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 1–68). В 1840 г. как минимум 10 женщин из Вошажниково получили вольную для замужества (других отпустили, возможно, по другим причинам) (Там же. Д. 1837. Л. 1–62).

девкам из обнищальных (по информации выборных и бурмистров) дворов выходить замуж на сторону безвыводно²³⁰. Лишь в редких случаях запрещали они замужество на сторону – как, например, в 1834 г. двору в Вошажниково, чья задолженность по оброку была больше минимального сторублевого выводного. Эти деньги лучше пустить на оплату долга, распорядилась вотчинная контора, проявив таким образом поразительное непонимание того, кто именно платит выводное и что эта трата ложится на двор жениха, а не невесты²³¹.

КОГДА КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНКИ ОТКАЗЫВАЛИСЬ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ

Есть значительное количество свидетельств с конца 1750-х гг. и далее – при полном отсутствии таковых до этого – о том, как реагировали вотчинники, обнаружив, что некоторые из их крепостных девок вообще не хотят выходить замуж. Это объясняется не тем, что процент сохранившихся вотчинных документов увеличивается (как оно и было) после 1750-х, а тем, что именно в это время владельцы крепостных душ впервые узнали о таком отклонении от нормы. Им стало известно об этом от крепостных мужиков, жаловавшихся на отказы женщин, и из ревизских сказок, где начиная с 1763 г. наряду с мужчинами стали учитываться и женщины. Владельцы крепостных реагировали одним из – или сочетанием – четырех способов: установлением возраста, к которому крепостные должны были вступить в брак, жестким принуждением, штрафами за незамужних женщин и продажей отпускных бумаг. В большинстве имений, в которых женщины избегали брака, помещики оказались, подобно Владимиру Орлову, не способны подчинить их своей воле, но, как и Орлов, научились извлекать выгоду из противления браку.

Что их крепостные девки перестали брачиться, дошло до помещиков, вероятно, только после того, как у них накопились старые девы. Помещик из Ростовского уезда, некто Карнович, узнал в 1764 г., что в его имении есть незамужние бабы в возрасте старше 20, а одна 30 лет, и что они из староверов. Он приказал остерегаться староверов, не пускать их на сходки крепостных и другим к ним не ходить, но до его приезда не принимать других мер²³². Дальнейших сведений по этому делу не имеется, но примечательно время сообщения и замешанность в этом деле староверов. В 1777 г. бывший вице-канцлер Александр Голицын начал взимать трехрублевый штраф с незамужних девок в возрасте 18–35 лет и грозился выдать их за холостых мужиков по жребию. Он обнаружил их существование из ревизской сказки 1762 г., на которую обратил внимание, по-видимому, только после ухода с поста вице-канцлера в 1775 г. Впоследствии он утверждал, что его распоряжения заставили 400 женщин выйти замуж, что является явным преувеличением²³³.

Где-то в 1770-х гг. Куракины приказали своим вотчинным приказчикам проследить,

²³⁰ В 1771–1772 гг. по меньшей мере с девяти отпущенных на сторону вошажниковских невест не было взято выводных: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 9205. Л. 10 об. – 11, 16–16 об., 22 об. – 23; Д. 9207. Л. 9–9 об., 28–29 об., 39–39 об., 70–70 об. В 1837 г. четырех женщин отпустили из Вошажникова безвыводно: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 4–12, 21–28 об., 44–48, 57–63. В 1848 г. как минимум пять женщин были отпущены из Вошажниково без уплаты вывода: Там же. Д. 1837. Л. 5–9, 21–25, 28–30, 31–35, 36–38.

²³¹ Там же. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1217. Л. 49–56. В исключительных случаях плату мог внести двор невесты. Отец жениха, сватавшегося к невесте из первосортного двора Юхотской вотчины, готов был заплатить 1000 рублей, но не 2000, которые требовал Николай Шереметев; в этом случае вывод заплатил невестин дед (*Прокофьева Л. С.* Крестьянская община. С. 49). Вывод Прокофьевой о том, что Шереметевы взимали очень высокие выводные с целью помешать замужеству на сторону, явно ошибочен.

²³² Приказ ярославского помещика Карновича // Оснадацатый век. Исторический сборник (издаваемый Петром Бартеневым). 1869. № 2. С. 365–368.

²³³ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 311–312.

чтобы мужики были женаты к 20 годам и девки оказались замужем – к 18; неженатых мужиков следовало отправлять в армию, а девок штрафовать на 2–3 рубля, которые шли в общинную казну. Если нуждающемуся мужику не находилось невесты, община должна была ему ее купить²³⁴. Приказания эти были, возможно, вызваны обнаружившимся в 1770 г. фактом, что в крупной вотчине Куракиных (1271 душа мужского пола и 1407 душ женского) в Ростовском уезде 11,5% женщин 25 лет и старше никогда не были замужем (все 26,9% в усадебном селе Рождественское). В том же году подворная опись 14 деревень в Петровском, вотчине Куракиных в Суздальском уезде, показала, что 35 из 281 женщины 25 лет и старше (12,5%) никогда не были замужем. Куракиным не пришло бы в голову устанавливать *terminus ante quem* для брака, глядя на состояние брачных дел в их южных владениях в Орловском уезде (829 душ мужского пола, 801 душ женского пола), где в 1763 г. среди женщин 25 лет и старше только 11 никогда не были замужем, и из них 6 как минимум были слепы, а трем другим недавно исполнилось 20 лет, и они еще вполне могли выйти замуж²³⁵. Но раз правило было установлено, Куракины, судя по всему, включили его в инструкции всем своим вотчинам, например в 1775 г. вотчине в Пензенской губернии²³⁶.

Графиня Ирина Воронцова, узнав в 1796 г., что в ее имении в Муромском уезде Владимирской губернии есть взрослые незамужние женщины, приказала, чтобы они либо вышли замуж своей волей, либо подверглись штрафу и высылке в ее имение в Можайском уезде, где их выдадут замуж²³⁷. В те же 1790-е гг. граф Иван Шувалов приказал, чтобы девки в его вотчине Мыт Гороховецкого уезда (сразу к северу от Муромского уезда) выходили замуж к 20 годам. Ослушавшиеся приказа должны были быть выданы замуж даже против воли их отцов²³⁸. Приказы этим вотчинам могли быть единичными, обусловленными только что обнаружившимися скоплениями незамужних женщин в этих отдельных имениях, или же они могли отражать порядки, установленные по всем воронцовским и шуваловским владениям. В 1796 г. бурмистр шишкинского имения в Костромской губернии сообщал, что там есть женихи, ищущие себе невест, и потенциальных невест больше чем достаточно, но отцы не желают отдавать своих дочерей. Мужики вотчины утверждали, что отцы требуют кладку гораздо большую, чем они могли бы заплатить; бурмистр просил от их имени, чтобы Шишкин приказал снизить размер кладки до прежних 5 рублей²³⁹. Василий Иванович Суворов (не состоявший в близком родстве с великим

²³⁴ Там же. С. 312.

²³⁵ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 586 (Куракины). Картон 2. Д. 1. Л. 1–139; там же. Картон 1. Д. 1. Л. 81 – 161 об. Документ от 1770 г. – подворная опись, документ от 1763 г. составлен по результатам ревизии того года, но с добавлением сведений об экономических ресурсах. *Титов А. А.* Кураковщина. Историко-этнографический очерк. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1886. С. 1–10, содержит дельное описание жизни в бывшем ростовском имении, но ничего не говорит о местных религиозных склонностях. На С. 11–26 воспроизводит инструкции о вотчинном управлении, посланные в 1794 г., без правил о браках крепостных. В 1770 г. Петровское находилось в Суздальской губернии, входившей во Владимирское наместничество. В настоящее время оно находится в Ковровском, а не в Суздальском районе.

²³⁶ *Коган Е. С.* Волнения крестьян пензенской вотчины. С. 124. Поскольку пензенская вотчина была в то время в опекуновстве, так как наследники были несовершеннолетними, на практике, по крайней мере, решения принимались опекунами.

²³⁷ Повеление, подписанное графиней Ириной Воронцовой 27 июля 1796 года // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1900. Гл. 7. С. 144.

²³⁸ *Довнар-Запольский М. Т.* Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. 1909. № 7. С. 231.

²³⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. Л. 219–219 об.

генералом), которому с 1766 г. до его смерти в 1790 г. принадлежало имение в районе реки Унжи Костромской губернии, время от времени приказывал выборным сосватать холостых мужиков с незамужними девками или заставить какого-то отца отдать замуж свою дочь. Неясно, была ли на самом деле нужда в таком принуждении. Во всяком случае, его унженские крепостные жаловались в 1782 году, что прежний барин позволял им свататься, как они хотели, и все женились по своей воле. Возможно, они говорили неправду. Этот Суворов позволял также своим крепостным брать невест и выходить замуж за мужиков из соседних имений²⁴⁰.

Генерал Михаил Михайлович Голицын узнал в 1770 г., что некоторые крестьяне в его имении Воскресенском Суздальского уезда отказываются отдавать замуж своих дочерей под ложным предлогом, что хозяйство их не может якобы обойтись без дочерей или что те хворают. Он приказал выборным прибегнуть к принуждению. Этот приказ возымел действие, и некоторые дворы отдали своих дочерей, а другие нет, так что староста и выборные сами подбирали невест для ждущих женихов. Михаил Михайлович сказал по этому поводу, что «хотя не без греха поневоле выдать замуж, но с другой стороны не меньше я в грехе останусь, если их оставлять в такой распутной жизни», и приказал, чтобы попы, возражавшие против таких принудительных браков, не совали нос не в свое дело²⁴¹. Из имения Пужбол Ростовского уезда, принадлежавшего его брату Александру Михайловичу, наверное, приблизительно в то же время поступали сообщения о наличии большого количества взрослых незамужних женщин, но сохранившаяся переписка не содержит сведений о том, как этот вопрос решался²⁴². Возможно, пример именно этого имения побудил Голицына пригрозить выдачей замуж по жребью.

По данным за 1815 г., Глебовы-Стрешневы получали списки незамужних женщин старше 15 лет и на тех, кто уже достиг 20-летия, накладывали штрафы. Бурмистр в вотчине Нерехтского уезда Костромской губернии докладывал в 1815 г., что собирал по 6,50 рубля с девки. Штрафы, однако, могли быть разного размера, в зависимости от возраста и зажиточности: средний размер по вотчине составлял 5,93 рубля в 1817 г. и 6,84 рубля в 1819 г.²⁴³ Как явствует из вотчинной переписки, штрафы имели малый эффект. Нерехтский бурмистр отметил, что в 1815 г. труднее было заставить отцов отдать дочерей замуж, чем сыновей в рекрутчину²⁴⁴. Значительное сопротивление браку наблюдалось также в имениях Глебовых-Стрешневых в Солигаличском и Кологривском уездах (Костромская губерния) и в Романовском уезде (Ярославская губерния). Отцам в этих вотчинах разрешалось покупать вольные грамоты для дочерей за 350 рублей с подтверждением, а иногда и без подтверждения от бурмистра, что они негодны для замужества²⁴⁵. Маловероятно, что отцы стали бы покупать свободу нетрудоспособным дочерям. Отчеты о штрафах, взысканных с

²⁴⁰ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. // Труды Владимирской ученой комиссии. Владимир: Типо-литография Губернского правления, 1904. Кн. 6. С. 3–4, 15–16, 26–27, 36, 49, 59, 92–93. Редактор называет этого Суворова отцом генерала, каковым он на самом деле не был.

²⁴¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1754. Л. 43–43 об.

²⁴² Там же. Д. 3082. Л. 16–17. Этот доклад не содержит даты и ошибочно хранится среди пачки документов, помеченной 1814–1855 гг.; он адресован Александру Михайловичу, умершему в 1807 г. Я думаю, что он относится к 1770-м или 1780-м гг.

²⁴³ ГИАМ. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 283. Л. 68; Д. 288. Л. 10, 58, 59 об.

²⁴⁴ Там же. Д. 278. Л. 20.

²⁴⁵ Там же. Л. 48, 49; Д. 279. Л. 23, 46–46 об.; Д. 283. Л. 13; Д. 281. Л. 2–2 об., 4–4 об.; Д. 288. Л. 10 об., 75–76 об.

противящихся браку женщин, или об отпускных грамотах для них касаются только имений Глебовых-Стрешневых в Ярославской и Костромской губерниях, но не многочисленных владений семьи в других губерниях.

Юсуповы, владевшие многими вотчинами во многих губерниях, судя по всему, вплоть до 1830-х гг. оставляли без внимания брачные тенденции своих крепостных, а возможно, даже и не знали о них. Мы можем лишь ориентировочно предполагать, исходя из имеющихся данных, что князь Николай Борисович Юсупов (1751–1831) запрещал заключение браков за пределами своих имений. Когда в 1780 г. он изменил размер тягла в своих барщинных имениях с двух супружеских пар на одну, он, вероятно, считал, что создание супружеских пар невозможно без принуждения, и посему обложил незамужних женщин штрафом в 10 рублей. Документы не указывают, с какого возраста женщинам приходилось платить штраф, не говоря уже о том, была ли какая-либо необходимость в такой мере ²⁴⁶. Каково бы ни было правило, оно, почти несомненно, быстро вышло из употребления: ничего подобного не встречается в последующих правилах вотчинного управления, выпущенных Николаем и его сыном Борисом Николаевичем (1794–1849) ²⁴⁷. Правила управления юсуповскими «степными имениями», где крепостные занимались барщинным трудом, за 1825, 1831 и 1844 гг. были весьма подробными, но не содержали никаких положений о браке ²⁴⁸. Какие соображения были у Николая насчет браков крепостных, имело, пожалуй, мало значения, потому что, занятый государственными делами, поездками за границу и коллекционированием живописи, он был нерадивым хозяином. Как писал о том времени его сын Борис, даже когда из вотчин поступали подробные отчеты, юсуповская московская канцелярия «избегала труда поверить подробные отчеты, и если она получила таковые, то как бы боясь их огромность, помечала к сведению, клала под сукно, а там передала в архив на вечное истление, и от того-то дела по всем имениям шли так худо, что до сих пор с необыкновенными моими усилиями едва могу дать им правильный ход» ²⁴⁹.

Судя по уцелевшим материалам, с 1780-х до начала 1830-х гг. юсуповские документы молчат о проблемах с незамужними женщинами, по крайней мере в отношении степных и малороссийских имений: эта тема не только совершенно отсутствует в инструкциях, посылавшихся приказчикам, но не затрагивается также и в переписке между вотчинами и московской канцелярией ²⁵⁰. Отсутствие доказательств может считаться доказательством отсутствия. Такой вывод можно сделать из трехсторонней переписки 1843 г. между

---

²⁴⁶ Сивков К. Т. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в первой половине XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 157; Иванов Т. И. Другой Юсупов (Князь Н. Б. Юсупов и его владения на рубеже XVIII–XIX столетий). Исторический очерк. М.: Грифон, 2012. С. 21. «Другой Юсупов» Иванова – это полунаучная биография Николая Борисовича, отличающаяся небрежным подходом к источникам и некоторой путаницей относительно его методов управления.

²⁴⁷ В 1832–1833 гг. произошел такого же рода переход от оброка к барщине в так называемых «малороссийских» вотчинах Юсуповых. Здесь тоже была сделана попытка увеличить количество женатых пар, но не путем штрафования незамужних женщин, а наделением дворовых девок 10 рублями и коровой для привлечения женихов из крестьян (Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины XIX века в России // Известия АН СССР. 1926. Сер. 6. № 7–8. С. 518; Он же. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1928. Сер. 7. № 4–7. С. 347–348).

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 1290 (Юсуповы). Оп. 3. Д. 6732. Л. 18–23 (Правила от 1825 г.); Сивков К. Т. Очерки по истории. С. 38–46, 50–52.

²⁴⁹ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 501.

²⁵⁰ Здесь я в большой степени полагаюсь на работы Сивкова и Насонова, упомянутые выше; оба автора были в курсе проблем браков крепостных, но ничего не сообщают ни о выводных, ни о выходе замуж на сторону.

бурмистром маленького имения в Костромской губернии, московской канцелярией и Борисом Юсуповым. Бурмистр сообщает, что крепостные мужики приводили себе в качестве невест государственных крестьянок, и спрашивает, значит ли это, что вотчинные крестьянки могут выходить замуж за государственных крестьян. Нет, не значит, отвечает канцелярия и спрашивает Бориса Николаевича, какова будет его воля. Борис отвечает, что, если женщины не могут найти себе мужей, у него предостаточно женихов для них в его других имениях, и в заключение добавляет: «...на отпуск на волю у меня нет правил, и я решительно воспрещаю»²⁵¹. Он имеет в виду, что раз нет правила, позволяющего отпуск на волю в связи с замужеством, то, значит, это запрещено. Тем не менее он иногда делал исключения: в 1848 г. он согласился отпустить крепостную девку из другой костромской вотчины, если потенциальный жених выложит непомерную сумму 525 рублей²⁵².

Самым ранним сохранившимся свидетельством отвращения к браку можно считать, вероятно, ответное письмо 1834 г. от управляющего всеми юсуповскими степными вотчинами о том, что вдовцы требуют невест, а девки отказываются за них идти; некоторые девки на выданье ни за кого не желают выходить в принципе, а многие отцы отдают своих дочерей только по принуждению²⁵³. Он не указывает никакого конкретного имения как очаг сопротивления браку и не уточняет, кто занимается принуждением. Возможно, речь идет про село Спасское Тульской губернии: в 1825 г. крепостные там и в прилежащей к нему деревне Прилепы утверждали, что вотчинный писарь стакнулся с местным попом, который брал с них лишку за венчания и другие церковные обряды. Отрицая эти обвинения, поп представил список из 173 мужчин и 164 женщин, не ходивших на обязательную ежегодную исповедь²⁵⁴. Имелось в виду, что они – раскольники. Вероятно, они противились попыткам попа втянуть их в лоно официальной церкви. Поскольку все население прихода в 1834 г. состояло из 609 крепостных душ мужского и 647 женского пола (включая детей 6 лет и младше, от которых не требовалось исповедоваться), староверы того или иного толка составляли там, судя по всему, четверть взрослого населения. Староверы или нет, крестьяне Спасского и Прилеп, по данным на 1834 г., поголовно вступали в брак и делали это по крайней мере с 1790-х гг. (те, которым в 1834 г. было за 50 и за 60). В действительности все юсуповские крепостные в Тульской губернии следовали принципу универсального брака²⁵⁵. Возможно, отцы-староверы не хотели отдавать дочерей в православные дворы.

Крепостные крестьянки Юсупова, которые вообще ни за кого не соглашались выходить замуж, жили в Ярославской, Костромской (как было известно Борису Юсупову) и Нижегородской губерниях²⁵⁶. По результатам ревизии 1834 г. в 49 деревнях вотчины Романовского уезда проживали 841 крестьянин мужского пола и 1071 – женского. Женского пола было на 27,3% больше, чем мужского, – почти несомненный знак того, что многие

²⁵¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4731. Л. 22, 25, 35.

²⁵² Там же. Д. 4736. Л. 55. См. также: Л. 8–9, 147.

²⁵³ Сивков К. Т. Очерки по истории. С. 177.

²⁵⁴ Там же. С. 160.

²⁵⁵ Спасское и Прилепы были в четверке самых крупных из юсуповских владений в Тульской губернии. В этих четырех селениях 400 мужиков 25 лет и старше были женаты и только двое, возможно, так и не женились; среди женщин этого возраста 418 были замужем, одна нет, и две других, может быть, нет (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 6783. Л. 22 об. – 51, 53 об. – 67, 95 об. – 120, 162 об. – 171).

²⁵⁶ О староверах в нижегородских вотчинах см.: РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4352 (1830). Л. 55, 64–66, 75, 115–117 об. О Костромской губернии: Там же. Оп. 3. Д. 4715, комплект ревизских сказок Костромской губернии за 1834 г.; там тоже много подтверждений.

взрослые женщины никогда не были замужем. В выборке из этих деревень (493 мужчины, 646 женщин) около 14% взрослых женщин никогда не были замужем²⁵⁷.

То, что многие из его крепостных были старообрядцами, беспокоило Бориса Николаевича. В 1832 и 1833 гг., вскоре после наследования родовых владений, Юсупов посылал один наказ за другим, настоятельно призывая управителей принять меры к повышению посещаемости церкви и нравственности (он тоже связывал раскол с блудом). При этом он считал старообрядцев наиболее заслуживающими доверия крестьянами (имея в виду, по всей видимости, их склонность исправно выполнять свои повинности) и беспокоился, что, став православными, они могут перестать таковыми быть. Вместо жесткого нажима он попытался прибегнуть к мягкому увещанию: в 1846 г. его московская канцелярия созвала его ярославских крестьян, занимавшихся в то время торговыми делами в Москве, на собрание, где священник сказал проповедь о благе принадлежности к единой истинной церкви. Староверы пришли к выводу, что это совершенная бессмыслица²⁵⁸.

Сын Бориса Николай, вошедший в наследство в 1849 г., в 1852 г. составил «Правила взимания оброка с крестьянских девиц»: «В прежние времена в вотчине был такой обычай: крестьянская девка, нравственное воспитание которой было пренебрежено родителями и которая росла не под страхом, предавалась безнаказанно разврату, рожала детей, подкидывала их, честного брака избегала, а потом, когда старилась, вступала в те секты раскола, которые потворствуют разврат; для предупреждения этого наложен был на всех женщин без изъятия оброк. После некоторых изменений в настоящее время этот набор взимается в следующем виде: с девиц 17-ти лет – 1 р. 50 к., в 18-ти лет – 1 р. 75 к., в 19-ти лет – 2 р., в 20-ти лет и далее по 3 р.»²⁵⁹

Столь незначительный «набор» мог быть не более чем досадным неудобством. Отсылка Николая к изменениям предыдущих ставок предполагает, что этот сбор ввел еще его отец Борис, желавший, чтобы его староверы перешли в православие, но остерегавшийся принуждения. Борис (или, возможно, сам Николай) решил, по-видимому, обратить отвращение своих женщин-староверок к браку в еще один, хотя и не особенно большой источник дохода. Юсуповым понадобилось весьма долгое время – вероятно, по причине невнимания первого Николая Борисовича к тому, что происходило в его поместьях, – чтобы отреагировать на широко распространенное сопротивление браку в их ярославских и других северных вотчинах, и их реакция не достигла цели.

Насколько нам известно, княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, молодая вдова бывшего фаворита Екатерины II Потемкина, а затем жена Николая Борисовича и мать Бориса, первой из Юсуповых превратила штраф с незамужних женщин в постоянный доход, сделав это в имении, где брак был близок к универсальному. В 1816 г. она посылала письмо за письмом в свою вотчину Бутурлино на западе Калужской губернии, требуя объяснения, почему в 1815 г. она получила только 1179 рублей от сборов с незамужних девок и молодых вдов. Это, по ее словам, было гораздо меньше, чем 2000 и более рублей, полученных в предыдущем году, или 3000 рублей с лишним, собиравшихся ранее. Она требовала расследования и полной переписи незамужних женщин²⁶⁰.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4322. Л. 182 об. – 264.

²⁵⁸ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 514–515.

²⁵⁹ Насонов А. Н. Из истории крепостной вотчины. С. 514.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 330. Л. 11, 12 об., 34–35, 41; Д. 331. Л. 37–38. Юсуповы называли это имение смоленским, вероятно, потому что большинство его маленьких деревень находились в Смоленской губернии. Возможно, практика штрафования незамужних женщин была введена предыдущей владелицей, графиней Мусиной-Пушкиной. Юсупова цитировала ее в вопросе о приносимом штрафами доходе.

В 1816 г. по результатам ревизии в вотчине проживали 5272 мужчины и приблизительно столько же женщин. В описи, полученной Юсуповой, перечислялись 418 незамужних девок и женщин, достигших возраста наложения штрафа: от 15 до 41 года. 138 из них было по 15 лет; их отцы платили лишь за то, что имели 15-летних дочерей. Всего 38 в списке были в возрасте от 21 до 41 года; максимум 1,5% взрослых женщин 21 года и старше были не замужем. Штрафы, уплачиваемые отцами, составляли 5 рублей за дочь в возрасте 15 лет, по дополнительному рублю за каждый следующий год до 20 лет и 10,5 рубля с 20 лет и далее²⁶¹. Эти штрафы были выше, чем те, что позже взимал ее сын Борис, но нет признаков того, чтобы они побуждали молодых женщин выходить замуж раньше, чем они бы это делали в противном случае. На самом деле княгиня Юсупова была бы расстроена, если бы они выходили раньше, потому как она явно жаждала получить свой доход. Она отвергла предложение посланного на расследование доверенного отменить штрафы и заставить всех девок выходить замуж к 18 годам²⁶². Напрашивается предположение, что она, собственно, и штрафовала 15-летних, потому что так мало было незамужних 20 лет и старше, с которых можно было бы взять штраф. В 1836 г. она опять сетовала на нехватку поступлений от штрафования бракоспособных женщин²⁶³.

Мужики в вотчине, однако, неверно истолковали намерение Юсуповой. Когда до них дошло, что ее доверенный составляет список незамужних баб, 40 крестьян попросили жен для себя или для сыновей. Опять же это была ничтожная часть взрослых мужчин вотчины, но, может быть, у них действительно были трудности со сватовством. Один случай, довольно подробно изложенный в переписке, касался отставного солдата с двумя неженатыми сыновьями. Он утверждал, что его двор придет в упадок, если сыновья не женятся, но отказался сватать сироту, так как она была слишком бестолковой. К тому же двору не грозил упадок: жена солдата была еще жива и с ними жила вдовая сестра или золовка. Причиной, по которой ни одна девка не шла за его сыновей, была убогость их двора²⁶⁴. Даже в крестьянской общине, где брак был универсальным, были дворы с такой дурной славой, что отцы не хотели отдавать туда своих дочерей. В этой ситуации крепостные мужики могли надеяться только на то, что хозяева примут их сторону.

Шереметевы, которым в конце XVIII в. принадлежало больше крепостных душ, чем какой-либо другой семье, гораздо раньше Юсуповых узнали об отвращении к браку среди своих крестьянок. Петр Борисович Шереметев впервые ввел штрафы на незамужних женщин в 1768 г. В его вотчинных инструкциях от 1764 г. штрафы не фигурируют. Информация о повелении 1768 г. содержится в дневнике, который вел мануфактурщик из промыслового села Шереметева Иваново в Шуйском уезде Владимирской губернии. В то время большинство крепостных в Иваново были староверами, многие из них беспоповцы – спасовцы и федосеевцы, чьи женщины были наиболее склонны отвергать брак. Штраф брался пряжей – 2 фунта с незамужних женщин 18–20 лет, 3 фунта с 20–25-летних, 10 фунтов с 25–30-летних – или деньгами в расчете по 20 копеек за фунт. Этот штраф, возможно, применялся только в Иваново²⁶⁵. Однако штрафы пряжей опять появляются в

²⁶¹ Там же. Д. 331. Л. 60 об., 73, 108, 143 об., 145–166. Женщины, явно неспособные выйти замуж, не облагались штрафом и поэтому, по всей видимости, не были включены в опись.

²⁶² Там же Л. 143 об., 143а.

²⁶³ Там же. Оп. 2. Д. 480. Л. 9, 13, 21, 25, 31–34 об., 38–38 об., 40–40 об., 44–45 об. В 1836 г. штрафы начинались с 17-летнего возраста, потому что к тому времени минимальный законный возраст вступления в брак для женщин был 16 лет.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 330. Л. 34, 35, 37; Д. 331. Л. 143, 143а.

²⁶⁵ *Полушин Н. А.* Выписки из памятной книги А. Ф. Полушина // Русский архив. 1898. № 6. С. 179, 190;

1790-х гг. в других имениях, так что они явно сохранялись в управленческой памяти.

Сын Петра Николай, очевидно, узнал, что значительное число женщин в его вотчинах отказываются выходить замуж, только когда он (или его вотчинные управляющие) посмотрел на ревизские сказки 1795 г. Эта ревизия проходила непосредственно после значительного скачка женского сопротивления браку в его имении Вошажниково Ростовского уезда. В селе Вошажниково с населением около 1000 душ (обоего пола) в 1791–1795 гг. отказы от брака среди женщин 25 лет и старше достигли почти 10% по сравнению с менее 5% в той же возрастной категории в период между 1781 и 1790 гг.²⁶⁶ Естественно, Шереметев должен был увидеть, как возросло количество незамужних женщин младше 25 лет. В 1796 г. он писал управлению Вошажникова, что в вотчине много незамужних, то есть бесполезных женщин, а также слишком много холостых мужиков и (молодых, по всей вероятности) вдов и вдовцов. Он ввел штрафы на всех незамужних и неженатых в возрасте 20–40 лет: 2, 4 или 6 рублей в зависимости от состоятельности двора; позже он добавил, что штраф может платиться пряжей по эквиваленту. И приказал, чтобы правление послало ему список всех вошажниковских холостяков, девок, вдов и вдовцов в возрасте от 17 лет и старше²⁶⁷.

Шереметев послал практически идентичные замечания и приказы в 1796 г. в свое Иваново. По статистике, извлеченной им из результатов ревизии 1795 г., там было 550 холостяков и вдовцов от 18 до 40 лет и 869 девок и вдов от 15 до 40. Это были цифры солидные, но завышенные, так как подсчет начинался с 18 и 15 лет, и их нужно рассматривать в контексте общего числа населения вотчины – 3357 душ мужского и 3267 душ женского пола в 1774 г., то есть одним поколением раньше²⁶⁸. Тем не менее в 1795 г. процент взрослых мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, был, судя по всему, существенным. В 1796 г. Шереметев послал также приказ наказывать незамужних женщин в свое имение Серебряные пруды Веневского уезда Тульской губернии. Незамужние женщины должны были работать или могли откупиться 20 фунтами пряжи или 6 рублями. Неясно, при каких обстоятельствах эти разные санкции должны были применяться²⁶⁹.

Как ни странно, Николай Шереметев, должно быть, сначала неправильно понял причину, по которой женщины не выходили замуж. Как и у Владимира Орлова, первая его мысль, похоже, была, что некоторым мужчинам мешала жениться слишком высокая кладка. Устанавливая штрафы для незамужних женщин в Серебряных прудах в 1796 г., например, Шереметев повелел, чтобы «дачи же за невесту денег совсем уничтожить»; чтобы дать стимул богатым отцам отдавать своих дочерей в бедные дворы, он велел взамен освободить

Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск. С. 42, 163–164. Историки, прорабатывавшие архивы Шереметевых, – Щепетов, Прокофьева и Деннисон – судя по всему, не нашли ничего касающегося этого наказа Иванову или какой-либо другой вотчине.

²⁶⁶ Эти данные содержатся в ревизской сказке села Вошажниково от 1816 г.: 9,6% женщин в когорте 40–44 лет никогда не были замужем. В предыдущих 5-летних когортах – 45–54 лет в 1816 г. – только 3,2% и 4,8% женщин никогда не были замужем (*Dennison T. The Institutional Framework*. P. 75).

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 555. Л. 21. Л. 26–26 об., 49; *Dennison T. Institutional Framework*. P. 74. У Деннисона отмена в 1800 г. уплаты пряжей неправильно датируется 1796 г. – то был год, когда данное наказание было впервые введено или же, возможно, возобновлено в Вошажникове и Серебряных прудах.

²⁶⁸ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование. Т. 1. С. 312. Семевский не приводит дату послания в Иваново, но идентичность формулировки указывает на 1796 г. Статистика населения взята из: *Щепетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах. С. 310.

²⁶⁹ *Щепетов К. Н.* Крепостное право. С. 116. Месторасположение имения: Там же. С. 440.

их «от всех вотчинных послуг»²⁷⁰.

В 1802 г. Шереметев, вероятно, посылал запросы в отношении кладки во многие или во все свои имения, поскольку получил в тот год как минимум три отчета о местных ставках из трех разных вотчин. По всей видимости, он узнал, что крестьяне продолжают требовать друг с друга кладку даже после того, как он приказал им это прекратить. Кладка в Борисовке Белгородской губернии, как указано в отчете, была 100 рублей, в сергиевском имении – 20–30 рублей и выше. Крестьяне из имения Хвощевка в Горбатовском уезде Нижегородской губернии жаловались, что отцы нарочно требуют больше, чем им по карману, чтобы отвалить ухажеров. Местное правление приказало, чтобы крепостные доносили о таких случаях: виновные отцы, годные к военной службе, будут отправляться в армию, негодные – на пожизненные каторжные работы²⁷¹. Вполне возможно, что отцы в Хвощевке – известно, что в этой местности жили федосеевцы-беспоповцы²⁷², – действительно защищали своих чужающихся брака дочерей таким образом, так же как в то же самое время поступали отцы в Орловской вотчине в Любимском уезде. Но проблема была не в кладке – этот обычай русских крестьян, хотя он наверняка усложнял женитьбу для мужиков из бедных дворов, был так же распространен среди поголовно брачившихся крестьян, как и там, где наблюдался повышенный уровень женского сопротивления браку²⁷³. В любом случае в 1804 г. Николай Шереметев уступил обычаю; он приказал, чтобы отныне бедные крестьяне выкладывали не больше 20–30 рублей, а крестьяне среднего достатка – не больше 50 рублей. В 1815 г. его сын и наследник Дмитрий (или управляющие, действовавшие от его имени: Дмитрию в то время было всего 12 лет) издал откорректированные вотчинные правила, запрещавшие кладку, но его крепостные наверняка пропустили этот приказ мимо ушей точно так же, как они это сделали в 1796 г. в отношении приказа Николая²⁷⁴.

Причиной невыхода замуж такого количества женщин в шереметевских имениях была, скорее всего, старая вера беспоповского толка – точно так же, как везде в тех местах, о которых у нас имеются более или менее основательные сведения о присутствии староверов. Что касается имения Вожажниково (Ростовский уезд), сведений как раз достаточно, чтобы допустить вероятность этой причинной связи. Нужно сказать, что в обширных архивных материалах из Вожажниково мы находим лишь некоторые признаки присутствия старообрядцев²⁷⁵. Один небольшой комплект документов дает даже основания считать, что их там было мало: в 1847 г. вотчинное правление задало вопрос двум по крайней мере священникам – не из Вожажниково, а из других сел вотчины – есть ли в их приходах

---

²⁷⁰ Там же. С. 116.

²⁷¹ Там же. С. 117.

²⁷² Грицевская И. М. История и современность сейминского старообрядчества // Мир старообрядчества: история и современность. М.: МГУ, 1999. Вып. 5. С. 243–261.

²⁷³ Hoch S. Serfdom and Social Control. P. 95–102. Хок суммирует большую часть опубликованной информации о кладке и анализирует ее функцию в русских крестьянских общинах.

²⁷⁴ Щепетов К. Н. Крепостное право. С. 207.

²⁷⁵ Трейси Деннисон гораздо тщательнее, чем я, проштудировала эти документы и не нашла в них ничего, что заслуживало бы упоминания касательно старообрядцев в ее монографии, посвященной этой вотчине. Ее анализ очень точен, за исключением Главы о необычной демографической структуре вотчины (*Dennison T. The Institutional Framework*. P. 50–76). Она ищет (и находит) причину большого числа взрослых незамужних женщин в мерах, применяемых Шереметевыми в отношении брака. Эти меры либо не имели значения, либо были реакцией, а никак не причиной брачного поведения крепостных. О старообрядцах в Вожажниково не упоминают также ни Щепетов, ни Прокофьева, изучившие шереметевские бумаги.

раскольники? Один ответил, что нет вообще, другой, что есть только три четы старообрядцев²⁷⁶. Сам по себе вопрос, по-видимому, означает, что у управляющих было подозрение, что где-то там могут быть староверы, но ответы были утешительные.

Исповедная роспись от 1843 г. церкви Пресвятой Богородицы – одной из трех церквей в Вошажниково – рисует другую картину. Среди ее прихожан 652 были из этой деревни. 35 из 207 женщин 25 лет и старше – 16,9% – никогда не были замужем²⁷⁷. Это число примерно совпадает с процентом взрослых незамужних женщин по данным ревизских сказок и подворных описей вотчины за 1832–1858 гг.²⁷⁸ Только один член прихода – 39-летняя замужняя женщина – была записана как приверженец старой веры. Еще 30 женщин и 21 мужчина, однако, пропускали исповедь по «нерачению» – объяснение, которое специалисты Министерства внутренних дел считали практически безошибочным признаком принадлежности к старой вере. Еще 132 мужчины и 42 женщины пропускали исповедь, потому что были в отъезде; те же самые специалисты отмечали, что подобное отсутствие часто приходилось на период проведения исповедей (см. Введение). Между тем, поскольку многие вошажниковские крепостные действительно уезжали из имения по делам или в поисках работы, я буду считать их отсутствие совершенно невинным²⁷⁹.

Только 4 из 35 женщин 25 и старше лет, не приходивших на исповедь, были не замужем, но еще 10 взрослых незамужних женщин проживали во дворах, из которых 1 или более мужчин старше 25 лет «забыли» исповедаться. В большинстве из этих дворов, вероятно, обитали скрытые староверы: сами по себе ни безбрачие женщины, ни неявка на исповедь не являлись абсолютно верными признаками религиозного инакомыслия, но маловероятно, что наличие двух таких характерных показателей в одном дворе может быть совпадением. Это проясняет ситуацию 14 из 35 взрослых незамужних женщин, достигших возраста 25 лет. Из оставшихся 21, которые жили во дворах, где все либо исповедовались, либо были на заработках, 3 незамужних сестры в возрасте 53–56 лет составляли все население своего двора; 3 незамужних в возрасте 54–62 лет – не сестры – тоже проживали вместе и самостоятельно; еще один двор состоял из вдовца, его незамужней сестры и взрослой незамужней дочери. Как станет ясно из анализа в последующих главах, это наверняка были реликтовые дворы староверов-беспоповцев – то, что осталось после того, как эти дворы приняли обет безбрачия или же пошли на страшный демографический риск, не обеспечив себя адекватным количеством мужчин-производителей. То же самое, по всей вероятности, относится и к двум дворам, каждый из которых состоял из одной незамужней женщины – 37 и 42 лет. Остальные 10 взрослых незамужних женщин жили во дворах с большим, чем у вышеупомянутых, населением. Возможно, некоторые из них остались в девках из-за физического или умственного дефекта, но большинство, скорее всего, не вышли замуж по религиозным причинам. Вошажниковские женщины, бывшие не замужем в 1843 г. – в основном по религиозным соображениям, – и были именно той проблемой, которую Шереметевы пытались и не сумели разрешить с 1796 г.

Примерно то же самое можно сказать о других владельцах крепостных душ. Братья Александр Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны, высокочтимый Суворов, всеми поносимый Аракчеев, Ирина Воронцова, иногда Владимир Орлов и другие прибегали к жестоким мерам, чтобы принудить крепостных крестьянок к нежеланному замужеству. Но,

²⁷⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 1759. Л. 6–9 об.

²⁷⁷ ГАЯО. Ф. 230 (Ярославское духовное правление). Оп. 3. Д. 47. Л. 1–11 об.; *Тумов А. С.* Вошажниково и вошажниковская вотчина в старинном Запурском стану Ростовского уезда. Ростов, 1903. С. 2–3.

²⁷⁸ *Dennison T.* The Institutional Framework. P. 75.

²⁷⁹ *Ibid.* P. 171–172 и в других местах.

скорее всего, большая часть помещиков – тот же Орлов в большинстве случаев, Шереметевы, Глебовы-Стрешневы, Куракины, Панины, Орловы-Давыдовы и так далее – налагали штрафы и другие наказания, но, по имеющимся сведениям, не доходили до применения грубой силы. Штрафы, как все быстро убедились, не достигали желаемого результата, но помещики продолжали их брать в качестве статьи дохода. Штрафы за безбрачие были из той же категории, что куры, орехи или половина овечьей туши, которые многие крепостные обязаны были ежегодно поставлять к барскому столу, и зачастую не более обременительны. Постоянно растущие выводные, несомненно, должны были помешать некоторым женщинам выйти замуж на сторону, но Шереметевы и другие помещики устанавливали размер выводных на том уровне, который, по их оценке, максимизировал их доход, а не на том, который мог бы действительно предотвратить уход женщин из их владений. Продажа отпускных грамот, позволявших женщинам не выходить замуж, преследовала ту же цель. То, что цена вольной обычно рассчитывалась в соответствии с достатком двора, также указывает на намерение в первую очередь увеличить доход. В то время как историки почти единодушно характеризовали эти методы как меры регулирования или контролирования браков крепостных – и изначально они могли преследовать именно такую цель, – в большинстве случаев они таковыми не являлись. Хотя высокий размер выводных влиял на брачный выбор мужчин из более бедных дворов – но из дворов *чужих* вотчин (не тех, где действовали эти правила), которые могли бы в противном случае сосватать невест из данного имения, – различные поборы за замужество на сторону и за безбрачие, взимаемые душевладельцами, приносили им солидный доход, но едва ли меняли отношение крепостных крестьянок к браку. По крайней мере, таково впечатление от демографических историй орловского имения Сидоровское и шереметевского Вожажниково.

Почти всегда вотчинные правила о браке были подсказаны неоправданными опасениями потери собственности (в виде либо самой женщины, либо тягла, которое без нее не будет создано) при выходе женщины замуж на сторону или же обнаружением, что в вотчине есть незамужние. То есть поведение крепостных в большой степени определяло решения их владельцев. Хотя придумываемые ими брачные режимы у разных помещиков имели разные особенности, в действительности их выбор ограничивался двумя вариантами: положить конец традиционному праву женщин выходить замуж на сторону или извлечь выгоду из брачной мобильности; заставлять женщин выходить замуж любыми, пусть даже самыми зверскими способами или обратить женское отвращение к браку в денежный доход. Право же, неудивительно, что так много помещиков решили извлечь выгоду из брачного поведения своих крестьян.

Как бы мы ни относились к жестокости и жадности вотчинников, вмешивающихся в брачные дела крепостных, их вотчинная переписка помогает нам восстановить историю и географию женского отвращения к браку. Помещики узнали о том, что крепостные крестьянки избегают замужества, только во второй половине XVIII столетия. Реакции вотчинников на это явление определяют по крайней мере один регион, в котором концентрировалось сопротивление браку: Ярославль, Кострома, Нижний Новгород и Владимирская губерния – полоса земли вдоль верхнего и среднего течения р. Волги. Их вотчинная переписка и ревизские сказки XVIII в. дают основания полагать, что женское отвращение от брака, если оно вообще существовало, было неощутимо в Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской и других губерниях к югу и западу от Москвы, несмотря на то что дворянским семьям, которые фигурируют в данной главе, принадлежало в этой части много имений.

Глава 3

ПРЕДЕЛЫ НЕПРИЯТИЯ БРАКА: ПРИХОД С. КУПЛЯ В XVIII В

Приход с. Купля Гороховецкого уезда на востоке Владимирской губернии представляется наиболее подходящим местом для начала пристального рассмотрения отказа

крестьян – в основном крестьянок – от брака. Приход этот, похоже, находился в самом эпицентре неприятия брака, мы можем проследить здесь появление неприятия брака уже в начале XVIII в. и увидеть, как к концу столетия оно достигает таких масштабов, что ставит под угрозу выживание местной общины. Одной из причин, почему отказ от брака распространялся, было отсутствие препятствий. Основными противниками брака в приходе с. Купля, да и во всем Гороховецком уезде, были дворцовые (в XIX в. «удельные»), а не помещичьи крестьяне; над ними не было барина, чтобы надзирать и решительно пресекать противобрачное движение, угрожавшее его кровным интересам. В деревне Красное село, всего в 7 километрах от Купли, находилось управление, но это были нерадивые управляющие; нет ни малейших свидетельств каких-либо попыток с их стороны отреагировать на эпидемию противления браку, разразившуюся среди их подопечных. В результате их попустительства в приходе создавалась возможность для проведения, так сказать, эксперимента в естественных условиях: как далеко зайдут крестьяне, одержимые противобрачной верой? Бесценную помощь данному исследованию оказали также попы прихода с. Купля, оставив нам сведения о религиозной общине, являвшейся основным разносчиком эпидемии, – старообрядческом Спасовом согласии. Эти сведения относятся к первой половине XIX в., но мы можем легко – как будет показано в главе 4 – экстраполировать их назад, в XVIII в. Жаль, однако, что у нас отсутствуют какие-либо свидетельства из хозяйственной переписки, которая иногда освещает сопротивление браку в крупных помещичьих вотчинах. Наш рабочий материал практически ограничивается ревизскими сказками, позволившими нам изначально оценить частоту случаев отказа от брака. Но во второй половине XVIII в. в описях документировалось значительно больше, чем просто имя-отчество, возраст и семейное положение.

Приход с. Купля, располагавшийся к югу от малюсенького городка Гороховец (с населением примерно 1300 человек в конце XVIII в. и 2555 – в 1859 г.²⁸⁰) на р. Клязьме, состоял с середины XVIII по середину XIX в. в основном из шести деревень – три из которых (Купля, Хорошево и Харлаково) были населены помещичьими, а три (Пешково, Алёшково и Случково) – дворцовыми крестьянами. Это были небольшие деревни. По ревизской сказке от 1782 г., дворцовые деревни имели общую численность населения (мужчин и женщин от младенцев до стариков) в 157, 156 и 151 человек, а священник, переписывая прихожан в 1777 г., оценивает численность населения помещичьих деревень в 68, 89 и 113 душ²⁸¹.

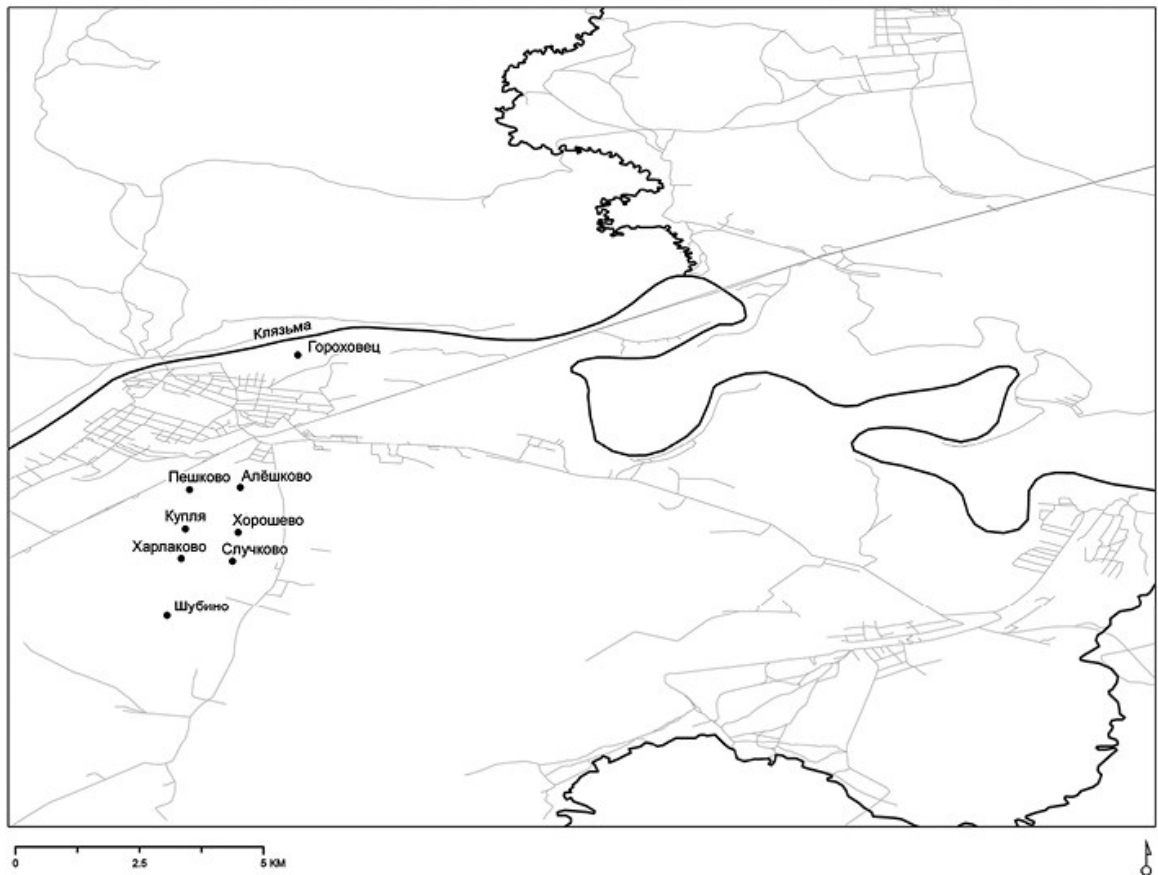
Размер деревень определялся топографией. Приход с. Купля составлял часть заселенного клина – длиной 25 километров, шириной 8–12 километров – к югу от р. Клязьмы. С южного бока клин граничил со столь же широкой полосой непригодных для обитания болот и лесов. На противоположном от Гороховца берегу Клязьмы необитаемые и, по большей части, непроходимые болота и леса простирались на север на 40 и более километров. Крестьяне на юге от Клязьмы сами были окружены заболоченными землями; их деревни и поля ютились на земельных участках, которые поднимались над уровнем болот. Как свидетельствует описание этого района (не именно прихода с. Купля) середины XIX в., там, где в зимние морозы путь от одной деревни до другой составлял 5–10 километров, с апреля, когда топь оттаивала, по середину ноября, когда она вновь замерзала, иногда приходилось тащиться в обход за 15 или даже 30 километров²⁸². Даже в начале XXI в. не во

²⁸⁰ Словарь географический Российского государства. М.: Университетская типография, 1804. Ч. 2. Кол. 78; Географически-статистический словарь Российской Империи. СПб.: Тип. Безобразова, 1863. Т. 1. С. 675.

²⁸¹ ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 301 (Владимирская казенная палата). Оп. 5. Д. 120. Л. 68–73 об., 164 об. – 172 об., 182 об. – 191; Ф. 556 (Владимирская духовная консистория). Оп. 111. Д. 108. Л. 187–198. Похоже, священник упустил из своих расчетов большинство маленьких детей.

²⁸² Дубенский Н. И. Владимирская губерния в сельскохозяйственном отношении. СПб.: М-во государственных имуществ, 1851. С. 33. О масштабах болот и болотистых земель в целом: Там же. С. 8–10, 14, 21–22, 31. Топографическая карта Владимирской губернии наглядно показывает, как болота и леса теснят

все деревни бывшего прихода с. Купля можно было попасть после сильного летнего дождя, а в те, в которые попасть было можно, приходилось добираться по глубокой колее, песчано-глинистые края которой – вязкие и раскисшие от воды – грозили стать западней неосмотрительному шоферу²⁸³.

Карта 2. Приход Купля и Шубино

Такая земля не могла содержать живущих на ней крестьян. Для скота было недостаточно пастбищ, урожай зерновых давал всего 2,5 зернышка на каждое посеянное: после отделения зерна на следующую посевную у крестьян с каждого посеянного мешка на потребление оставалось лишь полтора. Даже в XVIII в. Гороховецкий уезд завозил зерно из южных губерний. Хотя на некоторых участках южного берега Клязьмы почва была пригодна для садоводства и огородничества, крестьяне не могли обойтись без постороннего приработка. В XVIII в. они плотно занимались различного вида кустарным производством, отхожим промыслом и торговлей²⁸⁴. В наказе в Уложенную комиссию Екатерины II в 1767 г. гороховецкие купцы говорили о том, что местные крестьяне строят суда, на которых

селенья вокруг Гороховца.

²⁸³ Я в долгу перед Андреем Петровичем, урожденным гороховчанином и бывшим инженером-мелиоратором, который в советское время занимался осушением здешних болот, а в июле 2012 г. провез меня по доступным в ту пору частям прихода.

²⁸⁴ Дубенский Н. И. Владимирская губерния. С. 13–14, 88–90; Бакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. Т. 1. Ч. 2. Московской губернии, Переславская Залеская, Володимирская, Суздальская, Юрьевская Польская, Переславская Рязанская провинции и часть Калужской провинции. С. 127–129; Словарь географический Российского государства. Гл. 2. Кол. 80; Географическо-статистический словарь. СПб., 1863. Т. 1. С. 676.

купцы сплавляют вниз по реке товары, тянут суда вверх по течению, работают плотниками, дубят кожу для Санкт-Петербурга, занимаются гужевыми перевозками и «делают другую работу, без которой эти крестьяне просто не могут существовать». Купцы жаловались, что крестьяне торгуют аж до самой Астрахани, где покупают рыбу и везут ее вверх по Волге, чтобы сбыть в Саратове, и на обратном пути везут также зерно и другие съестные товары, которые продают в Гороховце, обходя таким образом предполагаемую купеческую монополию на такого рода торговлю²⁸⁵. Уже в XVII в. крестьяне добывали известняк из поверхностных залежей к югу от Клязьмы. В XVII же веке дворцовые крестьяне уезда (включая предков дворцовых крестьян прихода с. Купля) были приставлены к винокурному делу (перерабатывали южное зерно). Этим промыслом они занимались по всей Центральной России еще и в XIX в., а в XVIII в. на его основе возник многочисленный класс котельщиков (мастеров, специализировавшихся на изготовлении всякого рода металлических сосудов). В конце XIX в. Гороховецкий уезд был основным поставщиком отходников-котельщиков для российской промышленности²⁸⁶.

Непроходимые леса и болота к северу от Клязьмы препятствовали возникновению там земледельческих селений, но привлекали религиозных отщепенцев, искавших там убежища еще до раскола во второй половине XVII в. Бывший – возможно, самочинным постригом – монах Капитон, который в первой половине столетия проповедовал крайний аскетизм, занимался умерщвлением плоти и с 1630-х гг. был преследуем церковью и государственными властями за нарушение Церковного устава и отказ от священников. Он укрывался в клязьминских лесах в 1650-х гг., там и умер, возможно, в 1662–1663 г. После его смерти последователи продолжали проповедовать его учение и внесли свою интеллектуальную лепту в создание старообрядческих беспоповских согласий в конце XVII в.²⁸⁷ Первых старообрядцев-беспоповцев часто называли капитонами. По мере того как страсти вокруг никоновской реформы накалялись и государство бросало в тюрьму и казнило фанатичных раскольников, все больше народу бежало в глухие леса, в том числе на север от Гороховца. В 1662 г. власти послали солдат в Вязники, расположенные неподалеку вверх по реке от Гороховца, с целью изловить беглецов, но отчет об этой облаве утерян²⁸⁸. Зато сохранились документы конца 1665 и начала 1666 г., когда правительство вновь отправило солдат на берега Клязьмы, чтобы выкурить раскольников из леса. По завершении

²⁸⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1900. Т. 107. С. 177–178.

²⁸⁶ Андреев Н. И. Гороховецкая историческая хроника. Владимир, 2008. С. 32–37; Он же. Котельщики: гороховецкие отходники. Владимир: Транзит, 2010. С. 13–56.

²⁸⁷ Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München: Wilhelm Fink Verlag, 1970. С. 144–156, 271–277, и Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. С. 66–81 – это основные источники. Также полезны: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование изначальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1898. С. 32–34; Crummeу R. Old Believers in a Changing World. Dekalb: Northern Illinois University Press, 2011. Р. 52–67; Шульгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4. С. 130–139; Бородкин А. В. История старообрядчества Верхневолжья XVII – начала XVIII вв. // Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее, будущее. Кострома: С. н., 2005. С. 31–37. Лес на север от Гороховца в XVII в. назывался Вязниковским. Вязники (в XVII в. – Вязниковская слобода) находится на Клязьме, в 20 километрах на запад от Гороховца. В том, что нам известно о местопребывании Капитона в 1640-х гг., имеются пробелы. Возможно, он был схвачен властями и сослан в Тобольский монастырь; в единственном, беглом упоминании его имени в документе от 1640 г. говорится лишь, что «ссылный монах Капитон» обвинен был в преступных речах другим ссылкой монахом и вором (Преображенский А. А. Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 2. С. 63–65).

²⁸⁸ Бородкин А. В. История. С. 38.

операции в 1666 г. выловлено было около сотни религиозных отступников – в большинстве своем помещичьих крестьян из центральных российских провинций и местных дворцовых крестьян. Сотням других, заблаговременно предупрежденных, удалось ускользнуть от облавы. В 1673 г. государственные чиновники переключили внимание с лесов на деревни, где крестьяне держались старой веры. Одним из эпизодов этой эпопеи стало самосожжение старообрядцев в Шубино, в 7 километрах на юго-запад от прихода с. Купля²⁸⁹. И винокуры, и котельщики слыли приверженцами старой веры, и в XVIII в. православная церковь объявила приход с. Флорово, в 7 километрах на юг от Купли и полукилометре от Шубино, центром борьбы со староверами²⁹⁰.

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ И ИСПОВЕДНЫЕ ВЕДОМОСТИ XVIII В.: ЧТО ОНИ ГОВОРЯТ НАМ О КРЕСТЬЯНСКОМ БРАКЕ

Единственно доступную нам информацию о брачных обычаях и убеждениях в большей части старообрядческой крестьянской среде прихода с. Купля приходится извлекать из нерегулярно составлявшихся ревизских сказок и из исповедных ведомостей, которые фактически представляли собой ежегодный учет приходского населения. Малообещающие источники, но иногда в них прячутся прелюбопытнейшие сюжеты. История одной крепостной семьи из деревни Малиново, изложенная в последовательных исповедных ведомостях прихода с. Флорово, соседствовавшего с приходом с. Купля, по меньшей мере увлекательна, а возможно, позволяет нам заглянуть в головы чуравшихся брака крестьян. В ведомости 1779 г. записаны Андрей Яковлев (39 лет), его жена Матрена (32 года) и их сыновья Григорий и Алексей (8 лет и 4 года) – все официально православные. В ведомость 1800 г. занесены вдова Матрена (в этот год указано ее отчество – Герасимова), теперь ей уже 62 года, с сыном Алексеем Герасимовым (42 года), его женой Катериной, их сыном Григорием (23 года) и дочерьми Екатериной и Вассой (21 год и 19 лет). С 1800 г. Алексей изменил свое отчество с Андреева на Герасимова, как у его матери. В ведомости 1800 г. Алексей по-прежнему значится сыном Матрены, но по исповедной ведомости 1815 г. вдова Матрена, 72 лет, живет со своим холостым *братом* Алексеем Герасимовым, 58 лет, незамужней *сестрой* Вассой Герасимовой, 56 лет, и *посторонним* мужчиной Григорием Константиновым, 39 лет, женатым, с тремя маленькими детьми. Матренин сын Алексей превратился в брата, а внучка Васса – в сестру. Внук Григорий поменял отчество с Алексеева на Константинова, скрыв таким образом свое родство²⁹¹. Жена Алексея, по-видимому, умерла в промежутке между 1800 и 1815 гг., его старшая дочь Екатерина либо умерла, либо вышла замуж и перешла в другую семью. Их уход, а также появление нового, легковверного приходского священника могли спровоцировать преобразование семьи.

Однако то, что Алексей стал Герасимовым еще до 1800 г., позволяет предположить, что семья уже много лет замышляла эти метаморфозы. Это не являлось, конечно же, результатом ряда ошибок, совершенных чередой небрежных священников. Матрена и ее потомство сознательно вымарали свою историю нормально плодящейся семьи и занесли себя в

²⁸⁹ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение. С. 143–171, 204; Андреев Н. И. Гороховецкая. С. 28–32. Документы по операции 1665–1666 гг. на Клязьме находятся в: Румянцева В. С., сост. Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы Приказа тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. М.: АН СССР, 1986. С. 50–102. О силе Старой веры в Вязниках и окрестных районах в XVII и XVIII вв.: Морохин А. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен. Нижний Новгород: Книги, 2009. С. 102–104.

²⁹⁰ Андреев Н. И. Гороховецкая. С. 28.

²⁹¹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 11. Д. 119. Л. 122. Двор 90; Оп. 107. Д. 73. Л. 152. Двор 116; Оп. 14. Д. 254. Л. 776. Двор 45.

исповедную ведомость как семью безбрачных, в силу обстоятельств проживающую совместно с не связанной с ними родственными узами, гораздо более молодой и живущей половой жизнью семьей.

Матрена не стала отказываться от своего вдовства, но, скрыв все следы потомства, могла утверждать (если понадобится, если кто-нибудь спросит), что, как и другие женщины, проникшиеся антибрачными убеждениями вскоре после свадьбы, она блюла свое девство. Из ревизских сказок нам известно, что такие вещи случались. Целью вымыслов семьи Герасимовых (дадим им ими выбранное отчество) было сообща обрести безбрачие. Матрене, Алексею и Вассе представлялось, должно быть, что эта претензия того стоит: две незамужних сестры и холостой брат лучше, чем мать, сын и незамужняя внучка. В их религиозной общине, как я предполагаю из всего последующего, целибат считался праведным, а секс – нечестивым. Зачем бы иначе им пускаться на такие ухищрения, дабы скрыть, что у Матрены и Алексея были дети? Герасимовы должны были понимать, что их соседи и единоверцы не забудут просто так настоящую историю семьи, но в их общине заведомо ложная претензия на добродетель заслуживала, по всей видимости, больше уважения, чем греховная правда. Как мы увидим, такого рода подтасовка фактов была возможна в исповедных ведомостях, но не в ревизских сказках. Мы должны иметь в виду историю Матрены и ее потомства, когда будем просеивать фактический материал, свидетельствующий о растущих уровнях отвращения от брака среди женщин соседского прихода с. Купля.

Первая ревизия (перепись податного населения), проведенная в начале 1720-х гг., и вторая, в 1744 г., включали в списки только мужчин, так как цель их была составить реестр всех, кто подлежал нововведенному подушному окладу, – в принципе, всех мужчин, включая младенцев мужского пола, но исключая дворян и лиц духовного сословия (позже в том же веке и купцов) – и воинской повинности. Начиная с 1763 г. ревизии учитывали также и женщин²⁹². Ревизии XVIII в., кроме самой первой, группировали крестьян не по дворам, а по отцовской линии. В 1744 г., например, отец и три сына записывались вместе, и неважно, в одном они жили дворе или нет. Если они доживали до 1763 г., отец и сыновья опять группировались вместе, а ниже шли их жены и все их потомство. Если сыновья были успешны в плане демографическом, в ревизских сказках 1782 и 1795 гг. вместе со своими отпрысками они занимали не одну страницу, при этом совершенно оставалось неясно, кто где и с кем живет. С другой стороны, в эпоху, когда у большинства крестьян были только имена и отчества и многим мальчикам и девочкам давали одни те же имена, только ревизская сказка с ее принципом построения по отцовской линии могла стать надежным указателем родственных связей за пределами двора.

Ревизия дает также систематическую и весьма полезную информацию о возрасте. Каждая ревизия после самой первой учитывала всех мужчин, включенных в предыдущую, – они были либо живы, либо умерли, либо сбежали, либо были забриты в солдаты или по какой-то другой причине лишились статуса податной души – и добавляла родившихся в промежуточный период²⁹³. Таким образом, в ревизских сказках 1744, 1763, 1782 и 1795 гг. в левую колонку внесены мужчины из предыдущей ревизии, а в правую колонку – мужское население на текущий момент. Необходимость наглядного сравнения результатов предыдущей и текущей переписи, дабы не было ненароком упущено ни одной податной души, объясняет перепись населения по родословному принципу. Эта система была полезна, в частности, тем, что сокращала возрастную аккумуляцию. Значительная возрастная

²⁹² Эти ревизии иногда датируются годом, в котором выходил указ о ревизии, или годом начала ревизии. Я следую обычной практике датирования ревизий по годам, когда было составлено большинство ревизских сказок. Некоторые деревни подавали свои сказки с задержкой на год или два.

²⁹³ Кроме детей, которые родились после одной ревизии, и умерли, не дождавшись следующей. Этих малолетних призраков можно обнаружить в приходских исповедных ведомостях, где они сохранились.

аккумуляция наблюдалась, естественно, и во время, и после первой ревизии: во время ревизии 1763 г. переписчики просто добавили 19 лет к возрасту каждого учтенного в ревизии 1744 г. Из этого возникло то, что можно назвать вторичной возрастной аккумуляцией, перешедшей из одной ревизии в другую. С другой стороны, при каждой ревизии в списки добавлялись дети и подростки, и возрастная аккумуляция была гораздо менее ярко выражена среди молодежи – потому, видимо, что взрослые обитатели двора (или другие лица, от которых переписчики получали сведения) знали, по крайней мере приблизительно, сколько детям на тот момент лет. Ко времени ревизий 1782 и 1795 гг., когда большинство живущих мужчин родились после 1744 г., возрастная аккумуляция сильно сократилась, кроме старейших когорт. Точно то же самое, только позже, произошло с женщинами: значительная возрастная аккумуляция, когда их впервые включили в списки в 1763 г., со временем сгладилась. Нет оснований полагать, что возраст детей, добавлявшихся в ревизские списки, указывался с большой точностью, но погрешность была, вероятно, плюс-минус год или два. Ревизские сказки конца XVIII столетия содержат данные, на которые можно полагаться, если мы намерены использовать их для анализа демографического поведения – процента состоявших в браке, например – по пятилетним когортам²⁹⁴.

Начиная со сказок 1763 г., ревизии XVIII в. дают и другую ценную информацию. С 1763 г. в них указываются деревни, из которых пришли жены, а с 1782 г. – куда были отданы замуж дочери. Эта информация фиксировалась с целью установления смены владельцев, что позволяет нам оценить ряд особенностей брачного поведения – как, например, процент женщин, вышедших замуж не в своей родной деревне, и как далеко мужчины ездили в поисках жен²⁹⁵. Лишь небольшой процент женщин выходили замуж в своей деревне: в 1763 г. в трех дворцовых деревнях прихода с. Купля из 84 жен с известным местом рождения лишь 15 (18%) были местными, еще 13 (15%) были родом из других деревень прихода с. Купля, а 56 (67%) прибыли из прочих мест. В 52 браках, заключенных в интервале между 1763 и 1782 гг., 9 жен (17%) остались в родных деревнях, еще 9 (17%) были из того же прихода, а 35 (65%) – из других деревень. Поскольку деревни эти были маленькие, неудивительно, что мужчины так часто искали себе жен за пределами своих деревень и прихода, который не был естественной физико-географической единицей; некоторые деревни, не принадлежавшие приходу, были ближе, чем другие того же прихода. Так же как большинство жен были не из прихода, большинство дочерей дворцовых крестьян выдавались замуж на сторону: 58% в 1763–1782 гг., 73% в 1785–1795 гг.²⁹⁶ В

²⁹⁴ В классическом исследовании ревизских сказок (*Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. По материалам ревизии. М.: АН СССР, 1963) посвящается значительное внимание количеству неучтенных душ и прилагаются почти непрерывные усилия к поиску и включению в ревизские списки мужчин, не учтенных при первом заходе. В конце концов, подавляющее большинство было учтено. В сказках о дворцовых крестьянах прихода с. Купля нет следов более поздних включений отдельных лиц или дворов (подобные включения есть в сказках из других уездов и деревень). Несмотря на кажущуюся вероятность, что девушки могли быть по небрежности пропущены, поскольку они подушный налог не платили, сказки из прихода с. Купля кажутся полными. Ни одна женщина не была пропущена в какой-либо ревизии, а потом добавлена в следующей из-за того, что, например, она в промежутке вышла замуж и стала матерью налогоплательщика мужского пола.

²⁹⁵ В указе о ревизии от 28 ноября 1761 г. не уточнялось требование включать в списки женщин, но была ссылка на предписание в указе от 13 мая 1754 г., что в следующей ревизии надлежит учитывать женщин с указанием родных деревень замужних и куда отданы в замужество дочери, дабы облегчить разрешение споров о правах собственности на беглых крепостных и их потомство (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее ПСЗ). М., 1830. Т. 14. С. 85; Т. 15. С. 837). Поскольку ревизия 1763 г. была первой учитывавшей детей женского пола, в ревизии 1782 г. впервые сообщалось, куда их выдали замуж.

²⁹⁶ Ревизия 1763 г.: РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 824. Л. 128–137, 176–197 об. Ревизии 1782 и 1795 гг.: ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 68–73 об., 164 об. – 172 об., 182 об. – 191; Д. 202, 58с – 63 об., 153–160 об., 165–170 об.

демографическом плане деревни были далеко не самодостаточными. Брачным рынком были не деревня и не приход, а район.

Большинство деревень в округе прихода с. Купля были дворцовыми имениями, и дворцовые крестьяне брали жен в основном из дворцовых же или небольшого количества помещичьих и «экономических» деревень (монастырских и других церковных имений, секуляризованных в 1763 г.) в радиусе 5–7 километров. Но случалось им привозить жен и из мест, расположенных в радиусе 10 километров от своей деревни. В пределах 10 километров от одной из деревень прихода находилось в среднем более 40 деревушек. Иногда в поисках жен крестьяне прихода с. Купля забирались за 20 километров, а в редких случаях и дальше. Хотя обычный радиус в 10 километров был отчасти продиктован 8–12-километровой шириной заселенного пространства к югу от р. Клязьмы, таким же был радиус поиска невест и в Рязанском уезде в конце XVIII в., и в Серпуховском уезде Московской губернии в первой половине XIX в.²⁹⁷ 10 километров, возможно, составляли естественный радиус социального мира русских крестьян. С другой стороны, вышеупомянутые расстояния обозначены в километрах по прямой, а не по пешим крестьянским тропам. В частности, в округе прихода с. Купля эти цифры серьезно занижают действительную длину крестьянского пути в поисках невест, особенно в весенние и летние месяцы.

Ревизия преследовала финансовые цели, а ежегодный церковно-приходской учет населения являлся способом выявить и оштрафовать или по-другому наказать старообрядцев, не ходивших на исповедь в Великий пост, как положено всем православным, и обложить двойной подушной податью тех, кто решился записаться раскольников. В 1690 г. митрополит Корнилий Новгородский обязал священников в своей юрисдикции представить списки прихожан, не ходивших на исповедь. В 1697 г. патриарх Адриан потребовал, чтобы все священники подавали «изветные именные росписи» прихожан, кои не были у исповеди. В 1714, 1716 и 1718 гг. царь Петр издал указы, повелевавшие священникам подавать списки тех, кто не исповедовался, устанавливавшие каталог штрафов, налагаемых на уклоняющихся, и обязывавшие тех, кто объявлял себя старовером, записаться в местной гражданской конторе и платить двойную подать против взимавшейся с православных. Я буду называть эти документы исповедными ведомостями, хотя у них были и разные другие названия, в частности: духовные росписи, духовные ведомости, исповедные росписи и так далее. Стандартный формуляр для составления ведомостей был введен в 1737 г., затем, несколько менее обременительный – в 1741 г. Напоминания о правилах регистрации и налогообложения староверов и штрафах с уклоняющихся от исповеди издавались периодически, так как священники медлили с исполнением этой задачи. Лишь где-то в середине XVIII в. подача ежегодных исповедных ведомостей стала в порядке вещей²⁹⁸. К этому времени ведомости уже походили на ревизские сказки: священники расписывали всех членов своих приходов по дворам и деревням и указывали возраст и отношение к главе

²⁹⁷ По Серпуховской губернии см.: *Bushnell J.* Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773–1861 // *Slavic Review*. 1993. Autumn. Vol. 52. № 3. P. 441–442.

²⁹⁸ *Миронов Б. Н.* Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: Сборник статей. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. С. 11–16. Миронов дает обзор происхождения и эволюции исповедных ведомостей, как П. И. Мельников: *Мельников П. И.* Счисление раскольников // Мельников П. И. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб.: А. Ф. Маркс, 1909. Т. 7. С. 384–388. Основное законодательство: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1878. Т. 5. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). Кол. 904–905 (Митрополит Корнилий, 1690); ПСЗ. Т. 3. С. 415 (Патриарх Адриан, 1697); Т. 5. С. 166 (фев. 8, 1716), 200 (фев. 18, 1716; данный указ резюмирует и повторяет указ 1714 г., текст которого не сохранился), 545 (фев. 17, 1718); Т. 10. С. 111–125 (апр. 16, 1737, законодательство об исповедной ведомости и введение формуляра для ее составления). Об усилиях в конце XVII в. сделать ежегодную исповедь обязательной см.: *Michels G. B.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 116–117, 188–189 и в других местах.

домохозяйства с отдельными столбцами, где отмечалось присутствие или отсутствие на исповеди и причастии и кратко объяснялись причины ослушания; чаще всего уклонявшиеся были раскольниками, находились в отъезде либо просто забывали являться в церковь.

Возрастам, указанным в исповедных ведомостях XVIII в., во всяком случае из Купли и других ближайших приходов, доверять нельзя. Если посмотреть ведомости 1777 г. из Купли, то от 48 до 69% всех крестьян 20 лет и старше имели возраст в круглых цифрах (20, 30, 40 и т. д.)²⁹⁹. Священник не пытался даже создать видимость правильной регистрации возраста. Данные в ведомостях были к тому же неустойчивы – указанный возраст то повышался, то опускался от года к году. Даже когда распределение по возрастам выглядит более или менее нормальным, оно почти никогда не совпадает с данными ревизий; расхождения в возрасте – в ревизской сказке и в исповедной ведомости – особенно велики среди стариков. Иногда дворы, которые фигурируют в ревизской сказке какого-то села, отсутствуют в исповедной ведомости оттуда же, и наоборот. Как видно из истории Матрены Герасимовой и ее семьи, исповедные ведомости могли быть ненадежны во многих отношениях. Несмотря на их несовершенство в качестве источника демографической информации, они являются ключом к большей части последующего анализа, потому что группируют прихожан по дворам и потому что – в соответствии со своим изначальным предназначением – дают сведения о зафиксированной религиозной принадлежности жителей.

Кроме сведений о дворцовых имениях, в них содержится также информация о трех помещичьих деревнях прихода с. Купля. Мне не удалось отыскать ревизские сказки из этих помещичьих деревень – возможно, потому, что они были утеряны, а может быть, из-за способа их изначального архивирования: они объединялись по административным округам (уездам с 1782 г.), брошюровались в тома, сортировавшиеся в алфавитном порядке по первой букве фамилии владельца, но внутри каждого тома держались бессистемно; сказки, поданные с запозданием, находились вместе со смешанными отчетами из не помещичьих деревень. Поскольку владельцы часто менялись в промежутке между ревизиями, да и в год ревизии не всегда так просто было определить владельца, так как даже маленькие деревни зачастую были поделены между несколькими собственниками, трудно найти ревизские сказки из малых вотчин или сложить сказку из кусочков так, чтобы охватить всю деревню, даже если документы сохранились³⁰⁰. Последующий анализ, таким образом, диспропорционально сосредоточен на дворцовых деревнях. Исповедные же ведомости дают материалы для сравнения дворцовых и помещичьих деревень.

БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ И ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА

Из Гороховецкого уезда сохранилось очень мало метрических книг XVIII в., а из прихода с. Купля их вообще, похоже, не осталось. Уцелевшие метрические книги Владимирской губернии (епархии) в целом до 1830-х гг. редко содержат сведения о возрасте вступления в брак. Все, что мы можем узнать о брачном возрасте в приходе с. Купля, приходится извлекать из ревизских сказок. Существует метод расчета среднего возраста вступления в первый брак на основании именных списков (с возрастaми), дающий хорошую аппроксимацию среднего возраста вступления в брак и широко используемый в

²⁹⁹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 73. Л. 187–198.

³⁰⁰ Частью проблемы являются правила в читальных залах российских архивов: ограничения в количестве тяжелых томов сказок, которое можно заказать за один раз, длительность ожидания (разная в разных архивах), пока принесут заказанное из запасников. Эти препоны отчасти служат охлаждению пыла генеалогов-любителей. Но даже архивисты с прямым доступом к запасникам говорят, что очень трудно отыскать сказки из какой-либо помещичьей вотчины, когда неизвестно, кто был ее владельцем в год проведения той или иной ревизии.

демографическом анализе³⁰¹. Между тем данный метод не кажется мне подходящим для такого малочисленного населения, как в деревнях прихода с. Купля, где большая часть женщин вообще не вступала в брак и (см. ниже) более 20% из каждого поколения мужчин забирали в армию. Если рекруты были женаты, большинство их жен также исчезали из податного списка деревни либо вообще в нем не появлялись, в случае если рекрут и женился, и был забран между ревизиями. Тем не менее ревизские сказки ясно показывают нам, с какого возраста дворцовые крестьянки в приходе с. Купля начинали выходить замуж и прекращали.

Законный возраст вступления в брак – во второй половине XVIII в. 13 лет для женщин, 15 для мужчин – никак не влиял на принятие брачных решений. По сведениям из ревизских сказок 1763–1795 гг., вступление в брак до 20 лет было редким явлением в трех дворцовых деревнях в 1763 г. и к 1795 г. практически совсем прекратилось: из возрастной когорты 15–19 лет в 1763 г. в брак вступили всего двое (в 16 и 17 лет) из 26 мужчин и одна (в 19 лет) из 16 женщин; в 1782 г. в этой когорте не был женат ни один из 21 мужчины и только две из 15 девиц вышли замуж (в 17 и 19 лет); в 1795 г. все 25 мужчин данной когорты были холосты и только одна из 25 девиц вышла замуж (в 19 лет)³⁰². В дворцовых деревнях парни и девушки обычно начинали вступать в брак в возрасте 20 лет. Сведения о помещичьих деревнях из исповедных ведомостей 1777 и 1800 гг. по меньшей мере не противоречат такому заключению, несмотря на крайнюю степень возрастной аккумуляции³⁰³. Что же касается возраста, в котором женщины переставали вступать в брак, в приходе с. Купля все 14 незамужних дворцовых крестьянок из когорты 25–29 лет в 1763 г. так и остались в девицах, так же как и 34 дворцовые крестьянки из этой когорты, засидевшиеся в девках до 1782 г. Мы можем сказать, что во второй половине XVIII в. почти все дворцовые крестьянки, вступившие в брак в приходе с. Купля, сделали это в возрасте от 20 до 24 лет или – с поправкой на погрешности в указании возрастов – что они почти все выходили замуж с позднего юношества до середины третьего десятка. Говоря о второй половине XVIII в., можно с большим основанием предположить, что дворцовые крестьянки прихода с. Купля, на момент проведения ревизии достигшие 25 лет и не вышедшие замуж, навсегда остались незамужними. Я буду использовать это как ориентир для оценки сопротивления или неприятия брака (мизогамии)³⁰⁴. Я буду также использовать процент холостых мужчин 25

³⁰¹ См. первое изложение этого метода: *Hajnal J. Age at Marriage and Proportion Marrying // Population Studies*. 1953. Nov. Vol. 7. № 2. P. 111–136.

³⁰² Я включил женщин, умерших незамужними в начале и середине четвертого десятка, в число никогда не вступавших в брак. Ранние браки среди женщин встречались, вероятно, несколько чаще, чем можно судить по этим цифрам. Ревизии 1782 и 1795 гг. выявили всех женщин, вышедших замуж вдали от родного дома со времени предыдущей ревизии, но не зафиксировали их возраст при вступлении в брак; в нескольких случаях, однако, мы знаем, что – судя по ее возрасту в 1782 г. – девушке, вышедшей замуж на сторону, не могло еще исполниться 20 лет к моменту замужества. По 1763 г.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 824. Л. 128–137, 176–197 об. По 1782 и 1795 гг.: ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120 (Ревизские сказки 4-й ревизии удельных крестьян Гороховецкой округи Владимирской губернии). Л. 68–73 об., 164 об. – 172 об., 182 об. – 191; Д. 202. Л. 58а – 63 об., 153–160 об., 165–170 об.

³⁰³ По 1777 г.: ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 108. Л. 187–198. По 1800 г.: Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 160–171 об.

³⁰⁴ Большинство жен дворцовых крестьян в приходе с. Купля родились в других местах, и в некоторых деревнях, откуда они родом, женщины продолжали вступать в брак и в конце третьего десятка. В произвольно выбранных шести деревнях, из которых дворцовые крестьяне прихода с. Купля брали жен, 3 из 17 женщин возраста 25–29 лет были не замужем в 1763 г. и вышли замуж к 1782 г., 8 из 26 женщин из когорты 25–29 лет – не замужем в 1782 г., вышли замуж к 1795 г. После 29 лет женщины в тех деревнях тоже не вступали в брак. Выбранные деревни: Светильново, Шубино, Ветельницы, Купряево, Арефино, Княжичи (ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 108–138, 149 об. – 164, 175–182, 191 об. – 200; там же. Д. 202. Л. 102–132 об., 143–152 об., 161–164 об., 173–178 об.).

лет и старше как показатель их сопротивления браку, хотя их ситуация не совсем ясна: один из трех неженатых в когорте 25–29 лет в 1763 г. позже женился, возможно (как подсказывает ревизская сказка) в совершенной в последний момент и неудачной попытке уйти от рекрутчины. Только один из двенадцати неженатых в этой когорте к 1782 г. впоследствии женился.

МАСШТАБЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ БРАКУ И РЕКРУТЧИНА В ПРИХОДЕ С. КУПЛЯ, 1763–1795

В таблицах 3.1 и 3.2 показаны число и процент дворцовых крестьян и крестьянок 25 лет и старше в приходе с. Купля, которые никогда не вступали в брак, по материалам ревизий 1763, 1782 и 1795 гг.

Таблица 3.1. Сопротивление браку в приходе с. Купля среди дворцовых мужиков 25 лет и старше, 1763–1795

		Пешково	Алешково	Случково
1763	Женатых	29	29	23
1763	Никогда не женившихся	1 (3,3%)	2 (6,5%)	0
1782	Женатых	35	32	32
1782	Никогда не женившихся	2 (5,4%)	2 (5,9%)	8 (20,0%)
1795	Женатых	31	30	34
1795	Никогда не женившихся	1 (3,1%)	2 (6,3%)	3 (8,1%)

Таблица 3.2. Сопротивление браку в приходе с. Купля среди дворцовых крестьянок 25 лет и старше, 1763–1795

		Пешково	Алешково	Случково
1763	Замужних	28	31	24
1763	Никогда не вступавших в брак	2 (6,7%)	6 (16,2%)	9 (27,3%)
1782	Замужних	33	34	33
1782	Никогда не вступавших в брак	4 (10,8%)	8 (19,0%)	22 (40,0%)
1795	Замужних	31	27	34
1795	Никогда не вступавших в брак	2 (6,0%)	12 (30,8%)	27 (44,3%)

Как показывают таблицы, у этих трех деревень демография была разная, при этом особо примечателен контраст между Пешково и Случково. С 1763 по 1795 г. Пешково пребывало в демографическом гомеостазе, и брачность была почти универсальной. Доля мужчин и женщин, никогда не вступавших в брак, была выше одного процента, который, по оценке Бориса Миронова, был в XVIII в. типичен для российского крестьянства в целом, но мы, как правило, предполагаем, что небольшой отход от универсальности объясняется случайными колебаниями в масштабах очень маленького населения: в Пешково один не вступивший в брак человек сокращал брачность на 3%³⁰⁵. Дворцовые крестьяне Случково жили, как может показаться, в совершенно другом мире: в 1763 г. 27% взрослых женщин в этой деревне никогда не вступали в брак, а в 1795 г. процент оставшихся в девках женщин 25 лет и старше достиг здесь поразительной цифры – 44%. Поскольку большинство мужчин в Случково по-прежнему женились, делать они это могли, только привозя невест со стороны. В Случково скапливались женщины: к 1795 г. женщины 25 лет и старше превосходили числом мужчин старше 25 в соотношении 61 к 37. Такое случайными отклонениями не объяснишь.

³⁰⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. С. 172.

Заголовки к таблицам 3.1 и 3.2 предвосхищают мое объяснение: женщины, родившиеся в Случково, массово отказывались выходить замуж; несколько меньший, но – по русским стандартам – все-таки весьма необычный процент женщин также отказывался брачиться и в Алёшково. Это утверждение сложнее, чем может показаться на первый взгляд, потому что в нем содержится тезис о том, что женщины сами, а не их отцы и матери за них принимали решение не вступать в брак. Я представлю обоснование этого заявления позже. На данном этапе я рассмотрю – с намерением отвергнуть – ряд других возможных объяснений такого дисбаланса полов.

Вдовы могли в значительной степени численно превосходить вдовцов, например, как это было в деревнях, которые будут рассмотрены в последующих главах. В таких случаях вдовы, учтенные в числе когда-то состоявших в браке, могли бы нарушить баланс в соотношении полов даже там, где крестьяне все поголовно вступали в брак. Но в наших трех дворцовых деревнях ситуация складывалась по-другому: в 1795 г. вдовцы в Пешково превосходили по численности вдов в отношении шесть к четырем, в Алёшково четыре к двум, а в Случково было по пять человек тех и других.

Другое возможное объяснение гендерного дисбаланса, с которым не так легко расстаться, – это воинская повинность: как и по всей России, она нанесла большой урон мужскому населению в приходе с. Купля. В период между 1763 и 1795 гг. 29 дворцовых крестьян из прихода с. Купля были забраны в солдаты пожизненно либо до увольнения по инвалидности. Во время ревизии, предшествующей их набору, были отмечены их возрасты, а при следующей ревизии указан год набора. Мы можем рассчитать их возраст в момент набора: тринадцати из них было от 15 до 19 лет, девяти – 20–24, трем – 25–29, четырем – за 30, а самому старшему – 39. В ревизских сказках названы четыре жены-солдатки (их мужьям в момент набора было 22, 25, 33 и 34), но их не учитывали при подсчете населения, так как они уже не были по закону привязаны к этой деревне. Без сомнения, и у других рекрутов были жены, не оставившие следа в ревизских сказках³⁰⁶.

Рекрутов набирали неуклонно, но неравномерно, в соответствии с потребностью армии в живой силе. Армия решала, сколько ей нужно солдат, государственные органы высчитывали, сколько нужно для этого взять рекрутов с 100 или 1000 мужчин, переписанных во время предыдущей ревизии, затем определяла квоты территориальным административным единицам в зависимости от размера их населения³⁰⁷. Решение о количестве рекрутов, которое должны поставить деревни прихода с. Купля, принималось дворцовым управлением Красносельской волости. В период 1763–1782 гг. базисное мужское население – общее число по результатам ревизии 1763 г. – насчитывало 203 души. 16 призванных на военную службу до ревизии 1782 г. составляли 7,9% от мужского населения, имевшегося в наличии на 1763 г.; 13 мужчин, забранных в период между 1782 и 1795 гг., составляли 5,9% от мужского населения 1782 г., насчитывавшего 220 душ. Это лишь слегка превышало среднюю квоту набора среди других дворцовых крестьян волости³⁰⁸.

---

³⁰⁶ Жены рекрутов были вольны (получали вольную, если были крепостными) уехать из мужниной деревни в поисках работы, вернуться в родительский дом или последовать за мужьями. Если рекрут женился после предыдущей ревизии и был призван на военную службу до следующей ревизии, его жена вообще не попадала в список его домохозяйства, и поэтому не было необходимости объяснять, почему она там больше не числится. Многие жены рекрутов, таким образом, не запечатлены в ревизских сказках. Возможно также, что некоторые мужчины, родившиеся после ревизии 1763 г., были призваны на службу до ревизии 1782 г.

³⁰⁷ Бескровный Л. г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). М.: Военное издательство, 1958. С. 33–39, 293–302. Это издание содержит описание функционирования системы и список всех наборов в армию с указанием по каждому соотношения количества рекрутов к количеству учтенных ревизиями мужчин – с 1726 г. до конца XVIII в.

³⁰⁸ В выборке из семи деревень (Лучинсково, Светильново, Морозовки, Шубино, Ветельницы, Купреяново,

Значительно лучше виден эффект воинской повинности в разрезе десятилетней когорты. В период с 1763 по 1772 г. армия забрала 10 из 49 дворцовых крестьян (20,4%), которым исполнилось 15 лет (в тот период минимальный возраст призывника). Из 41 мужика, кому исполнилось 15 в период с 1773 по 1782 г., забрали 12 (29,3%). Из 40 мужиков, которым исполнилось 15 в период между 1783 и 1792 гг., к 1795 г. забрали только троих (7,5%), но рекрутчина обрушится на них с особой силой во время войн 1790-х и в начале XIX в. За весь период 1763–1795 гг. дворцовые крестьяне прихода Купля отдали армии 26 из 137 мужчин (18,9%), которым исполнилось 15 лет после 1763 г. (вдобавок к еще 3, которым 15 исполнилось раньше, но забрали их после 1763 г.). Это грубая оценка влияния воинской повинности на наличие мужчин брачного возраста на 1795 г. Здесь не только не учитываются юноши моложе и немного за 20 лет, призванные после 1795 г, но также не принимается в расчет и постепенное сокращение численности каждой призывной когорты по причине смертности. Мы можем с уверенностью сказать, однако, что в приходе с. Купля в последней трети XVIII в. каждый дворцовый крестьянин, доживший до 15 лет, подвергался более чем 25-процентному риску загреметь в армию на всю жизнь. Можно утверждать, что в этом приходе армия поглощала свыше 20% из каждого поколения дворцовых крестьян, доживших до 15 лет. С мужской половины дворцового крестьянства прихода с. Купля воинская повинность собрала свою десятину в двойном размере. Это и могло быть, на первый взгляд, причиной, по которой так много взрослых женщин в дворцовых деревнях остались без мужей.

Между тем дело было не в этом. Измерить влияние рекрутчины на брачность довольно трудно из-за большой разницы между контингентом, из которого набирали рекрутов, и тем, из которого дворцовые крестьянки получали мужей. Всех рекрутов забирали из местной общины, в то время как две трети жен дворцовых крестьян были родом из других приходов и две трети дворцовых дочерей прихода выходили замуж на сторону. Контингент, среди которого дворцовые крестьянки числились в качестве невест, был во много раз больше контингента, из которого набирали рекрутов. Я могу, тем не менее, предложить гипотетический метод измерения: если бы все молодые дворцовые крестьяне и крестьянки были твердо намерены вступить в брак и при этом ограничить выбор брачного партнера своим приходом, создавала бы военная повинность дефицит мужчин и, если да, то сколько взрослых женщин осталось бы без мужей?

Гипотетическое население дворцовых крестьян в приходе с. Купля состоит из всех реальных мужчин и женщин, родившихся в приходе и переписанных в ходе ревизий 1763–1795 гг. В гипотетическом приходе все мужчины и женщины, родившиеся в приходе, вступают в брак в своем приходе, и брак в этом приходе универсален – ни один мужчина и ни одна женщина не остаются по своей воле одиночками. В этом гипотетическом приходе в период между 1763 и 1795 гг. 156 настоящих дворцовых крестьянок и 164 настоящих дворцовых крестьянина дожили до возраста 20 лет (порога вступления в брак) или старше³⁰⁹. Как и в настоящем приходе, в армию ушли семь мужчин, которым исполнилось 25 или больше; по нашей гипотезе они все были женаты. Их уход не привел к появлению

Княжичи, Арефино) в 1763–1782 гг. рекрутчина забрала 6% мужчин, переписанных во время ревизии 1763 г. (ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 102–164, 175–182, 191 об. – 200). В выборке из пяти деревень (Светильново, Шубино, Ветельницы, Купреяново, Княжичи) в 1782–1795 гг. в армию ушло 5,8% мужского населения (Там же. Д. 202. Л. 104–132 об., 143 – 152 об., 173–178 об.).

³⁰⁹ Внесу ясность: я включил всех мужчин и женщин старше 20 лет, но моложе 30 к 1763 г. Другие мужчины и женщины включались по достижении ими 20 лет. Как всегда, имеющиеся данные неидеальны. Самое важное, что у 10 женщин старше 20 лет и замужних к 1763 г. не указаны их родные деревни. Я посчитал шесть женщин чужими и четырех своими в приходе, что приблизительно соответствует распределению среди тех, чье происхождение известно. Некоторые дворы в промежутке между ревизиями, но неизвестно когда именно были выведены из деревень прихода. Мужчин и женщин, которым должно было исполниться 20 лет в ближайшие годы после предыдущей ревизии, я учел в числе гипотетического брачного контингента.

старых дев: солдатки страдали, но уход в армию женатых мужчин не уменьшил брачных шансов других женщин. Как из настоящего прихода, из гипотетического в армию забрали девять дворцовых крестьян 20–24 лет. Если мы скажем, что процент женатых мужчин из этой когорты, забранных из гипотетического прихода, был тот же, что и в настоящем приходе, – 44%, тогда приход этот теряет пять неженатых мужчин. Тогда 156 женщинам для брачения остается 159 мужчин – небольшой избыток потенциальных мужей. Тринадцать забритых юношей до 20 лет не принимаются здесь в расчет, и это могло создать трудности в плане замужества для женщин следующего поколения. Мы не можем на самом деле посчитать, больше ли женщин, чем мужчин, переступили брачный порог в 20-летнем возрасте после 1795 года, поскольку следующая ревизия, в 1812 году, учитывала только мужчин. Но при попытке понять, почему среди настоящих дворцовых крестьян прихода с. Купля в 1795 г. столько женщин 25 лет и старше остались в девках, становится очевидно, что рекрутчина не могла тут играть ведущую роль. Наряду с другими факторами, ограничивавшими в реальной жизни число молодых бракоспособных мужчин, военная служба (мужчин из всего населения, проживавшего в радиусе 10 километров от прихода с. Купля) могла осложнить выход замуж для некоторых молодых дворцовых крестьянок, но не для такого количества. Мы могли вывести то же самое заключение, просто констатируя, что на широких просторах России мужчин забирали в армию по той же норме, как из прихода с. Купля, и тем не менее крестьянки выходили замуж поголовно – как, например, в Рязанской губернии, рассматривавшейся в главе 1. Минимальность последствий военной повинности для брачности едва ли смягчает колоссальный экономический и социальный ущерб, который она (или действительная причина – международные и имперские амбиции Российского государства) наносила дворцовым крестьянским деревням прихода с. Купля так же, как и крестьянам по всей России.

Распределение взрослых незамужних женщин среди трех дворцовых деревень само по себе показывает, что на уровне деревни не было связи между набором в армию и количеством взрослых женщин, никогда не выходивших замуж. Пешково, где всего две (6%) из 33 женщин 25 лет и старше на 1795 г. никогда не выходили замуж, потеряло 11 из 54 мужчин (20,3%), которым в период между 1763 и 1795 гг. исполнилось 15 лет. Случково, где 27 (44,3%) из 61 женщины 25 лет и старше на 1795 г. никогда не выходили замуж, потеряло всего шесть из 39 мужчин (15,4%), которым в период после 1763 г. исполнилось 15 лет. Большинство женщин в Пешково сумели выйти замуж, несмотря на значительный отток мужского населения из их деревни. В Случково и Алёшково (к 1795 г. Алёшково потеряло 20,5% мужчин, доживших до 15 лет, и 37,7% из взрослых женщин этой деревни никогда не выходили замуж) из деревни забрали меньше мужчин, чем там осталось женщин в старых девах. Явно многие женщины в этих деревнях относились к браку иначе, нежели их сестры из Пешково.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ДВОРЫ СЛУЧКОВО И АЛЁШКОВО

Ревизские сказки 1763 г. свидетельствуют, что женщины в Случково начали отказываться от брака по крайней мере с 1715–1725 гг., женщины в Алёшково – с 1725–1735 гг. На 1763 г. 9 из 33 случковских женщин 25 лет и старше (27,3%) никогда не выходили замуж, а в Алёшково никогда не выходили замуж 6 из 36 женщин этой возрастной группы (16,7%). В Алёшково двум самым старшим было немного за 50, в Случково трем самым старым было якобы за 80. Возраст этих трех почти наверняка преувеличен; возраст других двух старых дев в Случково, которым по ревизскому списку было за 60, тоже, возможно, завышен, но в материалах более поздних ревизий с более надежными возрастными сведениями обычно встречалось несколько женщин 60 лет и старше. Если некоторым из престарелых случковских девушек было на самом деле за 60, то они достигли брачного возраста где-то между 1715 и 1725 гг.; случковские женщины, возможно, избегали замужества даже раньше, но в таком случае эти первые холостячки к 1763 г. уже умерли.

Самые старые девушки в Алёшково достигли брачного возраста между 1725 и 1735 гг., и они, скорее всего, были первыми отказницами в этой деревне.

Мы знаем, что почти все женщины, отказавшиеся от брака в Алёшково, были староверками и членами религиозной общины, возникшей в этой деревне в 1760-х гг. В 1777 г. священник прихода с. Купля в конце ежегодной исповедной ведомости назвал десять (из 21) дворов записными раскольниками³¹⁰. Именно в этих десяти дворах на 1782 г. проживали семь из восьми алёшковских женщин от 25 лет и старше, никогда не выходивших замуж, а на 1795 г. – 11 из 12. Ранее, в 1763 г., все шесть незамужних женщин жили в шести разных дворах, лишь один из которых в 1777 г. оказался раскольническим. Одна из православных старых дев дожила до 1794 г., все другие умерли до 1782 г.; вплоть до 1795 г. все другие женщины, родившиеся в этих православных дворах, вступали в брак до достижения 25 лет. С другой стороны, в 1763 г. во дворах, позже составивших группу «записных раскольников», было много дочерей младше 25 лет, которые потом составили контингент взрослых незамужних 1782 и 1795 гг. Такая картина предполагает, что те, кто избегал брака до 1763 г., самостоятельно принимали свои решения, не согласовывавшиеся с концепцией брака, которой придерживались остальные в их дворе, в то время как после 1763 г. женское сопротивление браку стало отличительной чертой дворов и общины, которых священник назвал записными раскольниками.

Соппротивление браку среди алёшковских староверов со временем набирало силу. В 1782 г. только в пяти из десяти старообрядческих дворов Алёшково были незамужние женщины 25 лет и старше. К 1795 г. в общее число незамужних входили дочери семи дворов³¹¹. В 1782 г. в придачу к незамужней сестре у двоих из троих братьев Ивановых (их отчество; ни у кого из крестьян в приходе с. Купля не было фамилии), живших в двух разных дворах, было по незамужней дочери старше 25 лет. Все три старые девы дожили до 1795 г., когда к ним присоединилась тридцатидвухлетняя дочь третьего Иванова брата, тоже никогда не выходившая замуж. В 1782 г. у вдовы Февронии Афанасевой были три незамужние дочери в возрасте 27, 30 и 31 года, а также 35-летний холостой сын. Она и сын умерли в 1794 г., а дочери в 1795 г. были еще живы. До своей смерти Феврония усыновила Прохора, которому в 1795 г. было 20 лет, из семьи Григория Игнатева, желая, видимо, обеспечить мужские руки в помощь своим стареющим дочкам. Григорий сам был алёшковским старовером, и в 1795 г. у него жила 28-летняя незамужняя дочь Агафья, еще одна дочь Агафья 14 лет и еще один холостой сын Матвей 25 лет. Для крестьянской семьи, где мужской труд определял благосостояние двора, отдать взрослого сына, чтобы поддержать двор единоверцев, было актом чрезвычайной щедрости. Это должно было также являться образцом солидарности между алёшковскими староверами. В общей сложности в 1782 г. в двух дворах Ивановых и во дворе Афанасевой проживало шесть из восьми незамужних алёшковских староверок старше 25 лет, в 1795 г. – семь из одиннадцати. Остальные незамужние взрослые женщины жили, как дочь Григория Игнатева Агафья, по одной на двор.

Определить старообрядческие дворы в Случково сложнее. Священник прихода с. Купля в 1777 г. не выявил ни одного записного раскольника в этой деревне, но в исповедной ведомости 1779 г. он записал раскольниками по отдельности четырех мужчин и девять

³¹⁰ ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 108. Л. 195 об. – 197 об. Священник обозначил 11 дворов записных раскольников, но 10-й двор в то время официально находился в Арефино. По сведениям ревизии 1795 г., он перешел из Арефино в Алёшково где-то между ревизиями 1782 и 1795 гг. В 1795 г. я включаю его в число алёшковских староверов, а в 1782-м – нет.

³¹¹ К 1795 г. один из изначальных десяти старообрядческих дворов вымер, но в Алёшково из Арефино перебрался другой.

женщин. По ведомости 1777 г. они составляли большинство жителей в 3 из 22 дворов³¹². Старообрядческих дворов на самом деле было больше. Все обитатели других трех дворов, например, в 1777 г. отсутствовали на Великопостной исповеди. Когда другой батюшка составлял ведомость 1800 г., он записал только 12 из прежде включенных в список 22 дворов, отдельно перечислил записных раскольников – 15 случковских мужчин и 33 женщины – и еще 14 женщин записал «староверами»³¹³. Таково было официальное название для членов единоверческого отделения православной церкви, учрежденного в 1798 г.; присоединившиеся старообрядцы могли пользоваться дониконианскими книгами и совершать старые обряды при условии, что они признавали каноничность и иерархическую юрисдикцию Московского патриархата. Священник в 1800 г. не объединял раскольников по дворам, но большинство из тех 67 мужчин и женщин можно связать с одним или другим из 22 дворов в ведомости 1777 г. В ревизских сказках 1763–1795 гг. зарегистрированы три дополнительных двора – один, выпущенный из всех трех исповедных ведомостей, и два, отсутствующие в исповедных ведомостях 1777 и 1779 гг., но некоторые из их обитателей попали в ведомость 1800 г.³¹⁴ Среди 25 дворов в ревизской сказке 1795 г. члены 14 состояли по большей части из старообрядцев с вкраплениями горстки номинально православных. Остальные одиннадцать были преимущественно православными, но с присутствием по крайней мере нескольких записных раскольников. Мы можем сказать в первом приближении, что в Случково старообрядцы были в большинстве. Однако в этой деревне заявленная религиозная принадлежность не являлась надежным определителем брачных обычаев двора.

В 1763 г. первые два поколения случковских женщин, отказавшихся выходить замуж, были на грани вымирания. Два двора вымерли быстро, оставив к 1782 г. 25 дворов. В одном оставалась лишь 80-летняя старая дева, которая умерла через несколько месяцев после ревизии 1763 г. В другом дворе жили глава семьи Матвей Андреев, 56 лет, его жена, 52 лет, и сестра Мария, 54 лет; Мария умерла последней в 1767 г. В деревне скопилась также кучка по большей части престарелых старых дев (45, 62 и 87 лет) и вдов (78 и 85), последняя из которых умерла в 1775 г. Переписчик определил их как оставшихся «после умерших крестьян»; это были оставшиеся в живых обительницы ранее распавшихся дворов³¹⁵. Некоторые из них, возможно, жили самостоятельно, других могли приютить в соседском дворе; счетчику, вероятно, показалось, что лучше записать их отдельно, чем присоединять к концам чужих родословных. Мы не можем с определенностью сказать, были ли среди этих незамужних женщин старообрядки, но, скорее всего, были. У нас больше уверенности, что жители двора Федора Никитина были старообрядцами. Самому Федору было всего 18 лет в 1763 г., и он жил со своей 46-летней вдовой матерью и тремя незамужними тетками – сестрами матери, 35 и 26 лет, и сестрой отца, 60 лет. Только 26-летняя Елена дожила до

³¹² ГАВО. Ф. 556. Оп. 11. Д. 108. Л. 191–192 об. (1777); Там же. Д. 119. Л. 126–127, 133 (1779).

³¹³ Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 164–165, 170–171.

³¹⁴ В 1800 г. священник записал 14 случковских дворов, два из них не появляются в ревизских сказках. Так как ревизии отслеживали передвижение дворов дворцовых крестьян из деревни в деревню, эти два двора, вероятно, либо переехали в эту деревню после 1795 г., либо это были дворы крестьян другого состояния, сведения о которых должны были подаваться в другой сказке. Нет очевидной причины, по которой священник мог бы выпустить из исповедной ведомости дворы, учтенные в ревизиях. Хотя священники в целом при ведении учета считали даже записных старообрядцев членами своего прихода, иногда они игнорировали дворы, которые издавна были раскольническими.

³¹⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 824. Л. 136. Последние мужчины этих женских дворов умерли, по-видимому, до предыдущей ревизии 1744 г.; если бы они были живы в 1744 г., их имена и возраст по данным 1744 г. были бы упомянуты в ревизских списках 1763 г.

ревизии 1782 г.; она дожила также до включения в списки записных раскольников в 1800 г. Единственной другой женщине, по данным на 1763 г. никогда не выходившей замуж и дожившей до 1782 г., было 47 лет, и она жила во дворе, который с 1777 г. был, по всей видимости, преимущественно православным.

В Случково, как и в Алёшково, после 1763 г. сопротивление браку стремительно нарастало. Только две из девяти незамужних случковских женщин 25 лет и старше в 1763 г. дожили до 1782 г., но к тому времени к ним присоединилось новое и более многочисленное население из 20 женщин, которые так и не вышли замуж к 25 годам и старше. 16 никогда не вступавших в брак женщин жили в 11 определенно старообрядческих дворах, шесть проживали в трех номинально православных. 9 жили во дворах, где каждая была единственной взрослой незамужней женщиной, остальные 16 жили по 2 и 4 на двор. Некоторые молодые мужчины тоже решили не жениться: в 1763 г. не было ни одного холостяка 25 лет и старше, теперь их было восемь в возрасте от 30 до 42 лет. Шесть из них жили во дворах, где были также взрослые незамужние девицы. В Случково отказ от брака начался раньше, чем в Алёшково, проник в большее число дворов и нашел приверженцев как среди женщин, так и среди мужчин. Стрелка барометра сопротивления браку и дальше продолжала ползти вверх: с 22 никогда не выходивших замуж взрослых женщин в 1782 г. до 27 к 1795 г. 17 из них жили в 10 старообрядческих дворах, 10 – в 5 вроде бы православных. Два из этих дворов, чье православие весьма сомнительно, содержали по три незамужних взрослых девицы. Количество же неженатых взрослых мужчин, наоборот, шло на убыль. Один из неженатых, по данным 1782 г., наконец женился, четверо умерли. Трое оставшихся из этого поколения были единственными холостыми взрослыми мужчинами в деревне. Мужское неприятие брака продержалось в течение всего одного поколения.

Различия в семейной структуре указывают на по меньшей мере три разные стратегии брачности и продолжения рода в Случково и Алёшково. Естественно, неконтролируемое демографическое разнообразие – сколько какого пола рождалось детей, сколько доживало до взрослого состояния – влияло на судьбу дворов, и, кроме вымирания, все результаты были временны и менялись от ревизии к ревизии. Тем не менее контраст столь разителен, что за ним явно стоит выбор самих людей.

Крайние противоположности определяются легко: дворы, где с определенного момента взрослые больше не вступали в браки и продолжение рода остановилось, и те, в которых каждый вступал в брак и производил детей. По данным на 1795 г., семь дворов (два из них старообрядческие) в Случково и пятнадцать (четыре старообрядческих) в Алёшково следовали практике универсального брака и, в принципе, продолжали свой род. Не все из них процветали. Во дворе Григория Иванова в Алёшково, например, после того, как он выдал дочь замуж спустя некоторое время после 1782 г. (когда ей было 20 лет) и в 1786 г. умерла его жена, остался только сам 61-летний Григорий. В семье была еще одна дочь, вышедшая замуж до ревизии 1782 г., но не было сыновей. Скоро двору придет конец – по причинам Григорию неподвластным.

Другие дворы – по крайней мере шесть в Случково (все старообрядческие) и как минимум шесть в Алёшково (один из них номинально православный) – перестали отдавать и брать женщин в замужество и рожать детей. По данным ревизских сказок, есть основания полагать, что они приняли обет целомудрия. Единственный случай, где приверженность к безбрачию не полностью очевидна: в 1782 г. случковские братья Зиновьевы Козьма и Семен и две их сестры, в возрасте от 31 до 42 лет, никогда не вступали в брак. У третьего брата Герасима, 34 лет, была жена Лукерья, 38 лет. Однако эта супружеская пара вскоре после свадьбы, вероятно, избрала для себя путь воздержания; по данным на 1782 г., они оставались бездетными. К 1795 г. холостые братья умерли, и единственным ребенком в доме был трехлетний брошенный мальчик, которого оставшиеся в живых домочадцы приняли к себе³¹⁶. Кроме этого найденыша, по данным на 1795 г., в безбрачных дворах не было

³¹⁶ Возможно, что ребенок был на самом деле сыном Лукерьи и семья это скрывала. Но Лукерье должно

маленьких детей; только одна 14-летняя юница, чьи 28-летняя сестра и два старших брата оставались холостыми. Самым молодым в безбрачных дворах было – плюс-минус – около 40. Эти дворы сделали свой выбор – вымирание. Возможно, некоторые из дворов, исчезнувшие между 1763 и 1795 гг., вымерли потому, что еще раньше избрали путь безбрачия, но в ревизских сказках 1763 и 1782 гг. недостаточно материала для того, чтобы это утверждать.

Большинство других дворов – один в Алёшково, двенадцать в Случково – производили потомство, но содержали одну или более незамужних женщин 25 лет или старше. Священники записывали некоторых из них раскольниками, других православными. Единственная демографическая разница между ними была в том, что в некоторых была только одна рожаящая детей молодая пара, в других две, и эта разница в большинстве случаев (кроме недавнего разделения двора) объяснялась, вероятно, неподвластными им причинами. Но решение, которое принимали одна или более из их дочерей и сестер, никогда не выходить замуж было сознательным. Несколько «остаточных» дворов – без супружеских пар – нельзя с уверенностью отнести к какой-либо группе.

Целибат наблюдался только среди старообрядческих дворов (был один целибатный двор среди православных, но тут православие было, скорее всего, мнимым). Среди тех, где все брачились, и тех, где мужчины вступали в брак, а женщины нет, были и православные, и старообрядческие дворы. Некоторые из номинально православных дворов были жилищами скрытых староверов, другие могли быть действительно православными. Безбрачные и поголовно брачившиеся староверы, конечно, придерживались разных взглядов на брак и, вероятно, принадлежали к разным старообрядческим согласиям³¹⁷. Не исключено, что дворы, где только женщины не вступали в брак, принадлежали к еще одному старообрядческому согласию. Возможно, однако, что и они, и безбрачные исповедовали одну и ту же антибрачную веру, но в тех дворах, где мужчины женились, доктрина просто шла на уступки прагматизму. Чтобы сохранить двор и обеспечить пропитание старикам, сыновья должны были жениться.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы XVIII в. позволяют нам проследить рост отвращения от брака в Случково, Алёшково и, более широко, в приходе с. Купля, но не объясняют его. Почему они избегали брака? Поскольку большинство старообрядцев в большей части России в действительности брачились (даже если государство и церковь отказывались признавать их зачастую внецерковный брак), такое большое количество случковских и алёшковских дворцовых крестьян-старообрядцев не дает нам нужного объяснения. Какого толка были эти старообрядцы? Многие из них, вероятно, были спасовцами. Из исповедной ведомости 1830 г. мы знаем, что подавляющее большинство староверов прихода с. Купля по данным на тот год были спасовцами.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Русское крестьянское общество строилось вокруг брака и супружеских пар: двор был коллективом супружеских пар, деревня – коллективом дворов. Мужчины и женщины вступали во взрослую жизнь и брали на себя взрослые обязанности по вступлению в брак; если они не вступали в брак, то оставались на периферии взрослого социального мира. Брак структурировал иерархию и взаимоотношения внутри двора. Обычно двор получал свою

было быть около 48 лет, когда мальчик родился. К тому же если двор скрывал материнский статус Лукерьи, то только потому, что считал отход от целибата позорным. Матерью могла быть одна из сестер Зиновьевых, но вряд ли, поскольку переписчик назвал ребенка *подкидышем*, а не *незаконнорожденным*.

³¹⁷ Две группы, выделенные священником в исповедной ведомости 1800 г., – записные раскольники и «староверы» – не соответствуют разным подходам старообрядцев к браку. «Записной раскольник» – это официальный ярлык, который клеился на любого старовера, решившего зарегистрироваться.

долю ресурсов деревни (земли, например) в расчете на количество супружеских пар в его составе³¹⁸. Подготовка к свадьбе и сама свадьба были кульминационным моментом в большей части крестьянского фольклора. Поэтому широко распространившийся отказ от брака имел важнейшие последствия для семьи, для деревни и за ее пределами. Безбрачные дворы, отвергнувшие то, что являлось центром крестьянской жизни, устранились из крестьянского мира. Дворы, где сестры и дочери отказывались от брака, но чьи молодые мужчины женились, находились с точки зрения культурной и социальной в более сложной, если не сказать шизофренической ситуации. Можно ли было в семье относиться к женщинам, которые отвергли брак по религиозным убеждениям, с тем же пренебрежением, как в обычных дворах? Когда один или двое взрослых женатых мужчин и их жены жили, как это часто происходило, совместно с двумя-тремя взрослыми незамужними женщинами, какова была динамика, какой могла быть иерархия в подобном дворе? Тут не могло быть большого сходства с социальной динамикой двора, в котором все взрослые состояли в супружеских парах, а старая дева была исключительным, несчастным случаем. Каждый такой двор должен был сам для себя вырабатывать схему распределения полномочий и обязанностей, так как прецедентных моделей – во всяком случае, в XVIII в. – в наличии не было. Когда молодые мужчины в их доме женились, какую роль играли незамужние женщины в подготовке и праздновании (если у них была какая-нибудь роль, если было празднование)? Как решался конфликт между укорененностью брака в крестьянской культуре и очевидной враждебностью их веры к браку? Увы, ревизские и приходские учеты не дают ответов на эти вопросы. Я задаю их, просто чтобы показать, как отказ от брака в таких масштабах, как это происходило в Случково и Алёшково в конце XVIII в., неизбежно и основательно расшатывал крестьянское общество. Материалы ревизских сказок проливают, однако, свет на другие последствия широкой тенденции к отказу от брака – одно, полностью проявившееся к 1790-м гг., и другое, которое должно было вот-вот обрушиться на Случково и Алёшково.

Отказ случковских крестьян от брака создавал напряженность в отношениях с соседями. До сих пор я представлял статистику по безбрачию традиционным способом – процент взрослых женщин, живущих в деревне, которые никогда не выходили замуж: в Случково 44%, по данным на 1795 г. Лучшей мерой или, во всяком случае, мерой, которой, скорее всего, пользовались крестьяне в округе, оценивая то, что происходило в Случково, будет процент женщин, *родившихся* в Случково и никогда не выходивших замуж – то есть без учета женщин, взятых в замужество со стороны, но включая в расчет женщин родом из данной деревни, отданных в замужество на сторону. Из 40 случковских женщин, достигших 25-летия в период между 1763 и 1795 гг., 28 (70%) никогда не выходили замуж³¹⁹. Соответственно, между притоком и оттоком невест из Случково наблюдался порядочный дисбаланс. В дворцовых деревнях, где отвращение от брака было небольшим, крестьяне брали большинство своих жен со стороны и отдавали большинство своих невест на сторону;

---

³¹⁸ Дейвид Мун (David Moon) в своей книге *The Russian Peasantry* на с. 165 дает почти идентичные формулировки в кратком экскурсе о причинах универсальности брака среди русских крестьян; см. также его рассуждения на с. 167–170. Особенно мрачная картина экономических и социальных факторов, заставлявших практически всех без исключения крестьян вступать в ранний брак, рисуется Борисом Мироновым в статье: *Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: Сборник статей. М.: Статистика, 1977. С. 83–104.* В своей книге «Социальная история России» (С. 160–164) Миронов добавляет моральные и религиозные модальности раннего и универсального брака.

³¹⁹ Эта и последующая статистика по случковским бракам не включает четырех случковских жен, чьи родные деревни не названы в ревизских документах. По контрасту, только 32,5% женщин в Алёшково, которым исполнилось 25 лет в период между 1763 и 1782 гг., никогда не выходили замуж. Этот относительно невысокий процент объясняется неожиданно большим количеством дочерей из Алёшково, сосватанных на сторону в период с 1782 по 1795 г.

со временем число отданных и завезенных приблизительно выравнивалось. В Пешково, например, в период между 1763 и 1795 гг. 28 женщин прибыли и 28 убыли, при этом до 1782 г. больше был приток, а после на столько же больше был отток. В Случково же в тот же период завезено было 26 женщин, а вывезено только восемь – в среднем лишь по одной в четыре года³²⁰. Деревня поглощала женщин, как воронка: много туда попадало, немногие выбирались.

Крестьяне окружающих деревень, похоже, не оставались в долгу. Есть параллельные, хотя и косвенные данные, что к 1780-м гг. Случково приобрело репутацию деревни, где женщины не выходили замуж, и отцы в других деревнях стали давать женихам из Случково от ворот поворот. С какой стати угождать двору из деревни, которая почти не поставляет невест на брачный рынок? Пешково, где почти все женщины выходили замуж, послало четырех невест в Случково в период между 1763 и 1782 гг. и ни одной между 1782 и 1795 гг. Пешково также отдало четырех невест в Алёшково в период между 1763 и 1782 гг. и ни одной между 1782 и 1795 гг., хотя в те годы Алёшково отдавало невест больше, чем получало. Очевидно, враждебное отношение крестьян Пешково к семьям, которые не отдавали своих дочерей, распространилось на все дворы этой деревни. В период между 1763 и 1782 гг. случковские мужчины только дважды ездили больше чем за 10 километров (по прямой), чтобы найти себе в жены 15 женщин. Между 1782 и 1796 гг. им пришлось уезжать дальше чем за 10 километров, за четыремья из 16 жен. В период между 1763 и 1782 гг. только один из женившихся мужчин из Случково взял в жены крепостную. Между 1782 и 1796 гг. пятеро из случковских женихов женились на крепостных. К 1780-м гг. случковские мужчины вынуждены были вести поиски дальше, а некоторым приходилось по сути покупать невест. У меня нет данных о размерах выводных, которые гороховецкие помещики требовали за невест в 1780–1790-х гг., но это были те десятилетия, когда в других местах выводные поднялись до уровня рыночной цены бракоспособной крепостной крестьянки.

Мы можем предположить, что трудности, с которыми, судя по всему, сталкивались случковские мужчины, искавшие себе жен, объяснялись не столько сопротивлением, сколько их собственной разборчивостью. Может быть, случковские староверы искали супругов – что жен, что мужей – в первую очередь среди своих единоверцев? В самом экстремальном из возможных сценариев мужчины из семей, чьи дочери отказывались выходить замуж, предпочитали брать жен из других семей, чьи дочери чурались брака. Это предпочтение могло быть удовлетворено, в лучшем случае, редко. Довольствовался ли такой мужчина женой из любого старообрядческого двора? Или любой женщиной из православного двора, согласившейся стать членом их староверческого согласия? Любой доступной женщиной вне зависимости от ее веры? Сведения из материалов ревизских сказок скудны, но, возможно, показательны. В период между 1763 и 1782 гг. одна случковская невеста перешла из старообрядческого двора в (по крайней мере, номинально) православный в той же деревне, другая перешла из одного старообрядческого двора в другой. Один старообрядческий и два православных двора взяли жен из православных пешковских дворов (такowymi считал их священник Купли, и они следовали принципу универсального брака). Еще один православный двор взял невесту из пешковского двора, где все женщины вышли замуж, но двое мужчин старше 25 лет остались холостыми; это, возможно, был старообрядческий двор³²¹. В период между 1782 и 1796 гг. одна православная женщина из Случково ушла в невестки в местный старообрядческий двор, а другая из старообрядческого двора в

³²⁰ Ревизия 1795 г. определила Случково как родную деревню одной замужней женщины, но ни ее, ни ее отца, чье имя соответствует ее отчеству, нельзя найти в материалах ревизии 1782 г. Я включил ее в число привезенных со стороны.

³²¹ Одна из пешковских женщин значится под одним именем в пешковской ревизской сказке от 1782 г. и под совершенно другим в случковской сказке от 1795 г. Мне не удалось найти жен, взятых якобы из Купреяново и Шубино, в сказках этих деревень. Вероятно, переписчик ошибочно записал названия деревень.

номинально православный. Случковские староверы, похоже, готовы были жениться на любой доступной им женщине и позволить своим дочерям идти в невестки в номинально православные дворы или же как минимум не могли им в этом воспрепятствовать. Проблема случковских мужчин состояла в том, что две трети случковских женщин не хотели ни за кого выходить замуж и случковские мужчины поэтому, ища себе жен в близлежащих деревнях, встречали там сопротивление.

Все случковские мужчины, достигшие брачного возраста в период с 1782 по 1795 г., женились, но им пришлось приложить к этому больше усилий, чем их отцам, и их отцам это обходилось дороже, чем поколением раньше. Возможно, им удалось завести связи и найти жен в отдаленных деревнях, потому что мужчины из этой части Гороховецкого уезда ездили на заработки. Возможно, они платили вывод за невест деньгами, заработанными в отходе.

Еще одним и весьма очевидным социальным последствием широко распространенного безбрачия явилось разорение дворов и бремя содержания оставшихся в живых. В Случково и Алёшково эта проблема еще не проявилась в своей полноте по данным на 1790-е гг., но обозначилась в виде группки из девяти женщин из среды «староверов» (единоверцев), которых куплинский священник приписал как проживающих в Случково в самом конце исповедной ведомости 1800 г. Их возраст разнился от 10 до 88 (или так они сами утверждали, или священник так решил). Священник назвал шесть из них, включая 10-летнюю, «девицами», остальных «женками» и «теткой» (10-летней девочки). Пяти из девяти было 44 и больше лет. В отличие от многих других «староверов» и записных раскольников они не значатся ни в одном из предыдущих ревизских или доступных нам приходских списков до 1800 г. Видимо, они были не местные.

Логика подсказывает, что они были беженцами из чуравшихся брака и разорившихся дворов из других деревень и нашли приют в случковских дворах, которые разделяли их веру. Священник вписал их в исповедную ведомость, потому что они жили в Случково и, таким образом, номинально были его прихожанами (то есть не были просто в гостях). Но они не родились и не вошли невестками в давно существующие случковские дворы и поэтому не были учтены ревизией 1795 г. Переписчик записал некоторые дворы и отдельных лиц, переехавших в эту деревню, но только в тех случаях, когда на переезд было получено официальное разрешение (например, когда семья дворцового крестьянина перебиралась из одной дворцовой деревни в другую) или официальный приказ. В ревизской сказке 1782 г. записаны трое беглых крепостных, которые сдались властям и по решению Вязниковской нижней расправы были высланы в Случково. В сказке на этот счет имеется запись. Переписчик не стал бы вписывать в сказку пожилых женщин, просто поселившихся в случковских дворах. Если они вообще были учтены во время ревизии 1795 г., их бы вписали в сказки тех деревень, откуда они пришли и где были раньше занесены в ревизские сказки. Чтобы быть зарегистрированным ревизией, физическое присутствие было необязательно: мужчины и женщины, на заработках или по другой причине отсутствующие в своей деревне во время ревизии, переписывались по своим родным или супружеским дворам³²². Я интерпретировал эти данные таким образом отчасти потому, что мы еще встретим идентичное явление – значительное число женщин, занесенных в исповедные ведомости, но не в ревизские сказки – в 1830–1850 гг.

Некоторые случковские дворы, ограничивавшие или совсем отвергавшие брачность, разорились, но, по данным на 1795 г., большинство пожилых одиноких женщин все еще жили во дворах с мужчинами дееспособного возраста, в некоторых случаях уже вполне преклонного по крестьянским критериям. Один двор, однако, постигла беда. Когда в 1787 г.

³²² Такие женщины могли быть учтены как члены родословной, так как их фактическая обособленность не просматривается в ревизской записи; в XIX в. их могли бы внести в списки как единственных оставшихся в живых в призрачных дворах, существовавших лишь в ревизских сказках, – технический прием, применявшийся ревизорами для отслеживания душ от одной ревизии до другой. Феномен призрачных, или виртуальных, дворов обсуждается в главе 6.

в возрасте 71 года умер Григорий Алексеев, он оставил трех незамужних дочерей, которым к 1795 г. было от 45 до 55 лет. Сколько могли они продержаться? (В это время в Алёшково Феврония Афанасева перед смертью обеспечила своим трем незамужним дочерям средства к существованию, усыновив 20-летнего Прохора Григорьева.) У Прокопия Васильева, 34 лет в 1795 г., была жена (вероятно, вторая), 25 лет, и 9-летняя дочь, и он содержал еще свою вдовую мать, 71 года, двух никогда не выходявших замуж сестер, 36 и 33 лет, золовку (ее мужа забрали в солдаты), 40 лет, и ее двоих сыновей, 3 и 5 лет. Случись что с Прокопием, что было бы со всей этой оравой? А каково было Прокопию содержать всех этих женщин, даже пока он был в расцвете сил? Пять братьев и сестер Зиновьевых возложили будущую судьбу своего двора на единственного женатого брата, но, когда у них с женой не появилось детей, Зиновьевы тоже оказались обречены на нищенскую старость. Их трехлетний найденыйш не мог вырасти достаточно быстро, чтобы спасти их.

Причина, по которой многие дворы в Случково были лишь на грани, а еще не на дне пропасти, была связана с ритмом, в котором неприятие брака нарастало в деревне: два меньших по размеру поколения незамужних женщин вымерло в основном к 1770-м гг., в то время как следующее и гораздо большее поколение не приемлющих брак женщин выросло к 1770-м и 1780-м. Таблица с разбивкой по возрастам в Случково (девять предполагаемых беженцев из других деревень, внесенных в исповедную ведомость 1800 г., *не* включены) выглядит следующим образом:

Таблица 3.3. Мужчины и женщины в Случково, 1795

	Мужчины		Женщины	
	Женатые	Холостые	Замужем	Не замужем
До 20	0	28	1	31
20–24	3	1	1	3
25–29	3	0	9	3
30–34	6	0	3	4
35–39	4	0	5	3
40–44	4	0	5	6
45–49	6	2	1	4
50–54	3	1	4	5
55–59	3	0	2	2
60+	5	0	5	0
Итого	37	32	36	61

Таблица показывает несоразмерное количество незамужних, которым за 40 и за 50 – 17 против 12 замужних в этих когортах из общего числа 29. Замужем или нет, лет через десять оставшимся в живых потребуется поддержка более молодых членов семьи, если таковые у них есть, или родственников, или соседей. Там проживало также 19 мужчин за 40 и за 50, и большинству из них тоже скоро будет необходима поддержка. Мужчин же в возрасте от 20 до 40 было всего 17, и именно на них должно было лечь основное бремя содержания 48 мужчин и женщин старшего поколения (53, если учесть пять предполагаемых беженцев, 44 лет и старше, переживших разорение дворов в других деревнях и нашедших приют в Случково). Незавидное будущее, которое, по данным на 1795 г., четко вырисовывалось в нескольких дворах, было на самом деле будущим всей деревни. Это бремя возникло из-за того, что многие женщины не ушли из дворов в замужество, и усугубилось тем обстоятельством, лишь отчасти случайным, что в молодом поколении было немного мужчин. Сокращающееся количество детей по причине безбрачия станет бедой в дальнейшем, пока же более актуальной проблемой являлось то, что около 20% мужчин, которые могли бы быть опорой старикам, уже забрали или вскоре заберут на военную службу. Если бы шесть нормально функционирующих дворов в Случково (где все вступали в брак и все еще производили потомство) отказались содержать кого бы то ни было, кроме своих стариков, «нищета» была бы слишком мягким определением будущего остальных 19. В

Алёшково ближайшее будущее выглядело не так мрачно: 15 из его 24 дворов, по данным на 1795 г., нормально производили потомство, и самой старшей незамужней женщине было только 49 лет. Но Алёшково станет жертвой похожего демографического и социального кризиса через поколение, когда его шесть безбрачных дворов – точно так же, как шесть безбрачных дворов Случково, – расползутся по швам.

Более молодые вдовы и незамужние женщины могли еще, хотя и с трудом, найти средства к существованию, но старые нет. Они не могли выполнять батрацкий труд, едва посильный мужчинам, и, вероятно, лишь единицы из них обладали силой или умением, чтобы содержать себя кустарным либо отхожим промыслом. Грамотная староверка, учившая детей старообрядцев читать, могла, может быть, прокормить себя, но лишь считанные женщины и мужчины старше 60 были на это способны. Неважно, оставались ли они в убогой старости в своей лачуге или спали на скамье в доме, где им соглашались дать пищу и приют, они все равно нуждались в помощи.

КРЕПОСТНЫЕ В ПРИХОДЕ КУПЛЯ И КРЕСТЬЯНЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРИХОДА

Не все деревни прихода с. Купля демонстрировали столь крайнюю степень неприятия брака, как Случково и Алёшково. В Пешково – еще одной дворцовой деревне – и мужчины и женщины следовали принципу почти что универсального брака (как видно из таблиц 3.1 и 3.2): хотя во время ревизии 1782 г. имели место кое-какие пертурбации, по данным и на 1763, и на 1795 г. только один мужчина и две женщины 25 лет и старше остались холостыми. Куплинские священники не выявили ни одного раскольника среди крестьян Пешково в 1777 г. и только одну супружескую пару записали староверами в 1800 г.³²³ Это были Иван Дмитриев, 48 лет, по данным ревизии 1795 г., и Матрена Григорьева, 43 лет. Матрена была родом из Случково, и, хотя семья Ивана, по данным на 1782 г., не похожа на противницу брака – две его сестры были выданы замуж, по данным на 1795 г., у этой пары не было живых детей и во дворе, кроме них, никого не осталось. Возможно, они ввели в Пешково практику целибатного брака (или один из них был не способен к зачатию, или все их дети умерли в младенчестве).

Уровни противления браку в помещичьих деревнях прихода, показанные в таблицах 3.4 и 3.5, основаны на материалах исповедных ведомостей 1777 и 1800 гг., которые не дают достоверной информации по возрастам. Тем не менее, хотя количество мужчин и женщин в возрасте 25 лет и старше может быть неточным, различия между деревнями и произошедшие со временем изменения слишком существенны, чтобы объясняться случайными погрешностями в записи данных.

Таблица 3.4. Сопротивление браку в приходе с. Купля среди помещичьих крестьян 25 лет и старше, 1777 и 1800

Год		Купля	Харлаково	Хорошево
1777	Женатых	18	11	32
1777	Никогда не женившихся	0	0	0
1800	Женатых	27	20	30
1800	Никогда не женившихся	0	2 (9,1%)	1 (3,2%)

Таблица 3.5. Сопротивление браку в приходе с. Купля среди помещичьих крестьянок 25 лет и старше, 1777 и 1800

³²³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 108. Л. 194–195 об.; Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 162–164, 170.

Год		Купля	Харлаково	Хорошево
1777	Замужем	17	11	33
1777	Никогда не выходивших замуж	0	0	3 (8,3%)
1800	Замужем	27	23	34
1800	Никогда не выходивших замуж	0	1 (4,2%)	8 (19,0%)

Единственной помещичьей деревней, в которой отвращение от брака привилось, было Хорошево. В деревне Купля в последней четверти и, возможно, во всей второй половине века все мужчины и женщины, достигшие возраста 25 лет и старше, вступали в брак³²⁴. В исповедную ведомость 1800 г. попали двое неженатых харлаковских мужчин и одна незамужняя женщина, но это, скорее всего, результат произвольных колебаний, а не признак зарождающегося сопротивления браку: по данным на 1830 г., только одна из 17 женщин старше 25 лет никогда не выходила замуж³²⁵. В Хорошево, если возрасты двух самых старших старых дев были близки к записанным в 1777 г. – 40 лет, – женщины начали чураться брака немного до или после 1760 г., и их число непрерывно росло. Только одна из трех старых дев 1777 г. дожила до 1800 г., но к тому времени в пяти из девятнадцати номинально православных дворов обитали семь незамужних женщин 25 лет и старше и одна 34-летняя «староверка» (единоверка) тоже оставалась старой девой. Священник отметил еще трех хорошевских «староверок» – одну, 39 лет, замужнюю, двух незамужних 19 лет и 21 года, а также пятерых мужчин и трех женщин – записных раскольников – все были старше 38 лет и состояли в браке. В Хорошево сопротивление браку возникло в основном среди номинально православных, а не среди открыто инаковерующих. Однако Хорошево было единственной из трех помещичьих деревень, содержащей больше двух явных староверов какого бы то ни было толка, так что существовала, наверное, связь между присутствием староверов и отвращением от брака³²⁶.

Сопротивление браку смогло получить развитие в Хорошево, возможно, потому, что ни один из его трех совладельцев не жил в своих микровотчинах. В 1777 г. Александру Бабкину принадлежали четыре двора, Петру Бабкину – пять, Марии Шеховской – 14; все взрослые незамужние женщины жили в ее трети. К 1800 г. 3 из 9 номинально православных дворов, принадлежавших в то время Шеховской, содержали пять старых дев (в одном жили три никогда не выходивших замуж сестры в возрасте 29–49 лет), а среди теперь уже десяти дворов братьев Бабкиных в двух были незамужние женщины 25 лет и старше, и было еще три двора с незамужними 24-летними женщинами, которые явно метили в пожизненное безбрачие. Единственным оседлым крепостным владельцем в приходе с. Купля, по данным на 1800 г., был Василий Быков: они с женой числились прихожанами и имели в приходе не менее 25 дворовых³²⁷. Быков был совладельцем деревень Купля (где ему принадлежали два двора) и Харлаково (шесть дворов). Он приобрел помещичий дом у ранее проживавшего там владельца Харлаково Василия Челюшева; судя по удвоению населения Харлакова с 1777 по 1800 г., он также переселил туда дополнительных крепостных. Быков, похоже, был активным управляющим, заинтересованным в расширении своих новых владений. Есть

³²⁴ Там же. Оп. 111. Д. 108. Л. 192 об. – 193 об.; Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 165–166 об.

³²⁵ Там же. Оп. 111. Д. 108. Л. 188 – 188 об.; Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 166 об. – 167 об. По 1830 г.: Там же. Оп. 107. Д. 212. Л. 882–885.

³²⁶ Там же. Оп. 111. Д. 108. Л. 189 об. – 191; Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 167 об. – 169 об., 170 об. – 171.

³²⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 73. Л. 1600–1600 об. Я не включил в брачную статистику дворовых. У них было мало общего с крестьянами, если говорить о семейной структуре или брачных тенденциях.

вероятность, что если бы его крепостные попытались избегать брака (по данным на 1800 г., один 25-летний из его доли не был женат), он сделал бы все возможное, чтобы заставить их брачиться, как делали в то время другие занимавшиеся хозяйством помещики. Возможно также, что его заочные совладельцы попросили его присматривать и за их хозяйством. Но это домыслы. Что нам точно известно – то, что в той одной деревне, где ни один из владельцев не проживал, крепостные женщины начали отвергать брак вскоре после того, как дворцовые крестьянки Алёшково стали отвращаться от брака, и с течением времени количество женщин, избегавших брака, непрерывно росло.

По данным на конец XVIII в., сопротивление браку в дворцовых деревнях в зоне поселений по южную сторону от р. Клязьма наблюдалось в целом меньше, чем в Случково (44,3% среди женщин 25 лет и старше на 1795 г.) и Алёшково (30,8% в 1795 г.), тем не менее – по сравнению с тем, что мы считаем традиционным отношением русских крестьян к браку – оно было явно повышенным.

Таблица 3.6. Доля взрослых женщин старше 25 лет, никогда не выходивших замуж, в дворцовых деревнях Гороховецкого уезда по материалам ревизий податного населения ³²⁸ (в процентах)

	1763	1782	1795
Шубино	19,6	31,1	26,8
Ветельницы	12,2	22,5	21,9
Купреяново	2,2	17,4	17,9
Светильново	7,1	14,3	15,2
Арефино	3,4	13,9	7,4
Княжичи	15,2	5,4	6,5
Лучинское	5,4	2,6	6,1
Итого	9,6	18,0	16,7

Разумеется, уровни женского отвращения от брака в разных деревнях уезда – так же как и в приходе с. Купля – были весьма разные. Сопротивление браку в Шубино близко следовало за сопротивлением браку в Алёшково, и Ветельницы ненамного отставали. Лучинское (известное также как Городище), Княжичи (после 1763 г.) и Арефино (кроме 1782 г.) шли более или менее вровень с Пешково, с весьма малым для этого уезда количеством женщин, никогда не выходивших замуж. Купреяново и Светильново оказались посередине. В целом, однако, уровень сопротивления браку был поразительно высок, особенно если мы вспомним, что в таблице 3.6 оценивается сопротивление по контингентам, которые включали в себя как родившихся в данном месте и никогда не выходивших замуж женщин, так и привозных невест. Так же как отвращение от брака среди женщин, родившихся в Случково, было не 44,3%, а 70%, так и сопротивление браку среди женщин, родившихся в деревнях из таблицы 3.6, было, вероятно, еще больше: близко к 40% в Шубино, 30% в Ветельницах, значительно выше 20% в Купреяново и Светильново и, по-видимому, около 25%, если взять все семь деревень вместе. Поскольку я выбрал эти деревни произвольно из дворцовых деревень в радиусе 10 километров от прихода с. Купля, в совокупности они дают представление о ситуации во всей этой части Гороховецкого уезда. Сопротивление браку среди дворцовых крестьян было здесь высоко и устойчиво. Одно отличие деревень из таблицы 3.6 от дворцовых деревень прихода с. Купля было в том, что отвращение от брака здесь, похоже, достигло пика и затем, после 1782 г., выровнялось. В то время как в Случково и Алёшково отвращение от брака значительно выросло с 1782 по 1795 г., в этих деревнях было лишь подобие произвольных колебаний.

Как и в приходе с. Купля, помещичьи крестьянки в остальной части уезда были менее

³²⁸ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 108–138 об., 149 об. – 164, 175–182, 191 об. – 200; там же. Д. 202. Л. 109–152 об., 161–164 об., 173–178 об.

склонны к сопротивлению браку или же, возможно, менее способны успешно сопротивляться. Например, в приходе с. Мячкова Слобода, в 14 километрах по прямой на северо-восток от Купли, уровень женского сопротивления браку среди «экономических» крестьян в самом Мячково был 11,8%, по материалам приходской исповедной росписи 1800 г., и 14,2% – по росписи 1815 г. (В двух других экономических деревнях из другого прихода – Ростово и Рытово – 18,9 и 7% женщин 25 лет и старше по ревизским сказкам на 1795 г. были не замужем³²⁹.) В двух помещичьих деревнях прихода с. Мячково Выезд и Щалипино, принадлежавших семейству Лазаревых, как свидетельствуют приходские переписи 1800 и 1815 гг., все женщины 25 лет и старше были замужем³³⁰. Во Флоровском приходе было множество мелких помещичьих деревенок, почти каждая из которых была раздроблена на крошечные владельческие доли (вплоть до отдельных дворов); не только собственники, но и границы прихода менялись, отмежевываясь от одних и присоединяя другие деревни. С 1800 по 1815 г. стабильность сохранялась в шести владельческих деревнях и одной части седьмой. В некоторых из этих деревень в один год было несколько взрослых незамужних женщин, в другой – ни одной, но общий процент женщин, никогда не выходивших замуж, оставался стабильным: 8,6% в 1800 г., 8,9% в 1815 г. В Малиново, наименее расположенной к браку помещичьей деревне, соотношение было в 1800 и 1815 гг. 19 и 21% (а в 1779 – 18,4%). «Экономическая» деревня Манилово в том же приходе обнаруживала почти идентичный уровень неприятия брака: 22% в 1800 г., 21,2% в 1815-м³³¹. Возможно, среди помещичьих крестьян – так же как среди экономических и дворцовых – различие между деревнями следует прежде всего относить на счет разного отношения к браку среди самих крепостных, а не позиции вотчинных владельцев и управителей. Весь заселенный район, длиной 25 и шириной 8–12 километров, в котором был расположен приход с. Купля, являлся, по-видимому, центром женского сопротивления браку. Степень проявления разнилась от деревни к деревне, но никто из живущих там не мог находиться в значительном отдалении от места, где большое число женщин отказывались вступать в брак.

РЕШАЮТ ДОЧЕРИ

Решали ли отцы (возможно, религиозные фанатики), что их дочери не будут выходить замуж или дочери сами, одна за другой, приходили к этому? По общепринятому мнению, конечно, крестьяне XVIII в. должны были традиционно жестко контролировать женитьбы своих детей. Но те же родители, внедряя религиозную доктрину, которая (по нашему предположению) побуждала женщин избегать брака, сами нарушали, точнее, отвергали социальные и культурные нормы: они надломили привычные каноны. Девушки, росшие в таких семьях, могли не принимать с покорностью догматы своих родителей. На самом деле их родители являли собой противоречие: будучи в браке, они (опять же, по нашему предположению) дочерям своим запрещали выходить замуж. В Случково и Алёшково, да и во всех окружающих деревнях у девушек были соседки, выходившие замуж. Выход замуж – обычно за выбранного отцом юношу – уже не являлся чем-то неизбежным, но многие девушки продолжали выбирать брак. Возможно, стоит предположить, что в этой ситуации у молодых женщин был выбор или, по крайней мере, они могли отвергать тот или другой вариант.

³²⁹ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Л. 230 об. – 242, 306 об. – 317.

³³⁰ Там же. Ф. 556. Оп. 107. Д. 73. Л. 154–159 об.; там же. Оп. 14. Д. 254. Л. 117–124 об.

³³¹ Там же. Оп. 107. Д. 73. Л. 134–152 об.; Там же. Оп. 14. Д. 254. Л. 772–783 об. Данные по Манилову за 1779 г.: Там же. Оп. 111. Д. 119. Л. 120–120 об., 141–142 об.

Фактический материал, который мог бы подсказать нам, кто делал этот выбор – родители или дочери, – скуден. Возраст, в котором и помещичьи, и дворцовые крестьянки вступали в брак – большинство из них после 20 лет, – увеличивает вероятность наличия у них предпочтений, выходить замуж или нет и за кого, а также возможность настоять на своем так, как не смогли бы это сделать 15- или 16-летние девочки. К 20 с лишним годам они уже пять или более лет находились в бракоспособном возрасте, что обычно предполагало, что они лет с 15 принимали участие в весенних играх-хороводах. Так русские крестьяне представляли свету своих дочерей на выданье. Конечно, родители в настроенных против брака семьях, вероятно, придерживали своих дочерей. Но неужели они могли запереть их в чулан, чтобы девушки ничего не видели и не слышали?

Свидетельства о ритуалах ухаживания в Гороховецком уезде в середине XIX в. (по-видимому, самые ранние из сохранившихся), хотя и отмечают особенности, связанные с работой в отходе, описывают более или менее стандартные обычаи православных и умалчивают о том, как местные староверы сватались и женились, не говоря уже об ухаживании за дочерьми из избежавших брака семей³³². Остались описания обрядов ухаживания среди крестьян-староверов XIX в. из других уездов, но не факт, что мы можем из них узнать о том, как женихались и невестились в XVIII в. крестьянские юноши и девушки Случково и Алёшково. Самое раннее такое описание, которое я нашел, относится к январю 1800 г. Оно было послано управляющим имением Баки в Варнавском уезде Костромской губернии, только что приобретенным графиней Шарлоттой Ливен. Его уместно упомянуть, поскольку в этом имении, как и в приходе с. Купля, многие женщины противились браку и количество взрослых незамужних женщин увеличивалось. В этом имении было также много старообрядцев, как поповского, так и беспоповского толка. Новый приказчик с неодобрением замечает, что зимними вечерами девицы собираются, чтобы вместе прясть, к ним приходят парни и посиделки затягиваются до поздней ночи. Он приказал, чтобы они расходились не позже 10 вечера и парней на посиделки не пускали³³³. Даже в деревнях, где было много не выходивших замуж староверок, юноши – и православные, и старообрядцы – все равно женихались, и, наверное, девушки из избежавших брака дворов общались с другими девицами, а значит, и с парнями.

Павел Мельников, многие годы изучавший староверов в Нижегородской губернии, в своем объемном отчете Министерству внутренних дел в 1854 г. утверждал (как и многие другие), что староверы с их неприязнью к танцам и пению были совсем не русскими. Такое их отношение исключало участие в хороводах и в большинстве других ритуалов ухаживания. Но он также докладывал, что в Заволжье староверы (в основном поповцы) женились исключительно «убегом». Это освобождало от всех общепринятых публичных ритуалов, связанных со сватовством, приготовлениями и празднованием свадьбы³³⁴. Убег, однако, обязательно означал, что имело место какое-то ухаживание и что девушки сами принимали

³³² *Борисоглебский Я.* Свадебные обряды в Гороховецком уезде // *Владимирские губернские ведомости*. 1854. № 1 (перепечатано: Семейные обряды Владимирской деревни). Владимир: Владимирский областной центр народного творчества, 2006. Ч. 2. С. 92–94; *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости Гороховецкого уезда // *Труды Владимирского губернского статистического комитета*. 1864. Вып. 3. С. 17–40; *Добротворский Н.* Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии // *Юридический вестник*. 1888. Т. 28. № 6–7. С. 322–349; *Посоха И. Е.* Свадебный обряд // *Традиционная культура Гороховецкого края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы*. М.: Гос. Республиканский центр русского фольклора, 2004. Т. 1. С. 133–154.

³³³ British Library. Lieven Papers. Additional Manuscripts 47422. F. 44 verso. Брак в имении Баки – тема главы 6.

³³⁴ Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный при Министерстве Внутренних Дел Коллежским Советником Мельниковым // *Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии*. Нижний Новгород, 1910. Т. 9. С. 273–274.

брачные решения. По словам Мельникова и других, кто описывал обычаи в местах, где практиковались свадьбы убогом, родителям невесты заранее ничего не говорили, но они часто догадывались о том, что должно произойти. Часто девушек уводили с зимних вечеров. Родители иногда протестовали, но существовал ритуал вымаливания прощения, который всегда завершался получением родительского благословения³³⁵. О свадьбах *уходом* (*убегом*), также называвшимся *уводом*, если главным виновником считали жениха, сохранилось много свидетельств в губерниях на север от Москвы, как среди староверов, так и среди православных, в то время как сведений об уводах невест на юге от Москвы почти нет. Увод невест был больше связан с местностью, чем с вероисповеданием. Гороховецкий уезд находился недалеко от местности (где распространен был увод), частично захватывавшей нижегородские леса, в которых зародилось Спасово согласие. Существуют, однако, лишь расплывчатые ссылки на увод или уход невест в некоторых местах Владимирской губернии, но не в Гороховецком уезде³³⁶. Это необязательно значит, что случковским девушкам уход был чужд.

Ревизские сказки дают нам некоторое представление о том, как молодые люди в Случково вступали в брак, из чего можно сделать некоторые выводы о том, почему не вступали не все. Большинство молодых женщин не выходили замуж, но у некоторых из них были замужние сестры. Например, из сказки 1782 г. мы узнаем, что старшая дочь Ивана Алексеева 36-летняя Мавра замужем никогда не была, а его младшие дочери – еще одна Мавра и Авдотья – вышли замуж где-то после 1763 г. Все пять дочерей Григория Алексеева (не родня Ивану) были старше 25 лет; четыре из них никогда не выходили замуж, но вторая дочь, Матрена, вышла. В семействе Ивана Степанова старшая дочь вышла замуж, младшая нет. Хотя в 1782–1795 гг. подобных случаев разномыслия не наблюдалось, а в Алёшково вообще за весь период 1763–1795 гг. не было таких примеров, в других близлежащих деревнях, где значительная часть женщин избегала брачения, некоторые сестры в семье выходили замуж, а другие нет³³⁷. Это не было широко распространено, но не являлось и редкостью.

Как получалось, что какие-то дочери выходили замуж? Отцы определяли, какой из их дочерей выходить, а какой нет? Более вероятно, что некоторые девушки сами принимали решение. То, что эти браки были исключением из правил, принятых в семье и в местной религиозной общине, само по себе предполагает, что дочери, вышедшие замуж, сделали это по собственной инициативе. А если брачившиеся дочери сами решали брачиться, то их безбрачные сестры тоже решали – не следовать примеру сестры или соседки. Без сомнения, твердая убежденность родителей в несправедности брака для женщин влияла на решения многих дочерей, и некоторые отцы и матери, вероятно, в своем стремлении удержать

³³⁵ Например: Похищение невест // Нижегородские губернские ведомости. 1845. 5 апр. № 14.; Кордатов А. Самокрутка // Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1870. Т. 3. С. 139–150; Русские ведомости. 1875. 31 янв. № 25.

³³⁶ Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева в 1900 г. напрямую задало вопрос своим информаторам, бытуют ли у них увод или уход невест. Четверо владимирских информаторов ответили отрицательно, а информатор из Шуйской волости сказал, что «они чрезвычайно редки». Подавляющее большинство респондентов вопрос проигнорировали, вероятнее всего, потому, что в местностях, откуда они посылали ответы, такая практика им не встречалась (Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. На примере Владимирской губернии. СПб.: Изд-во Европейского дома, 2003. С. 244). Сама коллекция Тенишева в настоящее время закрыта для иностранных исследователей.

³³⁷ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 114 об. (Светильново, 1763–1782), 119–119 об., 120–120 об., 122, 125 (Шубино, 1763–1782), 125 об., 128, 130, 133, 133 об. (Ветельницы, 1763–1782), 150, 150 об., 151, 157, 162 об. (Купреяново, 1763–1782); там же. Д. 202. Л. 113 об., 116 об. (Шубино, 1782–1795); Там же. Л. 163 (Арефино, 1782–1795).

дочерей дома не ограничивались нравоучениями. Неудивительно, что в старообрядческой общине с твердым, как мы можем предположить, верованием в то, что женщинам не подобает выходить замуж, большинство дочерей выбирало вечное девство.

Отсутствие связи со старшинством – это еще одно доказательство наличия выбора: в трех случковских семействах младшие дочери вышли замуж, в одной из них вышла замуж самая старшая и в одной – одна из средних дочерей. То же самое отсутствие логики наблюдалось и среди принимавших половинчатые решения дворов в других деревнях. Между тем в крестьянских семьях, не чуравшихся брака, выдача дочерей замуж в порядке их рождения была практически неизблемым правилом – с тем чтобы не создавать впечатления, что старшая сестра оказалась обойденной. Во дворах Случково и соседних деревень, в которых некоторые дочери выходили замуж, а другие нет, судьба младшей сестры не зависела от судьбы или выбора старшей. По крайней мере, там, где старшинство не играло роли в решениях о браке, у молодых женщин было больше свободы следовать собственным желаниям, чем у их товарок в более традиционных крестьянских семьях.

Если женщины, подобные Мавре и Матрене, сами решали выходить или не выходить замуж, то они, почти наверняка, сами выбирали, за кого. Если в доме существовало «по умолчанию» согласие, что женщины не должны выходить замуж, то Мавре нужно было проявить некоторую инициативу, а то ее отец любому явившемуся Ивану и Сидору дал бы от ворот поворот. (Я предполагаю, в отсутствие доказательств обратного, что эти девушки не вышли замуж убегом.) Ивановы сваты, вероятно, обратились к отцу Мавры только после того, как она с Иваном уже договорилась. Более того, если бы отец Мавры по какой-либо причине сам попытался навязать ей нежеланного ухажера, она всегда могла отказаться от замужества, ссылаясь на религиозные основания, которые для ее родителей и общины в целом были бы, наверное, вполне убедительны.

Я натянул эту нить умозаключений до предела, поэтому остановлюсь на том, что может показаться – а на самом деле не является – парадоксальным выводом: я убежден (и убедил вас?), что именно в отвергавших брак семьях уже во второй половине XVIII в. русские крестьянские девушки в достаточном количестве, чтобы это имело значение, получили, возможно по умолчанию, право самостоятельно принимать брачные решения³³⁸. В деревнях, где все вступали в брак, у девушек не было иного выбора, кроме замужества. В Случково и брак, и вечное девство были факультативны. Как только у женщин появлялась возможность выбирать, идти замуж или нет, они автоматически приобретали некоторую свободу выбирать партнеров. Чем меньше отцы были заинтересованы в выдаче своих дочерей замуж, тем больше права выбора переходило к дочерям.

Глава 4

ПРИХОД С. КУПЛЯ, 1830–1850: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВОЗВРАТ К БРАКУ

Примерно с первой четверти XVIII столетия женщины дворцовой деревни Случково начали все чаще сторониться замужества. К концу века уже 70% взрослых женщин, родившихся в этой деревне, – все, конечно же, староверки беспоповского толка – отказались вступать в брак. Дальнейший рост отказа от брака в д. Случково был практически невозможен, и, действительно, в XIX в. он оставался на том же уровне. В дворцовой деревне Алёшково воздержание от брака среди женщин стало заметно лет на десять позже и

---

³³⁸ Категория отвергавших брак дворов может быть расширена и распространена на дворы староверов-поповцев, которые признавали брак, но не тот, что совершался православными священниками; девушки из таких семей часто венчались в православной церкви, но убегом. Более подробно об этом в главе 6. Убеги девушек из поповцев стали, возможно, распространяться во второй половине XVIII столетия, примерно в то же время, когда девушки беспоповцев начали принимать самостоятельные брачные решения.

продолжало расти, пока не достигло своего пика – то есть того же уровня, что и в д. Случково, – в районе 1830 г. В Пешково в XVIII в. невыход замуж женщины брачного возраста был редкостью, такие случаи могли объясняться, видимо, только физической или психической недееспособностью. Но в период между 1800 и 1830 гг. женское население деревни бросилось в стародевичество. К 1830 г. количество незамужних взрослых женщин достигло 37% от всего женского населения д. Пешково, то есть почти такого же уровня, к которому в деревнях Случково и Алёшково пришли за более чем полвека. И затем, начиная где-то с 1830 г., во всех трех деревнях молодые женщины из многих дворов, обитательницы которых поколениями отвергали замужество, вдруг вернулись к обычному среди российского крестьянства универсальному браку.

Этот перелом случился во дворах, которые священники в 1830 и 1850 гг. записали Спасовыми или в которых проживали отдельные спасовцы. В других дворах, опознанных священниками как принадлежавшие к поморскому согласию, тенденция к отказу от замужества наблюдается с начала 1800-х и не слабеет вплоть до 1850-х. Это по меньшей мере любопытно: молодые женщины из определенно поморских дворов в XIX в. уклонялись от брака в то время, как их бабушки в XVIII в. поголовно выходили замуж. Мы не можем, однако, быть полностью уверены, что бабушки поморок XIX в. сами были поморками: они подчинялись принципу универсального брака, жили во дворах, которые священники почитали православными, и вполне могли сами исповедовать православие. Или же они таились, как таились многие староверы прихода. Явным же их наличие стало лишь в начале XIX в., когда они перестали выходить замуж и священник записал их поморками.

Брачное поведение и спасовцев, и поморцев в приходе с. Купля парадоксально. Я довольно подробно разбираю отношение спасовцев к браку в главе 5, поскольку, чтобы понять, почему так много Спасовых женщин в течение столь долгого времени чурались брака, а потом вдруг вновь стали выходить замуж, требуется тщательное рассмотрение крайне скудных сведений. Здесь я только кратко представляю контекст. Когда спасовцы в конце XVII в. появились в нижегородских приволжских лесах в качестве беспоповского согласия, они – как и все прочие беспоповские согласия в то время – придерживались мнения, что раз нет больше священников для совершения венчания, то и брака быть не может. Сожительство, не освященное таинством брака, – это прелюбодеяние, лучше, возможно, чем венчание в еретической церкви, но все же тяжкий грех. Такова была Спасова доктрина как минимум до 1730 г., но к концу XVIII столетия было четко установлено, что согласие готово мириться с совершением брака православными священниками в православных церквях. Другие староверы считали такой подход возмутительным, и с теологической точки зрения он действительно выглядит противоречивым. В главе 5 я предлагаю возможное объяснение этого, но в данном контексте важным является то, что примерно в то же время, когда согласие санкционировало брак, все большее количество спасовок в приходе с. Купля отвергали его. В главе 5 также рассматривается возможное объяснение того, почему спасовки прекратили отказываться от брака: раскол в Спасовом согласии в 1840-х гг.

Дворы поморцев в приходе с. Купля переняли брачное правило местных спасовцев – мужчины женятся, женщины нет – точно в то же время, когда общероссийское поморское согласие официально признало брак. На протяжении XVIII в. поморские руководители в своей Выгозерской пустыне (поморском Ватикане) на севере России упорствовали в отрицании института брака. Они не просто утверждали, что больше нет священников для совершения таинства и не освященный таинством брак есть сущее прелюбодеяние, но и что ввиду приближения Второго пришествия и Страшного суда потребно безбрачие. Однако они снисходительно относились к плотским слабостям своих семейных последователей и не предпринимали попыток изгнать супружеские пары или принудить их к целомудрию (как это делали, например, в федосеевском согласии). Женатым парам предписывалось только во время служб стоять на улице, а за трапезами сидеть за отдельными столами, пользуясь отдельной посудой. На самом деле крестьяне-старообрядцы, селившиеся в районе Выгозера

в XVIII в. с тем, чтобы быть поближе к своему духовному центру, свободно вступали в брак, о чем свидетельствуют ревизские сказки второй половины века. К 1763 г. большинство сохранивших безбрачие взрослых жителей мелких поселений в округе составляли стареющие представители первоначального всплеска религиозного рвения, прибывшие в эти места в начале XVIII в. Нормой к 1763 г. была семья из нескольких поколений, где все молодые мужчины женились, а женщины выходили замуж³³⁹.

К середине XVIII в. некоторые из старообрядческих проповедников (или идеологов), связанных с поморцами, хотя необязательно являвшихся членами этого согласия, стали поборниками института брака. Они утверждали, что брак – это дар Божий, что Бог сказал людям «раститесь и множитесь» и священники не нужны, так как таинство, в котором пары дают друг другу обет верности до гроба, совершается Самим Богом. В 1770-х гг. поморская община в Москве положительно относилась к браку, и ее мирской руководитель Василий Емельянов охотно принимал женатые пары в полноправные члены общины. В 1780-х он составил беспоповский обряд венчания и начал совершать бракосочетания поморских пар путем родительского благословения, взаимного согласия и обмена брачными обетами. В 1798 г., после ряда конфронтаций между Емельяновым и выговскими старцами, последние (зависевшие от пожертвований московских купцов-поморцев) сдались и объявили брак позволительным³⁴⁰. Почти все местные общины, ранее противившиеся браку, вскоре переняли этот подход. Московские поморцы демонстративно поощряли брак, привлекая таким образом староверов из других, все еще враждебно настроенных против брака согласий, и как минимум к 1830-м гг. крестьяне Гороховецкого уезда уже сами справляли беспоповские свадьбы, используя поморский обряд венчания³⁴¹. Поморские женщины в приходе с. Купля перестали выходить замуж, как раз когда их согласие в большинстве своем перешло на позиции принятия брака, точно так же как спасовки прихода прекратили

³³⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2379. В 1748 г. даются списки только мужского населения, но большинство мужчин пожилые и, по всей видимости, холостые. Включены также дети и подростки мужского пола. Ревизия 1763 г. (Там же. Д. 2422), где переписывались и мужчины и женщины, показывает, что к 1763 г. нормой являлись семьи, состоявшие из нескольких поколений и производящие потомство. См. также: *Соколовская М. Л.* Крестьянский мир как основа формирования выговского общежития // *Старообрядчество в России*. М.: Языки русской культуры, 1991. С. 270–274; *Старицын А. Н.* Староверческие поселения Каргополья конца XVII – начала XVIII в. // *Историко-культурный ландшафт Северо-Запада*. СПб.: Европейский дом, 2011. С. 160–167.

³⁴⁰ Существует много рукописных источников, запечатлевших полемику в среде поморцев о таинстве брака. По внутриморской дискуссии и службе венчания 1780-х гг.: РГБ ОР. Ф. 17. № 393, особенно Л. 29 – 71 об., 74 об. – 82, 138 об. – 246, 295–302 об.; там же. Ф. 98. № 1597. Л. 1–5, 45 об. – 62. Есть также многочисленные научные работы XIX в., в основном православных авторов, посвященные этой теме. Краткое изложение этой истории с ошибками в деталях, но верным отражением общей канвы событий, находим тут: *Попов Н., ред.* Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, Федосиевцев Преображенского кладбища и Поморского Монинского согласия. М.: ИОИДР, 1870. [Ч. 2, страницы пронумерованы отдельно.] С. 1–8, 17–45, 114–127. Гораздо более полная дискуссия: *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1869. Вып. 1. Отличная недавняя работа: *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. Новосибирск: Сого, 2006. С. 126–129, 267–396. Хорошее краткое изложение: *Paert I.* Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760–1850. Manchester: Manchester University Press. P. 47–49; *Paert I.* Regulating Old Believer Marriage: Ritual, Legality, and Conversion in Nicholas I's Russia // *Slavic Review*. 2004. Autumn. Vol. 63. № 3. P. 558–561. В данном издании дается краткий обзор брачных обычаев поповских и беспоповских староверческих согласий. По противоборству между руководителями выговских и московских поморцев: *Хвальковский А. В., Юхименко Е. М.* Поморское староверье в Москве // *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 314–343; *Юхименко Е. М.* Поморское староверье в Москве и храм в Токмаковом переулке. М.: ВИНТИ, 2008. С. 1–27.

³⁴¹ ГАВО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 171. Л. 42, 223–223 об., 224 об., 225–225 об., 229, 231–232 об., 233 об., 333 об., 397, 409 об. – 410, 433–435, 469–471 об., 481–489.

брачиться, когда их согласие начало поощрять брак. Я делаю попытку в главе 5 разгадать этот двойной ребус.

Тот факт, что спасовки прихода с. Купля в районе 1830 г. дружно начали выходить замуж, может легко пройти незамеченным. Инструмент, которым я до сих пор пользовался, – процент незамужних женщин старше 25 лет – слишком груб. Хотя эти показатели могут казаться достаточными для отражения склонности вступать (или не вступать) в брак, на деле это не так: 44,3% взрослых случковских женщин в 1795 г. были не замужем в результате решений, принятых ими в течение предыдущих 40 лет, – таблицы, показывающие процент незамужних в 1795 г., дают картину местной истории уклонения от брака, а не бракосочетаний на 1795 г. Женщины Спасова согласия круто повернули обратно к замужеству, а совокупные показатели женского сопротивления браку менялись очень медленно. Когда женщины, родившиеся в Случково, Алёшково и Пешково, начали выходить замуж, большинство из них уходило из родных деревень. И в любом случае замужних взрослых женщин не могло быть больше, чем женатых мужчин, а по данным на 1830 г. все взрослые мужчины уже были женаты. Процент никогда не бывших замужем женщин снижался медленно по мере того, как старые девы одна за одной умирали, а молодые девки выходили замуж на сторону.

Когортный анализ брачности должен быть дополнен выяснением, что произошло с девочками и подростками, перенесенными – или же исчезнувшими – из одной ревизии в другую. Здесь нас ждут две проблемы. Во-первых, ревизия 1812 г. учитывала только мужчин, а ревизские сказки 1816 г. деревень прихода с. Купля утеряны. Нам остаются только ревизские сказки 1834 и 1850 гг. Вторая проблема в том, что в XIX в. ревизии учитывали только тех женщин, которые на тот момент проживали в данной деревне постоянно и на законных основаниях. Мужчины по-прежнему записывались в две колонки: в одной те, кого учла прошлая ревизия, с объяснениями причины исчезновения (смерть, рекрутский набор) к моменту данной ревизии, во второй колонке – наличное население. В ревизии 1834 г. переписывалось только наличное женское население; она ничего нам не сообщает о женщинах 1816 г. Мы можем определить женщин, пропавших между ревизиями 1834 и 1850 гг., но относительно детей и подростков 1834 г. нам неизвестно, умерли они или вышли замуж на сторону в какой-то момент до 1850 г. Мы можем лишь предположить, какое объяснение более вероятно в том или другом случае. Девочка, записанная в 1834 г. в возрасте нескольких недель и пропавшая к 1850 г., скорее всего умерла, а девушка 16 лет в 1834 г. почти наверняка вышла замуж на сторону. В большинстве же случаев предположения совсем не столь очевидны.

СПАСОВЦЫ Д. СЛУЧКОВО, 1800–1850: РАЗДЕЛЕНИЕ, КРАХ, ВОЗВРАТ БРАКА

В промежутке между 1816 и 1830 гг. в структуре случковских дворов произошла революция, но мы не можем воссоздать точную картину, почему и когда именно это случилось. В 1830 г. куплинский священник записал десять Спасовых дворов в Случково (они пронумерованы со второго по одиннадцатый; Спасов двор номер один находился в Пешково). В этих десяти дворах проживало почти вдвое больше народа, чем в 14 записанных на православных страницах исповедной ведомости: 47 Спасовых мужчин и 71 женщина (всех возрастов) по сравнению с 40 православными мужчинами и 27 женщинами³⁴². Еще одного мужчину и четырех женщин священник вписал в отдельную поморскую группу; они могли быть не из одного и того же двора. Судя по гендерному дисбалансу спасовцев, многие их дворы имели странную структуру. Семь из десяти хотя бы относительно напоминают дворы, как они выглядели по данным ревизии 1834 г., хотя в три из этих семи было включено значительное дополнительное число жильцов, которые в 1834 г. были приписаны к

³⁴² ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 212. Л. 889–890 об., 894–895 об.

другим дворам³⁴³. А три Спасовых двора 1830 г. были сборной солянкой из народа, раскиданного ревизией 1834 г. по шести дворам. По результатам ревизии 1834 г. дворы выглядят нормально, Спасовы же дворы в исповедной ведомости 1830 г. выглядят удивительно. Спасов двор № 11 – самый странный.

4.1. Спасов двор № 11, Случково, 1830

Симион Васильев, 52
Жена Авдотья Козмина, 53

Девушка Агафья Никитина, 64
Ее племянница Акулина Герасимова, 44
Ее племянница Мария Герасимова, 34

Вдова Матрена Григорьева, 60
Ее дочь девушка Васса Илиная, 32

Василий Козмин, 54
Жена Матрена Дементьева, 52
Их дочь Евдокия, 21

Солдатка Аграфена Михайлова, 62
Ее сын Иван Михайлов, 15

Вдова Анна Андреева, 64
Вдова Варвара Яковлева, 33
Ее сын Абрам, 11
Ее дочь Прасковья, 8

Источник: ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 212. Л. 895 об.

Спасов двор № 11 представляет собой конгломерат не состоящих в родстве семейных осколков, распределенных ревизией 1834 г. по шести разным дворам. Козмины, Василий и Авдотья, не брат и сестра; Василий был включен в случковскую ревизскую сказку в 1782 и 1795 гг., а Авдотьи там не было. На самом деле среди шести составных частей этого двора не прослеживаются явных родственных связей. Двенадцать из шестнадцати обитателей двора – женщины; пять – взрослых, незамужних, еще три – вдовы. Василий Козмин и Симион Васильев уже близки к концу своей трудовой жизни, и у них нет сыновей, готовых прийти им на смену. Иван Михайлов только начинает трудовую жизнь. Количество едоков настолько превышает число работников, что двор явно нежизнеспособен, если только у него не было существенных ресурсов, кроме троих мужчин, которые едва подходили под категорию взрослых трудоспособных работников. Двор мог бы стать через несколько лет самодостаточным при условии, что эти двое мужчин искусные мастера и могут продолжать работать, пока Иван, 15 лет, и Абрам, 11 лет, не станут взрослыми, а старые женщины умрут первыми. Если же первыми умрут мужчины, то оставшимся в живых обитателям придется искать приют в других дворах. С крестьянской точки зрения с этим двором все было неладно.

Тем не менее нет оснований сомневаться в том, что в 1830 г. Спасов двор № 11 был именно таким, каким его переписал священник, и что многие из дворов в переписи ревизии

³⁴³ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 460. Л. 824 об. – 835.

1834 г., включая те шесть, по которым переписчик разместил спасовцев двора № 11, были фикцией. Хотя ревизии XIX в. переписывали крестьян вроде бы – а в большинстве деревень действительно – по дворам, основной заботой переписчиков была регистрация мужчин, и самым надежным способом избежать упущений являлась перепись по семейным группам, которые можно было выверить по предыдущим ревизским сказкам. Как и в XVIII в., в ревизии 1834 г. в левой колонке учитывались все мужчины (но не женщины) из предыдущей ревизии; это предопределяло организацию правой колонки, где учитывалось наличное население. Ревизор-переписчик разместил жильцов Спасова двора № 11 по тем дворам, в которых они находились во время ревизии 1816 г. Собственно говоря, от него этого требовал закон в тех случаях, когда дворы разделились или перестроились без разрешения (в данном случае разрешения удельной администрации; в конце XVIII в. дворцовые крестьяне были переименованы в удельные)³⁴⁴.

Священникам, напротив, не было никакого смысла создавать искусственные дворы для староверов: в приходе с. Купля они чаще записывали своих прихожан-староверов индивидуально, а не по дворам, поскольку (как можно убедиться по спискам других лет) открыто придерживавшиеся старой веры крестьяне обычно не концентрировались в нескольких дворах, а были рассеяны по многим. Когда священники переписывали староверов по дворам, как в Алёшково в 1777 г. и в Случково в 1830 г., мы можем не сомневаться, что это делалось потому, что таков и был состав данных дворов. Действительно, в исповедной ведомости 1830 г. тот же священник, который переписал случковских спасовцев по дворам, записал случковских поморцев и алёшковских спасовцев не в порядке их дворов, а как отдельно пронумерованных лиц. Во всяком случае, если бы священник в 1830 г. и решил создать фиктивные дворы, он не смог бы сам придумать такую странную комбинацию жителей, как в Спасовом дворе № 11.

Итак, в какое-то время в период между 1800 и 1830 гг. большинство случковских староверов открыто признали себя спасовцами и в какой-то момент между 1816 и 1830 гг. спасовцы из смешанных дворов переместились во дворы других спасовцев или объединились и создали совершенно новые дворы. Мы знаем, что разделение произошло после 1816 г., потому что в этом году ревизорам-переписчикам было указание переписывать людей по тем дворам, где они на самом деле проживали на тот момент, а не по дворам, где они были в 1812 г. ³⁴⁵ Беря за точку отсчета данные по дворам за 1816 г. из ревизии 1834 г., мы видим, что в промежутке между 1816 и 1830 гг. спасовцы из одного двора распределились по двум другим существующим Спасовым дворам, а из другого – по трем Спасовым дворам. Только один двор (муж, 70 лет; жена, 60 лет; дочери, 42 года и 31 год) однозначно перестал производить потомство, но в другом младшему ребенку было 10 лет. В четырех больших дворах было по четыре и более маленьких детей, и во всех, кроме celibатного двора и Спасова двора № 11, была супружеская пара, производшая на свет ребенка в последнее десятилетие; в Спасовом дворе № 11, правда, жила вдова с двумя маленькими детьми. Другими словами, эта Спасова община продолжала традицию, которая сложилась среди случковских староверов к концу XVIII в.: мужчины двора женились, женщины оставались в девицах и обычно во дворе присутствовала хотя бы одна производящая потомство пара.

Спасовы мужчины все женились – все 25 из них, 20 лет и старше, в 1830 г. были женаты, а их женщины сохраняли такое же неприятие брака, как в период 1795–1800 гг.

³⁴⁴ ПСЗ 2. Т. 8. С. 348–349; Там же. Т. 25. С. 20.

³⁴⁵ ПСЗ. Т. 33. С. 209. Решение не воспроизводить структуру дворов 1812 г. в ревизии 1816 г. объяснялось значительными перемещениями населения европейской части России во время вторжения Наполеона в 1812 г. (Кабузан В. М. Народнонаселение России. С. 72).

(таблица 4.1)³⁴⁶.

Таблица 4.1. Неприятие брака среди случковских женщин 25 лет и старше по вероисповеданию, исповедная ведомость 1830 г.

Вероисповедание	Замужем	Никогда не были замужем
Православные	11	0
Спасовки	26	25
Поморки	1	4
Случково в целом	38	29 (43,3%)

Источник: ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 212. Л. 889–890 об., 894–895 об.

Глядя на эти цифры, можно предположить – поскольку нам более или менее известно, что обычно крестьянки, не выходявшие замуж, оставались в родном дворе, – что все 25 спасовок, не бывших замужем, родились (или нашли приют) в Случково, в то время как все или почти все 26 жен спасовцев были привезены из других деревень или, возможно, взяты из одного или двух соседских православных дворов. Поскольку ревизии XIX в. не отслеживали передвижения женщин в связи с замужеством, мы не можем быть уверены, что все девушки, родившиеся в Спасовых дворах, отказались от замужества, но что по крайней мере почти все отказались – не вызывает сомнений. Но это означает также, что Спасовы дворы полностью зависели от готовности крестьян за пределами д. Случково отдавать своих дочерей во дворы, которые не отвечали им тем же. Мы можем лишь предположить, что Спасовы мужчины испытывали такие же трудности в нахождении жен в период между 1795 и 1830 гг., как и между 1782 и 1795 гг.

Из таблицы 4.1 можно также сделать вывод, что сопротивление браку среди случковских женщин было весьма устойчивым: процент незамужних практически не изменился между 1795 (44,3%) и 1830 (43,3%) гг. Поскольку доля никогда не бывших замужем достигла в 1795 г. 44% только потому, что 70% женщин, родившихся в этой деревне и достигших 25 лет после 1763 г., избежали замужества, мы можем сказать, что к 1830 г. почти все открыто признавшие себя староверками случковские женщины воздерживались от брака в течение как минимум трех или четырех поколений. Из 21 случковской женщины, записанной в раскольники в 1800 г., только шесть вышли замуж; самой молодой из них было 39 лет (она вышла замуж в какой-то момент после 1782 г.), следующей самой молодой было 48 (она, вероятно, вышла замуж примерно в 1770 г.), и ни та ни другая не были родом из Случково³⁴⁷.

В 1800 г. священник не записывал явных случковских раскольников по их дворам, и объясняется это, вероятно, тем, что там было всего восемь, в основном пожилых, раскольников-мужчин, то есть не было в то время ни одного двора, где жили бы исключительно записные раскольники. Это, конечно, осложняет выяснение возможных связей между дворами в 1795–1800 и 1830–1834 гг. Так же как и то, что некоторые дворы исчезли (включая все целибатные дворы 1795 г.), в то время как другие разрослись и разделились. Составной характер большинства Спасовых дворов 1830 г. создает дополнительные трудности.

Тем не менее тщательное сличение списков жителей д. Случково от 1795, 1800, 1830 и 1834 гг. показывает, что спасовцы 1830 г. были и биологическими, и духовными потомками дворов конца XVIII в. – и номинально православных, и открыто раскольнических, – большинство из которых в 1795–1800 гг. служили прибежищем для не вышедших замуж взрослых женщин. Неудивительно, что некоторые номинально православные дворы

³⁴⁶ Цифры по ревизии 1834 г. были примерно такие же: среди женщин 25 лет и старше 38 вышли замуж, 28 (42,4%) – нет (ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 460. Л. 824 об. – 835).

³⁴⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 73. Л. 170 об.; Там же. Ф. 301. Оп. 5. Д. 120. Л. 72 об.; Д. 202. Л. 62 об.

впоследствии обратились в Спасовы: мы уже пришли к выводу о том, что в конце XVIII в. некоторые крестьяне скрывали от священников свою действительную веру. Более того, во многих дворах конца XVIII в. обреталось смешанное население, состоявшее из явных православных, записных раскольников и единоверцев. В самом деле, до того как где-то после 1816 г. спасовцы реорганизовались в однородные по религиозному признаку дворы, многие из них составляли меньшинства во дворах, которые к 1830 г. также стали однородными, но чисто православными.

Несколько парадоксальным кажется то, что большую часть периода, на продолжении которого мы можем проследить историю случковских староверов и спасовцев, так много староверов и православных проживали совместно в одних и тех же дворах. У спасовцев, как и у всех других староверов, было запрещено молиться и есть за одним столом и из одной посуды с православными (и другими не принадлежавшими к их согласию), не допускались также некоторые виды пищи и одежды, свойственные православным³⁴⁸. Жить в смешанных дворах должно было быть непросто. Но есть вероятное объяснение такому смешению: во всех описях дворов и отдельных лиц староверы были преимущественно женского пола и по большей части престарелые. Это знакомая модель, встречающаяся нам в других обществах (в Советском Союзе, например), где официально неодобряемые верования подвергаются уголовному преследованию или гонениям: мужчинам трудоспособного возраста грозят большие опасности, чем любой другой группе населения. Возможно, случковским спасовцам не претило жить со своими официально (если только не номинально) православными родичами, потому что те были сочувствующими или потому что (будучи в основном женского пола и престарелыми) они не могли жить отдельно. Хорошо было бы выяснить, что вызвало физическое размежевание спасовцев и (как мы увидим, номинальных) православных в какой-то момент после 1816 г., но имеющиеся документы не содержат на этот счет никаких подсказок.

По данным на 1830–1834 гг., разделение между православными и Спасовыми дворами точно соответствовало их подходу к браку: все мужчины и женщины во дворах, которые священник считал православными, вступали в брак, чего не наблюдалось в XVIII в.; в Спасовых дворах дочери замуж не выходили, но все сыновья женились; и таким образом в Спасовых дворах скапливались женщины, подчас двух поколений – сестры и дочери хозяина двора, иногда (наиболее бросается в глаза Спасов двор № 11) сестры и дочери из других дворов и других деревень. В исповедной ведомости 1830 г. записаны восемь спасовок в возрасте 16–79 лет, которых нет в ревизской сказке 1834 г. Пять поморок – одна вдова и четыре старые девы – также отсутствуют в описи ревизии 1834 г. Более пожилые из них могли умереть в период между 1830 и 1834 гг., 16-летняя могла или выйти замуж, или умереть. Скорее всего, однако, большинство из этих женщин (так же как женщины, не включенные в ревизскую сказку 1795 г.) были беженками из разорившихся Спасовых и поморских дворов других деревень. Эти две категории женщин – с непременным замужеством и полным неприятием его, в православных и Спасовых дворах соответственно – четко видны через призму сравнения податной и исповедной ведомостей.

Это необязательно означает, что православные и Спасовы прихожане сами воспринимали свои противоположные подходы к браку как существенную разницу между собой. И было бы неправильно предполагать, что радикальные расхождения в вопросе о замужестве составляли непреодолимый барьер между православными и спасовцами. Даже после распределения по однородным Спасовым и православным дворам почти у каждого случковца оставались родственники в другом лагере. В действительности спасовцы постоянно приобретали новых православных родичей именно потому, что их женщины

---

³⁴⁸ Павел (Леднев), архимандрит Никольского единоверческого монастыря инок Павла, известного под именем Прусского. Воспоминания и беседы о Глаголемом старообрядчестве. М.: Изд. Н. М. Аласина, 1868. Л. 55 (хотя это печатная книга, страницы пронумерованы в рукописном стиле – только правые нечетные); *Он же*. Краткие известия о существующих в расколе сектах // Братское слово. 1885. № 9. С. 567.

сторонились замужества.

К 1850 г. отдельная Спасова община прекратила свое существование. Приходской священник включил 26 случковских дворов – всего 82 жильца мужского пола и 89 женского – в православную графу исповедной ведомости. В другую графу, не по дворам, а как отдельных лиц, он записал спасовцев – 1 мужчину и 12 женщин³⁴⁹. Его опись дворов в основном совпадает с ревизской сказкой 1850 г.³⁵⁰ Несколько учтенных в ревизии православных дворов почти полностью были населены бывшими спасовцами, в то время как другие бывшие спасовцы и те, кто еще открыто признавал принадлежность к Спасову согласию, были рассеяны по другим учтенным ревизией православным дворам. То, что к 1850 г. все старое поколение спасовцев умерло, могло быть причиной, почему оставшиеся в живых вернулись в смешанные дворы: не осталось совсем или осталось слишком мало мужчин, чтобы прокормиться самостоятельно. Маленький целибатный двор вымер. Если бы Спасовы дворы 1830 г. еще существовали, то один женатый мужчина кормил бы свою семью и шесть престарелых вдов и старых дев. Выжил бы Спасов двор № 11, мальчики 15 и 11 лет на 1830 г. к 1850 г. оба были бы женаты, содержали бы собственные семьи и трех пожилых старых дев; в этом и некоторых других случаях демографическое положение Спасовых дворов могло бы в действительности улучшиться, но это полностью зависело от последовательности смертей среди пожилых и престарелых женщин, о чем ревизские сказки XIX в. умалчивают. В любом случае к 1850 г. демографический кризис, стучавшийся в ворота еще в 1830 г., должен был уже свести на нет многие Спасовы дворы.

Между тем неподъемное бремя, которое Спасовы мужчины трудоспособного возраста взвалили на себя в стремлении обеспечить свое обособление и самодостаточность, может только частично объяснить, почему спасовцы вновь искали пристанища в смешанных дворах. Может быть, молодые спасовцы, волей-неволей принимавшие на себя роль хозяев своих дворов, когда старшие умирали или теряли работоспособность, причисляли себя к спасовцам отчасти из почтения к родителям или прародителям; экономические трудности вкупе со сменой поколений упростили им задачу по изменению официальной религиозной принадлежности своих дворов. Это все равно скорее был отход к скрытому религиозному инакомыслию, чем действительное обращение в православие. Ни один из этих новоявленных православных не ходил к исповеди в 1850 г. На самом деле в 7 из 26 случковских дворов, записанных в качестве православных, всего 12 мужчин и женщин пришли на обязательную исповедь в Великий пост. Даже крестьяне, записанные православными в 1830 г., в тот год и, вероятно, во все последующие годы в большинстве своем воздерживались от исповеди. Судя по этим показателям, Случково в 1850 г., как и в 1830-м, и в 1800-м, оставалось – пусть не в открытую – почти целиком староверческой деревней.

Возврат случковских спасовцев в смешанные дворы совпал с еще одной переменой: резкой убылью отказов от замужества среди Спасовых (или бывших Спасовых) женщин. Есть два разных вида показателей этой перемены. Таблица 4.2 демонстрирует резкое сокращение масштабов сопротивления браку по деревне в целом.

Таблица 4.2. Замужние и незамужние случковские женщины 25 лет и старше по возрастным когортам, ревизия 1850 г.

³⁴⁹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1503. Л. 849–882 (в листаже пропущены листы с 849 об. по 880), 887–888.

³⁵⁰ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 602. Л. 126–140.

	(Были) замужем	Никогда не были замужем
25–29	5	1
30–34	4	4
35–39	5	0
40–44	7	0
45–49	9	4
50–54	6	4
55–59	2	6
60+	3	3
25+	41	22 (34,9%)
25–44	21	5 (19,2%)
45+	20	17 (45,9%)

Источник: ГАВО. Ф. 556. Оп. 5. Д. 460. Л. 824 об. – 835.

В 1850 г. доля взрослых никогда не бывших замужем женщин оставалась в этой деревне высокой (34,9%), но если посмотреть только на тех, кому было 25–44 года – то есть тех, кому исполнилось 25 за 20 лет, прошедших с 1830 г., – процент никогда не бывших замужем (19,2%) был меньше половины показателя на 1830 г. Перемена была резкой и однозначной: в 1830-х гг. все женщины, достигшие 25-летия, вступили в брак. Правда, в 1830 г. в деревне была только одна спасовка, которая в 1850-м могла быть включена в когорту 40–44-летних, и мы не можем знать, действительно ли она вышла замуж, так как это была беженка, нашедшая приют у случковских спасовцев, не записанная в ревизскую сказку ни в 1834-м, ни в 1850 г. и не фигурировавшая в исповедной ведомости 1850 г.; если она вышла замуж, то на сторону. Может показаться, что в 1840-х гг. произошел возврат к отказу от брака, поскольку четыре женщины из пяти в возрасте 30–34 лет никогда не были замужем, но две из четырех были сестрами из двора, который, по-видимому, упорно сохранял старые Спасовы обычаи. Следующая когорта, 25–29 лет, в 1850 г. обнаруживала очень низкий для Случково уровень избегания брака.

То, что цифры в таблице 4.2 нас не обманывают, станет ясно, когда мы будем разыскивать девочек, записанных в исповедную ведомость 1830 г. (беря их возраст из, судя по всему, более точной податной ведомости 1834 г.), в ревизской сказке 1850 г. Шесть спасовок в 1834 г. были в возрасте 10–17 лет; и все, кроме двух, отсутствуют в переписи 1850 г. – они либо умерли, либо вышли замуж и покинули свои дворы. Пять девочек в 1834 г. были в возрасте 5–9 лет, в 1850 г. все они исчезли; трем было меньше 5 лет, и только одной нет в переписи 1850 г. (старшей из других двух в 1850 г. было 20, она только что переступила традиционный порог вступления в брак). Большинство отсутствующих девочек, конечно же, вышли замуж, поставив более или менее окончательную точку в истории отказа случковских спасовок от брака.

Десятилетие, в которое Спасовы женщины начали выходить замуж, было вероятно началом их перехода, по крайней мере номинального, в православие и возврата в смешанные Спасово-православные дворы. Решение вступать в брак и готовность официально принять православную веру – и таким образом жить вместе с номинально православными – по логике, если не безусловно, взаимосвязаны. Что это не более чем совпадение, станет понятно при рассмотрении одновременного возобновления замужества среди спасовок деревень Алёшково и Пешково. Так или иначе, отказ женщин от брака пошел на спад по мере сокращения количества записных спасовцев. На начало второй половины XIX столетия, более века спустя после начала сопротивления замужеству в Случково универсальный брак готовился вернуться в свои права.

АЛЁШКОВО: СПАСОВЦЫ И ПОМОРЦЫ

В 1795 г. в д. Алёшково процент никогда не бывших замужем женщин 25 лет и старше увеличился до 30,8%, в 1834 до 40,1% – чуть ниже 43,3% в Случково в 1830 г., а затем, по

всей видимости, оставался таким же: во время ревизии 1850 г. уровень отказа от брака чуть повысился – до 42,3%. Однако при детализации становится ясно, что и в Алёшково в начале 1830-х спасовки начали выходить замуж. Только поморки продолжали сопротивляться браку.

Как и в Случково, отказ от замужества наблюдался в основном в алёшковских староверческих дворах, но, в отличие от Случкова, некоторые женщины в номинально православных дворах Алёшково также сторонились брака. К сожалению, в Алёшково труднее отделить староверов от православных, чем в Случково. Исповедная ведомость 1830 г. сохранилась не полностью: там недостает как минимум по одному листу (двум страницам) в начале и конце. Она обрывается после перечисления четырех алёшковских спасовок (всем пошел восьмой десяток); в списке явно была еще как минимум одна страница, на которой, вероятно, были записаны жившие в деревне поморцы³⁵¹. В исповедной ведомости 1850 г. записаны шесть спасовцев (один мужчина 78 лет и пять женщин возрастом от 29 до 79) и четыре поморских двора, где проживали четверо мужчин и 16 женщин. Между тем в соответствии с данными ревизии 1850 г. в этих поморских дворах жили 14 мужчин (8 из них 25 лет и старше) и 22 женщины (12 из них 25 лет и старше). Однако ревизия 1850 г., которая отнесла мужчин поморских дворов к «раскольникам беспоповской секты», рассматривала их жен как всего лишь сожительниц, поскольку они не были венчаны православным священником в православной церкви. Эти жены были записаны не со своими мужьями, а по своим родным дворам; их дети – все названные незаконными – были оставлены во дворах мужей. Только ревизии 1850 и 1858 гг. изгнали не венчанных в православной (или единоверческой) церкви жен из переписных дворов. Это стало побочным результатом решения 1839 г. Санкт-Петербургского Тайного комитета по староверам, утвержденного Николаем I, считать незаконными детей, рожденных в браке, не освященном православной или единоверческой церковью, и считать их матерей с юридической точки зрения не живущими совместно с их отцами³⁵². В алёшковской ревизской сказке 1850 г. отсутствовали четыре такие женщины из трех дворов. В исповедной ведомости 1850 г. между тем все четыре указаны; во время ревизии они не были записаны ни в одном из алёшковских дворов, значит, они, по всей видимости, прибыли из других деревень. Я добавил этих четырех к общему числу переписных замужних женщин в поморских дворах: всего в поморских дворах получилось 26 женщин, 16 из которых были 25 лет и старше³⁵³. Я объединил их всех – вместе со всеми мужчинами и женщинами из трех переписных дворов, где проживали шесть спасовцев, – в староверческое население. Я также рассматривал эти же дворы как вероятное староверческое население деревни в 1830 г. В таблице 4.3 сравнивается сопротивление браку этих двух типов населения.

Таблица 4.3. Сопротивление браку среди староверок и православных женщин 25 лет и старше, Алёшково, 1834–1850, по данным податных ревизий

³⁵¹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 212. Л. 895 об.

³⁵² Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1863. С. 613–614; Собрание постановлений по части раскола. 2-е изд. С. 274–275, 428, 528; Paert I. Regulating Old Believer Marriage. P. 564–571.

³⁵³ На практике это правило, похоже, выполнялось только в отношении пар, которые женились с 1834 г.; самому старшему из четверых мужчин, определенному во время ревизии как «беспоповский раскольник» и записанному без жены, но с незаконными детьми, было 36 лет. Пытаться установить законность браков предшествующего поколения и записывать бабушек в то, что осталось от их отческих дворов, явно не представлялось практичным.

	Православные		Староверки	
	Замужем	Никогда не были замужем	Замужем	Никогда не были замужем
1834	24	15 (38,5%)	8	10 (55,6%)
1850	24	6 (20,0%)	11	16 (59,3%)

Источник: ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 560. Л. 796 об. – 805; Д. 602. Л. 52–59.

В графах «православные» и «староверки» даны приблизительные оценки; лучшим определением для них было бы «дворы, где жили идентифицируемые староверы» и «дворы, где не было идентифицируемых староверов». Среди «староверок», возможно, было несколько православных, и, без всякого сомнения, какие-то староверы жили в некоторых «православных» дворах, в которых взрослые женщины никогда не были замужем. Само собой разумеется, таблица 4.3 не полностью освещает действительные различия между двумя группами. Тем не менее она показывает, что у православных и староверов был разный подход к браку. В 1834 г. отказ от брака был почти на 20% менее распространен среди «православных», чем среди «староверов», и к 1850 г. процент никогда не бывших замужем женщин снизился как минимум на половину. Кажется, что к 1850 г. немного больше староверок стали отказываться от брака, но это заблуждение. Ответственность за подъем сопротивления браку среди староверов этой деревни лежит почти полностью на одном поморском дворе: в 1850 г. в нем проживало пять мужчин 25 лет и старше, двое из них холостые, и семь женщин 25 лет и старше, из них шесть незамужних – на три больше, чем в 1834 г. Младшие, не расположенные к браку сестры выросли и так и не вышли замуж.

Гораздо более важным с демографической точки зрения является сравнение по податным переписям 1834 и 1850 гг. трех дворов, где, как мы знаем, жили спасовцы, и четырех, где обитали поморцы. Оно показывает, что, в то время как поморки продолжали вплоть до 1850 г. решительно отвергать замужество, молодые спасовки к 1850 г. уже вышли на брачный рынок. В трех опознаваемо Спасовых дворах в 1834 г. было всего четыре незамужних женщины младше 25 лет (в возрасте 5, 10, 13 и 13 лет) и ни одна из них не указана в переписи 1850 г. Как минимум две или три из них, конечно же, вышли замуж, а не умерли. В то же время все, кроме одной, из 10 женщин младше 25 лет (в возрасте от 6 до 23) из опознаваемо поморских дворов в 1834 г. остались в этих дворах и в 1850-м. Исключением была 23-летняя женщина, и поскольку она в 1834 г. приближалась к местному предельному для выхода замуж возрасту, более вероятно, что она умерла, а не вышла замуж.

По данным 1834 г., Спасовы дворы в Алёшково находились практически в таком же тяжелом положении, как в Случково. Однако, в отличие от случковских спасовцев, алёшковские спасовцы XIX в. не уходили из смешанных дворов, потому, по всей видимости, что население их дворов состояло только из спасовцев, что бы ни думал на этот счет священник, и было таким уже с давних времен. Два из этих трех дворов на удивление легко привязать по ревизиям 1795 и 1782 гг. к их корням в группе староверческих алёшковских дворов, записанных в исповедной ведомости 1777 г. Генеалогия третьего Спасова двора в приходе с. Купля начинается только с 1791 г., когда он переселился в Алёшково из д. Ветельницы; нет указаний на то, что в 1795 и 1800 гг. в нем вообще были спасовцы, однако, скорее всего, они там были. Какие бы на их долю ни выпадали демографические трудности, эти Спасовы дворы дожили до 1850 г.; к этому времени два из них, вопреки тяжелому бремени престарелых незамужних жилищ, были на пути к демографическому подъему; третий, где остались только 62-летний старик и его незамужняя 25-летняя дочь, был обречен на вымирание. Решающей переменной, произошедшей у алёшковских спасовцев где-то в районе 1830 г., была реабилитация замужества. Хотя с точки зрения демографической это был прагматичный шаг, не похоже, что решение было продиктовано именно демографическими обстоятельствами.

Алёшковские поморки более или менее единодушно продолжали избегать замужества вплоть до 1850 г. То, что поморские дворы в Алёшково испытывали меньшие демографические (и, следовательно, экономические) осложнения, вряд ли относится к делу. Отчасти это объясняется просто везением: и в 1834 г., и в 1850-м в них было

пропорционально больше женатых мужчин трудоспособного возраста, чем у их соседей-спасовцев. Не менее важно то, что у поморских и Спасовых дворов была совсем разная история. Два из трех Спасовых дворов были единственными выжившими из десяти открыто староверческих дворов 1777 г.: остальные вымерли то ли потому, что в XVIII в. стали целибатными, то ли из-за растущего дисбаланса мужского и женского населения, который подорвал их жизнеспособность. Предки поморцев 1834 г. жили во дворах, в которых, по данным ревизии 1795 г. и исповедным ведомостям 1800 г., не было опознаваемых староверов никакого толка. Поскольку их дочери отказывались от брака в течение более короткого периода, к 1830–1834 гг. в поморских дворах взрослые женщины скапливались в течение не более 30 лет, и даже в 1850 г. большинство из них оставались демографически устойчивыми, благодаря большому количеству взрослых женатых сыновей.

ПЕШКОВО: СЖАТАЯ ИСТОРИЯ ОТВРАЩЕНИЯ ОТ БРАКА И ВОЗВРАЩЕНИЯ К НЕМУ

Соппротивление браку в деревнях Случково и Алёшково последовательно усиливалось, начиная со времен еще до податной ревизии 1763 г., в то время как в Пешково женщины начали сторониться замужества достаточно массово, чтобы не считать это случайными колебаниями, только в XIX в. В 1795 г. только две из 33 женщин 25 лет и старше (6%) никогда не были замужем, к 1830 г. – 20 из 54 (37%), в 1850-м – 20 из 62 (32,3%)³⁵⁴. Если в 1830 г. священник записал кого-либо из жителей Пешково в староверы, то этот список остался на пропавшей последней странице исповедной ведомости. В 1850 г. священник записал как отдельных лиц 74-летнего вдовца-спасовца и трех никогда не бывших замужем Спасовых женщин в возрасте от 44 до 54 лет, а также 28 членов поморской общины, включая девять никогда не бывших замужем женщин в возрасте от 26 до 79. Судя по записям священника, кроме одной 72-летней женщины, все остальные в деревне, кому уже исполнилось 7 лет (возраст, с которого исповедь становилась обязательной), исповедовались³⁵⁵.

Таблица 4.4. Воздержание от брака по вероисповеданию среди женщин 25 лет и старше, Пешково, 1834–1850, по данным податной ревизии

	Православные		Спасовки		Поморки	
	Замужем	Никогда не были замужем	Замужем	Никогда не были замужем	Замужем	Никогда не были замужем
1834	22	9 (29,0%)	2	4 (66,7%)	10	7 (41,2%)
1850	28	6 (17,6%)	4	4 (50,0%)	10	9 (47,4%)

Источник: ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 460. Л. 789–796; Д. 602. Л. 197–207.

Если мы рассортируем спасовцев и поморцев по дворам, как они были занесены в переписях 1834 и 1850 гг., и примем в расчет незамужних из православных дворов (некоторые из них явно были населены скрытыми староверами) (таблица 4.4), мы увидим, что общее число никогда не бывших замужем взрослых староверок слегка увеличилось за период между 1834 и 1850 гг., что число избежавших замужества православных женщин слегка сократилось (более чем слегка, если принять во внимание рост православного контингента к 1850 г.) и что уровень сопротивления браку в Пешково стабилизировался на 32–37%. При таком малом количестве взрослых женщин в деревне некоторые случайные колебания за длительный период времени неизбежны.

Однако видимая стабильность отворачивания от брака в Пешково – иллюзия: общее число

³⁵⁴ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 460. Л. 789 об. – 796; Д. 602. Л. 197–207.

³⁵⁵ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1503. Л. 884 – 888 об.

взрослых незамужних женщин действительно вышло на постоянный уровень, однако вскоре оно начало неуклонно снижаться, точно так же как в Случково и Алёшково, потому что после 1830 г. в Спасовых дворах, содержавших взрослых незамужних женщин, молодые уже были готовы к замужеству. И опять же мы не можем узнать из данных ревизий, по какой именно причине молодые незамужние женщины из ревизской сказки 1834 г. отсутствуют в переписи 1850 г., но, скорее всего, большинство из них вышло замуж из родного двора и из своей деревни. В трех Спасовых дворах в 1834 г. было всего две незамужних девушки младше 25 лет – 12 и 20 лет. К 1850 г. обе исчезли и хотя бы одна из них наверняка вышла замуж. В шести номинально православных дворах, в 1834 г. содержавших взрослых незамужних женщин, было и две незамужних девочки 12 и 16 лет, и к 1850 г. обе они ушли, вероятно по причине замужества. Там были также четыре девочки в возрасте от одной недели до 5 лет, все они тоже исчезли. Семидневная девочка, скорее всего, умерла (ей было бы всего 16 – минимальный брачный возраст после 1830 г., если бы она осталась жива), и, возможно, одна или две из трех остальных умерли тоже, а хотя бы одна выжила и ушла из Пешково замуж.

Возобновление выхода девушек замуж как в трех Спасовых, так и в шести номинально православных дворах говорит о том, что как минимум эти шесть дворов тайком придерживались Спасовой веры. В отличие от них пять юных поморок, которым в 1834 г. было 14, 14, 16, 21 и 24, в 1850 г. оставались незамужними. Две поморки – 9 и 20 лет в 1834 г. – к 1850-му исчезли; даже если обе вышли замуж, воздержание от брака оставалось преобладающей тенденцией среди пешковских поморок так же, как среди поморок в приходе с. Купля в целом. Это, конечно, является дополнительным доказательством расхождений в поморской и Спасовой брачной идеологии и практике после 1830 г. и предположения, что спасовцы прихода с. Купля где-то в годах 1830–1834 более или менее единогласно и одновременно вернулись к крестьянской традиции универсального брака.

ПОМЕЩИЧЬИ ДЕРЕВНИ

В 1800 г. из трех помещичьих деревень прихода с. Купля только в Хорошево наблюдался более чем незначительный уровень сопротивления женщин браку: восемь из 34 женщин 25 лет и старше (19%) никогда не были замужем. Мало что изменилось и впоследствии. В 1830 г. Хорошево было все еще поделено между тремя владельцами, один из которых появился после 1800 г. Во всех трех владениях были старые девы, но общее их число сократилось до 6 из 39 (15,4%), одна из них жила во дворе, записанном священником как Спасов. За период между 1830 и 1850 гг. все три владельца сменились; уровень женского сопротивления браку держался почти без изменений – 8 из 50 (14%) – и ни одной старой девы в Спасовом дворе³⁵⁶. Это были незначительные колебания, никак не связанные, судя по всему, со сменой владельцев.

В исповедной ведомости 1830 г. села Купля, с которого ведомость начиналась, вместе с первым листом недостает первых четырех дворов; в остальных 18 дворах только 2 из 32 женщин 25 лет и старше в 1830 г. (6,3%) никогда не были замужем. Имя владельца исчезло вместе с первым листом, но тому же анонимному помещику принадлежала д. Харлаково, где всего 1 из 17 женщин 25 лет и старше (5,9%) никогда не была замужем³⁵⁷. В 1850 г. в с. Купля было два владельца: постоянно проживающий там Павел Кордин и живший в другом месте Дмитрий Извольский; в обоих владениях было по одной старой деве, которые вместе составляли 5,5% общего женского населения села в возрасте 25 лет и старше³⁵⁸. Конечно,

³⁵⁶ ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 212. Л. 886 об. – 889, 894 (1830); Оп. 1. Д. 1503. Л. 846 об. – 849, 887 (1850).

³⁵⁷ Там же. Оп. 107. Д. 212. Л. 882–885.

³⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1503. Л. 841–844 об. Я не включил дворовых в общие цифры.

цифры по с. Купля маленькие, но то, что и в 1830, и 1850 гг. там были два двора, в каждом из которых находилось по одной незамужней женщине 25 лет или старше, представляло собой отход от поголовного замужества женщин с. Купля в XVIII в. В 1850 г. д. Харлаково уже не была больше приписана к приходу с. Купля.

ОБЩАЯ КАРТИНА СОПРОТИВЛЕНИЯ БРАКУ В ПРИХОДЕ С. КУПЛЯ

С середины XVIII в. до приблизительно 1830 г. количество избежавших замужества удельных крестьянок в приходе с. Купля неуклонно росло. В 1834 г., примерно на пике отказа от замужества, 73 из 177 удельных крестьянок 25 лет и старше (41,2%) не вышли и уже не выйдут замуж (не считая женщин-беженок, которые отсутствуют в ревизских сказках 1834 г.). К 1850 г. число взрослых никогда не бывших замужем женщин сократилось до 64 из 180, но это все равно составляло высокий процент – 35,6%. Учитывая, что многие женщины в этих удельных деревнях были завезены в приход в качестве невест, процент взрослых удельных крестьянок, родившихся в приходе и никогда не бывших замужем, был, по всей вероятности, около 60% в 1834 г. и все еще около 50% в 1850 г. Отказ от замужества сначала обнаруживается в д. Случково в первой четверти XVIII в., распространяется в д. Алёшково во второй четверти XVIII в. и, с некоторой задержкой, в начале XIX в. быстро растет в Пешково. Во второй половине XVIII в. неприятием замужества заражается также помещичья деревня Хорошево, но в других двух помещичьих деревнях его влияние ощущается минимально.

Женщины во дворах, которые приходской священник отнес либо к записным раскольникам, либо – в 1800 г. – к приверженцам «старобрядческого» отделения православной церкви (единоверия), были наиболее склонны отвергать брак, но и в XVIII, и XIX в. номинально православные женщины тоже отказывались от замужества. Они и многие другие жители их дворов были, несомненно, скрытыми староверами. Священники до XIX в. не указывали согласие или согласия, к которым принадлежали староверы, но, прослеживая генеалогию дворов, мы можем быть уверены, что в Случково и Алёшково большинство староверов XVIII в. были спасовцами. История поморцев в приходе с. Купля начинается в раннем XIX в. Скрытые поморцы, маскирующиеся под православных, могли там быть и в XVIII в., но ни один из опознаваемо поморских дворов XIX в. не ведет начало от дворов, где в XVIII в. жили взрослые незамужние женщины. Поскольку поморцы объявились, судя по всему, одновременно во всех трех удельных деревнях, возможно, что они были раньше скрытыми поморцами, поголовно вступавшими в брак, но по какой-то причине их женщины прекратили выходить замуж в то же время, когда они публично признали свою веру.

Ревизские сказки XVIII в. ясно, хотя и не напрямую показывают, что, когда дочери староверческих дворов удалились с брачного рынка, крестьяне соседних деревень, где почти все дочери выходили замуж, приняли ответные меры. Ведь дворы, оставлявшие у себя дочерей, уменьшали количество женщин (в приходе с. Купля радикально), участвовавших в многостороннем обмене невестами. Это осложняло поиск невест: дворы, чьи дочери выходили замуж, неохотно отдавали дочерей во дворы, которые не отвечали тем же. Это, в свою очередь, делало задачу обеспечения сыновей невестами еще труднее для тех дворов, которые не отпускали замуж своих дочерей. Так как в ревизские сказки XIX в. не включалась информация о том, откуда поступали жены, у нас отсутствуют фактические подтверждения от XIX в. (по крайней мере, из прихода с. Купля) напряженных отношений между общинами, где дочери выходили замуж и где не выходили. Тем не менее нам следует считать само собой разумеющимся, что напряженность как минимум продолжалась и, возможно, усиливалась.

Симптомы демографических проблем, возникавших, когда дворы придерживали у себя своих женщин и приобретали дополнительных женщин путем женитьбы, четко выражены: там, где женщины начали, причем массово, отказываться от замужества, – в Случково –

нагрузка на взрослых работников-мужчин к концу XVIII в. приблизилась к критической; дворы, избравшие безбрачие, повымирани рано в XIX в., а многие дворы, где мужчины женились, а женщины оставались в девках, погибли или слились с другими. Разорившиеся дворы выпускали небольшое количество беженков по своим общинам и за их пределы, в соседние деревни, что подтверждается большим количеством женщин, записанных в приходских исповедных ведомостях 1800 и 1830 гг., но отсутствующих в ревизских сказках 1795 и 1834 гг. Вымирание дворов нанесло первый и самый тяжелый удар по Алёшково потому, что именно там 6 из 10–14 (в большую цифру включены номинально православные дворы, где женщины перестали выходить замуж) изначально староверческих дворов приняли целибат. Поморцы, в чьих дворах незамужние женщины начали скапливаться только в начале XIX в., даже к 1850 г. не испытали ничего подобного демографической имплозии, разрушившей большую часть Спасовой общины в 1830-х и до того.

Есть соблазн связать реабилитацию замужества в Спасовых дворах с постигшей их демографической и (так как демографией объясняется почти все остальное) экономической катастрофой. Выдача дочерей замуж, что в ближайшем будущем могло только предотвратить дальнейшее накопление незамужних женщин, не положила конец кризису, но была, несомненно, прагматичным шагом. Однако то, как спасовки во всех трех удельных деревнях одновременно вернулись к замужеству, указывает на решение, принятое на уровне религиозной общины и, видимо, не только в приходе с. Купля. Это решение отменило установленный в свое время религиозный принцип, что женщины не должны вступать в брак. Как мы увидим в следующей главе, раскол, вспыхнувший в 1840-х гг., тлел, вероятно, уже в 1830-х. Брак был одним из многих положений доктрины, по которым мнения спасовцев разделились: отколовшиеся спасовцы считали, что брак – нечто очень хорошее, а не то, чего надо избегать или всего лишь терпеть. Это доктринальное новшество просматривается в демографических записях из прихода с. Купля при условии, что мы знаем, на что смотреть.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРИХОДА С. КУПЛЯ

Хотя я под микроскопом рассматривал демографию брака именно в приходе с. Купля, речь идет о гораздо более масштабном явлении, чем местная история, затронувшая всего несколько деревень. Спасовки и поморки сопротивлялись замужеству до такой степени, что некоторое время были близки к поголовному отказу от брака, но и многие другие крестьянки Гороховецкого уезда также избегали замужества. В конце XVIII в. в других дворцовых деревнях женщин, сопротивлявшихся замужеству, было примерно столько же, сколько в Алёшково. Масштабы отказа от брака могли бы показаться неслыханными, если бы не примеры Случково и Алёшково. В других дворцовых деревнях наблюдалось лишь минимальное сопротивление замужеству. В 1795 г. в выборке из семи дворцовых деревень в радиусе 10 километров от прихода с. Купля 16,7% взрослых женщин остались старыми девами, что предполагает, что около четверти всех женщин, *родившихся* в этих деревнях, никогда не были замужем (см. таблицу 4.5). В «экономических» деревнях уровень женского неприятия брака достигал среднего уровня дворцовых деревень, а в некоторых помещичьих деревнях 20% женщин (или, возможно, 30% родившихся в этих деревнях) никогда не были замужем.

Если демографические данные XVIII в. создают впечатление, что дворцовые деревни за пределами с. Купля следовали за Случково и Алёшково, то в XIX в. их пути расходятся. К 1850 г. женщины в переименованных в удельные деревнях прихода с. Купля начали опять выходить замуж, но в других удельных деревнях в округе, как свидетельствует таблица 4.5, такого не происходило. Хотя я беру для сравнения тот же круг деревень, что и в главе 3 (таблица 3.6), две из них – Купреяново, где в 1850 г. было всего 12 женщин 25 лет и старше, и Ветельницы, где все население в 1850 г. состояло из трех пожилых никогда не бывших замужем женщин, – пришли в запустение. Состав пяти других деревень, однако, вполне

сравним с их составом в 1795 г., и их общее население в 1850 г. было весьма значительным.

Таблица 4.5. Неприятие брака среди женщин удельных деревень, 1795 и 1850 (в процентах)

	1795	1850
Шубино	26,8	25,2
Ветельницы	21,9	100
Купреяново	17,9	33,3
Светлиново	15,2	26,1
Арефино	7,4	18,8
Княжичи	6,5	29,6
Лучинское	6,1	26,3
В совокупности	16,7	26,1

Источник: ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 602. Л. 48 об. – 51, 73 об. – 82, 100 об. – 113, 159 об. – 162, 168 об. – 174, 258 об. – 259, 261 об. – 276.

Примечательно, что неприятие брака резко подскочило в деревнях Арефино, Княжичи и Лучинское, которые в 1795 г. находились внизу спектра отказа от замужества, и что, за исключением Ветельниц и Купреяново, остальные деревни были близки к среднему по группе 26,1%. Более того, это среднее не является запаздывающим индикатором, повышенным за счет большого количества незамужних женщин из старших когорт, как в случае деревень прихода с. Купля в 1850 г.: в младших когортах (женщины 25–34 лет, которые достигли брачного возраста в 1840-х) из 97 женщин 24, то есть 24,7%, были не замужем. Они избегали замужества в том же процентном соотношении, что и их предшественницы. Более того, судя по статистическим показателям оставшихся в живых из старших когорт, этот процент приблизительно соответствует проценту женщин 25 лет и старше из этих деревень, отказывавшихся выходить замуж по меньшей мере со второй декады XIX в.

Есть ряд возможных причин подобных расхождений в брачном поведении большинства удельных крестьянок в самом приходе с. Купля и в деревнях в радиусе 10 километров от него. Прежде всего, ни в одной из этих деревень масштаб воздержания от брака не приближался к почти 44% (и не был повальным, как в староверческих дворах), характерным в период около 1830–1834 гг. для деревень Случково и Алёшково, ни даже к 37% в те же годы в д. Пешково. Демографические и, следовательно, экономические трудности, с которыми столкнулись многие удельные домохозяйства в приходе с. Купля, скорее всего, не так остро ощущались в деревнях за пределами данного прихода. Как вариант, если староверы в этих деревнях принадлежали к Спасову согласию, они могли быть из той его ветви, которая и после 1830 г. продолжала сопротивляться выходу замуж. Наконец, староверы вне пределов прихода с. Купля могли быть в большинстве своем членами поморского, а не Спасова согласия, и, подобно поморкам в приходе с. Купля, их женщины могли упорствовать в желании не выходить замуж и после 1830 г. – в то время как Спасовы женщины дружно устремились к алтарю. Это представляется особенно подходящим объяснением всплеску сопротивления замужеству на заре XIX в. среди женщин деревень Арефино, Княжичи и Лучинское: так же как поморки прихода с. Купля, они начали избегать замужества только где-то с 1800 г. С другой стороны, в ревизских сказках этих деревень от 1850 г. нет таких дворов, в которых жены были бы выпущены из ревизских сказок по причине заключения брака путем беспоповского венчания, как это происходило в поморских дворах Алёшково. Вероятнее всего, в разных деревнях действовали разные сочетания этих факторов. У нас в наличии нет источников, которые могли бы объяснить, почему в то время как большинство староверок в приходе с. Купля вновь пошли под венец, их сестры из соседних деревень упорствовали в воздержании.

Выходя за рамки данного сопоставительного анализа, я могу предложить лишь гораздо более грубый показатель женского сопротивления браку в первой половине XIX в. –

соотношение женского и мужского населения. Ни в одной деревне ни в один отдельно взятый момент в период с 1763 по 1850 г. не наблюдалось стабильной связи между процентом никогда не бывших замужем женщин 25 лет и старше и количественным соотношением полов в населении деревни. Отказ женщин от замужества был только одной из многих причин, по которым женщин могло быть больше, чем мужчин. Там, где население малочисленно, всегда будут резкие колебания в соотношении полов; воинская повинность по-разному отражалась на мужском населении маленьких деревушек; в некоторых деревнях было больше вдов, чем в других, в результате определенного рода деятельности мужчин; дворцовое, а затем удельное управление время от времени переписывало дворы из одной деревни в другую. Между тем произвольный срез из семи деревень в таблицах 3.7 и 4.5, с добавлением деревень Случково, Алёшково и Пешково (эти деревни прихода с. Купля были изначально выбраны мной наугад), показывает приблизительно схожее соотношение (с разницей от плюс 4 до минус 6) между численным преобладанием женщин над мужчинами и процентом незамужних женщин. В 1763 г. в 10 деревнях женщин было на 15,3% больше, чем мужчин, и 11,6% взрослых женщин никогда не были замужем; в 1782 г. аналогичные показатели были 18,5 и 20%; в 1795 г. – 23,9 и 20,1%; в 1850 г. – 23,7 и 29,5%.

Использование количественного соотношения мужского и женского населения в качестве примерной оценки доли женщин, никогда не бывших замужем, – с вероятной погрешностью $\pm 5\%$ – позволяет нам расширить границы исследования. 24 деревни (в том числе три из прихода с. Купля и выборка для сравнения из семи деревень), подведомственные удельному управлению Красного села, располагались практически по всей пригодной для жилья территории Гороховецкого уезда к югу от р. Клязьмы. В 1834 г. удельные женщины здесь численно превосходили мужчин (2291 к 1852) на 23,7%; в 1850 г. численное превосходство женщин (3742 к 2889) составляло 29,5%³⁵⁹. Более поздняя цифра была, скорее всего, выше доли женского населения, сторонившейся замужества, но она дает основания полагать, что 26,1% отказниц от брака в 1850 г. в нашей выборке из семи деревень отражает, по всей видимости, тогдашний уровень сопротивления замужеству среди всего населения удельных крестьян в этом уезде. В 1834 г. в 42 государственных деревнях (которые теперь включали в себя бывшие «экономические»), разбросанных по всему Гороховецкому уезду – гораздо более обширному в XIX в., чем Гороховецкий район сегодня; на севере в него входили восточные районы современной Ивановской области, а также часть современной Нижегородской – доля женского населения (3559) превышала мужскую (3091) на 15,1%³⁶⁰. Конечно, чем дальше мы удаляемся от прихода с. Купля, тем меньше наша уверенность в том, что процентное соотношение полов приблизительно соответствует доле взрослых женщин, никогда не бывших замужем. И при весьма разношерстном составе государственных деревень, расположенных в различных экологических зонах и, несомненно, разнящихся по типу хозяйствования, а что еще важнее – по местной религиозной истории, здесь наблюдались значительные расхождения как в численном соотношении полов, так и в масштабах женского сопротивления браку. Тем не менее 15,1% – цифра достаточно высокая, чтобы свидетельствовать о наличии той или иной степени женского сопротивления браку среди государственных крестьян, соседствующих с приходом с. Купля и находящихся далеко за его пределами в первой половине XIX столетия. Это более масштабный сюжет, в котором крестьяне прихода с. Купля сыграли небольшую, но поучительную роль.

Глава 5

СПАСОВЦЫ: СОГЛАСИЕ ОТЧАЯНИЯ

³⁵⁹ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 460. Л. 695–695 об. (Содержание, 1834); и из нумерованного содержания: там же. Д. 602 (1850).

³⁶⁰ Там же. Д. 460. Л. 133–133 об.

Судя по всему, до XIX в. спасовцами не были написаны никакие труды по своей истории, а самый ранний из известных – Родословие, созданное где-то после 1848 г., – оказалось вымыслом. Все остальные исторические описания Спасова согласия основываются на этом сочинении. Оно сохранилось только благодаря тому, что в районе 1874 г. было включено, судя по всему дословно, в более объемистый полемический трактат. Третья версия Родословия, значительно переработанная и со многими отличиями в деталях, относится приблизительно к 1894 г.³⁶¹ Окончательный же вариант, по большей части воспроизводящий полемику и хронику 1874 г., представлен в «Вечной правде» Аввакума Комиссарова (больше известного в то время по своему отчеству – Онисимов), изданной подпольной типографией в 1895 г.³⁶² Во всех четырех вариантах Родословие по большей части всего лишь отслеживает мнимую генеалогию Спасовых иноков. Согласно этим писаниям, основавшие согласие иноки пришли в Олонецкие леса на севере России в конце XVII столетия и построили там скит. Эти первые иноки-основатели постригали преемников, а те, в свою очередь, совершали иноческий постриг следующих, которые основали скиты в Костромской и затем в Нижегородской губерниях. Последним звеном в этой цепочке скитов стал Осиновский скит в Семеновском уезде Нижегородской губернии. В 1848 г. российские власти захватили этот скит, разогнали тех нескольких спасовок, которые там проживали, и в 1849 г. преобразовали его в единоверческий женский монастырь. Осиновский скит существовал на самом деле, а некоторые другие детали – возможно, но не факт – взяты из устной традиции и могут иметь отношение к действительности³⁶³. Однако центральный посыл Родословия ложен: у спасовцев до 1840-х гг. не было принявших постриг иноков. Их скиты населяли миряне – старцы и старицы, которые жили монашеской жизнью, но не претендовали на монашеский чин и носили простую темную одежду, а не рясу.

Летопись была побочным продуктом раскола среди спасовцев в 1840-х гг.: его сочинила отколовшаяся группа, включавшая Аввакума Онисимова (Комиссарова), чтобы создать себе родословную и показать, что у спасовцев поддерживалась непрерывная традиция монашества, восходящая к дониконианской православной церкви. Их стали называть спасовцами большого начала, и я вернусь к ним позже. Дело в том, что монашество было как раз одним из новшеств, которые хотели ввести спасовцы большого начала, и они не

---

³⁶¹ Документ от 1874 г. хранится в ЯГИАМ в виде двух идентичных текстов: Собрание рукописей. № 9056. Л. 724–739; № 17149. Л. 25–40. Он описывается и цитируется в следующих работах: *Мальцев А. И.* Малоизвестный источник по истории старообрядцев Спасова согласия // *Старообрядчество: истории и современность, местные традиции и зарубежные связи.* Улан-Удэ ВТЦ СО РАН, 2001. С. 307–309; *Он же.* Старообрядческие беспоповские. С. 410–413. Хроника ориентировочно от 1894 г.: *Рудаков С. В.* «Другоприемное пострижение». К родословию спасова согласия (большого начала) // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Материалы. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. Т. 2. С. 172–178.

³⁶² *Аввакум Камисаров* [так в исходном тексте]. Вечная правда. 1895. Л. 230–241 об. Страницы пронумерованы в стиле рукописи только на лицевой стороне. Комиссаров утверждал, что этот текст содержал в письменной форме ответы, данные им на восемь вопросов, заданных православными священниками во время некоего диспута в 1892 г. в Пошехонском уезде; в нем – на обеих сторонах 392 страниц – излагаются основные спорные вопросы, которые породили раскол в Русской православной церкви, и теологическое обоснование порядков, введенных в комиссаровой ветви Спасова согласия. Комиссаров сам был из Пошехонского уезда, и такой диспут мог иметь место. Написание его имени, отчества и фамилии разнообразно: отчество иногда дается как «Анисимович» – например, на заглавной странице «Вечной правды»; в XIX в. его фамилия обычно писалась как «Комиссаров».

³⁶³ По анализу различных текстов и источников, которые, по утверждению сочинителей, якобы поддерживают их версию Спасовой истории. см.: *Бушнелл Д.* Происхождение Спасова согласия // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Т. 1. М., 2014. По Осиновскому скиту см.: *Мельников П. И.* Отчет. С. 137–178. Мельников – это тот самый чиновник, который уничтожил скит.

могли этого сделать, не обосновав такое нововведение наличием у спасовцев монашеской родословной, не прерывавшейся с древних времен³⁶⁴. К началу XX в. среди руководителей большого начала были, вероятно, те, кто считал, что верования их согласия такие же, как у изначальных спасовцев, но иногда, под давлением все-таки признавал, что в анналах истории не существовало более ранних источников по спасовскому монашеству, чем Родословие, и что оно основано на устной традиции. Другие руководители большого начала настаивали на подлинности и достоверности Родословия³⁶⁵. Конечно, данному документу присуща своего рода подлинность: в нем ничего не говорится о ранней истории спасовцев, но зато проливается свет на истоки согласия большого начала.

Спасовские источники, из которых можно восстановить историю согласия XVIII и XIX вв., можно легко пересчитать по пальцам. Другие источники дают весьма скудную информацию; в основном они просто повторяют то, что уже было написано ранее³⁶⁶. До обнаружения в XXI в. вымышленных описаний ранней Спасовой истории, среди горстки историков старообрядчества, обративших серьезное внимание на спасовцев, существовало единогласное мнение, что основателем согласия был крестьянин Козма, который «едва азбуку совершенно знал», появившийся в керженских лесах Нижегородской губернии в конце XVII в. и к началу XVIII ставший достаточно значительной фигурой, чтобы возглавить согласие, носившее его имя – *козминщина*. Историки обоснованно определили Козму как Козму Андреева, у которого, по свидетельству Григория Левшутина, было в лесу 2 тысячи последователей и два скита под его началом – один для мужчин, другой для женщин. Левшутин – беглый казак, подавший в 1714 г. донос на Козму нижегородскому губернатору, обвиняя его в *lèse-majesté* (Козма бранил царя Петра антихристом). Козму с несколькими его соратниками арестовали, и он умер в 1716 г. после пыток. Согласно информации, собранной Левшутиным у последователей Козмы Андреева, и собственным показаниям Козмы во время допроса, он родился крестьянином, но отроком пришел в Москву, где был мелким торговцем и занимался ремеслом. Он держался старой веры еще до того, как бежал в леса в 1680-х гг. Был он грамотным и, вероятно, начитанным в духовной литературе, которая распространялась среди старообрядцев: когда его схватили, в избе нашли восемь печатных и девять рукописных книг, а также буквари печатные. Он не только читал, он и других учил читать. У его последователей, арестованных по этому же делу, также было большое количество книг и рукописей³⁶⁷.

---

³⁶⁴ Комиссаров отстаивает эту позицию в: Вечная правда. Л. 243–254 об. В частности, он утверждает, что «простые» иноки – иноки, не являвшиеся священниками, – имели право на постриг, и цитирует множество текстов в поддержку этого заявления. Это было крайне важным аргументом, так как все спасовцы считали, что никонианские реформы уничтожили возможность посвящения в духовный сан.

³⁶⁵ Беседы старообрядцев Спасова согласия, бывшие в Нижегородской ярмарке. Нижний Новгород: Всерос. попечительное братство старообрядцев Спасова согласия, 1909. С. 115–118: Глава малого начала Андрей Антипин выразил сомнение в утверждении выступавшего от имени большого начала Андрея Коновалова о том, что у спасовцев иноки были с самого начала; Коновалов признал, что не может представить доказательств, поскольку документов нет, есть только традиция (Беседы старообрядца Спасова согласия В. А. Войкина с А. А. Антипиным (он же Самоварников) общества малаго начала. Ковров: Тип. В. А. Агапова. www.starajavega/narod/ru/spasovciVoykin.html). Войкин, выступая от имени большого начала в начале третьего раунда, полностью посвященного вопросу о монашестве, твердо отстаивал это утверждение.

³⁶⁶ Я сам не проделал исчерпывающего поиска рукописных источников, но и Ивановский, специалист по старообрядчеству (*Ивановский Н.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Казань: Императорский ун-т, 1887. Ч. 1. История раскола. С. 127), и в особенности А. И. Мальцев – выдающийся исследователь старообрядческих рукописей (*Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские. С. 410), отмечали скудость спасовских источников. Того же мнения был Сергей Зенковский: *Зенковский С.* Русское старообрядчество. С. 474. У него, однако, не было доступа к архивам.

³⁶⁷ «Едва азбуку совершенно знал» – это оценка, данная ранним, предубежденным свидетелем Василием

Источники совершенно независимо друг от друга сообщают, что к началу XVIII в., до того как казак Левшутин познакомился с Андреевым и донес на него, Козма был известен за пределами керженских лесов. Митрополиту Дмитрию Ростовскому доложили о наличии козминщины в районе Керженска в 1708 г.³⁶⁸ По сведениям святителя Дмитрия, старообрядцы проповедовали, что брак – это блуд (как оно и было в представлении беспоповцев, потому что не было настоящих священников для совершения таинства), нигде на земле нет ни церкви святой, ни священников, ни священных таинств и не молились за царя³⁶⁹. Иван Посошков также упоминает согласие Козмы, которое он называет *козьмовщиной* в своем противостарообрядческом сочинении «Зеркало очевидное», завершеном к 1708 г. (но впервые опубликованном в XIX в.). К этому моменту своей жизни Посошков жил только в Москве и ее окрестностях – там, где сейчас находится Тульская область, – в любом случае, далеко от тех мест, где проповедовал Козма. Сам он вырос в православной вере, а сестра его большую часть своей жизни принадлежала к староверческому беспоповскому согласию. Посошков мог узнать о Козме от нее, но более вероятно, что от старообрядцев, которых он расспрашивал и с которыми спорил (многие упоминаются в «Зеркале очевидном» по именам, но без обозначения их согласий)³⁷⁰. Посошков ничего не говорит об учении Козмы, но, как и митрополит Дмитрий, сообщает нам, что к 1708 г. Козма и его согласие были уже известны в историческом центре России.

Ни казак Левшутин, ни сам Козма на допросах не распространялись особо о доктрине, которую последний проповедовал; то, что они все-таки рассказали, сводилось к стандартным беспоповским сентенциям о присутствии антихриста, необходимости хранить верность дониконианским ритуалам и текстам и исчезновении священства. Самый ранний, хотя лаконичный комментарий о том, что отличало учение Козмы от прочих, прозвучал в самом конце возражения Феофилакта (Лопатинского) на так называемые «Поморские ответы», составленные выговскими старообрядцами в защиту беспоповской доктрины в ответ на вопросы, заданные им эмиссаром официальной православной церкви. Выговские старцы передали свой трактат государственному чиновнику в 1723 г. Феофилакт, в своем амплуа синодального специалиста по раскольникам, ответил рукописью, написанной в 1725 г., но опубликованной только в 1745 г. под названием «Обличение неправды расколической» [так в исходном тексте]. В конце «Обличения» прилагаются краткие характеристики ряда старообрядческих согласий, в том числе нетовщины – название, которое, как мы знаем из других источников, было синонимично как спасовцам, так и козминцам. Они считали, что «благодати Божия несть ни в церквах, ни в чтении, ни в пении, ни в иконах, ни в какой вещи,

---

Флоровым: *Флоров В.* Обличение на раскольников. М.: Тип. Е. Лисснера и Ю. Романа, 1894. С. 25. Флоров находился в Керженском уезде одновременно с Козмой, но мог его не знать и просто повторять слышанное от других. Зенковский (Русское старообрядчество. С. 473) повторяет утверждение Флорова. Смирнов П. С. (Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1898. С. 085–090) был, кажется, первым, кто доказал, что Козма из левшутинского извета действительно был основателем согласия, позднее известного как Спасово. Длинное описание допроса Козмы: *Есипов г.* Расколичичья дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. 1. С. 557–608. И Левшутин, и Флоров (Обличение на раскольников. С. 25) показывали, что у Козмы Андреева был друг, тоже по имени Козма. Вышесказанное является основанием для вывода, что Козма Андреев был основателем согласия.

³⁶⁸ *Дмитрий, митрополит Ростовский и Ярославский.* Розыск о расколической брынской вере. М.: Синодальная тип., 1824. С. 64–65.

³⁶⁹ Там же. С. 606.

³⁷⁰ *Посошков И. Т.* Зеркало очевидное (редакция полная). Казань: Типо-литография Императорского университета. 1898–1905. Вып. 1. С. vii, 265; Вып. 2. С. 51; *Кафенгауз Б. Б.* И. Т. Посошков: жизнь и деятельность. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 18–19.

и все взято на небо, и мы де чаем с упованием спастися»³⁷¹.

Столь сжатое резюме скрывает радикальность взглядов Козмы: Бог забрал у мира благодать Свою. Ни богослужение, ни иконы, ни Священное Писание и ничто другое не предоставляет доступа к Божьей благодати и не предлагает путей, которыми верующие могли бы обрести спасение. Ни одно другое беспоповское согласие не внушало своим приверженцам, что не только живут они в мире, где царит антихрист, но и что Бог свернул священную лестницу, которая в свое время вела в царствие небесное. Они могли надеяться, что все-таки спасутся, но сами бессильны были что-либо сделать для своего спасения. Именно утверждение, что Божия благодать полностью отсутствует и нет никакого священного источника спасения, побудило, по-видимому, других старообрядцев прозвать последователей Козмы *нетовцами* – имя, которым спасовцы впоследствии сами себя называли.

Несколько более полное, хотя все равно скупое описание учения Козмы Андреева содержится в «Обличении на раскольников» [так в исходном тексте], написанном в 1737 г. (но опубликованном только в 1894 г.) Василием Флоровым, который одно время был раскольников-поповцем, а затем обратился в православного дьякона. Флоров много лет жил в Керженске и окружающих его лесах, пока не бежал оттуда в 1718 или 1719 г., и он в общих чертах обрисовал доктрины многих действовавших в этой местности согласий³⁷². Он называл сподвижников Козмы Андреева «кузминщина» или «нетовщина». По словам Флорова, кузминщина отличалась от других беспоповских согласий тем, что последователи Козмы верили, что таинство причастия было взято на небо и нет его больше на Земле и что монашество перестало существовать по той же причине; они не молились об обращении еретиков и раскольников (то есть об обращении исповедующих официальное православие – настоящих, с точки зрения старообрядцев, раскольников); они отказались от песнопений и богослужений («Как воспоим песнь Господню на земли чуждей!») и не перекрещивали новообращенных, как это делали почти все остальные староверы³⁷³. Флоров, по-видимому,

---

³⁷¹ Краткое обсуждение «Поморских ответов» см.: *Crummey R. O. The Old Believers and the World of the Antichrist*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1970.

Феофилакт (Лопатинский). Обличение неправды раскольнической, показанные во ответах выгоцких пустосвятов. СПб., 1745. Л. 4 об. Объявления, с отдельной нумерацией страниц в конце. Л. 6 об. Дата написания дана в том же месте. Л. 6 – это последняя страница книги, где Феофилакт написал: «Вышепоказанные полосы злобы... изростаю от 1666 года до 1725 года...» Неясно, почему книга не была сразу же опубликована. Большую часть периода с 1730 по 1740 г. Феофилакт находился либо под следствием, либо в заключении по причине не связанного с данным контекстом конфликта с Феофаном Прокоповичем. Он был освобожден в 1740 г. и умер в 1741 г. О жизни Феофилакты см.: *Русский биографический словарь*. Т. 25. С. 85–89.

³⁷² Флоров не говорит, сколько времени он провел в лесах. Он был, однако, выдвинут своим согласием, *дьяконовцами*, отвечать на вопросы, заданные им Питиримом, в то время противостарообрядческим миссионером, ставшим затем, в 1716 г., епископом Новгородским. По сведениям иеромонаха Гурии, в «Сказании о миссионерских трудах Питирима, архиепископа нижегородского» (М.: Тип. Е. Лисснера, Ю. Романова, 1889. С. 42–43), Флорова выбрали благодаря его умению писать; надо полагать, он был связан с дьяконовцами достаточно долго, чтобы ему доверили такое ответственное, а также опасное дело. Старообрядческий библиограф Павел Любопытный утверждал, что ответы для дьяконовцев были составлены поморским руководителем Андреем Денисовым (*Любопытный П.* Исторический словарь староверческой церкви // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1863. № 1. С. 123).

³⁷³ *Флоров В.* Обличение на раскольников. С. 2–4, 24–25. Флоров утверждал, что нетовцы считали, что Евхаристия и монашество исчезли после Седьмого Вселенского собора (Второго Никейского собора) – последнего вселенского собора, признанного православной церковью. По его же заявлению, нетовцы постригались и клали монашеские одежды перед иконой Спасителя, а затем надевали их на себя. Так как они были убеждены, что монашество кончилось, и это облачение должно было, вероятно, означать аскетизм и уход из мира. Бритое темя и простое темное одеяние было в XIX в. обязательным для всех взрослых спасовцев мужского пола. По свидетельству Левшутина, Козма говорил, что нет причины молиться за тех, кто помер в мире; так, возможно, Левшутин понял учение Козмы о том, что нет причины молиться о воссоединении с

неверно понял учение Козмы о таинствах: как сказано в резюме Феофилакта и других источниках, не только Евхаристия, но и все таинства были истреблены.

Сергей Зенковский выдвинул гипотезу, что Козма Андреев взял свою доктрину у учеников крайнего аскета монаха Капитона, который в первой половине XVII в. отверг священство и пренебрегал православным богослужением³⁷⁴. Козма не мог быть знаком с Капитоном, умершим в вязниковских лесах в начале 1660-х. То, что известно о биографии Козмы, позволяет, однако, предположить, что он мог встречаться с последователями Капитона в лесах к северу от Вязников и Гороховца, хотя об этом нет свидетельств. Как бы то ни было, Козма провел много лет в этих лесах и так же, как и другие, по всей вероятности, ходил по старообрядческим поселениям и принимал участие в спорах, разгоравшихся вокруг доктрины, поэтому вполне возможно, что он пересекался с учениками Капитона либо с учениками его учеников. Один нам известен, это Козма Медведевский³⁷⁵. По словам Евфросима, старообрядца, в 1691 г. написавшего полемический трактат против самосожжений и гневно обличавший тех, кто их поощрял, Козма Медведевский проповедовал в окрестностях Костромы о том, что нет больше ни священства, ни таинств. Он и его последователи прекратили также молиться. Еще был Василий Волосатый (прозванный так за то, что никогда не стриг и не расчесывал волосы). Его упоминали и Евфросим, и Василий Флоров; по словам Флорова, Василий (как и Козма Андреев) не переkreщивал новообращенных, наставлял своих последователей, что не надо исповедоваться или каяться, и наущал тех, кто намеревался покончить с собой, расточить или уничтожить все свое имущество, чтобы ничего не досталось никонианцам. В лесах были и другие, разделявшие по крайней мере некоторые убеждения Козмы Андреева³⁷⁶. Вполне возможно, что Козма Андреев почерпнул что-то из учений капитонцев и других раскольников, но к началу XVIII в. догмат о том, что таинства покинули этот мир, твердо ассоциировался с учением, носившим его имя.

Ни в одном из ранних описаний козминского согласия – казака Левшутина, Василия Флорова и Феофилакта – оно не называется «Спасовым». Впоследствии понятия «спасовцы» и «нетовцы» использовались как взаимозаменяемые названия, а прозвище «козминщина», произошедшее от имени основателя, со временем вышло из употребления³⁷⁷. Козму арестовали в 1714 г., а Флоров сбежал из Керженских лесов самое позднее в начале 1719 г., так что вполне вероятно, что в присутствии Флорова согласие еще не использовало название «Спасово». Воинствующий противник старообрядчества епископ Питирим Новгородский в своем противораскольническом трактате 1721 г. «Пращица духовная» именует согласие

православными (*Есипов Г.* Раскольничьи дела. Т. 1. С. 561).

³⁷⁴ Зенковский С. Русское старообрядчество. С. 155–156, 473–474.

³⁷⁵ Там же. Зенковский выдвигает предположение, что Козма Медведевский и Козма Андреев – это один и тот же человек, но даже приводимые им доказательства не подтверждают эту гипотезу (*Смирнов П. С.* Внутренние вопросы. С. 085–090). То же предположение, но в несколько иной форме делается в его «Происхождении самоистребления в русском расколе» (*Христианское чтение.* 1895. № 5–6. С. 628–629). Эта гипотеза, однако, может быть оправдана, только если история жизни Козмы Андреева – так, как она описана им самим и его последователями, – была полностью вымышленной.

³⁷⁶ *Евфросин.* Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходов, 1895. С. 10–11 (Евфросин также обвиняет последователей Козмы в обжорстве, блуде и что женщины у них проповедовали); *Флоров В.* Обличение на раскольников. С. 26; *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы. С. xxiv–xxv, 88–90.

³⁷⁷ В одном кратком описании Спасовых догматов, опубликованном в 1786 г., члены согласия называются и спасовцами, и нетовцами, при этом говорится, что их основатель неизвестен (*Богданович П. Ф.* Историческое известие о раскольниках. СПб., 1787. С. 39).

исключительно «нетовщиной»³⁷⁸. Феофилакту, писавшему в 1725 г., было, по-видимому, неизвестно, что как раз в это десятилетие (судя по всему) согласие обрело название «Спасово». Скудность источников по ранней истории согласия означает, конечно, что это может быть не больше чем гипотеза, но, учитывая интерес Флорова к указанию названий и описанию верований лесных согласий, если бы до того, как он ушел из лесов, козминские нетовцы были известны также как спасовцы, он почти наверняка об этом бы упомянул. И действительно, ближе к середине 1720-х гг. Флоров жил некоторое время в степи к северу от Азовского моря с группой, которую он отнес к спасовцам, не подозревая при этом, что они принадлежали к тому же согласию, что и козминцы, которых он знал по Керженскому лесу³⁷⁹.

Частично сохранившееся полемическое письмо, написанное где-то между 1723 и 1742 гг., подсказывает нам, почему все-таки согласие приобрело новое название. В письме говорится, что, хотя таинств больше нет, «зриши ли, христолюбче... что глаголет [Златуст] о Христе нашем архиереи, на Н[его] же мы уповаем, яко той есть вышше всякия нужды». То есть все-таки уповать можно на Христа Спасителя³⁸⁰.

В описании Флорова Спасова вероучения не содержится таких намеков. Феофилакт в своем резюме вероучения нетовцев, от 1725 г., говорит, что они могли надеяться на спасение, но не указывает Спасителя как источник спасения. Возможно, он просто не посчитал нужным упомянуть этот догмат веры. Тут опять недостаток ранних источников позволяет лишь выдвинуть гипотезу, но кажется логичным предположить, что упование на Спасителя стало центральной установкой спасовской доктрины некоторое время спустя после того, как Флоров ушел из лесов в 1718–1719 гг., и это нововведение побудило согласие сделать «Спасово» своим официальным названием. Флоров познакомился со спасовцами в 1720-х гг., и к этому времени это название было вполне в ходу: как раз тогда священник из местности близ Домодедово к югу от Москвы докладывал Синоду, что среди дворцовых крестьян его прихода есть тайные старообрядцы Спасова согласия и что они не признают силу таинств³⁸¹. Один из этих спасовцев, Яков Родионов, был послан на допрос в московскую Канцелярию розыскных раскольнических дел, где он сообщил, что узнал об учении спасовцев от мужиков из Керженского леса, нанявшихся работать у его друга. Он сказал также, что не молится и не общается с православными, так как не считает их христианами. Очевидно, что спасовцы так же, как другие старообрядцы, сторонились православных³⁸².

Обычаи спасовцев крестить младенцев и заключать браки впоследствии часто обсуждались, но ни казак Левшутин, ни Феофилакт, ни Василий Флоров не проронили о них

³⁷⁸ *Питирум*. Пращица духовная. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1915. Л. 11 об., 30, 380, 408.

³⁷⁹ *Флоров В.* Обличение на раскольников. С. 84. Он говорит об этих спасовцах только, что они беспоповцы. Он характеризует их таким образом как бы в объяснение, кто они такие, поскольку до этого в его рассказе спасовцы не упоминались. Если бы он знал, что спасовцы и нетовцы – это одно и то же согласие, он так бы и написал.

³⁸⁰ *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия. С. 414. Автор письма не дает названия согласия, чьи убеждения он отстаивает, но Мальцев делает вывод – я считаю, правильный – что эти убеждения явно принадлежали спасовцам.

³⁸¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб.: Синодальная типография, 1902. Т. 10 (1730). Стб. 648–649.

³⁸² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. СПб.: Синодальная типография, 1889. Т. 6. С. 166–169; Описание документов и дел. Т. 8. Стб. 308–309.

ни слова. Козма Андреев проводил различие между своими последователями, жившими в лесу, судя по всему, в безбрачии, и теми, кто жил в миру, за чье обращение не стоило и молиться³⁸³. В такой общине ни брак, ни крещение младенцев не являлись насущными проблемами. Однако по мере того, как согласие выходило из лесов и распространялось по мирским деревням, вопрос о браке и крещении младенцев встал на повестку дня, и спасовское учение претерпело изменения: к концу XVIII в. спасовцы начали жениться, и их дети крестились в православных церквях православными попами, несмотря на то что спасовцы отрицали пригодность этих таинств и святость этих попов. Спасовский документ от 1723–1742 гг. гласит, что крещение нельзя совершать погружением в воду (таков был православный обряд, которому следовало также большинство староверческих согласий), но можно осуществлять сотворением крестного знамения и произнесением соответствующей молитвы³⁸⁴. Автор, по всей вероятности, имел в виду крещение младенцев. В 1727 г. спасовец из дворцового домодедовского владения Яков Родионов говорил в Канцелярии розыскных раскольнических дел, что спасовцы учили «супружества не иметь», поэтому он со своей женой жил в разных избах. Он отправил своих двух дочерей жить в безбрачии в Керженском ските. Родионов сказал также, что спасовцы не велели ходить в баню, чтобы не зреть друг друга тела нагие³⁸⁵. Если Родионов достоверно излагал спасовское учение о браке, значит, спасовцы начали обращаться для венчания к православным священникам – как о том свидетельствуют все источники конца XVIII и начала XIX столетия – только после 1730 г. К тому времени большинство спасовцев решили также, что младенцев можно крестить в канонической православной церкви (или что их могут крестить повитухи, но не родители). Есть сведения от XIX в. о том, что спасовцы молились Спасу, чтобы Он пополнил недостатки таинств, и что они совершали малые акты покаяния (семь молитвенных поклонов), дабы очиститься от скверны, приставшей к ним во время общения с официальной православной церковью. Такой порядок действий тоже, по-видимому, устанавливался еще в XVIII в., но неясно, все ли подгруппы этого согласия его придерживались.

Обращение к православным священникам для совершения таинств, которых спасовцы на самом деле не признавали таковыми, было весьма прагматичным – это не только давало возможность жить супружеской жизнью, но и позволяло членам согласия прилюдно якобы признавать авторитет официального православия – но, как отмечали приверженцы конкурирующих согласий, вызывало недоумение с теологической точки зрения. Между тем, сколь бы ни были прагматичны или притворны венчание и крещение в православной церкви, у них имелось теологическое обоснование. Хотя это не изложено ни в одном известном нам источнике, обоснование напрямую вытекает из аксиом спасовской мировоззренческой системы. Другие беспоповские согласия исходили из того, что любой контакт с официальной церковью, которая была в лучшем случае еретической, а в худшем – царством антихриста, губителен для их бессмертных душ. Но они считали, что по вынужденности, например в отсутствие священников, крещение и покаяние может совершаться мирянами. Спасовцы же, утверждавшие, что благодать Божия и все таинства прекратились, не могли воспользоваться этой обрядовой лазейкой. С другой стороны, поскольку они абсолютно ничего не могли сделать, чтобы спасти себя от вечных мук, прибегание для удобства к услугам православного священника из официальной церкви никак не усугубляло опасность и так уже грозившей им вечной гибели. От руководителя федосеевцев Феодосия Васильева мы знаем, что так рассуждали другие старообрядцы-беспоповцы: в 1701 г. он написал письмо, в котором порицал федосеевцев, оправдывавших причащение наравне с формально православными

³⁸³ Есипов Г. Раскольничьи дела. Т. 1. С. 561.

³⁸⁴ Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия. С. 415–416.

³⁸⁵ Полное собрание постановлений. Т. 6. С. 166–169; Описание документов и дел. Т. 8. Кол. 309.

тем, что «в нынешнем причастии нет ни святости, ни осквернения»³⁸⁶. Спасовы старцы, вероятно, вывели для себя аналогичный силлогизм относительно венчания и крещения у православных священников. Ход мыслей крестьян-спасовцев, скорее всего, соответствовал смыслу спасовских поговорок на предмет крещения попом-еретиком: «хоть еретик, да поп»; «хоть и сатана, да в ризах и не простой мужик крестит»³⁸⁷. То же самое они могли сказать про венчавшего их православного священника: поп придавал событию достоинства и торжественности.

Два других свидетеля, пожившие со старообрядцами в нижегородских лесах во второй половине XVIII в., сообщают нам кое-что о спасовцах после начальной стадии существования согласия. Гавриил Андреев – ученик, сбежавший из славяно-латинской школы Нижнего Новгорода, – провел большую часть 1760 г., слушая в этих лесах беседы старообрядцев самого разного толка. На допросе в епархиальной консистории в декабре 1760 г. Гавриил, 21 года от роду, показал, что старообрядческие старцы часто собирались на диспуты, во время которых «между собой бранились, и драки чинили». По его словам, ему трудно было следить за ходом их рассуждений, но он понял разницу между нетовцами и теми, кого он называл «перекрещеванцами», под кем в данном контексте, скорее всего, имеется в виду поморское согласие: в отличие от других беспоповцев, говорил Гавриил, нетовцы не перекрещивали новообращенных, потому что, по их мнению, «на земле святых тайн нет, а взяты на небо»³⁸⁸. Более интересно его описание взаимоотношений между Спасовыми (и другими) старцами и их последователями в миру. Группы последователей приходили за наставлением в вере в лес на несколько недель, и иногда мужья и жены чередовались: когда мужья возвращались домой, в лес отправлялись жены и дети³⁸⁹. К 1760-м гг. у спасовцев, как и у других староверческих согласий, образовались крепкие структуры, связывавшие их религиозные центры с мирским населением.

Если верить рассказу, опубликованному в 1794 г. Андреем Иоанновым (известным также как А. И. Журавлев), старообрядцем, ставшим православным священником, «полки целые иноков и инокинь» проходили через эти самые леса, и вокруг бродили «толпы девиц и разорвавших супружество жен в вечном безбрачии»³⁹⁰. Это, безусловно, гипербола, но, принимая во внимание данные ранее показания Гавриила, нет оснований сомневаться, что в конце XVIII в. нижегородские леса изобиловали скитами и пилигримами. В докладе Семеновского уездного суда нижегородскому губернатору от 1788 г. сообщается, что в уезде

---

³⁸⁶ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. С. 142.

³⁸⁷ Павел (Леднев), архимандрит Никольского единоверческого монастыря инок Павла. Л. 17 об.

³⁸⁸ «Перекрещеванцы» могло относиться также к федосеевцам или к любой другой беспоповской секте, которая настаивала на перекрещивании обращающихся из официального православия. Это был термин, обычно использовавшийся в государственных, официальных православных и старообрядческих документах XVIII и первой половины XIX в.

³⁸⁹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 554 (1760). Д. 11. Л. 2–5. По словам Гавриила, когда поморские и Спасовы женщины приходили в лес, они прелюбодействовали («будто для любви, и в том греха никакого не поставляют») с новообращенными раскольниками. Похоже, что это заявление было сделано им спонтанно, но, может быть, это был ответ на вопрос, заданный ему консисторскими чиновниками, выуживавшими информацию в подтверждение широко распространенного среди православных убеждения, что старообрядцы-беспоповцы были прелюбодеями.

³⁹⁰ Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. М.: Тип. Ф. К. Иогансон, 1890. С. 212. Это 6-е издание; в первых двух изданиях (1794, 1795) автор выступает под своим собственным именем – А[ндрей] Иоаннов. У поповцев были иноки и инокини, и Иоаннов-Журавлев, возможно, включил в их число проживавших в скитах старцев и стариц.

54 скита с постоянным населением в 8 тысяч человек³⁹¹. По всей вероятности, там обитало еще больше народу, поскольку леса в Семеновском уезде были известны своей непролазностью, а лесные жители при приближении представителей государственной или церковной власти прятались. Иоаннов-Журавлев утверждал, что большинство бродивших в этих лесах были поповцами, и все источники сходятся во мнении, что в нижегородских поволжских уездах старообрядцы поповского толка количеством намного превосходили беспоповцев. Иоаннов-Журавлев мало что смог рассказать про спасовцев: что они изначально назывались «козминщиной», что теперь власть антихриста и начался конец света, что благодать Божия и таинства исчезли и ничего нельзя сделать, кроме как уповать на Спаса. О браке он сказал только, что спасовцы, как и филипповцы, снисходительно относятся к своим женатым сторонникам³⁹². Спасовцы венчались в православных церквях, а затем, видимо, каялись³⁹³.

Свидетельство Иоаннова-Журавлева – это полезное напоминание о том, что не только спасовки выбирали безбрачие, а если вступали в брак, то иногда отказывались от брачных сношений. В приходе с. Купля, как мы знаем, поморки XIX в. тоже избегали брака. Среди незамужних женщин, которые, по словам Иоаннова-Журавлева, бродили в лесу, были, похоже, не только полностью посвятившие себя духовной жизни, но и те, кто не жил в скитах постоянно, а приходил в лес на более или менее длинные периоды времени. Насколько можно судить, девицы и замужние, но не живущие брачной жизнью удельные крестьянки из прихода с. Купля, находившегося на расстоянии немногих дней от изобиловавших скитами нижегородских лесов, могли участвовать в хождениях, которые описал Гавриил Андреев и подразумевал Иоаннов-Журавлев.

Источники XIX в. говорят нам, что спасовцев венчали православные священники и, хотя спасовцы не считали обряд бракосочетания таинством, они признавали брак священными узами на всю жизнь. Так как для православного венчания положено было исповедоваться и причащаться, спасовцы совершали эти таинства в православной церкви, а потом каялись. Для крещения детей большинство прибегало к услугам православного священника либо повивальной бабки, хотя были и такие, кто сам крестил своих детей, практиковал самокрещение или вообще уклонялся от крещения. Те, кто обращался для крещения младенцев к православным священникам, раздавал во время крещения «тайную милостыню» членам своего согласия и просил их молиться Богу, чтобы Он дополнил таинство. Они читали, а не пели по-православному молебны и вообще не совершали общих богослужений, считая, что мирянин, проводящий службу или поющий, как поп, узурпирует священнический сан. Вместо этого они читали молитвы каждый сам по себе (и, по-видимому, также в своих семьях). Не собираясь для общего богослужения, спасовцы зато собирались на обсуждения. Они исповедовались в своих грехах по отдельности, иногда перед дониконианскими иконами, иногда друг перед другом, иногда на открытом воздухе.

---

³⁹¹ Мельников П. И. Отчет. С. 111–112. В Семеновском уезде скитов было явно больше, чем в других уездах губернии, но не все находились там.

³⁹² Журавлев А. И. Полное историческое известие. С. 120, 123. Иоаннов-Журавлев отметил также, что спасовцы разделялись на три группы, но не описал их.

³⁹³ Там же. С. 122–123. Он подразумевает, но прямо не говорит, что спасовки венчались в православных церквях. Другой источник XVIII в. подтверждает, что к тому времени спасовцы так и поступали: Наставление правильно состязаться с раскольниками, сочиненное в Рязанской семинарии по предписанию покойного преосвященного Симона, епископа Рязанского и Шацкого. 6-е изд. М.: Синодальная тип., 1839. С. 24. Это было руководство по основным доктринам различных староверческих согласий, снабженное библейскими и прочими текстами, опровергающими эти доктрины, с тем чтобы выпускники семинарии были готовы состязаться в своих приходах со старообрядцами. Рязанский архиепископ Симон, заказавший учебник, умер в 1804 г. Вероятно, эта работа была изначально написана в Рязанской семинарии в XVIII в.

Одна ветвь согласия, известная под названием «дырники», исповедовалась на открытом воздухе лицом на восток, а для исповеди в плохую погоду в восточной стене их изб была проделана дырка. Некоторые из них исповедовались, читая использовавшееся монахами-отшельниками скитское покаяние – покаянную молитву о прощении многочисленных грехов, большинство которых они, конечно, не совершали.

Спасовцы принимали к себе новообращенных на основе несколько раз повторенных семи обрядовых поклонов и обещания молиться только с членами своего согласия. В принципе, они должны были избегать общения (есть, пить и молиться) с официально православными и членами других беспоповских согласий, но мы знаем, что в действительности в деревенских дворах смешанных вероисповеданий уклоняться от общения не всегда было практично. Им запрещалось есть пищу, приготовленную с дрожжами или с хмелем, картошку и кое-какие другие съестные продукты. Они носили простую темную одежду; пестрые наряды, а также пестрые мешки не позволялись. По достижении совершеннолетия спасовским мужчинам брили темя. Большинство этих обычаев наверняка зародилось еще в XVIII в. Как и во всех других староверческих согласиях, некоторые спасовцы придерживались других правил, исходя из собственного толкования дониконианских православных текстов или же потому (как с различными подходами к крещению), что в мире, лишенном таинств, не существовало очевидно правильного образа христианской жизни³⁹⁴.

Одной из причин местных различий в подходе к исповеди и крещению являлось отсутствие у спасовцев – насколько нам известно из имеющихся источников – формальной структуры руководства. Некоторые источники вообще отрицают, что у них были руководители, но правительственные чиновники, собиравшие сведения о старообрядцах в середине XIX в., могли назвать несколько имен, и мы также можем установить личности по меньшей мере некоторых из вожаков конфликтующих сторон во время раскола Спасова согласия в 1840-х гг. Вероятно, у них не было признанного центрального руководства (какое было, например, у беспоповцев-федосеевцев и поморцев), которое выносило бы решения по вопросам доктрины. Скорее всего, спасовские общины в деревнях не имели выборных или назначенных наставников. В этом было явное расхождение с порядками, установленными в других староверческих согласиях. Оппознаваемые местные вожди были по большей части из городских купцов, и их положение, вероятно, зиждилось столько же на социоэкономическом статусе, сколько на духовном авторитете³⁹⁵.

---

³⁹⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Ед. хр. 12878. Л. 12, 16, 27, 36, 44; *Синицын И.* Введение // Сборник правительственных сведений о раскольниках. London: Trübner & Co., 1862. Вып. 4. С. 10–12; *Он же.* О расколе в Ярославской губернии. Там же. С. 90–93 (*Синицын* был чиновником Министерства внутренних дел, посланным в 1852 г. собрать сведения о состоянии раскола в Ярославской губернии); *Мельников П. И.* Отчет. С. 9, 104, 110, 232, 262, 269, 275; *Павел (Леднев)*, архимандрит Никольского единоверческого монастыря инока Павла. Л. 15 об. – 18 об.; *Крестьянина Ивана Александрова* разговоры о вере с наставником Спасова согласия, Аввакумом Онисимовым и наставниками других согласий. М., 1882. С. 28; *Павел (Леднев)*, архимандрит. Краткие известия о существующих в расколе сектах // Братское слово. 1885. № 9. С. 566–568; *Он же.* О именуемой Глухой нетовщине // Собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла. М.: Синодальная тип., 1883. Изд. 4. С. 29–32; *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядчества. 2-е изд. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. С. 122–124; *Ивановский Н.* Руководство. С. 128–130; *Он же.* Из старообрядческого мира // Православный собеседник. 1883. Ноябрь. С. 323–324; Присоединение из раскола чрез крещения и новое согласие в расколе «некрещеных» // Церковные ведомости. 1891. № 32. С. 1082–1083; *Стрельбицкий И.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. 3-е изд. Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1898. С. 125–126. Опубликованный текст исповеди, используемый спасовцами: Скитское покаяние. [1909.] Переиздание – 1650 г.

³⁹⁵ *Зенковский С.* Русское старообрядчество. С. 476; *Синицын И.* О расколе в Ярославской губернии. С. 90–93; *Мельников П. И.* Отчет. С. 104; *Крестьянина Ивана Александрова.* С. 23, 29; *Е. А-в.* Нечто о беспоповских сектах, известных под названием покрещеванцы, нетовцы и отрицанцы // Братское слово. 1884. № 1. С. 31–37; *Агеева Е. А., Робсон Р. Р., Смилянская Е. Б.* Старообрядцы спасовцы: пути народного богословия и формы самосохранения традиционных обществ в России XX столетия // *Revue des études slaves.* 1997. Vol. 69.

В 1840-х гг. основная часть спасовцев раскололась на спасовцев большого начала, именуемых иногда «новоспасовцами», и спасовцев малого начала, известных также как «глухая нетовщина»³⁹⁶. Под «глухой» здесь имеется в виду, что спасовцев было трудно опознать благодаря тому, что они время от времени обращались к православным священникам, а также из-за других заведенных у них и делавших их менее заметными порядков – как, например, того, что они не собирались на общую молитву и не записывались в раскольники (что делает открытых спасовцев прихода с. Купля редким исключением)³⁹⁷. Раскол был – частично, по крайней мере – спровоцирован спором по поводу обряда принятия новообращенных – не повторное крещение, как это было в большинстве других беспоповских согласий, а требование, чтобы новообращенный сотворил один или несколько чинов семи глубоких поклонов. Поколебленные постоянными нападками полемистов из перекрещивающих согласий, которые напирала на то, что «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин 3: 5), некоторые спасовцы стали искать другие варианты. Те, кто порвал со Спасовой традицией, по-прежнему отвергали повторное крещение новообращенных на том основании, что некоторые экуменические советы постановили, что нет нужды перекрещивать еретиков, крещенных по тринитарной формуле («во имя Отца и Сына и Святого Духа»), но на «соборе» в г. Гороховец (от которого рукой подать до прихода с. Купля) где-то в 1840-х гг. семипоклонный начал был заменен на заведенный в первой половине XVII в. обряд, по которому новообращенный, крещенный правильно, но в остальном еретик, формально отрекался от своей ереси. Так появились спасовцы большого начала, и Аввакум Онисимов (Комиссаров) стал в свое время их духовным наставником. Благодаря такому обряду обращения их по-простому называли «отрицантами». Спасовцы малого начала считали, что поскольку обряд отречения требует также, чтобы священник соборовал новообращенного елеем, а у них нет ни священников, ни освященного елея, то обряд этот неканонический³⁹⁸.

Спасовцы большого начала внесли также много других изменений в издавна установившиеся догматы и порядки, включая введение у себя монашества. Эти изменения

№ 1–2. Р. 103.

³⁹⁶ «Малый начал» был, вероятно, термином, придуманным спасовцами большого начала. Спасовцы-традиционисты вполне обоснованно не считали большеначальников спасовцами, и посему им не было резона принимать новую терминологию, которая отличала бы их от отколовшихся. Тем не менее со второй половины XIX в. и далее эти названия употреблялись в некоторых статьях и в некоторых большеначальных документах. Я пользуюсь ими, чтобы было ясно, о каком именно Спасовом толке идет речь.

³⁹⁷ Это одна интерпретация термина «Глухая» в этом контексте; см.: *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядчества. С. 121 (Смирнов предлагает несколько другую интерпретацию этого термина во «Внутренних вопросах». С. 086); *Ивановский Н.* Руководство. С. 128. Эту интерпретацию поддерживает также руководитель спасовцев большого начала в раннем XX в., который утверждал, ложно, что спасовцы малого начала произошли не от настоящих спасовцев, а от отдельного толка – Глухой нетовщины, которые пытались остаться неопознанными. См.: Беседы старообрядца Спасова согласия В. А. Войкина. 3-я беседа. Большинство комментаторов и XIX, и XX в. считали слово «Глухая» намеком на то, что спасовцы читали (про себя или Глухо), а не пели молитвы; см., например: Крестьянина Ивана Александрова. С. 28; Старообрядчество: Лица, события. М., 1996. С. 189. Это, скорее, похоже на народную этимологию, хотя вполне возможно, что некоторые спасовцы именно так толковали этот термин.

³⁹⁸ Крестьянина Ивана Александрова. С. 23–27, 29; *Павел (Леднев)*, архимандрит Никольского единоверческого монастыря инока Павла. Л. 14 об., 20; *Е. А-в.* Нечто о беспоповских сектах. С. 32–35; *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядчества. С. 121, 123; «Беседы старообрядца Спасова согласия В. А. Войкина» и «Беседы старообрядцев Спасова согласия» содержат пространное опровержение чина обращения большеначальников, представленное в форме ответов на вопросы, якобы задаваемые спасовцами, с многословными разъяснениями члена поморского согласия. Архивист Рукописного отдела Российской государственной библиотеки датировал этот документ приблизительно 1800 г., что не может быть верно; он, вероятно, относится к 1840-м гг.: РГБ ОР. Ф. 98. № 1552/1556.

касались чина обращения, который выступал предметом спора между мало- и большеначальниками. Появились старцы, которые практически выполняли функции попов и зачастую именовались попами – то есть возникло некоторое подобие иерархии; часовни и совместное богослужение; исповедь у старцев вместо исповеди в одиночку³⁹⁹; крещение младенцев старцами, а не православными священниками или повитухами; беспоповская брачная церемония по родительскому благословению – вместо венчания у православного попа. Спасовцы большого начала вообще наложили запрет на какое-либо общение с православными священниками. При этом спасовцы начиная с какого-то периода XVIII в. терпимо относились к браку, а наставления Аввакума Онисимова гласят, что брак положительно необходим⁴⁰⁰.

Длинная рукопись большеначальников 1874 г. «Книга нарицаемая правила» излагает теологические обоснования большинства из этих нововведений, более того, в ней говорится о духовном причастии (в отличие от физической евхаристии) и миропомазании, а также о крещении, венчании и исповеди как о настоящих таинствах⁴⁰¹. Спасовцы большого начала создали целое новое согласие, ни в чем не похожее на оригинал. Они держались за название в качестве гарантии своей исторической легитимности. Поддержать эти притязания они могли лишь с помощью своего поддельного Родословия монахов, ведущих свой род от основателей согласия, которое стояло у самых истоков раскола в русской церкви, и само это Родословие было завершающей компонентой рукописи «Книга нарицаемая правила».

Споры между спасовцами большого начала и малого начала, во всяком случае, как они сохранились в текстах начала XX в., сосредотачивались вокруг обряда принятия новообращенных и иночества⁴⁰². В этих текстах брак обходится полным молчанием. Единственный намек на то, что брак был спорным вопросом, попадаетеся нам в рассказе

---

³⁹⁹ Вопрос исповеди поднимается в генеалогической хронике большеначальников: по словам автора версии, написанной около 1874 г., сведения о том, что спасовцы не исповедовались своим старцам, были ложны. На самом же деле, говорил он, спасовцы, допрашиваемые властями, никогда не выдавали, кто были их духовные отцы, говоря, что нет у них таковых и что они исповедуются промеж собою (ЯГИАМ. Собрание рукописей. № 17149. Л. 39). Мальцев (Старообрядческие беспоповские. С. 416) попался на этот обман.

⁴⁰⁰ Возможно, что текст бессвященнословного чина бракосочетания, который опубликовал писатель Николай Лесков, назвав его службой, используемой поморцами всего Поволжья и совершенной впервые, по его словам, в 1840-х гг., был не поморским, а спасовским (Лесков Н. Благословенный брак // Исторический вестник. 1885. Июнь. С. 499–515). Он не имеет никакого сходства ни с одним опознаваемо поморским обрядом бракосочетания. Если этот текст действительно начал хождение в 1840-х гг., время его написания падает как раз на то десятилетие, когда спасовцы большого начала основали новое согласие и сочинили свое Родословие. Маловероятно, что эта служба была поморского происхождения. Конечно, ею, возможно, пользовались в некоторых поморских общинах. Сам Лесков говорил, что она была в ходу и у поморцев, и в смешанных старообрядческих общинах. Лесков, много знавший о староверах, не был знаком с более ранними поморскими чинами бракосочетания. Об обрядах бракосочетания и других обычаях спасовцев большого начала: Е. А.-в. Нечто о беспоповских сектах. С. 35–36; Павел (Леднев), архимандрит Никольского единоверческого монастыря инок Павла. Л. 15 об.; Он же. Краткие известия. С. 568; Он же. Разговор о вере. С. 34–36; Крестьянина Ивана Александрова. С. 21–22, 30, 49–50 и в др. местах; Ивановский Н. Руководство. С. 131; Ивановский Н. Из старообрядческого мира. С. 324–327; Стрельбицкий И. История русского раскола. С. 126–127; Муртаева Ю.В. Старообрядцы Спасова согласия Ковровского уезда (середина XIX в. – 1917 г.) // Провинциальный город в истории России. Шуя, 2013. С. 113–117; Агеева Е. А., Робсон Р. Р., Смилянская Е. Б. Старообрядцы спасовцы. С. 104–107.

⁴⁰¹ Книга нарицаемая правила (ЯГИАМ. № 9056. 747 л.). Эта та же рукопись, в которой содержится вымышленная родословная Спасовых монахов.

⁴⁰² Нижегородские археографы также собирали полемические тексты позднего периода XIX в. из этой губернии. Они анализируются тут: Клочкова Е. С. Пути самоопределения Нижегородской спасовщины конца XIX – начала XX в. // Мир старообрядчества. М., 1999. Были спасовцы, которые практиковали (или считали правоммерным в некоторых обстоятельствах) самокрещение.

стороннего наблюдателя, якобы крестьянина-старовера, который долго беседовал с представителями обоих начал, но в конечном счете умом своим дошел (по его утверждению) до признания законности канонической православной церкви. Он цитирует Комиссарова, говорившего (в осуждение федосеевцев и филипповцев, официально отвергавших брак), что «покуда у нас существует смерть, брак необходим; с прекращением его, прекратился бы и род человеческий в одно столетие. Вопреки Божией заповеди: „раститесь и множитесь, и наполните землю, и обладайте ею“ (Быт. 1: 28), они являются истребителями рода человеческого»⁴⁰³. Критика Комиссарова не была тут направлена против спасовцев малого начала, поскольку они как раз признавали брак, но его позиция никоим образом не предполагала поддержку широкого распространения воздержания от брака среди женщин его согласия. Передавая эту и другие беседы со Спасовыми руководителями, этот якобы крестьянин, конечно же, выдумал диалоги, но многое из того, что он говорит, включая имена руководителей обоих начал, подтверждается другими источниками.

То малое, что мы знаем об истоках раскола Спасова согласия, показывает, что расколу предшествовали годы дебатов на сходках в приволжских городах. Вполне вероятно, что собор в Гороховце, систематизировавший верования согласия большого начала, создал новую веру не на пустом месте, а посредством объединения нетрадиционных подходов (нетрадиционных для спасовцев), которые уже были приняты той или иной группой спасовцев. Человек, которому приписывается внедрение обряда проклятия ереси, Александр Светов из средневожского города Симбирска, познакомился с этим ритуалом, пока гостил у брата, имевшего свое дело в Османской империи. Там же Светов постригся в монахи. Затем он написал двум своим единомышленникам в Горбатов, настоятельно советуя им перенять этот обряд отречения, и они пригласили его приехать к ним, так как ничего об этом не знали⁴⁰⁴.

Горбатов, стоящий на р. Оки у границы между Владимирской и Нижегородской губерниями, находится всего в 24 километрах по прямой на восток от Гороховца (но больше 70 километров по воде – на юг по р. Клязьме, на север по р. Оке). Горбатов не только граничил с Гороховецким уездом, но и был местом проживания влиятельных, по всей видимости, спасовцев, которых Светов считал восприимчивыми к его планам перемен в их согласии. Другие наставники спасовцев большого начала находились в Коврове, примерно в 100 километрах на запад от Гороховца по р. Клязьме. Аввакум Комиссаров несколькими годами позже регулярно проводил время в скиту близ Коврова⁴⁰⁵. Хотя мы почти ничего не знаем о спасовцах в Гороховце – разве только фамилию наставника, Буров, – видимо, они считались достойными быть принимающей стороной собора, который официально утвердил чин отрицания для обращающихся, то есть основание согласия спасовцев большого начала.

Это позволяет выдвинуть гипотезу, что внезапный разворот тенденции к отклонению от брака у спасовок прихода с. Купля в районе 1830–1834 гг. был связан с реформистским движением, назревавшим в среде спасовцев в этой части Владимирской губернии и в соседней Нижегородской. Такая связь могла бы объяснить очевидное единодушие, с которым спасовки трех удельных деревень прихода начали где-то около 1830 г. выходить замуж: в отличие от постепенного распространения неприятия брака в Случково и Алёшково в XVIII в., возврат к замужеству был, похоже, незамедлительной реакцией на изменения в вероучении. Кажется также, что эта перемена приветствовалась большинством спасовцев прихода с. Купля, и только несколько девиц упрямо продолжали сопротивляться

⁴⁰³ Крестьянина Ивана Александрова. С. 21–22; курсив в оригинале.

⁴⁰⁴ Там же. С. 28–29; *Смирнов П. С.* История русского раскола. С. 123; *Е. А.-в.* Нечто о безпоповских сектах. С. 33.

⁴⁰⁵ Крестьянина Ивана Александрова. С. 13.

замужеству⁴⁰⁶. В раннем XIX в. здешние спасовцы вышли из подполья и объявили свою истинную веру (они, возможно, сделали это еще в XVIII в., несмотря на то что священники в то время записывали их под общей рубрикой «раскольники»). Именно спасовцы, которые совершенно не скрывали своей веры, могли, скорее всего, положительно отнестись к преобразованию согласия и, вполне вероятно, были среди поборников этих реформ. Мы знаем к тому же, что как минимум один из Спасовых наставников из Гороховецкого уезда имел связи с ковровским наставником большеначальников. Из источников второй половины XIX в. — докладов противостарообрядческих миссионеров — нам также известно, что спасовцы были в то время самыми многочисленными из всех староверов уезда; к сожалению, миссионеры не делали различия между спасовцами большого и малого начала и, возможно, не были в курсе их разногласий⁴⁰⁷. С другой стороны, мы знаем, что по крайней мере до 1850 г. Спасовы мужчины продолжали венчаться в православной церкви, так как переписчик податной ревизии 1850 г. оставил молодых Спасовых жен в описях их дворов вместо того, чтобы исключить их из этих списков как поморских жен.

Возврат к браку не был, возможно, таким уж конфликтным вопросом, потому что женщины во многих традиционных Спасовых общинах тоже вскоре начали выходить замуж. Чиновник Министерства внутренних дел, который в 1850-х гг. вел расследование по старообрядцам в Ярославской губернии, сообщал, например, что спасовцы считали греховным половое сношение между супругами после определенного возраста⁴⁰⁸. Он не указал, какая именно ветвь Спасова согласия придерживалась таких воззрений; вероятно, он имел в виду спасовцев малого начала, не понимая, что подобные брачные порядки уже были установлены у некоторых других беспоповцев: брак и производство потомства, пока молоды, затем, в некий момент зрелого возраста, раздельное проживание супругов, воздержание от половых сношений и статус полноценных адептов своего вероучения⁴⁰⁹. Особо хорошо осведомленный источник — архимандрит Павел Прусский (Леднев), настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве, родившийся в среде федосеевцев, в 1850-х гг. инок и глава федосеевского монастыря на Мазурских озерах в Восточной Пруссии, в 1860-х ратовавший за брак старообрядец-поморец, затем, в 1867 г., присоединившийся к единоверью — в середине 1880-х сообщал, что именно таковы были обычаи среди спасовцев

---

⁴⁰⁶ Возможно, они оставались членами согласия малого начала. Некоторые наставники малоначальников были из той же местности во Владимирской губернии, и, по сведениям от более позднего периода XIX в., в этой губернии присутствовали члены обоих начал (Крестьянина Ивана Александрова. С. 23–26; *Смирнов П. С.* История русского раскола. С. 124).

⁴⁰⁷ *Анкудинов.* Гороховецкий уезд // «Да будет Время с нами вечно!» Вып. 8. Гороховец, 2013. С. 266–268.

⁴⁰⁸ *Синицын И.* О расколе в Ярославской губернии. С. 90–93.

⁴⁰⁹ Такие порядки, как сообщалось (как о давно устоявшейся практике) в середине второй половины XIX в., были известны у филипповцев (*Ефименко П. С.* Обычай и верования крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. С. 527, 534; изначально опубликовано под названием «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (М., 1877. Гл. 1)). Эта информация поступила из Пинежского уезда Архангельской губернии. Те же обычаи привились в среде поморцев в Вятской губернии, возможно под влиянием филипповцев из того же региона, называвшихся старообрядцами поморского наследия филипповского согласия (*Агеева Е. А., Робсон Р. Р., Смилянская Е. Б.* Рукописи Верхокамья XV–XX вв. Из собрания Научной библиотеки Московского университета им. М. В. Ломоносова. М.: Цимелия, 1994. С. 7–8). См. также: *Rogers D.* The Old Faith and the Russian Land. A Historical Ethnography of Ethics in the Urals. Ithaca: Cornell University Press, 2009. С. 47–48, 60–69, где описываются те же обычаи у поморцев в Пермской губернии. Автор утверждает, что это была форма приспособления к особо жесткому преследованию, которому Строгановы, правившие на большей части этого региона, подвергали брак (сожителство) вне православной церкви. То, что те же самые правила, по имеющимся сведениям, бытовали в других согласиях в других регионах, по-видимому, исключает такое толкование.

малого начала⁴¹⁰. Другие надежные источники второй половины того века свидетельствуют о том, что спасовцы малого начала – так же как их соперники-большеначальники – ввели у себя службу бракосочетания без священников⁴¹¹. С другой стороны, лаконичное федосеевское обличение спасовских заблуждений, опубликованное в 1915 г., выделяет как особо грубые нарушения принятие крещения и венчания от православных священников⁴¹². Возможно, федосеевец здесь пережевывает традиционное, но в то время в большой степени устаревшее обвинение, однако были на самом деле некоторые спасовцы (именовавшиеся глухими нетовцами), которые продолжали венчаться и крестить своих детей в православных церквях⁴¹³.

Раскол среди спасовцев образует подходящий контекст для понимания возврата к браку женщин из спасовских дворов, но не объясняет, почему в XVIII в. они перестали выходить замуж. Собственно, ничто из известного нам о Спасовом вероучении – после 1730-х гг., когда они решили считать венчание в православной церкви оправданным, – не требовало и даже не поощряло безбрачия крестьянок-спасовок. Очень мало источников, проявляющих осведомленность о том, что спасовки в большом количестве отказывались выходить замуж. Павел Прусский писал, что, когда спасовцы малого начала крестили своих новорожденных в православной церкви, их келейницы – незамужние женщины, типичные для многих староверческих согласий, которые жили в маленьких избах, называвшихся кельями, за околицей деревни и часто, наряду с чтением и письмом, обучали вере – раздавали милостыню старикам и просили их молиться, чтобы Господь пополнил недостатки крещения в церкви⁴¹⁴. Он не упоминает при этом, что взрослые незамужние женщины наблюдались в особенно большом количестве среди спасовцев. Насколько мне известно, только в восьмом томе официальной истории Министерства внутренних дел, опубликованном в 1863 г. и целиком посвященном усилиям Министерства по борьбе с раскольниками, в отношении спасовцев было отмечено, что среди них «незамужние девицы, пользующиеся большим влиянием, особо многочисленны»⁴¹⁵. Эта информация поступила от на редкость

---

⁴¹⁰ Павел (Леднев), архимандрит. Краткие известия. С. 568; Он же. О именуемой Глухой нетовщине. С. 32.

⁴¹¹ Крестьянина Ивана Александрова. С. 30; Ключкова Е. С. Пути самоопределения. С. 219; см.: Там же. С. 226 – о службе бракосочетания у спасовцев-самокрещенцев. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 50. Д. 20055. Л. 1–19 – содержит материалы расследования Спасовой общины в 1911 г. в Ардатовском уезде; выборный наставник проводил и венчание, и крещение младенцев; это была, по-видимому, община малоначальников, но в документах это не уточняется. Еще одно дело того же года в Лукояновском уезде: ЦАНО. Ф. 5. Оп. 50. Д. 20058.

⁴¹² Тулугов Т. С. Историко-догматический очерк о происхождении старообрядческого Спасского или Нетовского согласия. Самара, 1915. То, что Тулугов принадлежал в это время к федосеевцам (он присоединился к поморскому согласию позже), я вычитал у него в книге: Путь жизни. Собрание сочинений. Самара: Офорт, 2008. С. 6–7.

⁴¹³ Ключкова Е. С. Пути самоопределения. С. 219; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559 (1886). Д. 37. Л. 1–2 – это доклад как раз о такой Спасовой общине, которая продолжала получать крещение и венчание от местной церкви.

⁴¹⁴ Павел (Леднев), архимандрит. Краткие известия. С. 567. Об архимандрите Павле до того, как он присоединился к господствующей церкви, см.: Беренский Н. Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольничья деятельность. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1899. С. 1–95.

⁴¹⁵ Варадинов. История Министерства внутренних дел. Кн. 8. С. 543. Единственная другая ссылка на сопротивление старообрядцев браку гласила, что среди странников в Ярославской губернии женщины не были расположены к замужеству и, если они были крепостными, их отцы старались купить им вольную, чтобы они беспрепятственно могли вести безбрачный образ жизни (Там же. С. 535). Странники по численности были гораздо меньшим согласием, чем спасовцы. В деревне Сопелки, на другой стороне Волги от Ярославля, являвшейся центром согласия странников в период с конца XVIII в. и по меньшей мере до 1850-х, в 1838 г. 18%

наблюдательного чиновника в 1850-х гг.⁴¹⁶ Не исключено, конечно, что к 1850-м большая часть женщин помоложе уже вышли замуж в обоих Спасовых соглашениях, а большинство замеченных чиновником Спасовых старых дев были из тех женщин, которые избегали брака в 1830–1840-х гг. и ранее.

Специалист по этнографии мордвы Владимир Майнов, писавший также о русских религиозных диссидентах, натолкнулся, судя по всему, на Спасову общину, чьи взгляды, хотя и расходились с основным руслом Спасова вероучения, могут помочь нам понять отношение к браку более ранних спасовцев⁴¹⁷. Около 1870 г. Майнов разыскал этих спасовцев на севере Олонецкой губернии в пяти днях пути (по его утверждению) через леса и болота от ближайшего жилья и без ведома официальных властей, потому что он слышал, что у них практиковалось самосожжение⁴¹⁸. Их старец Абросим рассказал Майнову, что хотя его люди почитают ранних старообрядцев самосожженцев, но он самоубийств не одобряет, потому что ничего этим не достигнешь. Как и другие традиционные спасовцы, он верил, что таинств больше нет и посему нет возможности заслужить Божью милость; по мнению Абросима, Бог так же безразличен к мученичеству, как и к молитве. Он сказал, однако, что если власти отыщут его общину, им ничего не останется, кроме как всем в огонь броситься и погореть. Назывались эти люди «живыми покойниками» – как объяснил проводник Майнова, имевший связи с общиной: «...потому-де живут в покое»⁴¹⁹. Это была явная ложь (хотя Майнову это, похоже, не было очевидно) – по всей видимости, членам группы было положено так говорить, когда кто-нибудь их спрашивал об их верованиях. В их песнях обнаруживается исключительно мрачный взгляд на земную жизнь:

женщин 25 лет и старше никогда не были замужем – это очень высокий уровень сопротивления браку по русским стандартам, но сильно не дотягивающий до уровня сопротивления среди удельных крестьян прихода с. Купля в это же время (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 13639. Л. 489–493). Я не включил в подсчеты женщин из двух сопельских купеческих дворов, зарегистрированных в Ярославле. Это согласие было случайно обнаружено только в 1849 г.; на момент 1838 г. сопельские странники не подвергались ни внешнему давлению, ни гонениям.

⁴¹⁶ Доклад о старообрядцах Симбирской губернии был передан в Синод, который затем послал указание симбирскому епископу принять особые меры в отношении раскольников, особо при этом отметив девок келейниц и спасовцев в целом, которые прикрывались тем, что принимали православное крещение и венчание (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синод. СПб., 1860. Кн. 2. 1801–1858. С. 710–711).

⁴¹⁷ Майнов В. Живые покойники // Исторический вестник. 1881. № 12. С. 747–772.

⁴¹⁸ Чтобы не раскрывать место пребывания этой общины, Майнов не уточняет название губернии (Там же. С. 747). Однако две из цитируемых в его статье песен сначала появляются в: Майнов В. Поездка въ Обонежье и Корелу. СПб.: Тип. В. Демакова, 1874. С. 158. Майнов вставляет их в текст там, где у него идет разговор с крестьянином, приютившим его на ночь в своей избе близ развалин Выговской поморской пустыни. Крестьянин рассказывает историю преследования бывшей инокини бывшей женской поморской обители на Лексе и высказывает мнение, что такие гонения могли лишь подтолкнуть мирных поморских верующих в объятия сект с экстремальными воззрениями, отражающимися в этих песнях. Майнов намекает, но не говорит прямо, что их прочел ему его собеседник, и не называет группу, чьи взгляды они якобы выражают. Вполне возможно, что он повстречался с этой Спасовой общиной во время той же исследовательской поездки и, может быть, решение их искать было результатом услышанного в ту ночь от крестьянина. В статье он говорит, что слухи об этой группе дошли до него, когда он жил в Санкт-Петербурге.

⁴¹⁹ Абросимскую группу не надо смешивать со скопцами, подвергавшими себя кастрации и иногда называвшими себя «живые мертвецы», а также имевшими прозвище «живые смертники» (Engelstein L. Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999. P. 14, 81, 253. Note 104). Майнов до этого писал о скопцах и имел хорошее представление об их истории, верованиях и обычаях (Майнов В. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов // Исторический вестник. 1880. № 4. С. 755–778). Если бы Абросимова группа была из скопцов, он бы так и сказал.

Нѣсть спасенья въ мірѣ, нѣсть!
 Лесть одна лишь править, лесть!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
 Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!
 Счестъ нельзя безумства, счестъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!
 Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть!
 Местъ одна лишь братьямъ, местъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть! 420

Хотя духовными корнями они были связаны со Спасовым соглашением, подобно всем другим подгруппам спасовцев, «живые покойники» отличались своеобразными воззрениями. Старец Абросим, например, проповедовал манихейское понятие о добре и зле: все хорошее от Бога, все зло от равносильного Ему Сатаны. «Живые покойники» к тому же равнодушно относились ко многим запретам – которые другие спасовцы и почти все старообрядцы вводили, дабы отвести от себя мерзость и скверну, столь легко распространявшиеся в мире, которым правил антихрист, – поскольку запрещения эти, как и молитва, не имели смысла. По словам Абросима, «не грех, потому грешить тебе не перед кем»⁴²¹. Такой из ряда вон либеральный подход к повседневному образу жизни исходил из безнадежности положения спасовцев. Собственно говоря, «живые покойники» и так, живя в практической изолированности, самоустранились от большинства источников скверны.

Уверенность в том, что они живут в мире всепроникающего, беспросветного зла, от которого можно спастись только через смерть, и без таинств, обеспечивающих путь к Богу, определяла отношение «живых покойников» к рождению и смерти. И, безусловно, к браку тоже, но Майнов не воспользовался ни одной ведущей к этой теме нитью. Один из членов общины умер во время пребывания там Майнова, и он заметил, что похороны не сопровождались приличествующим такому событию оплакиванием, наоборот, присутствующие, казалось, радовались: смерть как желанное избавление – это явно было не просто формулой утешения, а убеждением настолько глубоким, что траурное стенание становилось совершенно неуместным. Майнов насчитал в общине всего четверых детей (он не говорит нам, сколько там было взрослых и в скольких они проживали домах, но остается впечатление, что это было довольно крупное для тех мест поселение, так что оно могло состоять из 20 или более дворов) и спросил, отчего так. Его проводник сказал, что женщины глотают какой-то порошок, предотвращающий беременность. Абросим же утверждал, что это пустая болтовня, и приписывал неплодовитость женщин климату, тяжкому труду и скудной пище (Майнов между тем замечает, что село выглядит на редкость зажиточным). По словам старца, когда рождается ребенок, по всему поселку плач идет, потому что «жизнь-то для нас – горе горькое»⁴²². Когда Майнов намекнул, что такая позиция со временем приведет к вымиранию человечества, реакция Абросима была фактически: «И что с того?» Судя по всему, «живые покойники» сознательно ограничивали рождаемость – либо путем полного отказа от брачной жизни, либо избеганием деторождения в супружестве. Абросим сам, по его утверждению, прожил с женой 38 лет и детей не имел.

Мы с осторожностью можем отнести наши выводы по поводу самоизолировавшихся «живых покойников» к жившим в миру спасовцам. Павел Прусский, например, утверждал,

⁴²⁰ Майнов В. Живые покойники. С. 765.

⁴²¹ Майнов В. Живые покойники. С. 761.

⁴²² Там же. С. 757.

что из всех старообрядцев верные традициям спасовцы малого начала придерживались самых строгих религиозных правил и наибольшего количества оберегающих от скверны запретов. Он ссылаясь на их темную одежду, лишенную каких-либо украшений, как на символ истового духовного рвения⁴²³. В понятии самих спасовцев-традиционалистов их простая темная одежда была, скорее всего, знаком безысходности жизни в покинутом Богом безрадостном мире. От экзистенциалистской безнадежности до неверия в уместность брака было всего полшага, и не только потому – как считали некоторые другие староверы-беспоповцы (в то время или ранее, в XVIII в.), – что брак предполагал непристойное в скорбном мире убаживание плоти. Праведно ли, могли спросить спасовцы, рожать детей, обреченных жить в мире без Бога, без таинств и без сколь-нибудь приличного шанса на спасение?

Можно сделать другое предположение и отнести отказ Спасовых женщин от брака на счет исконной православной традиции отдавать предпочтение монашеству перед супружеством. Старообрядцы, считавшие себя единственными истинными православными, присвоили себе эту традицию. Однако монашеский образ жизни даже от мирянки (в староверческом скиту, например) требовал отречения от мира и от опасного общения с противоположным полом. Несколько облегченная традиция ставила отказ от полового сношения в браке выше деторождения, но в деревне такое могло быть не более чем гипотетическим идеалом, никак не реальностью, что стало очевидным, когда целибатные браки среди куплинских спасовцев изжили себя спустя всего лишь одно поколение. И у православных крестьянок, и у староверок существовала также традиция в миру обставлять обет безбрачия как религиозное призвание, но такому поразительному скопищу старых дев, какое наблюдалось в приходе с. Купля, не было прецедента⁴²⁴. Православное учение о целибате могло создавать общий фон, но ни в доктрине, ни в практике православия ничто не предвещало масштабов отказа от брака среди спасовок прихода с. Купля. Тут вырисовывается чисто Спасов почин.

Поскольку так мало известно о спасовцах XVIII в., не исключено, что некоторые наставники согласия, приняв решение, что венчаться можно у православных священников, тем не менее подстрекали женщин к воздержанию от брака. Труднее найти обоснование полному отсутствию каких-либо следов противобрачного учения у спасовцев XIX столетия, потому что начиная с середины XVIII в. в беспоповских кругах бурлила полемика по вопросу о браке – как внутри, так и между согласиями. Более того, если старообрядческое согласие было против брака (и отказывалось молиться за здоровье царя), правительство и официальная церковь причисляли его к «особо вредным» и заслуживающим особо пристального надзора⁴²⁵. Справедливо отметить, что спасовцы привлекали мало внимания ученых; не исключено, что Спасовы документы, наставляющие женщин не выходить замуж, со временем еще найдутся.

Однако из того, что мы все-таки знаем о Спасовом учении о браке, можно с бóльшим основанием предположить, что спасовские мирянки сами были зачинателями сопротивления

---

⁴²³ Павел (Леднев), архимандрит Никольского единоверческого монастыря инока Павла. Л. 8, 20 об.; *Он же*. О именуемой Глухой нетовщине. С. 29.

⁴²⁴ Levin E. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press. P. 36–88; Тульцева Л. А. Чернички. С. 80–82; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 103–104.

⁴²⁵ См.: Мельников П. И. Письма о расколе // Мельников П. И. Собрание сочинений. М.: Правда, 1976. Т. 8. С. 26–30 (изначально опубликовано в «Северной пчеле» в 1862 г.). По вопросу о том, считать ли спасовцев особо вредными, решение принималось как минимум дважды. В 1835 г. Николай I и в 1857 г. Александр II, следуя советам чиновников Министерства внутренних дел, постановили, что это принесет больше вреда, чем пользы (Собрание постановлений по части раскола. 2-е изд. С. 234–236, 525).

браку в деревнях, что те, кто принимал у спасовцев такие решения, отнеслись к этому с одобрением, но – будучи прагматиками – не возвели запрет на замужество в правило своего вероучения. Отказ от брака, конечно, никак не противоречил Спасовой доктрине. Хотя венчание православным попом (или, во второй половине XIX в., беспоповская церемония бракосочетания) было приемлемо, спасовцы (малого начала) никогда не признавали венчание таинством. Многие верили также в присутствие антихриста и в наступление конца света – краеугольные камни противобрачной теологии в других согласиях⁴²⁶.

Нетрудно представить себе, как куплинскими женщинами овладело отвращение к браку. Старая вера принялась в окрестностях Гороховца еще до конца XVII в. Сразу на север от него находился огромный лес, кишевший раскольниками, неподалеку с восточной стороны начинались еще более обширные нижегородские чащи. Эти леса были ареной ожесточенных дебатов между старообрядцами самых разных толков. Мы знаем, что много женщин селилось в лесных скитах, где они (или, по всей вероятности, большинство из них) вели целомудренный образ жизни вне зависимости от того, вступали ли они ранее в брак или нет. Некоторые женщины со временем возвращались из лесов в свои родные деревни, женщины-пилигримы – те самые, о которых Гавриил Андреев доносил в 1760 г., – ходили в леса за духовным наставлением. В атмосфере религиозного смятения, среди слухов об антихристе и в ожидании второго пришествия неудивительно, что некое число куплинских женщин прониклось проповедью порицавших брак старцев о великой греховности брака и необходимости отказаться от него, дабы подготовиться к концу света. Или же женщины могли сами, без подсказки прийти к такому решению. Нет способа узнать, принадлежало ли то первое поколение отвергавших брак деревенских женщин к какому-либо согласию. Возможно, они просто придерживались старой веры, не умея отличить одно согласие от другого.

Что-то изменилось во второй половине XVIII в., когда в деревнях Случково и Алёшково резко подскочило количество избегающих брака женщин, и, судя по данным податных ревизий и исповедных ведомостей, старообрядцы стали жить обособленной общиной. В это время в этих двух деревнях неприятие замужества неуклонно разрасталось и к 1795 г. стало практически всеобщим явлением в д. Случково, а к 1830 г. и среди спасовцев д. Алёшково, к каковому моменту оно захлестнуло также д. Пешково. Перемена почти наверняка состояла в том, что во второй половине XVIII в. старообрядцы объединились в организованное сообщество (или сообщества), в котором отказ женщин от брака стал нормой. Мы не знаем, что подстегнуло образование этих сообществ. Быть может, харизматичные миссионеры воспользовались общим подспудным недоверием к официальной церкви и сомнениями по поводу богоугодности брака, чтобы сплотить староверов прихода с. Купля в организованную группу или группы. Возможно, перемена произошла в результате кумулятивного воздействия многих лет хорошо налаженного общения крестьян с лесными старцами. Сам факт, что для всеобщего распространения воздержания от замужества в спасовских дворах д. Случково потребовалось полвека, а в д. Алёшково еще больше, является косвенным подтверждением того, что склонность к безбрачию возникла по местной инициативе самих спасовок, а не из покорного следования доктринам их согласия.

Поморки прихода с. Купля, избегавшие замужества в XIX в., по всей вероятности, следовали примеру спасовок. Они знали, что их согласие благосклонно относится к браку: их братья женились и, по крайней мере, к 1830-м гг. делали это, используя поморский бессвященнословный обряд бракосочетания. Поморские женщины потому, по-видимому, уклонялись от замужества, что в с. Купля и его окрестностях традиция местных спасовцев – мужчины женятся, женщины воздерживаются от брака – создала образец женской

⁴²⁶ Одни спасовцы верили, что антихрист объявится в физическом обличье только по наступлении конца света, другие считали, что духом он уже присутствует в мире (*Павел (Леднев), архимандрит*. Краткие известия. С. 566).

добродетельности и религиозного рвения.

Именно этим, конечно же, объясняется, почему – в сюжете, который я извлек из исповедных ведомостей и привел в главе 3, – номинально православная Матрена Герасимова, ее сын Алексей и внучка Васса в течение долгого времени старательно «исправляли» свою семейную историю, чтобы в результате в приходских ведомостях оказаться незамужними сестрами с холостым братом. Если уж поморки последовали примеру спасовок, для молодых женщин из предположительно спасовских дворов пример отказа от брака должен был быть еще более притягателен. И действительно, если в позднем периоде XVIII в. мы еще можем обнаружить женщин из предположительно спасовских дворов в Купле и окрестностях, которые решились выйти замуж, в начале XIX в. я не нахожу таких примеров – вплоть до 1830-х гг., когда почти все молодые спасовки пошли под венец. При том что, как я говорил, в позднем периоде XVIII в. родители-спасовцы не распоряжались брачным выбором своих дочерей, влияние на него их местной религиозной общины, по всей вероятности, неуклонно росло и в конце концов стало абсолютным. Между тем большинство отказывавшихся от брака молодых девиц, скорее всего, полагали, что у них есть веские причины оставаться старыми девами, поскольку они живут в мире, лишенном Божьей благодати и таинств, в мире, покинутом Богом, где они могут надеяться только на то, что их равнодушный Создатель – из одному Ему известных соображений – когда-нибудь проявит к ним интерес. Такой ход мыслей был в полном согласии с экзистенциалистским отчаянием, заложенным в основу учения Козмы Андреева и пронесенным «живыми покойниками» из Олонецких лесов во вторую половину XIX в.

Глава 6

БАКИ: СОПРОТИВЛЕНИЕ БРАКУ НА НОВЫХ ЛЕСНЫХ РУБЕЖАХ

В мае 1799 г. император Павел даровал бывшей воспитательнице его детей графине Шарлотте Ливен имение в селе Баки. В январе 1800 г. ливенский управляющий Карл Хеннеманн отдал вотчинным крепостным ряд распоряжений. Одно из них гласило: отцы должны отдавать дочерей замуж. Распоряжению предшествовали следующие события. Сын Шарлотты Кристоф, проверяя ревизскую сказку от 1795 г., заметил в ней большое количество холостых мужчин и незамужних женщин и приказал Хеннеманну выяснить, в чем причина. Крепостные объясняли это по-разному: предыдущая владелица, княгиня Елена Алексеевна Долгорукова, позволяла родителям принимать решения о браках своих детей; родители в свою очередь, в особенности матери, предпочитали оставлять дочерей дома в качестве рабочей силы; местные попы требовали за венчание больше, чем крестьяне могли заплатить. Граф велел Хеннеманну проследить, чтобы все холостые парни от 20 до 35 лет и все девки от 18 до 25 в ближайшую Масленицу были обвенчаны.

Далее последовало вышеупомянутое распоряжение: родители не должны чинить браку препятствий, не должны пытаться подкупить вотчинных служащих, а дочерям не следует злоупотреблять своим правом давать (или не давать) согласие. Девки, которые откажутся к назначенному сроку выйти замуж за стоящих женихов, не имея веских причин, мешающих им вступить в брак, будут отправлены к графине в Санкт-Петербург для обучения ремеслу. Незамужние в возрасте от 25 до 35 лет, в зависимости от обстоятельств, будут исполнять господскую работу. Если они плохого поведения, то подлежат высылке – так же как и дурные мужики. Если отец слишком беден, чтобы сосватать сына, ему выдадут беспроцентный заем из «добродетельной казны», а если он пользуется доброй славой, то долг будет ему прощен⁴²⁷. Хеннеманн также упоминает, что у него есть экземпляр указа Его Императорского Величества от 17 марта 1765 г., устанавливающий, сколько священник

---

⁴²⁷ British Library. Lieven Papers (далее – LP) 47422. Л. 42 об. Господская работа означала, вероятно, работу в имении, а не отправку к графине в качестве дворовых.

может взимать за совершение каждого таинства, копии которого он разошлет во все деревни⁴²⁸.

Хеннеманн был в курсе, что баковские крепостные и три их священника не ладят между собой. 9 декабря 1799 г. священники подали жалобу, что прихожане из Баков и других деревень редко появляются в церквях и помирают без исповеди и причастия. Делегация крестьян из с. Баки и других вотчинных деревень 11 декабря сообщила, что, мол, священники разоряют их, незаконно взимая изрядную плату за отпевания, венчания, молебны, крещения и другие требы. В тетради, куда Хеннеманн записывал просьбы и решения по ним, он отметил, что не знает, что с этими жалобами делать, потому что только что получил письмо от местного благочинного, в котором тот хвалит вотчинных крепостных за усердное посещение церкви и ежегодную исповедь и причастие. Он решил в результате ничего не делать. 25 декабря поступила жалоба от одного из баковских священников, Гаврило Матвеева, утверждавшего, что баковский крепостной Андрей Деменов оскорбил его. Хеннеманн сделал Андрею внушение ⁴²⁹. Баковские крестьяне, конечно, преувеличивали размеры поповских поборов. Тем не менее в феврале 1801 г. священники из соседнего ильинского имения, приобретенного Шарлоттой Ливен в 1800 г., попросили, чтобы некоторых из баковских прихожан перевели к ним, поскольку баковские священники берут 50 копеек за очистительную молитву после родов и столько же за крещение (ставка, установленная правительством в 1765 г., была 3 копейки), а сами они взимают только по 10 копеек⁴³⁰.

Хеннеманн – балтийский немец, как и Ливены, – возможно, не понимал, насколько русские попы падки на взятки, особенно когда их прихожанами являются старообрядцы. Многие крепостные имения Баки, включая самых зажиточных, были на самом деле старообрядцами – то, чего Хеннеманн тоже мог еще не знать. И они, конечно же, готовы были заплатить благочинному, чтобы тот расхвалил их перед новым управляющим, желая произвести хорошее впечатление или в предвидении того, что о них скажут их священники. В церковь они не ходили из-за религиозного инакомыслия. При Долгоруковой, однако, баковские крепостные ежегодно платили духовенству по 40 копеек с каждой души мужского пола. С доброй тысячи мужчин в имении (по данным на 1795 г.) получалось порядка 400 рублей – отличный доход для священников и церковнослужителей более мелкого ранга (священник обычно зарабатывал 20–40 рублей в год), притом баковские крепостные составляли меньше половины номинального прихода этих священников. Жителям села хотелось, чтобы такой же порядок сохранялся и при Ливенах⁴³¹. Они готовы были платить попам, а вот таинства от них принимать не собирались.

Вероятно, Хеннеманн вскоре узнал, что священники не врут, что многие крестьяне

---

⁴²⁸ Эти правила можно посмотреть в определении Синода от 28 февраля 1765 г.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи, Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1. С. 265–266. См. также: *Freeze G. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. P. 165–167. Тут говорится, что законные сборы за совершение треб составили бы в среднем годовой доход в 2–3 рубля. Естественно, священники продолжали взимать гораздо больше, чем полагалось по правилам.

⁴²⁹ LP 47422. Л. 47–48 об.

⁴³⁰ LP 47428. Л. 68–68 об.

⁴³¹ О платежах священникам: LP 47428. Л. 7–8. О различных статистических данных по количеству прихожан: Там же. Л. 68–68 об., 133. О среднем денежном доходе священников см.: *Freeze G. The Russian Levites*. P. 166–167. О том, как в XVIII в. священник зарабатывал 40 рублей в год, по данным из записей священника из деревни близ Ярославля, см.: *Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина*. 1877. Август. С. 507–514. Этот священник сверх того получал натуральную оплату и пожертвования на общую сумму примерно 40 рублей.

имения обходят церковь стороной. Возможно, он доложил об этом Ливенам, возможно, Шарлотта Ливен велела ему приказать крестьянам ходить на службы. Впрочем, подтверждений этому нет. Самый ранний уцелевший документ с распоряжением посещать церковь – это краткий отчет о сходе баковских крестьян в январе 1806 г., на котором Иван Оберучев, сменивший Хеннеманна в 1803 г., передал приказ от Шарлотты: «Крестьяне в церковь божию в воскресенье и праздничные дни для богомолья входили бы»⁴³². По всей видимости, это было постоянное распоряжение, повторяемое для проформы в начале каждого года по мере приближения великопостной исповеди. Ранее в этом же месяце Оберучев послал письмо, напоминающее баковским крепостным о правиле: достигшие совершеннолетия дети должны вступить в брак до Великого поста⁴³³. Нежелание баковских крестьян ходить в церковь и сопротивление браку были, безусловно, взаимосвязаны.

Таблица 6.1. Состоящие и не состоящие в браке мужчины и женщины 25 лет и старше в имении Баки, 1795

Деревня	Мужчины		Женщины	
	В браке	Не бывшие в браке	В браке	Не бывшие в браке
Баки	98	6 (5,8%)	112	30 (21,2%)
Афонасиха	19	1 (5,0%)	17	0
Чапиха	25	3 (10,7%)	21	2 (8,7%)
Якшариха	8	0	6	1 (14,3%)
Ляды	10	2 (16,7%)	10	0
Зубилиха	14	1 (6,7%)	16	7 (30,4%)
Коровиха	13	7 (35,0%)	21	10 (32,3%)
Выше перечислены деревни с западной стороны р. Ветлуги, ниже — с восточной.				

Ядрово	17	2 (10,0%)	17	0
Кирилово	39	1 (2,5%)	35	2 (5,4%)
Дранишное	56	6 (9,7%)	47	12 (20,3%)
Староустье	62	17 (21,5%)	54	38 (41,3%)
Ижма	49	5 (9,3%)	36	18 (30,1%)
Итого по имению в целом	410	51 (11,1%)	392	118 (23,1%)

Источник: LP 47421. Л. 45–103.

Таблица 6.1 отражает проблему, которую обнаружил Кристоф Ливен, рассматривая ревизские сказки 1795 г. Таблицы подобной он, естественно, не составлял, но не мог не заметить настораживающе большого количества незамужних женщин. На самом деле проблема должна была показаться ему еще серьезнее, чем она выглядит в таблице, потому что он наверняка объединил женщин 25 лет и старше со значительно более многочисленной группой более молодых незамужних⁴³⁴.

Я составил список деревень в порядке их удаленности от Баков, начиная с Афонасихи, находившейся чуть на юг по западному берегу Ветлуги, и Ядрово – на восточном берегу, немного вниз по течению, потому что и расстояние от Баков, и берег, на котором располагались деревни, имеют некую связь с брачным поведением. Ливен, скорее всего, не

⁴³² LP 47424. Л. 5.

⁴³³ Там же. Л. 3.

⁴³⁴ Я беру 25 лет как предельный возраст для выхода замуж в Баках, как и в приходе с. Купля, так как это облегчает сравнение. Но в Баках несколько женщин вышли замуж в возрасте между 25 и 29. Таблица таким образом немного завышает уровень отказа от брака. Несколько баковских девочек вышли замуж в 13–14 лет, другие позже, но тоже в подростковом возрасте. В брак здесь вступали раньше, чем в Купле, и возрастной потолок для заключения брака был выше.

знал, где какая деревня находилась. Но он не мог не обратить внимание на большое число холостых и незамужних в имении. Он пришел к выводу, что многие мужчины не смогли жениться из-за того, что девицы им отказывали или родители девиц не хотели отпускать их из дома.

Ни Ливены, ни Хеннеманн ни разу не высказывают предположения, что большое количество старых дев могло каким-либо образом объясняться рекрутской повинностью, и тут они правы. В период с 1763 по 1795 г. в восьми (из двенадцати) деревень, по которым имеются полные ревизские сказки, 419 мужчинам и 398 женщинам либо исполнилось 15 лет, либо им уже в 1763 г. было от 15 до 20 – возраст, в котором баковские крепостные начинали вступать в брак. Высока вероятность, что большинство из 28 рекрутов, забранных на службу в возрасте от 20 до 34 лет, были в момент призыва женаты; возможно, какая-то часть из 17 юношей моложе 20 тоже уже женилась⁴³⁵. То есть даже после ухода рекрутов равновесие между количеством мужчин и женщин брачного возраста в имении Баки сохранялось. Так же как среди удельных крестьян прихода с. Купля, забор холостых мужчин в армию из имения Баки не мог быть причиной большого количества взрослых женщин, никогда не бывших замужем.

Между тем у рекрутской повинности были свои последствия: когорта потенциальных рекрутов, которым исполнилось 15 лет между 1763 и 1772 гг., к 1795 г. потеряла 26 мужчин (22,6%). Из когорты 1773–1782 гг. к 1795 г. ушло 13 мужчин (13,8%), из группы 1783–1792 гг. – только 6 (4,5%). Эта группа позже потеряет еще многих. И все-таки здесь была более низкая норма рекрутского набора, чем среди удельных крестьян прихода с. Купля: 45 из 347 мужчин, или 13,8% из тех, кому с 1763 по 1795 г. исполнилось 15 лет, по сравнению с 18,9% за те же годы от удельных крестьян прихода с. Купля. Я полагаю, что достаток, созданный местной экономикой, позволял покупать замену рекрутам и что сосредоточение наработанного капитала в деревне Баки объясняет, почему оно потеряло пропорционально меньше мужчин, чем другие деревни, вошедшие в состав ливенского имения (11,7% против 14,1%).

ВЕТЛУЖСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

Река Ветлуга течет на юг и впадает в Волгу примерно в 150 километрах по прямой на восток от Нижнего Новгорода. В XV в. Ветлуга находилась за пределами Московского государства. В Заволжье граница в то время проходила более или менее по р. Унже, около 100 километров на запад. Средним Поветлужьем тогда владели черемисы (марийцы, как они сами себя называли), которые, в свою очередь, находились в подчинении у Казанского ханства. Вплоть до XVI в. татары и черемисы совершали набеги на запад к Унже и на север к Великому Устюгу. Русские отвечали набегами на марийскую территорию. Те русские, что селились в Поветлужье, начиная с XV в. спускались по рекам с Русского Севера и оседали в верховьях Ветлуги⁴³⁶. Местные историки утверждают, что где-то во второй половине XV в. священник Варнава пришел в Среднее Поветлужье из Великого Устюга и построил келью на горе, где позже была основана Троице-Варнавина пустынь⁴³⁷. Поселение, выросшее вокруг

⁴³⁵ Данные за 1763–1782 гг. из податной ревизии 1782 г.: ГАКО. Оп. 6/ш. Д. 546. Л. 76–109 об., 151 об. – 159, 175 – 187 об., 234–245, 277 об. – 284 об., 306 – 337 об. По восьми деревням, 1782–1795 гг.: LP 47421. Л. 45–103.

⁴³⁶ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 3-е изд. СПб.: Я. Башмаков, 1910. С. 32–34; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение Центра. Л.: АН СССР, 1929. С. 94; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л.: Наука, 1985. С. 152; *Балдин М. А.* Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. Варнавин; Нижний Новгород, 1993. С. 15–17.

⁴³⁷ О приходе Варнавы в XV в.: *Балдин М. А.* Варнавинская старина. С. 16–17. А. В. Антонов (Из истории

монастыря, превратилось в 1778 г. в небольшой городок Варнавин – столицу одноименного уезда, где находилось село Баки. Баки стояли в 38 километрах по почтовому тракту на юг от Варнавина, 125 километрах по прямой на север от Волги, но около 225 километров по извилинам и зигзагам Ветлуги⁴³⁸.

Монастырь, возможно, был (или не был) построен на Варнавинской горе где-то в первой половине XVI в. Может быть, в 1530 г. великий князь Василий III пожаловал в дар монастырю обширный участок леса, может быть, в это время вокруг монастыря было семь отдельных дворов, и, может быть, в 1551 г. царь Иван Грозный утвердил дар. Вся информация в предыдущем предложении известна из источников, выдержки из которых приводятся в подлинных документах XVII в., которые возникли в процессе разбирательства споров с участием варнавинских монахов. При этом язык и терминология в выдержках явно XVII, а не XVI в. Например, в документе, якобы от 1530 г., говорится, что жалованная грамота была получена из Поместного приказа, который хотя и существовал в то время, но не под этим названием; вплоть до начала XVII в. он назывался Поместной избой. Один уважаемый историк выдвинул предположение, что автор челобитной 1664 г. переписал цитаты более понятным современным языком. Поскольку русские той эпохи были сторонниками буквального понимания текста не только в религиозных делах, но и в копировании, эта гипотеза кажется слабой⁴³⁹. Подозрительно также, что предполагаемый документ от 1530 г. называет поселение Минин и шесть других «починками» – то есть новыми поселениями на лесной вырубке – именно так, как в подлинных документах XVI в.⁴⁴⁰ Название «починок» могло продержаться дольше первого поколения поселенцев, но век спустя Минин, даже если он был маленьким, уже должен был называться деревней. И уж практически невероятно, чтобы кучка дворов просуществовала более века без всяких прибавлений и убыли. И в самом деле, архимандрит другого монастыря обвинил варнавинских отцов в покупке подложных документов у третьего монастыря⁴⁴¹. Впрочем, не имеет существенного значения (кроме, как для местных историков), было или не было в начале XVI в. нескольких крошечных русских поселений вокруг монастыря на Варнавинской горе. Ключевое слово здесь – крошечные.

Средняя и южная части Поветлужья стали безопасны для русских только с покорением Казани и разгромом Казанского ханства Иваном IV в 1552 г. Земли вдоль берегов реки стали пограничными, то есть открытыми для заселения. В конце XVI в. царь Федор Иоаннович (или Борис Годунов от его имени) кинул клич крестьянам и пасечникам селиться «на пустых местах» вдоль Ветлуги и дал им в качестве стимула льготы от уплаты оброка. Податные описи, составленные правительственными дозорщиками в начале XVII в., показывают, что русские селились в Среднем Поветлужье и до, и после царева приглашения⁴⁴². Бурные

Троицкой Варнавиной пустыни // Русский дипломатарий. 2000. Вып. 6. С. 150) констатирует, что среди всех документов (подлинных и подложных), на которые монахи опирались в своих земельных спорах, первый, который связывает монастырь с Варнавой, относится к 1607 г.; он делает вывод, что Варнава не мог появиться там раньше XVI в. и, возможно, вообще был легендой фольклора.

⁴³⁸ Морохин Н. По реке Ветлуге. Нижний Новгород: Литера, 2012. С. 10.

⁴³⁹ См. обильные цитаты из текста с комментариями: Шумаков С. Обзор «Грамот». Вып. 4. С. 35–37. О вероятности модернизации, а не подделки: Ивина Л. И. Внутреннее освоение. С. 152.

⁴⁴⁰ Шумаков С. Обзор «Грамот». Вып. 4. С. 137–138.

⁴⁴¹ Антонов А. В. Из истории. С. 150.

⁴⁴² Ивина Л. И. Внутреннее освоение. С. 152–153; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 335.

события в средней полосе России на заре XVII в. – Смутное время, повлекшее за собой голод, гражданскую войну и вторжение шведов и поляков, – заставили многих бежать на восток. Другие шли туда, спасаясь от крепостной неволи. Раскол в православной церкви во второй половине XVII в. поднял новую крупную волну переселенцев – в будущие заволжские районы Нижегородской губернии двинулась масса староверов. Некоторые из них пошли дальше на север, в земли, которые к концу XVIII в. станут Костромской губернией, куда вошел и Варнавинский уезд. В 1719 г. Ветлужский округ был, среди других, присоединен к Нижегородской епархии; новоназначенный епископ Питирим был ярким противником раскольников, а Поветлужье – цитаделью раскола. Как следствие, старообрядцы, спасаясь от Питиримовых гонений, переселялись вверх по р. Усте, впадающей в Ветлугу пониже Баков, и окружали свои лесные скиты западними⁴⁴³. В XIX в. в Варнаvine бытовало расхожее мнение, что в XVII и XVIII вв. уезд заселялся в основном беглыми крепостными и староверами, уходившими вглубь лесов, чтобы укрыться от православной церкви и государства⁴⁴⁴.

Подобно многим другим, заветлужские приграничные земли были беспокойны. Лесные массивы вдоль среднего течения Ветлуги сплошняком простирались на десятки километров на восток и запад и слыли дикими лесами так же, как степи к югу от Москвы, заселявшиеся русскими в тот же самый период, и заслужили название «дикое поле»⁴⁴⁵. После Смуты вновь избранный царь Михаил Федорович пожаловал землю вдоль почти всего среднего и северного течения Ветлуги главе Боярской думы князю Федору Мстиславскому. Вскоре эта земля была передана другим, разделена и вновь поменяла владельцев. Поскольку межевания ни в одном из владений не проводилось и их внешние пределы терялись в лесах, помещики (или их представители: ни один из ранних владельцев не жил в Поветлужье) постоянно занимались захватом приграничных земель, занимая незаселенные или слегка заселенные территории и неся свои распри на рассмотрение правительственным чиновникам. Варнавинский монастырь вел такие тяжбы с начала XVII в., и ему также приходилось отбиваться от обвинений со стороны крестьян в посягательстве на их землю. Крестьяне, жившие на земле, раздаваемой царями, становились крепостными, и многие спасались бегством в глубины дикого леса. В 1610–1611 гг. местные крестьяне отказались платить монастырю подати, сожгли монастырь, уничтожили документы о своем закрепощении и прогнали монахов⁴⁴⁶. Поветлужье оставалось достаточно малонаселенным, так что монах-раскольник Капитон, искавший уединения в пустыне, смог основать там в 1620-х гг. монастырскую общину⁴⁴⁷.

---

⁴⁴³ *Архимандрит Макарий*. История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 по 1859 год. СПб.: Н. Г. Овсянников, 1857. С. 64, 79, 90, 97; *Бегунов Ю. К., Панченко А. М.* Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы в Горьковскую область // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 15. С. 387–388.

⁴⁴⁴ *Китицын П.* Старообрядческие скиты в Варнавинском уезде Костромской губернии // Древняя и новая Россия. 1879. № 1. С. 174–175; *Он же*. Из прошлого. Церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы // Древняя и новая Россия. 1879. № 2. С. 351–152. Современные костромские историки того же мнения, например: *Наградов И. С.* Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и ее влияние на развитие старообрядчества во II четверти XIX – I четверти XX в. (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Кострома: Костромиздат, 2013. С. 92.

⁴⁴⁵ *Шумаков С.* Обзор «Грамот». Вып. 4. С. 151; *Антонов А. В.* Из истории. С. 152.

⁴⁴⁶ *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение. С. 153–154; *Антонов А. В.* Из истории. С. 148–149, 154; *Балдин М. А.* Варнавинская старина. С. 22–26.

⁴⁴⁷ *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение. С. 71; ее источник: Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука,

Русские называют этот процесс заселения «освоением», что в буквальном смысле означает «делать своим»: в их понимании это мирный приход на незаселенные по сути земли и заведение там хозяйства. Некоторые русские историки пишут об отходе черемисов на восток после взятия русскими Казани, как будто те ушли со своей земли по собственной воле. На самом же деле это было *присвоение*, и отнюдь не мирное. Конечно, учитывая длительную историю вражды между русскими, с одной стороны, и черемисами и татарами – с другой, русские с полным основанием считали, что, продвигаясь вперед за р. Ветлуге, они не просто расширяют свое земельное пространство, но и обеспечивают безопасность своих восточных границ. Американскому историку не пристало критиковать русских за то, что они делали одно и то же и одновременно с американцами, то есть завоевывали и заселяли чужую территорию, выдворяя аборигенов с большей части захваченных земель.

В XVI в. русское правительство строило крепости с постоянными гарнизонами на южном берегу Волги напротив территории луговых марийцев (горные марийцы жили к югу от Волги). В истории Татарского ханства, сочиненной в 1560-х гг. русским автором, который 20 лет прожил в плену в Казани, о луговых черемисах говорится, что они живут «в пустынях лесных, ни сеют ни орют, но ловом звериным и рыбным и войною питаютца и живут аки дикие»⁴⁴⁸. Они показали свою свирепость в восстаниях 1573, 1574 и 1582–1584 гг.⁴⁴⁹ Мари восставали и в 1606–1610 гг. во время Смуты и, вместе с другими нерусскими народностями, а также и с русскими со Средней Волги, временно занимали или осаждали мелкие города от Чебоксар (на южном берегу Волги, к востоку от Ветлуги) до Свияжска (вверх по реке от Казани), Котельнича на р. Вятка и Вычегды на юго-востоке современной Архангельской области. Они перестали платить ясак и опять подняли восстание, когда в 1615–1616 гг. сборщики податей попытались собрать недоимки и дополнительные чрезвычайные сборы⁴⁵⁰.

Русские поселенцы между тем продвигались все дальше в страну черемисов. В 1667 г. мари подали челобитную царю с жалобой на Макарьевский монастырь на Унже и Варнавинский на Ветлуге – и тот и другой основали крепостные поселения к востоку от Ветлуги – и на русских дворян, чьи крепостные внедрялись на землю черемисов. По словам последних, русские «и их де черемису в тех их угодьях бьют и увечат и всякое поруганье чинят и стреляют поних из ружья и многию дечеремису побили до смерти. И от тех де старцов [монастырских] многие ясачные дворы у них запустили и в рознь разошлись. И ныне де те старцы Варлам [Макарьевского монастыря] и Гурий [Варнавинского монастыря] з бр. и со крестьяны в их черемиских исачных угодьях <...> завладели рыбными ловлями и

1985. С. 68–70. Корнилий не говорит, в каком именно месте на Ветлуге поселился Капитон.

⁴⁴⁸ История о казанском царстве (Казанский летописец). Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 19. Кол. 304. Оригинал не сохранился. В этом томе даются две из значительно более 100 известных версий рукописи. Здесь есть очень полезные предисловия от редактора изначального издания 1903 г. и редактора переиздания 2000 г.

⁴⁴⁹ Разрядная книга 1559–1636 гг. М.: АН СССР, 1975. С. 217–220, 347–348; Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 252; *Морохин Н.* По реке Ветлуге. С. 105. Сведения об этих восстаниях отрывочны, но И. И. Ермолаев (Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Казанский ун-т, 1982. С. 32–36) дает убедительное описание, основанное на немногих сохранившихся московских документах.

⁴⁵⁰ История о казанском. Кол. 169, 185–186, 320–321, 354, 392, 407; *Ермолаев И. И.* Среднее Поволжье. С. 76–102; Акты, собрание. Т. 2. С. 163–164, 167–170, 216–222, 278–279, 322–323, 352–353; Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 14. С. 86; Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II отделения, 1850. Т. 1 (1612–1628). Кол. 205. См. также: *Дмитриев В. Д.* Восстание ясачных людей Среднего Поволжья и Приуралья 1615–1616 годов // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980. С. 109–119. Там же. С. 114: процитировав источник, определяющий черемисов, участвовавших в событиях 1616 г., как луговых мари, Дмитриев затем почему-то ошибочно называет их горными.

бобровыми гоны [километров по сто и больше]... Да и иных де помещиков и вотчинников Ветлужского у. из разных волостей многие крестьяне поселились д-ми и починки на их черемиских же землях и в их угодьях и насилиства де и поруганье им всякое чинят же»⁴⁵¹.

Поскольку Поветлужье было приграничным районом и по всей долине реки крестьян закрепощали или повторно закрепощали, неудивительно, что знаменитое восстание казаков, крестьян и старообрядцев под предводительством Стеньки Разина 1670–1671 гг. кратко прокатилось по Ветлуге. В октябре 1670 г. второстепенный разинский атаман Илюшка Иванов (он же Пономарев, он же Долгополов) повел отряд из примерно 150 казаков, вновь прибывших повстанцев и черемисов вверх по Ветлуге. Крепостные в Баках и окрестных селениях приняли их с энтузиазмом. На допросе после поимки Илюшка утверждал, что к его отряду присоединились 370 крепостных, так что всего у него стало 400 человек; в разных документах цифры, естественно, не совпадают, но Илюшкина оценка количества вступивших в его команду крепостных самая низкая. Илюшка расположился лагерем в Баки и разослал письма в имения по реке Ветлуге, в которых наказывал крепостным держать приказчиков в цепях до его прихода, а уж он с ними разберется. Его люди 10 приказчиков убили, других избили, остальных выгнали. Они убили также проживавших в своих поместьях владельцев некоторых мелких имений. Илюшка уверял, что его люди убивали только тех приказчиков, которых просили убить крестьяне. Приказчики из имений выше по реке, предупрежденные заранее Илюшкиными письмами, собрали собственное войско и в начале ноября (так рассказывали приказчики) поймали нескольких Илюшкиных эмиссаров, а затем отогнали его банду на юг к Бакам, где при поддержке многих крестьян Илюшка перегруппировался. Приказчики вернулись к своим имениям и отправили письмо с мольбой о помощи. В ноябре же Илюшка захватил городок Унжа на реке Унжа, но тут же ретировался, так как приближались царские войска. Он отослал свой отряд обратно на Ветлугу, а сам попытался скрыться, но безуспешно. Командующий царскими войсками доложил, что уничтожил Илюшкины банды, убив в разных местах 500 человек и поймав 75⁴⁵².

Расправа была свирепой: около 150 участников ветлужского восстания, в том числе Илюшка, были повешены, или выпороты, или оставили большой палец правой руки и ухо под топором палача. В Баках 17 декабря пятерых повесили и одного били кнутом на козле, а 18 декабря еще 56 человек, опять в Баках, были или казнены, или биты кнутом, или утратили большие пальцы и уши. Только один из повешенных был из Баков, еще одному баковскому крепостному отсекли большой палец и ухо, а крепостного из близлежащей Зубилихи, позднее вошедшей в баковское имение Ливенов, били кнутом. Многие другие повстанцы были из соседних сел⁴⁵³.

Эти публичные казни и порки имели целью навести страх и цели этой, скорее всего, достигли, но едва ли устранили социальную напряженность. В 1708–1710 гг. отряды крестьян, вдохновленных Булавинским восстанием (1707–1709) на Дону, терроризировали приволжские районы от Нижнего Новгорода до Твери. Одним из них руководил беглый крепостной из Притыхина на северном участке Ветлуги. Его люди – многие из которых наверняка были крепостными из Поветлужья – разоряли дворянские поместья под Ветлугой и Унжей и во многих других местах, стояли лагерем около Нижнего Новгорода и

⁴⁵¹ Шумаков С. Обзор «Грамот». Вып. 4. С. 151.

⁴⁵² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М.: АН СССР, 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 201–222, 226–228, 248–251, 277–282, 285–286, 315–317, 346–347, 362–363, 404–445, 407–410; частично приводится в: Балдин М. А. Варнавинская старина. С. 33–35.

⁴⁵³ Крестьянская война. С. 431–434, 476–478.

поднимались дальше по Волге⁴⁵⁴. Одним из последствий этого разгула стало скопление мужиков, которые не могли вернуться в свои деревни; ими питалась длинная история разбоя вдоль Ветлуги, включая эпизоды грабежа в Баках и убийство приказчика среди бела дня в 1744 г.⁴⁵⁵ Когда в 1761 г. Михаил Ломоносов писал о повышенной опасности, исходящей от разбойников в удаленных от городов местах, он отдельно выделил бассейн «реки Ветлуги, которая, на 700 верст [656 километров – на самом деле 889 километров] течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города» и зимой служит пристанищем бурлакам-разбойникам⁴⁵⁶.

Единственный аспект социальной напряженности, который был слабо – во всяком случае, по свидетельству крестьян – представлен на этих рубежах, – это трения между ними самими. На протяжении XVII в. потенциал для конфликта внутри крестьянской среды снижался здесь за счет наличия природных ресурсов на нужды очень маленького тогда населения. Когда в 1664 г. старцы Варнавинского монастыря пожаловались, что крепостные князя Степана Татаева, чьи владения прилегали со всех сторон к монастырским угодьям, залезают на монастырскую землю и чинят урон крепостным монастыря, правительственный чиновник, посланный для расследования, призвал «лучших крестьян», старожилов, крестьянских старост и представителей от крепостных соседних помещиков. Те клялись, что и они, и монастырские «сенными покосами помещиковы и вотчинновы крестьяне и м-ские крестьяне изстари все владеют так, кто про себя пожни где росчистили, потому что земля и леса и сенные покосы и всякие угодья меж ими не межевани, спору в том меж ими никогда не бывало и впредь не будет»⁴⁵⁷. Правда, это свидетельство крепостных из соседних владений, и у монастырских крестьян, может быть, не было возможности сказать свое слово, но вышесказанное тем не менее звучит правдоподобно. Можно было продвинуться дальше в лес и захватить вырубки, поля и бобровые гоны у черемисов, прогнав черемисов, но лес пока был практически бескрайним, и между русскими крестьянами было понимание, что, если понадобится им новое поле, всегда можно деревья подсесть да сжечь. Серьезные противоречия между крестьянами придут только с новым общественно-политическим порядком, когда маленьким общинам придется выбирать из своих рядов рекрутов для петровской армии и в результате перемен в экономике одни крестьяне будут нанимать других в работники.

Баковское имение, полученное Шарлоттой Ливен в 1799 г., сохраняло отпечаток приграничности на протяжении XVIII в. Владения, из которых была выкроена ливенская вотчина, были более чем в два раза ее больше. Они принадлежали Михаилу Головкину (впавшему в немилость вице-канцлеру, которого императрица Елизавета сослала в Сибирь), в 1746 г. были дарованы князю Юрию Долгорукову, а затем, в 1747 г., его вдове Елене в пожизненное пользование, но не для передачи по наследству⁴⁵⁸. Поскольку баковские

⁴⁵⁴ Лебедев В. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания // Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской Империи. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. С. 62–63, 65–66; Чаев Н. С. Булавинское восстание. М., 1934. С. 113–114; Подьяпольская Е. П. Восстание Булавина. М.: АН СССР, 1962. С. 96, 121, 195; Лебедев В. Булавинское восстание (1707–1708). М.: Просвещение, 1967. С. 116–117.

⁴⁵⁵ Балдин М. А. Варнавинская старина. С. 37. О разбое – бандитов или отдельных крестьян и групп, обосновавшихся в этой местности, см.: Куплетский М. Беглые крестьяне на вотчинных землях Кажирской пустыни во время и после Петра Великого (по рукописям церковной библиотеки С. Кажирова) // Странник. 1881. № 6. С. 178 и в др. местах; Там же. 1881. № 7. С. 348–350 и в др. местах.

⁴⁵⁶ Ломоносов М. В. Сочинения. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 457.

⁴⁵⁷ Шумаков С. Обзор «Грамот». Вып. 4. С. 137.

⁴⁵⁸ LP 47428. Л. 124.

ревизские сказки от 1720-х и 1744 гг. утеряны, самый ранний документ, описывающий имение (цитируемый в постановлении по тяжбе о правах собственности), представляет собой список деревень с их населением, которые Долгорукова получила в 1747 г.: 267 мужских душ, 306 женских, проживающих в 26 деревнях, очень маленьких. Шесть из них значились починками, то есть появились недавно. Баки, где насчитывалось 20 мужчин и 22 женщины, были вторыми по размеру. В починке Староустье было 33 мужчины и 32 женщины. К 1799 г., по подсчетам удельного чиновника как раз перед тем, как Ливен получила свою долю, там было 37 деревень с общим населением 2352 души мужского пола. Мужское население (как наверняка и женское) за немногим больше 50 лет увеличилось почти в девять раз⁴⁵⁹.

Это увеличение не может объясняться естественным приростом. Самая старая из сохранившихся ревизских сказок относится к 1782 г.⁴⁶⁰ В ней указаны все, кто жил в этих деревнях по данным на 1763 г., но из вновь прибывших указаны только те, кто появился в период между 1763 и 1782 гг.: в деревнях, которые отошли к Шарлотте Ливен, почти все, как указано, переехали из других деревень имения Долгоруковой или вступили в брак с местными; то же касалось деревень, ставших собственностью Ливен в период с 1782 по 1795 г. Ничто не указывает на то, что Долгорукова переселяла в Баки кого-либо из своих отдаленных имений, и, учитывая, что имение было у нее только в пожизненном пользовании, нет оснований полагать, что у нее могло бы возникнуть подобное желание. Я предполагаю, что в течение всего XVIII в. беглые крепостные и солдаты, крестьяне, предназначенные для рекрутского набора, и старообрядцы продолжали селиться в лесах вокруг Баков и в итоге попадали в переписные книги имения. Порядок проведения податной переписи был направлен на предотвращение таких обманов, но и крестьянам-переселенцам, и вотчинным служащим было на руку скрывать такого рода миграцию.

Именно так происходило в вотчинах Кажировского монастыря, находившегося в нескольких сотнях километров на север по Ветлуге, но в точно таких же, как в Баках, природных условиях. Беглецам невозможно было помешать селиться в лесах, солдаты, посланные провести облаву, часто терпели поражение, крестьяне уходили в заранее подготовленные схроны, где их было не найти. Иногда монахи сами возглавляли сопротивление войскам. Некоторых крестьян насильственно вывезли из кажировских владений, но население имения все равно стабильно увеличивалось, благодаря постоянному притоку переселенцев. Со временем их статус – нелегальный мигрант или постоянный житель – становился туманным⁴⁶¹. В конце концов, правительство было больше заинтересовано в переписи вновь обнаруженных ревизских душ, чем в попытках выяснить, откуда они родом или откуда пришли их родители много лет назад⁴⁶².

Удельный чиновник, составивший в 1799 г. список деревень Долгоруковой с их мужским населением, отметил, что население всех деревень изменилось по сравнению с переписью 1795 г., потому что после того, как сказки были сданы, «многие крестьяне переселялись на житье домами и переходили один по одному из деревни в деревню сами по себе»⁴⁶³. При столь оживленном движении между деревнями легко было сказать, что вновь

⁴⁵⁹ Там же. Л. 20.

⁴⁶⁰ ГАКО. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 546. Л. 76–352.

⁴⁶¹ *Куплецкий М.* Беглые крестьяне. 1881. № 6. С. 171–191; 1881. № 7. С. 339–356.

⁴⁶² *Пыжиков А. В.* Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. С. 112–115, 132–138.

⁴⁶³ LP 47428. Л. 20.

прибывшие крестьяне просто перешли из другой деревни имения – с таким большим количеством крепостных и деревень провести проверку по всем сказкам было бы весьма затруднительно. Более того, совершенно очевидно, что вплоть до конца XVIII в. баковские крестьяне продолжали продвигаться все дальше в глубину леса, как делали это их родители, деды и более далекие предки в течение двух предыдущих веков.

СТАРООБРЯДЦЫ В БАКОВСКОМ ИМЕНИИ ШАРЛОТТЫ ЛИВЕН

Елена Долгорукова умерла в начале 1799 г., имение отошло удельному ведомству, а в мае 1799 г. император Павел пожаловал Шарлотте Ливен немного меньше половины имения: Баки и еще 11 деревень (Ливен получила 4 самые крупные) с официальным населением, по данным 1795 г., ровно в 1000 мужских душ. Итоговая цифра ревизии 1799 г. была – 1010⁴⁶⁴. Удельный чиновник, подсчитывавший в 1799 г. население деревень, входивших в имение Долгоруковой, в целом насчитал в 12 ливенских деревнях 1087 мужчин.

Баки и шесть маленьких деревень тянулись по более высокому правому (западному) берегу Ветлуги у – или недалеко от – дороги, соединяющей Варнавин к северу с Семеново Нижегородской губернии. Коровиха, самая далекая от Баков, была всего в 7 километрах. (Это те расстояния, которые крестьяне проходили пешком. Я взял их из справочника XIX в. по селениям Костромской губернии, где приводятся расстояния по почтовому тракту, а для деревень, находившихся в стороне от дорог, по тропинкам⁴⁶⁵.) До XVIII в. все известные поселения в районе Баков и почти все вдоль Средней Ветлуги располагались на западном берегу, потому что весеннее половодье заливало низкий, болотистый восточный берег – возле Баков, например, на 2 или более километров⁴⁶⁶. Деревня Ядрово (ее не было в списке деревень от 1747 г., а в ревизской сказке 1782 г. она записана как починок) в 8 километрах вниз по реке от Баков стояла на восточном (левом) берегу, на краю заливной поймы в 2 километрах от реки. С восточной же стороны, в линию, идущую вдоль реки Усты на юг (на этом отрезке приблизительно параллельно Ветлуге и в 6–10 километрах от нее), находились Кирилово (18 километров от Баков), Дранишное (20 километров) и Староустье (25 километров); дальше вниз по Усте и вверх на северо-восток по реке Ижме – Ижма (40 километров от Баков). Ходить по этим двум рекам лодки и плоты могли только во время весеннего половодья. Чтобы добраться до Ветлуги близ Ядрова и потом до Баков, крестьяне из Дранишного, Староустья и Ижмы шли через лес и болото над Дранишным. Доставшиеся Шарлотте Ливен крепостные жались к реке в глубине леса очень длинной и очень узкой линией поселений. Все эти поселения появились в XVIII в., но к тому времени там уже были затаившиеся мелкие общины беглых и старообрядцев с их западнями. Информация из ревизских сказок 1782 и 1795 гг. о передвижениях женщин показывает, что большинство невест из Баки и из шести маленьких окрестных деревенок выходили замуж в Баках и в их окрестностях или же обменивались с другими близлежащими деревнями из тогда еще огромного имения Долгоруковой. Крестьяне к востоку от Ветлуги искали невест в диапазоне от 20 (Ядрово и Кирилово) до 40 (Ижма) километров⁴⁶⁷. Восточнобережные крестьяне

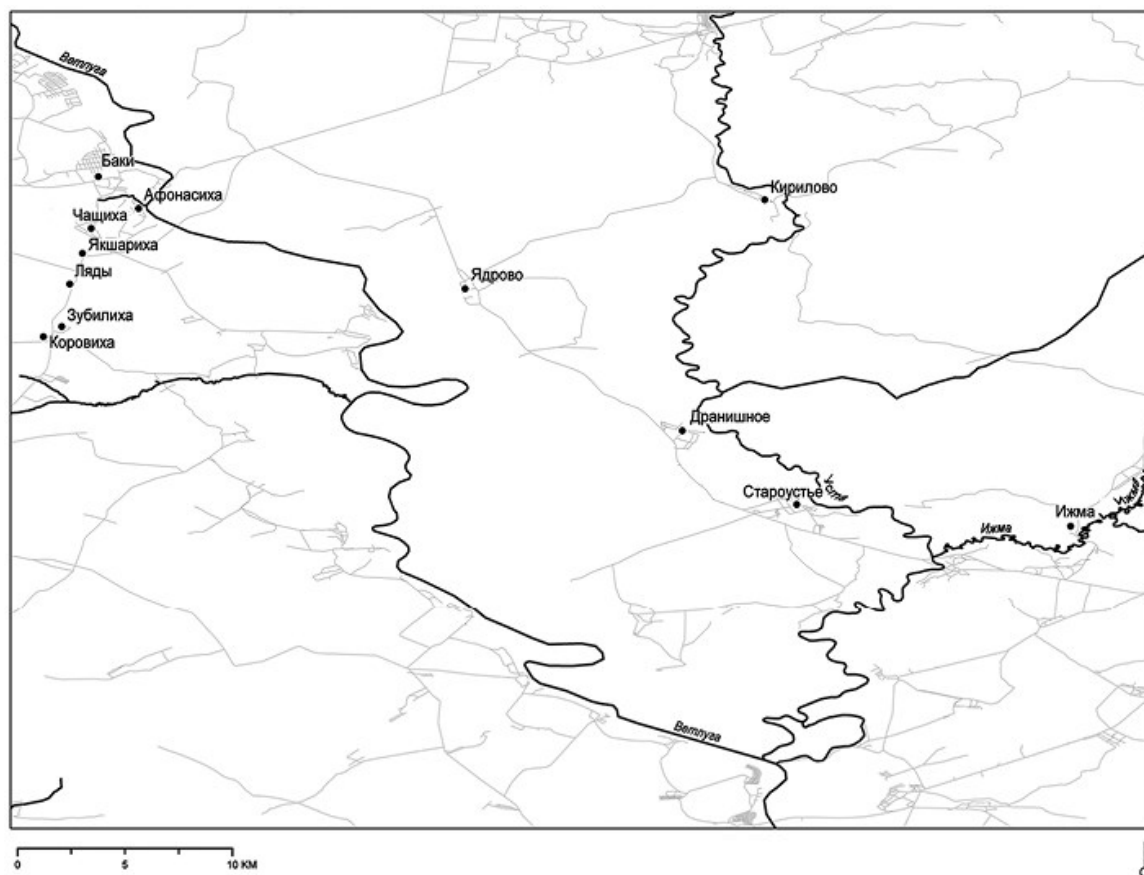
⁴⁶⁴ LP 47428. Л. 20, 52–55; LP 47421. Л. 103.

⁴⁶⁵ Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–1872 годов. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1877. Я пользовался также очень подробной картой: Нижегородская область: топографическая карта. М.: ЦЕВКФ, 2000.

⁴⁶⁶ Костромская губерния. Список. С. vi, viii, xvi; Зарубин Р. Заметки о Варнавинском уезде // Русский вестник. 1856. Октябрь. С. 392–394.

⁴⁶⁷ ГАКО. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 546. Л. 76–352 (1782); LP 47421. Л. 45–103 (1795).

предпочитали жить в относительном (в случае Ижмы почти абсолютном) уединении, но за это предпочтение приходилось платить. Только баковские крестьяне заключали браки с крепостными из ближних имений – потому, вероятно, что были более зажиточны, чем крестьяне из других деревень, которые позже войдут в ливенское имение.

Карта 3. Баковское имение Шарлотты Ливен

Сразу же по получении имения Ливен послала агента осмотреть его. В июле 1799 г. он отписал ей, что пахотных земель и лугов там в избытке, но что многие крестьяне сами землей не занимаются, а нанимают других работать в поле. Основой баковского хозяйства был лес: крестьяне баржами сплавляли по реке бревна и лесоматериалы, а также бочки смолы и дегтя, рогожу и «разных мелочей». Спускаясь по Волге, они покупали рыбу в Казани и Астрахани на продажу в более северных городах. У многих крестьян, отмечает он, складывался капитал в тысячи рублей⁴⁶⁸. Эдгар Мелтон в своем отличном описании хозяйства баковского имения, составленном на основе вотчинных документов Ливенов начала XIX в., упоминает многие детали. По данным за 1812 г., этим промыслом заправляли шестнадцать лесоторговцев из деревни Баки, заранее оплачивая зимнюю работу артелей лесорубов и нанимая много рабочей силы для сплава на баржах. Больше половины других дворов в деревне Баки получали доход (плюс к своему урожаю) в 100–150 бумажных рублей и более в виде зарплаты и от продажи кустарных изделий, а также выпечки на еженедельном рынке; Баки были вторым по значению торговым центром на Ветлуге. Эти богачи

⁴⁶⁸ LP 47428. Л. 1–2. Полезные описания заготовки и сплава продукции лесного хозяйства на Ветлуге даются в: Костромская губерния. Список. С. xvi; *Цветков М. А.* География внутренних лесных рынков в Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. // Историческая география. М.: Изд-во географической литературы, 1960. С. 98–100; *Smith A. K.* Sustenance and the Household Economy in Two Kostroma Serf Villages, 1836–1852 // *Russian History // Histoire Russe*. Vol. 35. № 1–2 (Spring–Summer 2008). P. 165–179; дополняет информацию описанием двух юсуповских деревень Варнавинского уезда.

распоряжались в деревне Баки (и, видимо, многим из того, что происходило во всем имении), в том числе рекрутской повинностью, так как они давали работу всем остальным. Они заботились о том, чтобы их собственные сыновья и мужчины, работавшие на их баржах, были освобождены от рекрутского набора, в то время как в армию отправлялись сыновья бедняков. Два самых состоятельных лесоторговца – Андреян Осокин (с состоянием 50 тысяч рублей и годовым доходом 15 тысяч рублей) и Василий Воронин (годовой доход также 15 тысяч и капитал 25 тысяч рублей) – были старообрядцами-беспоповцами и соперниками в баковской политике⁴⁶⁹.

Лесные промыслы, обеспечивавшие баковским крестьянам довольно неплохой доход, были между тем губительны для их здоровья. Наблюдатель, который, вероятно, в годах 1840-х был хорошо знаком с этим имением, сообщал, что цинга и золотуха там не переводились. Возможно, причиной тому было крайне скудное питание, почти полностью лишенное овощей, в зимние месяцы, когда крестьяне работали в лесу, и пагубные условия жизни на зимовье в лесных землянках (рубахи буквально истлевали на спинах), зачастую так далеко от деревень, что месяцами не было возможности помыться в бане⁴⁷⁰.

Исповедных ведомостей из Баков не сохранилось, но составитель ревизской сказки 1782 г. причислил многих крестьян из долгоруковского имения к записным раскольникам. От него этого не требовалось: ни в инструкциях, ни в типовых бланках для ревизии 1782 г. не содержится ни слова о раскольниках, и Екатерина II в 1782 г. отменила двойную подать со старообрядцев⁴⁷¹. Между тем в некоторых местах счетчики думали, что двойная подать еще сохранялась. Баковский счетчик наверняка списал информацию с ревизской сказки 1763 г.; записи же 1763 г. были, в свою очередь, скорее всего перенесены из ревизии 1744 г.⁴⁷² К 1782 г. эти данные безнадежно устарели, и в любом случае они касались только крестьян, которые в какой-то момент в прошлом решили записаться староверами и платить двойную

⁴⁶⁹ Melton E. Household Economies and Communal Conflicts on a Russian Serf Estate, 1800–1817 // Journal of Social History. 1993. Vol. 26. № 3. P. 564–578. О религиозной принадлежности Осокина и Воронина: LP 47428. Л. 254 об. Мелтон приписывает Осокину годовой доход в 1500, а Воронину 1000–1500 рублей, но я видел одну и ту же цифру – 15 тысяч – по обоим (LP 47424. Л. 140–140 об. (дворы 65, 88)); о состоянии Осокина: LP 47419. Л. 170 об.; о состоянии Воронина: LP 47429. Л. 237. О значении баковского рынка в регионе: Костромская губерния. Список. С. xvii. В сообщении от 1836 г. описывается внушительный ассортимент товаров, предлагаемых на рынке: LP 47432. Л. 303 об. – 305.

⁴⁷⁰ Зарубин Р. Заметки. С. 420. О влиянии зимней работы в лесу на здоровье в Поветлужье, чуть к северу от Варнавинского уезда, см.: Малыгин Л. П. Материалы по осмотру зимовок на лесных промыслах в Ветлужском уезде // Врачебный санитарный обзор Костромской губернии. 1907. № 3. Лесное хозяйство было там точно такое же, но Малыгин писал об условиях в XX в. Хотя жуткие условия в землянках потрясли Малыгина, он не упоминает цингу и золотуху среди проблем здоровья. В своем романе 1870-х гг. «В лесах», где действие происходит в середине XIX в., Мельников изображает те же условия жизни и труда, хотя с некоторым романтическим глянцем, на зимнем лесоповале неподалеку от Варнавина (С. 214–219); Николай Оглоблин в 1903 г. описал эти условия без романтизма: Ветлужские бурлаки. Нижний Новгород, 1903. Как его цитирует Н. Морохин: По реке Ветлуге. С. 126.

⁴⁷¹ ПЗС. Т. 21. С. 304–306, 344–352, 745.

⁴⁷² Ни в инструкциях, ни в типовых бланках отчетности по ревизии 1763 г., выпущенных в ноябре 1761 г., старообрядцы не упоминаются, но в образце суммарных табелей есть место для итогового числа старообрядцев, обязанных уплатить двойную подать (ПЗС. Т. 15. С. 834–840). Указания подавать списки старообрядцев были выпущены лишь в марте 1764 г. (ПЗС. Т. 16. С. 596–597), к каковому времени большинство ревизских сказок было заполнено. Эту запоздалую инструкцию объясняли тем, что данные по старообрядцам предыдущей ревизии 1744 г. должны были уже устареть. В любом случае, если баковская ревизская сказка была подана в 1763 г. (что вероятно), информация по старообрядцам должна была быть скопирована со сказки 1744 г. В дворцовом тогда имении Сидорово на западе Костромской губернии в папке со сказкой от 1763 г. в самом начале приложен отдельный список старообрядцев, составленный в 1764 г.; в самой сказке от 1763 г. старообрядцы не указаны (РГАДА. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 46. Л. 7–14 об.).

подать. Скорее всего, немногие из баковских старообрядцев сами о себе заявляли. В 1812 г. Варнавинский суд принял (по просьбе Шарлотты Ливен) два списка старообрядцев имения, которые хотели зарегистрироваться, – среди них пять дворов поповцев и четыре беспоповцев – из деревни Баки. Большинство из них происходило из больших семей, не записанных старообрядцами в ревизии 1782 г. Вкупе эти два разных источника – ревизия 1782 г. и списки вновь зарегистрированных от 1812 г. – выявляют в деревне Баки на момент проведения ревизии 1782 г. 14 расширенных старообрядческих семей. Семья и двор не были идентичны: ревизские сказки 1782 г. составлялись по генеалогическому принципу. Пять дворов поповцев и два беспоповцев из списка 1812 г. происходили из одной генеалогической семьи, в которой в 1782 г. не было записано ни одного старообрядца⁴⁷³. Два других двора поповцев из списка 1812 г. имели две разные родословные.

Как и следовало ожидать, у поповцев и беспоповцев было различное отношение к браку: среди поповцев деревни Баки в 1812 г. все шесть мужчин и все четыре женщины 25 лет и старше состояли в браке; у беспоповцев все пятеро мужчин этой возрастной группы были женаты, а пять из восьми женщин были не замужем. Среди старообрядцев, зарегистрированных в 1812 г., из других четырех деревень – все они были беспоповского толка – восемь из девяти мужчин 25 лет и старше были женаты, а 17 из 25 женщин оставались не замужем.

Таблица 6.2. Сопротивление браку среди женщин 25 лет и старше в старообрядческих и других семьях по данным ревизии 1782 г. и спискам 1812 г., деревня Баки, 1763–1795

	Старообрядцы*		Другие		Баки в целом	
	Замужем	Не замужем	Замужем	Не замужем	Замужем	Не замужем
1763	8	12 (60,0%)	75	18 (19,4%)	83	30 (26,5%)
1782	11	13 (54,2%)	93	15 (13,9%)	104	28 (21,2%)
1795	17	10 (37,0%)	95	20 (19%)	112	30 (21,1%)

* И поповцы, и беспоповцы.

Источник: ГАКО. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 546. Л. 76–352; LP 47421. Л. 45–103.

Таблица 6.2 резюмирует историю брака старообрядцев-беспоповцев в деревне Баки в XVIII в., но она требует разъяснения. Женщины в записных старообрядческих семьях к 1720-м гг. избегали замужества: по данным ревизии 1763 г., трем самым старшим никогда не бывшим замужем женщинам было 60–70 лет, но их возраст был, вероятно, преувеличен. Если до 1720 г. этим женщинам уже исполнилось 25 лет и они были не замужем, к 1763 г. они, скорее всего уже умерли. В 1730-х гг. трое мужчин-беспоповцев оставались холостыми: в 1763 г. их возраст был записан как 52–54 года. В данном случае этой информации можно верить: в 1744 г. их должны были записать в группу 33–35-летних, а во время ревизии в начале 1720-х они были еще подростками. После 1750 г., однако, все записные мужчины-старообрядцы, достигшие 25 лет, были женаты. К тому времени открыто беспоповские семьи усвоили спасовское правило: все сыновья женятся, а дочери (большинство) остаются не замужем. Неприятие брака среди беспоповских женщин, скрытых за номинально православной родословной, шло в ногу с сопротивлением среди записных беспоповок. С другой стороны, неприятие брака у (некоторых) номинально православных мужчин-старообрядцев началось только где-то в середине века; к 1790-м гг. они тоже опять поголовно женились⁴⁷⁴.

⁴⁷³ Списки: LP 47428. Л. 253–255. Я определил их дворы по списку дворов 1812–1813 гг.: LP 47424. Л. 135–143 об. На этом списке не стоит даты, но он был составлен на основе ревизской сказки 1812 г. с изменением статуса вплоть до 1813 г. и содержит много дополнительной информации.

⁴⁷⁴ Из пяти неженатых номинально православных мужчин, внесенных в список ревизии 1795 г., трое самых молодых, 25–27 лет, вероятно, впоследствии женились. Их нет в списке от 1804 г. не вступивших в брак

То, что некоторые мужчины не женились, влияло на соотношение между замужними и незамужними женщинами. Так, например, если бы все восемь холостых, по данным ревизии 1763 г., мужчин женились, количество замужних старообрядков, включая восемь жен, перевесило бы число незамужних и в 1763, и в 1782 гг. С поправкой на это искажение процент никогда не бывших замужем женщин в старообрядческих дворах с 1763 по 1795 г. держался на относительно стабильном уровне. Если добавить недостающих жен пяти номинально православных мужчин, неженатых в 1782–1795 гг., то все равно процент незамужних женщин по всей деревне в период с 1763 по 1795 г. оставался без особых изменений⁴⁷⁵.

Дворы староверов-беспоповцев в деревне Баки четко определили свой выбор между браком и безбрачием (и для женщин и для мужчин) к середине XVIII в. – раньше, чем какие-либо другие деревенские общины, которые я рассматривал. Так же как в приходе с. Купля, незначительное меньшинство мужчин последовало за женщинами в отказе от брака, но уже примерно через поколение все мужчины опять начали жениться. В Баках мы наблюдаем это среди записных старообрядцев в первой половине века, среди скрытых – во второй. Из-за того, что в переписях XVIII в. население указывалось в соответствии с родословной, почти невозможно выяснить, в каких именно дворах мужчины и женщины принимали эти решения. Между тем даже в семейном конгломерате последствия выбора безбрачия и мужчинами и женщинами были налицо: из 14 расширенных семей, которые я, по данным на 1763 г., отнес к староверам, к 1795 г. две вымерли, а от пяти осталось по одинокому престарелому члену мужского или женского пола.

Шесть деревенок, кучкой стоящих к югу от Баков, по отдельности слишком малы, чтобы цифры по ним могли нам многое сказать. Коровиха вообще выпущена из сказки 1782 г., так что мы не знаем, были там записные старообрядцы или нет. Исключая Коровиху и рассматривая остальных как единое целое, получаем 12% неженатых мужчин 25 лет и старше в 1763 г. и 10% – в 1795 г. Среди женщин 20% не замужем в 1763 г. и 14% – в 1795 г. В среднем эти соотношения близки к баковским, хотя процент неженатых мужчин выше, а незамужних женщин ниже. Записных старообрядцев было немного: по данным на 1795 г., одна семья, в составе которой была старая дева, в Лядах и три престарелых незамужних в трех разных семьях в Якшарихе. Связь между сопротивлением браку и беспоповской старой верой ясно видна – так же как и то, что большинство старообрядцев в этих деревнях вообще не регистрировались таковыми.

Пропажа некоторых сказок 1782 г. из баковского имения Долгоруковой затрудняет восстановление истории сопротивления браку в деревнях, расположенных к востоку от Ветлуги. Они обрываются на неполной, почти совсем выцветшей описи населения Дранишного. Отсутствуют сказки Ядрова и Кириллова; они, по-видимому, шли за Дранишным. В ревизских сказках имения Баки за 1795 г. переписаны все, кто, по данным на 1782 г., жил в этих трех деревнях, но нет никакой информации о том, кто из них был записным старообрядцем. Возможно, в Ядрово и Кирилово – где почти все взрослые и в 1782, и в 1795 гг. состояли в браке – и не было записных старообрядцев. Утеря описи Дранишного от 1782 г. особенно обидна, потому что 20% их женщин 25 лет и старше были не замужем и в 1782, и в 1795 гг., в то время как целых 22% неженатых этого возраста, по данным на 1782 г., к 1795 г. сократились до немногим меньше 10%. Я полагаю, что история старообрядчества и сопротивления браку в Дранишном сильно походила на историю в расположенном вниз по реке Староустье: так же как Староустье, Дранишное в 1747 г.

баковских мужчин и женщин (LP 7422. Л. 55). Конечно, не исключено, что их могли забрать в армию.

⁴⁷⁵ Из восьми неженатых в 1763 г. старообрядцев только один еще был жив в 1795 г. В 1763 г. было также двое, возможно, никогда не состоявших в браке пожилых «православных» – на два поколения старше следующих по возрасту взрослых неженатых «православных» мужчин. В 1795 г. трое из пяти неженатых старообрядцев 25 лет и старше собирались жениться. См. предыдущую сноску.

называлось починком, то есть недавним поселением, где жило всего 15 мужчин и 10 женщин. Скорее всего, поселенцы расчистили лес – или вышли из него – в начале XVIII в.⁴⁷⁶

В Староустье и Ижме, наиболее удаленных – на 25 и на 40 километров – от Баков, запрятавшихся в глубине леса к востоку от Ветлуги, процент семей, обозначенных как старообрядческие, и процент отказывавшихся выходить замуж женщин были самыми высокими. Глубокий лес, старая вера и крайнее отвращение к браку взаимосвязаны. Сравнительно недавно появившееся Староустье быстро разрасталось. По данным документа от 1747 г., описывающего имение Долгоруковой, население Староустья состояло из 33 мужчин и 32 женщин⁴⁷⁷. К 1763 г. население там выросло до 289 человек. По всей видимости, основана деревня была старообрядцами с намерением удалиться на надежное расстояние от официальной церкви и государства.

Таблица 6.3. Сопротивление браку среди женщин 25 лет и старше в старообрядческих и других семьях по данным ревизии 1782 г., Староустье, 1763–1795

	Старообрядцы		Другие		Все Староустье	
	Замужем	Не замужем	Замужем	Не замужем	Замужем	Не замужем
1763	19	11 (36,7%)	34	5 (12,8%)	53	16 (23,3%)
1782	18	20 (52,6%)	45	7 (13,5%)	63	27 (30,0%)
1795	14	24 (63,2%)	40	14 (25,9%)	54	38 (41,3%)

Источник: ГАКО. Ф. 200. б/ш. Д. 546. Л. 306–328 об.; LP 47421. Л. 83–90 об.

В 1763 г., как показывает таблица 6.3, женщины в открыто старообрядческих семьях Староустья проявляли примерно в три раза большую склонность избегать замужества, чем женщины в семьях, не опознанных как старообрядческие, и за период с 1763 по 1795 г. масштаб отказа от брака среди женщин из раскольнических семей вырос с 36 до 63%⁴⁷⁸. Процент избегания замужества у номинально православных поднялся с 12 в 1763 г. до 26 в 1795 г., достигнув таким образом приблизительно того же уровня, что и в некоторых наполненных спасовцами деревнях вокруг прихода с. Купля в том же году. Если не принимать в расчет тех, кто попал в деревню через замужество, а также тех, чьи семьи прибыли туда между ревизиями, то выясняется, что из 91 женщины, выросшей в этой деревне в период между 1763 и 1795 гг., 40 (44%) никогда не были замужем и что сопротивление браку со временем росло: 38% уроженок Староустья избежали замужества в период между 1763 и 1782 гг., 51% – между 1782 и 1795 гг.⁴⁷⁹

⁴⁷⁶ Данные по населению 1782 г. в Ядрове, Кирилове и Дранишном: LP 47421. Л. 45–103. Статистика по Дранишному в 1747 г.: LP 47428. Л. 124.

⁴⁷⁷ LP 47428. Л. 124 об.

⁴⁷⁸ Ревизия 1782 г. выявила по меньшей мере шестнадцать старообрядческих семей, но в четырех из них за 32 года, с 1763 по 1795 г., было всего по одному записному старOVERу, причем двое старOVERов появились и исчезли мимолетно. Одна старOVERка, например, вышла замуж в период между ревизиями 1763 и 1782 гг. и очень скоро, в возрасте 16 лет, была сослана; в ревизской сказке отмечено ее краткое пребывание, но она не учтена при переписи населения. В некоторых семьях, которые я включил в число старообрядческих, были не записанные в раскольники взрослые, но были и два или более раскольников, при этом в данных семьях во всех поколениях наблюдался отказ от брака. Одну семью я разделил на две: Василий Васильев был записан раскольником и имел потомков-раскольников, но ни его брат Андрей, ни его многочисленные потомки не были названы среди раскольников, и только один из них никогда не женился. Я отнес Андрея и его потомство к «православному» населению.

⁴⁷⁹ Я включил в число никогда не бывших замужем нескольких женщин, которым исполнилось 25 лет в перерыве между ревизиями, но которые умерли до следующих ревизий; даты их смерти даются в ревизских сказках 1782 и 1795 гг. Я не учитывал женщин из семей, которые уехали из деревни.

Значительно отклоняясь от нормы, доля неженатых взрослых мужчин в Староустье в период между 1763 (12 из 53) и 1795 (17 из 79) гг. стабильно держалась на уровне чуть выше 20%. Что примечательно: и в 1763, и в 1795 гг. процент холостых среди раскольников и якобы православных был практически один и тот же. Может быть, не все никогда не женившиеся староустинцы остались холостыми по собственной воле. Возможно, что в Староустье – в 10 километрах вниз по р. Усте от Дранишного, в 15 километрах вверх по р. Ижме от Ижмы, обе деревни с очень высоким уровнем женского сопротивления браку – некоторым мужчинам не удалось найти себе жену, поскольку так много женщин на доступном от них расстоянии отказывались выходить замуж. И все-таки вероятнее, что большинство мужчин избегали брака по религиозным убеждениям. Как, например, в 1795 г. в старообрядческой семье, где трое мужчин в возрасте 34–60 лет оставались холостяками, и в сомнительно православной семье с двумя холостыми братьями и старой девой – сестрой.

Ревизские сказки рисуют очень четкую историю сопротивления браку в Староустье. Сопротивление и среди мужчин, и среди женщин началось с 1720-х или раньше – возможно, приблизительно одновременно с основанием Староустья. До 1782 г. увеличение масштабов отказа от замужества происходило почти полностью за счет открыто старообрядческих семей, а в период между 1782 и 1795 гг. отказ среди «православных» женщин поднялся с 14 до 26%. Поскольку женщины в возрасте 25 лет и старше, по данным на 1782 г., уже сделали свой необратимый выбор – замужество или стародевичество, – столь резкий подъем уровня сопротивления среди «православных» предполагает необычайный скачок в масштабах отказа от брака среди женщин, которым исполнилось 25 лет в период между ревизиями 1782 и 1795 гг. Скачок был таков, что из номинально православных женщин, которым к 1795 г. исполнилось 25–34 года, более половины (10 из 19) никогда не были замужем, в то время как в той же когорте четыре из пяти женщин-старообрядок оставались незамужними. В десятилетие, предшествующее 1795 г., номинально православные сделали больший вклад в увеличение масштабов женского сопротивления браку просто потому, что их было количественно больше в этой деревне.

В Ижме, по данным за 1763 г., неприятие брака было еще более ярко выраженным, чем в Староустье, потому что крошечное население – всего 46 человек – было, вероятно, единообразно раскольниковским. В переписи 1782 г. члены пяти из семи проживавших там в 1763 г. семей были записаны раскольниками; в остальных двух, официально православных, были взрослые неженатые мужчины и незамужние женщины – почти несомненный признак их религиозного инакомыслия. Ижмы не было в списке деревень, составленном в 1747 г., когда имение перешло к Елене Долгоруковой. Либо первые поселенцы еще к этому времени не появились, либо они еще не привлекли к себе внимания переписчиков.

Ижма, несомненно, была, как обозначено в ревизской сказке 1782 г., починком. Она находилась на восточном краю будущего имения Баки Шарлотты Ливен, в глубине леса без проторенных дорог, который даже в начале XXI в. простирается еще на 40 незаселенных километров на восток. Наверняка именно эта обособленность привлекла первых поселенцев-старообрядцев. Обособленность и, как следствие, взаимозависимость кучки дворов-основателей являются, по всей видимости, дополнительным подтверждением того, что, какой бы ни была их официальная позиция, единственные два номинально православных двора были на самом деле старообрядческими. У их жителей не было возможности ходить в православную церковь в Баках через две речные переправы и 40 километров по труднопроходимым тропам, и если бы они действительно были православными, вряд ли другие семьи оказали бы им радушный прием. Ближайшими соседями Ижмы были медведи, волки, лоси и выдры в лесной чаще и реках. Наш источник середины XIX в. по лесной живности в окрестностях Баков сообщает, что рыси к тому времени уже повывелись⁴⁸⁰. Он даже не вспоминает об исчезнувших бобрах, столь важных

---

⁴⁸⁰ Зарубин Р. Заметки. С. 397.

для черемисов в XVII в., но, по-видимому, истребленных в первой половине XVIII: павших жертвой беспощадного западноевропейского спроса на бобровые шкуры, который оказал столь же опустошающее влияние на бобровую популяцию на новых заветлужских рубежах, как ранее в более дальних северных и западных районах России и в колониальной Новой Англии. И, по всей вероятности, именно в XVIII в. в ответ на спрос на древесину и лесоматериалы в степных районах в нижнем течении Волги на берегах Ветлуги, Усты и Ижмы зародилось лесозаготовительное хозяйство. Это было очень редконаселенное порубежье, и тем не менее ижминские крестьяне, попытавшиеся затеряться в лесах, все-таки оставались в мире, подвластном прихотям внутренних и международных рынков.

Ижма росла быстро. С 1763 по 1782 г. население ее более чем утроилось – с 46 до 159 душ; к 1795 г. оно выросло еще на 53% – до 243 человек. В ревизских сказках 1782 и 1795 гг. на семьях, прибывших со времени предыдущей ревизии, стоит пометка «переведены», предполагающая, что после того, как старообрядцы заселили Ижму, управляющие имением начали посылать туда другие семьи крепостных. Между тем, как отмечал чиновник, составлявший в 1799 г. список деревень бывшего долгоруковского имения, крестьяне в баковской округе имели обыкновение переселяться с одного места на другое (а также вырубать новые места для поселения), как им заблагорассудится. Пометка «переведены» в качестве объяснения, почему крепостной двор переместился из одной деревни в другую, накидывала на самостоятельные действия крепостных пелену подобающей управленческой распорядительности. Гораздо более вероятно, что по крайней мере до 1782 г. большинство семей переселилось в Ижму по собственной инициативе: они состояли в основном из нескольких поколений, включая многих престарелых родственников. Это могли быть семьи, вышедшие из лесных убежищ. Некоторые из семей, переехавших в Ижму между 1782 и 1795 гг., были того же многослойного типа, но больше было простых (нуклеарных) семей, состоящих из работающих супругов (или вдовца/вдовицы) и одного или двух малолетних детей. Эти маленькие семьи могли переехать по приказу управляющих имением, стремившихся увеличить количество рабочей силы в Ижме.

Таблица 6.4. Сопротивление браку среди мужчин и женщин 25 лет и старше в Ижме, 1782–1795

	Старообрядцы		Православные	
	Мужчины			
	В браке	Никогда не были в браке	В браке	Никогда не были в браке
1782	9	5 (35,7%)	18	1 (5,3%)
1795	12	4 (25%)	37	1 (2,6%)
	Женщины			
1782	5	13 (72,2%)	20	8 (28,6%)
1795	8	7 (46,7%)	28	9 (24,3%)

Источники: ГАКО. Ф. 200. Оп. б/ш. Д. 546. Л. 328 об. – 337 об.; LP 47421. Л. 91–96.

Сравнить демографическое поведение старообрядческого и номинально православного населения Ижмы не представляет особого труда, во всяком случае в 1782 и 1795 гг., когда еще несколько открыто раскольнических семей присоединилось к пяти семьям записных старообрядцев 1763 г., и было достаточное количество «православных» семей, чтобы образовать представительную популяцию. Вкратце, сопротивление браку среди старообрядцев слабело, но оставалось весьма значительным; среди православных мужчин оно было минимальным, в то время как среди православных женщин несколько снизилось – с высокого уровня в 29% до все еще высоких 24% (таблица 6.4). Не факт, однако, что такое сравнение можно считать тщательно взвешенным, поскольку в деревню непрерывно поступали новые семьи. По типу составлявших ее семей Ижма была уже другой деревней в каждый последующий год податной ревизии.

Сравнение брачного поведения в Ижме трех последовательных ревизионных лет вносит больше ясности. В 1782 г., например, из 18 женщин 25 лет и старше, родом из одного из первых семи дворов, 11 (61%) никогда не были замужем. Из 27 женщин той же возрастной группы, чьи семьи прибыли в Ижму после ревизии 1763 г., 10 (37%) никогда не были замужем. Но, конечно, среди вновь прибывших женщин многие уже были замужем в момент прибытия. Среди вновь прибывших женщин, которым в 1782 г. было 25–39 лет, 7 из 11 (64%) никогда не были замужем. Полезно было бы знать, когда именно прибыли эти семьи, но этих сведений нет. Из восьми вновь прибывших женщин в возрасте от 25 до 34 лет – именно той когорты, в которой решение, выходить замуж или нет, скорее всего, принималось уже после прибытия, – семь (88%) никогда не были замужем. По данным на 1782 г., брачное поведение в уже осевших и во вновь прибывших семьях было более или менее одинаковым. Будь то записные старообрядцы или номинально православные, их семьи наверняка переселились в Ижму, чтобы жить в общежительстве, где женщины по религиозным убеждениям уклонялись от брака. Семьи, прибывшие между 1782 и 1795 гг., были совсем другие: только одна из 18 женщин 25 лет и старше была не замужем. Может быть, управляющие имением намеренно посылали в Ижму семьи, известные своей приверженностью православию, институту брака или и тому и другому.

В то время как в приходе с. Купля и в большинстве деревень в имении Баки сопротивление браку, судя по всему, распространялось с одного двора в другой как образец для подражания, по типу цепной реакции, Ижма вплоть до 1782 г., похоже, вбирала в себя семьи, уже настроенные против замужества. В Ижме – и в несколько меньшей степени в Староустье – количество противниц брака росло за счет привлечения браконенавистниц (с их семьями) из других деревень или из леса. Семьи, прибывшие после 1782 г., в абсолютном большинстве были за замужество. Но при этом почти треть ижминских женщин (16 из 52 в возрасте 25 лет и старше) и в 1795 г. упорно продолжали уклоняться от брака.

Хотя истории старой веры и сопротивления браку в XVIII в. в каждой из 12 деревень, ставших имением Шарлотты Ливен, – в той степени, в которой мы можем их восстановить, – отличались друг от друга, здесь четко прослеживаются определенные закономерности. Самое позднее к 1720-м гг. в деревне Баки и в лесных деревеньках, в известных и неизвестных ревизионным переписчикам поселениях появились старообрядцы-беспоповцы, отвергавшие таинство брака. В большинстве деревень был период времени на раннем этапе формирования общины, когда существенное число мужчин – так же как и женщин – уклонялось от брака, но среди записных старообрядцев деревни Баки эта тенденция раньше всех достигла своего апогея и закончилась к 1750 г. Неудивительно, что в шести маленьких деревеньках, сгрудившихся возле Баков, сопротивление браку достигло примерно таких же относительных масштабов, как в самих Баках. Что более интересно: все статистические критерии выбросов совпадали с географическими. И Кирилово, и Ядрово, где воздержание от брака практически не встречалось, были на восточной стороне Ветлуги – так же как Староустье и Ижма (однако заметно к югу от Ядрово и Кирилово), где сопротивление браку было наиболее ярко выражено (см. карту 3). Нужно, наверное, включить и Дранишное в эту группу. Территориальное распределение дает основание предполагать, что здесь имела место самосегрегация: настоящие православные или признающие брак старообрядцы-поповцы, возможно, селились на восточной стороне Ветлуги, дабы отделиться от большого количества отрицавших брак баковских старообрядцев-беспоповцев, в то время как старообрядцы-беспоповцы к середине века отодвигали рубежи поселения все дальше в глубь лесов по берегам рек Уста и Ижма⁴⁸¹. К 1763 г. сопротивление браку в деревне Баки достигло апогея, в Староустье между тем оно продолжало расти и к концу XVIII в.

В отличие от деревень прихода с. Купля 12 деревень баковского имения Шарлотты

⁴⁸¹ Жандармский источник от 1836 г. характеризует Кириллово как бастион раскольников. Если и так, то брачное поведение указывает на старую веру поповского толка (LP 47432. Л. 306–307).

Ливен не были в XVIII в. отдельной административной единицей, а составляли часть гораздо более обширного имения Долгоруковой. Тем не менее и в группе поселений вокруг Баков, и в большинстве деревень к востоку от Ветлуги, которые Шарлотта Ливен получила в 1799 г., крестьянские браки по большей части заключались на стороне или с партнерами со стороны. Из 153 женщин в этой дюжине деревень, вышедших замуж в период между 1782 и 1795 гг., 105 (69%) пришли в ливенскую дюжину из других деревень. Из 193 мужчин, женившихся в этот период, 88 (54%) взяли жен из ливенской дюжины – чуть больше половины, потому что столько женщин из этих деревень отказывалось идти замуж. Мужчины этих деревень покрывали нехватку местных невест за счет увода женщин из других деревень Долгоруковой, а также из других достаточно близко расположенных имений – иными словами, они экспортом покрывали свой дефицит невест. Ревизские сказки 1782 и 1795 гг. не раскрывают конфликта между деревнями, удерживавшими и отдававшими своих невест, подобного тому, который мы наблюдали в приходе с. Купля, возможно, его и не было. Крупные придерживавшие своих невест деревни на левом берегу стояли настолько далеко от почти всех остальных долгоруковских, что многие жители последних, возможно, даже и не слыхали о необычайно высоком уровне женского сопротивления браку в Староустье и Ижме. А может быть, слыхали (поскольку многие из тех, кто поселился в Ижме и Староустье между 1763 и 1795 гг., конечно же, были в курсе), но их это не волновало, так как деревни те находились за пределами их зоны поиска невест. Будущие ливенские деревеньки, тянувшиеся к югу от Баков, были слишком малы, чтобы кого-то беспокоить. Только сами Баки – вне всякого сравнения самая большая деревня имения Долгоруковой и с высоким уровнем женского сопротивления браку – были и у всех на виду, и достаточно велики, чтобы отношение их женщин к замужеству отражалось на соседях. Похоже, однако, что Баки обменивались невестами почти со всеми близлежащими деревнями, большинство из которых не перешло в собственность к Ливенам в 1799 г. Беспокоило это соседей или нет, брачные решения женщин в 12 ливенских деревнях должны были в любом случае осложнить поиск жен мужчинам в остальной части долгоруковского имения. И опять-таки нет оснований считать, что женщины в других деревнях Долгоруковой поголовно шли замуж; они тоже, возможно, сделали свой вклад в усугубление дефицита невест, который мог быть покрыт только за счет притягивания женщин с весьма обширной территории.

ЕЩЕ РАЗ: САМИ ЛИ ДЕВУШКИ ПРИНИМАЛИ РЕШЕНИЯ?

Баковские ревизские сказки рисуют тот же брачный сценарий, что и в приходе с. Купля: одни дочери принимали решение выходить замуж, другие – не выходить. В деревне Баки дочь Ивана Федорова Анисья (14 лет в 1782 г.) не вышла замуж, а вот сестра ее Елена (12 лет в 1782 г.) к 1795 г. вышла. В Афанасихе дочь Галактиона Козмина Варвара (17 лет в 1782 г.) никогда не была замужем, а его дочь Парасковья (16 лет в 1782 г.) пошла под венец; у Михаила Сергеева старшая дочь вышла замуж, а младшая нет. В Дранишном и у Макара Васильева, и у Максима Еремеева были старшие дочери замужем, а младшие воздерживались. То же самое у Василия Андреева в Староустье. В Староустье две старших дочери Козмы Андреева никогда не были замужем, а самая младшая вступила в брак. В Староустье же старшая дочь вдовы Татьяны Федоровой вышла замуж, две младшие – нет. В Ижме старшая дочь Петра Леонтьева осталась старой девой, а две ее младших сестры вышли замуж⁴⁸². Есть и другие примеры, где одни дочери выходили замуж, другие нет, а также случаи не совсем ясные, потому что дочь 24 лет в 1795 г. могла позже выйти замуж или умереть старой девой.

Я уже говорил, что та же самая картина брачного выбора – некоторые девушки в семье выходят замуж, другие нет, иногда младшие, иногда старшие дочери идут под венец, в то

⁴⁸² LP 47421. Л. 49, 63 об., 66, 76 об., 81 об., 84 об., 86 об., 87в, 90 об., 94.

время как их сестры остаются старыми девами – дает основания полагать, что молодые женщины в приходе с. Купля сами принимали решения о замужестве. Этот тезис – результат дедукции, но он представляется более логичным, чем предположение, что родители решали, какой из их дочерей идти замуж, а какой остаться дома в старых девах. Относительно Купли слабым звеном является отсутствие сведений о том, каким образом молодым женщинам из не признающих брака дворов удавалось уйти из-под родительского диктата.

В Баках механизмом ухода была свадьба уводом (или убогом – здесь трудно отличить одно от другого). В 1836 г. жандармский подпоручик Павел Аверкиев, вследствие бунта против вотчинных управляющих поставленный осуществлять надзор за имением Баки, докладывал, что по местному брачному обычаю от женихов требовалось «всенепременно» уводить девушек в церковь венчаться «тайно», то есть без ведома их родителей. Девушка заранее давала знать о своем согласии, вручая своему ухажеру в зарок полотенце, платочек, ленту или, чаще всего, свой нательный крест. Затем они договаривались о дне, в который парень умыкнет свою суженую⁴⁸³. Жених должен был также договориться со священником. Свадьба уводом с предварительным зарокотом (то есть ухаживание, зарок, увод) была широко распространенным обычаем в некоторых регионах к северу от Волги. Это было частым явлением в среде старообрядцев, хотя не только у них. При этом в заволжских уездах Нижегородской губернии, расположенных сразу на юг от Варнавинского уезда и изобиловавших старообрядцами-поповцами, по некоторым сообщениям, в первой половине XIX в. свадьбы уводом были практически повальной модой⁴⁸⁴. Это, вероятно, преувеличение, но увод мог быть весьма типичным путем к алтарю. По свидетельству подпоручика Аверкиева, баковская земля была северным продолжением нижегородского Заволжья с его традицией тайных свадеб.

И действительно, правительственные чиновники, ведущие расследование по старообрядцам Костромской губернии, в 1852 г. сообщали, что свадьбы уводом были обычным явлением в большей части Варнавинского уезда, выделяя при этом Урень-край, расположенный к северо-востоку от Баков и густонаселенный старообрядцами-беспоповцами, как территорию, где за уводом вместо церковного венчания следовало внебрачное сожитие⁴⁸⁵. Беглые пары из Баков и из Урень-края – первые направлялись к алтарю, вторые нет – почти наверняка принадлежали к разным старообрядческим согласиям. Урень-край был густо населен филипповцами⁴⁸⁶. В Баках же частые убоги, завершавшиеся церковным венчанием, указывают на присутствие спасовцев, поскольку у спасовцев разрешался церковный брак. Между тем беглые баковские молодожены-поповцы тоже, по всей вероятности, венчались в церкви.

Дети староверов-поповцев женились уводом не потому, что их родители отвергали

⁴⁸³ LP 47432. Л. 297–297 об.

⁴⁸⁴ См. рассуждение об этом в главе 3.

⁴⁸⁵ *Брянчанинов [П. А.], Арнольди [Л. И.] О расколе в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. London: Trübner & Co, 1862. Вып. 4. С. 300–301.* Брянчанинов и Арнольди утверждали, что родители девушек давали на это свое согласие. При этом они также говорили, что девушек называли самокрутками в том смысле, что они сами надевали на себя головной убор замужней женщины; этот термин всегда был связан с убогом. Официальное родительское согласие, несомненно, давалось после, а не до свершившегося. Даже в начале XX в. старообрядческие молельни в Урень-крае превосходили количеством православные в соотношении 23 к 5 (*Бегунов Ю. К., Панченко А. М. Археографическая экспедиция. С. 388*).

⁴⁸⁶ *Наградов И. Расколоть «раскол». С. 242–243; Починская И. О бытовании родословий Филипповского согласия на Вятке // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 424–430.*

брак. Признание непреходящей правомерности брака и семейной жизни отделяло поповцев от беспоповцев еще до раскола между этими двумя старообрядческими течениями⁴⁸⁷. Вплоть до конца первой половины XIX в., однако, у старообрядцев были только беглые попы, вышедшие из подчинения официальной церкви и очищенные от никонианской ереси повторным миропомазанием. Они были преследуемы правительством, их всегда не хватало, и даже когда они были, то находились слишком далеко от большинства крестьян. В отсутствие попа-старообрядца желающая вступить в брак заволжская пара поповцев могла это сделать только в ближайшей православной церкви, где священник сначала должен был взять с них обещание перейти в православие и растить детей в лоне официальной церкви. У молодоженов-поповцев не было трудностей с нахождением православного попа, который бы их обвенчал, получив или не получив от них пустое обещание⁴⁸⁸. Убег был ухищрением, позволявшим родителям невесты – которые наверняка почти всегда были в курсе, что к их дочери сватаются, и которые сами, возможно, женились убогом, – сделать вид, что они не знают о ее планах, и избежать таким образом ответственности за венчание православным священником, который в их глазах был еретиком⁴⁸⁹. Родители жениха, с другой стороны, должны были всегда заранее давать свое согласие, потому что жених затем возвращался с невестой в свой родной дом.

Однако, если венчание тайком к югу от Варнавинского уезда ассоциировалось в основном с поповцами, не было причин, почему таким же путем не могла жениться и беспоповская пара с, или без, негласного одобрения родителей невесты. Время от времени, по крайней мере, заволжские крестьяне-беспоповцы женились убогом, венчаясь в православной церкви⁴⁹⁰. В Москве во второй половине XVIII в. беспоповские пары заключали брак убогом и венчались в православных церквях, о чем их родители были осведомлены заранее, но тем не менее разыгрывали изумление и огорчение, именно чтобы не нести ответственность за действия своих детей⁴⁹¹. В Баках и окрестностях так же, как и в других районах дальше на юг Заволжья, брак убогом у старообрядцев-поповцев не мог не служить соблазнительным примером для беспоповских девушек, которые хотели выйти замуж. В губернии, конечно же, были православные священники, готовые обвенчать старообрядцев без всякого обета последующего обращения⁴⁹². Возможно, родители-беспоповцы действительно возражали против замужества своих дочерей, но, кроме

⁴⁸⁷ Смирнов П. С. Внутренние вопросы. С. 77–81, 170–181.

⁴⁸⁸ В фондах Нижегородской епархии эти дела хорошо документированы, как, например, два случая 1830 г.: ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1830). Д. 38, 39. Случаи такого рода расследовались также канцелярией нижегородского губернатора, например: ЦАНО. Ф. 5. Оп. 46 (1839). Д. 55. Л. 16–18 об. (1841). Д. 55. О требовании к старообрядцам перед венчанием у православного священника давать присягу перейти в православие: ПСЗ. Т. 6. С. 741 (указ Сената и Синода от 16 июля 1722 г.); ПСЗ. Т. 9. С. 791 (указ Сената от 22 марта 1736 г.); Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. [Серия 5.] Т. 1. С. 444–445 (постановление Синода от 1830 г.).

⁴⁸⁹ Родители – и старообрядцы, и православные – многими способами уклонялись от ответственности за выдачу своих дочерей замуж. См., например: *Бушинелл Д.* Борьба за невесту. Плач невесты с Севера России был ритуализованным отказом невесты от всякой ответственности за то, что она уходит от семьи замуж, и обычно заодно освобождал от ответственности и родителей.

⁴⁹⁰ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 46. Д. 46.

⁴⁹¹ РГБ ОР. Ф. 17. № 595. Л. 1–36; *Вишняков.* Новоженны. С. 93–97. О подобном обычае в начале XIX в. сообщалось также из г. Торжок: *А. Н.* О Бежецком уезде и Теблишанах // *Москвитянин.* 1853. № 16. С. 195–196.

⁴⁹² *Прокофьева Н. В., Наградов И. С.* История старообрядчества в Верхнем Поволжье в середине XVIII – начале XX века // *Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее, будущее.* Кострома, 2005. С. 114.

как запереть их в доме, они мало что могли сделать, чтобы помешать дочерям влюбляться в местных парней и идти замуж. В Баках отношение к браку в предположительно старообрядческих беспоповских дворах отлично сочеталось с местным обычаем брака уводом.

СПАСОВЦЫ В ВАРНАВИНСКОМ УЕЗДЕ И БАКАХ

Единственное, что мы можем с уверенностью сказать о старообрядцах XVIII в. в Баках и их окрестностях, – что среди них было много и поповцев, и беспоповцев и большинство женщин, никогда не бывших замужем, были наверняка из старообрядцев-беспоповцев – записных или скрытых. Мы также знаем, что в XVIII и раннем XIX в. в уезде были старообрядческие скиты. В 1840 г. их разрушили, но все насельники переселились в лесные схроны или деревни – в их числе группа женщин, поселившихся в деревне Песошное к востоку от Ветлуги, в 20 километрах от Баков – и продолжали отправлять различные требы для местного населения. Наш источник не сообщает, были ли какие-то из скитов населены спасовцами⁴⁹³.

Ясно также, хотя на основе лишь субъективных признаков, что в XVIII в. старообрядцы составляли значительную часть – возможно, большинство – населения Костромской губернии и, весьма вероятно, подавляющее большинство в Варнавинском уезде. Поскольку статистические данные по староверам, предоставляемые церковью и государством, были смехотворны и свидетельствовали только о том, что оба они отрицали очевидное, я не могу доказать эти утверждения с цифрами в руках. Между тем такие выводы подтверждаются имеющимися свидетельствами (например, из Баков, где священники в 1800 г. жаловались Карлу Хеннеманну, что почти никто из их прихожан не ходит в церковь).

Епископ Костромской в 1792 г. утверждал, что правительственные чиновники неоднократно посылали к нему раскольников на увещание – в общей сложности 1500 закоренелых и более 400 вновь обращенных. Епископ также сообщал, что во время ревизии 1782 г. переписчики-раскольники убедили такое же количество прихожан записаться старообрядцами и что в Юрьевоцком уезде почти все крестьяне девяти приходов ушли из церкви. Деревенские старосты, говорил он, имея в виду всю губернию, а не один Юрьевоцкий уезд, будучи сами раскольниками, увлекают крестьян в раскол и способствуют сооружению старообрядческих келий в полях и лесах и возведению староверческих часовен⁴⁹⁴. В 1860-х гг., по свидетельству священника из деревни Черная, все выборные из крестьян должностные лица в округе были старообрядцами. В середине столетия губернским властям в Костроме были известны главные центры и имена некоторых руководителей старообрядчества, однако, получив приказ провести расследование, местные чиновники тянули время, и большинство дел были закрыты либо без вынесения заключения, либо без назначения расследуемым старообрядцам какого-либо наказания⁴⁹⁵. У местных чиновников не было желания привлекать староверов к ответственности, возможно, потому, что они им сочувствовали или же были подкуплены.

В окрестностях Урени Варнавинского уезда, к северо-востоку от Баков, в 1829–1830 гг. произошло крупное восстание, охватившее (по утверждению восставших в одной челобитной) деревни с общим населением 5000 человек. Восстание не имело отношения к

⁴⁹³ Китицын П. Старообрядческие скиты. С. 174–175.

⁴⁹⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. [Серия 4.] С. 563, 565.

⁴⁹⁵ Прокофьева Н. В., Наградов И. С. История старообрядчества. С. 51, 67; Наградов И. С. Раскол «раскол». С. 62–63, 98.

религии, оно началось как протест против попыток удельной администрации прибрать к рукам и обложить налогом подсечно-огневое земледелие в удельных лесах. Между тем именно религиозная солидарность этих крестьян-беспоповцев (как было сказано в еще одной челобитной, «будучие раскольниками разных сект, отвергающих тайнства») помогла им продержаться почти год после того, как в июле 1829 г. они изгнали удельных чиновников из Урени и в начале 1830 г. на некоторое время взяли в свои руки управление всем поселением. С января до мая 1830 г., вооруженные по большей части дубинками, они обращали в бегство мелкие отряды солдат, которых чиновники посылали в деревни. Только в июне с помощью вооруженного отряда в 1000 ружей властям удалось одержать победу. Но хотя более 200 участников были наказаны – прогнаны сквозь строй, выпороты, отданы в солдаты, высланы в Сибирь, – многие, в том числе один из вожakov, сумели скрыться, и следствие велось типичным для Костромы образом ни шатко, ни валко до 1831 г., когда его свернули и объявили приговоры. Губернатор не без оснований подозревал, что один из ведущих расследование чиновников был подкуплен и не выполнял приказ о поимке вожака. Уренские удельные крестьяне продолжали протестовать и посылать челобитные вплоть до 1836 г. ⁴⁹⁶

По словам Петра Брянчанинова и Льва Арнольди – двух чиновников Министерства внутренних дел, откомандированных в Костромскую губернию в 1852 г. для сбора информации о старообрядцах, – церковные и государственные власти на местном уровне не пытались вести учет и вообще не беспокоились по поводу староверов. Священники получали свою небольшую мзду за то, что заносили их в списки присутствующих на исповеди и св. причастии во время Великого поста, создавая им, таким образом, прикрытие. Арнольди в своем дневнике, где содержатся кое-какие подробности, не вошедшие в официальный отчет, отмечает, что поп брал 150 рублей за регистрацию брака молодоженов-староверов в метрической книге, при этом эти молодые не появлялись в церкви. Попы также потворствовали старообрядческим наставникам и «ересиархам», по всей видимости, за вознаграждение. Старообрядцы, по утверждению Брянчанинова и Арнольди, были основным источником дохода священников. Они также отмечают, что многие старообрядцы крестились и венчались в церкви и получали таким образом статус православных; чиновники, скорее всего, не знали, что это было в обычае у спасовцев.

Брянчанинов и Арнольди в своем докладе 1852 г. приводят наиболее реалистичные цифры: 20 587 явных раскольников обоего пола, 27 485 тайных, 57 571 «зараженных» старой верой и, вероятно, тайных старообрядцев. Из 105 643 вероятных старообрядцев в этой губернии они помещают 20 555 в Варнавинский уезд (из 69 089 обоего пола в 1858 г.), уступающий в этом только соседнему Макарьевскому с 25 209 старообрядцами⁴⁹⁷. Правда, чиновники отмечают, что их подсчет удручающе неполон и, только когда они проведут тщательное расследование, будет возможно установить, «насколько незначительно число истинных сынов Православной Церкви» в Костромской губернии⁴⁹⁸.

---

⁴⁹⁶ Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. Сборник документов. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. С. 161–173, 653–654; *Наградов И. С.* Расколеть «раскол». С. 91–95; *Наградов И. С.* Уренский мятежный дух: два восстания костромских крестьян-старообрядцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.: Центр истории и культуры старообрядчества, 2011. Т. 1. С. 207–211; *Горланов.* Удельные крестьяне. С. 283–285.

⁴⁹⁷ *Брянчанинов [П. А.], Арнольди [Л. И.].* О расколе. С. 295–297, 324. Население: *Крживоблоцкий Я.* Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб.: Тип. Н. Тивлена и Ко., 1861. С. 176. Продажный поп (только один из многих примеров): Из дневников Коллежского Асессора Арнольди // Сборник правительственных сведений о раскольниках. London: Trubner & Co, 1861. Вып. 2. С. 21. См. также: *Брянчанинов [П. А.]* Из дневника Надворного Советника. Там же. С. 23–27.

⁴⁹⁸ *Брянчанинов [П. А.], Арнольди [Л. И.]* О расколе. С. 297.

Действительно, их цифры хоть и реалистичны, но сильно занижены, что и показал отчет епархии за 1866 г. о том, кто был и кто не был у исповеди. В отчете неисповедовавшиеся были классифицированы таким образом, чтобы минимизировать количество раскольников, оцененное в 13 973 души. Не было произведено отдельного подсчета тех, кто уклонялся от исповеди из-за «склонности к расколу» (формулировка, использовавшаяся в исповедных ведомостях того времени); их посчитали вместе со всеми, кто пропускал исповедь: 195 017 душ. Сюда попали и те, кто представил уважительную причину неявки на исповедь – отлучился из прихода по делам, например, или болел; Министерство внутренних дел сочло бы их всех скопом раскольниками. В общей сложности, явные старообрядцы и те, кто достиг возраста для исповеди (то есть семи лет), но не исповедовался, составляли 22,6% от православного населения епархии⁴⁹⁹. И это не считая тех, кто подкупал священников, чтобы их записали бывшими у исповеди, и тех, кто бывал у исповеди, но тайно придерживался старой веры. Как минимум еще четверть причисленных церковью в Костромской губернии к православным состояла из старообрядцев.

У Брянчанинова и Арнольди самые лучшие из имеющихся оценок количества членов по соглашениям, но они исходят из заниженной цифры общего числа староверов – как минимум в два раза, а скорее всего еще больше. По их подсчетам, в губернии проживало 41 336 старообрядцев-поповцев. Среди беспоповцев спасовцы были наиболее многочисленны – 33 305 душ, «перекрещеванцев» (поморцев и федосеевцев вместе) насчитывалось 30 479⁵⁰⁰. Брянчанинов и Арнольди обошли вниманием филипповцев, которые были в особой силе в Уренской волости Варнавинского уезда и в XVIII, и в XIX вв., возможно, потому, что филипповцы называли себя «христиане-старообрядцы поморского потомства филипповского соглашения» (или подобным именем)⁵⁰¹. Количество официально зарегистрированных старообрядцев в 1861 г. составляло всего лишь 12 209 (4531 поморец, 2016 спасовцев, 319 федосеевцев). Из них две трети, 8095, жили в Варнавинском уезде⁵⁰². Арнольди в своем дневнике указывает ряд приходов в Варнавинском уезде, населенных почти исключительно раскольниками, в том числе д. Семеново, где лишь 200 из 3680 душ были истинно православными. Он утверждает, что «подобная пропорция относится к большей части уезда»⁵⁰³.

Есть более поздние свидетельства того, что Варнавинский уезд изобилует

⁴⁹⁹ Памятная книга для Костромской епархии. Кострома: Губернская тип., 1868. Отд. 2. С. 103–104. Я исправил арифметические ошибки в опубликованных цифрах. Отдельно посчитанный процент для крестьянского сословия тот же самый.

⁵⁰⁰ Брянчанинов [П. А.], Арнольди [Л. И.] О расколе. С. 298–301; Наградов И. С. Расколеть «раскол». С. 83–84: дает некоторые подробности о работе следственного комитета.

⁵⁰¹ Наградов И. С. Расколеть «раскол». С. 242–243. Информация об уренских филипповцах поступает в основном из источников по филипповцам Вятской губернии, ведущим свою историю от Урень-края; обнаружено десять экземпляров рукописи, известной под названием «Уренский сборник», рассказывающей эту историю, и вятские филипповцы во второй половине XIX в. обращались к уренским филипповцам за помощью в разрешении внутренних конфликтов. Анализ этой истории, вариант «Уренского сборника» и другие документы, а также ссылки на более ранние научные труды можно найти в: Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки. С. 19–24, 71–103, 106, 116, 130, 133, 144. Починская. О бытовании родословий. С. 424–430. Починская особенно четко указывает даты пребывания филипповцев в Урень-крае в XVIII в.

⁵⁰² Крживоблоцкий Я. Материалы. С. 176. Подсчет, сделанный православной церковью на основе годовых отчетов костромского духовенства, был немногим лучше: 16 433 старообрядца в губернии в 1859 г. (Наградов И. С. Расколеть «раскол». С. 144).

⁵⁰³ Арнольди [Л. И.] Из дневника. С. 19.

старообрядцами и что больше всего спасовцев было в Баках. Годовой отчет Святейшего синода за 1883 г., например, с оптимизмом цитирует сообщения из Костромы о том, что даже в Варнавинском уезде – «в самом сосредоточии раскола» – раскольники уже не чураются православных священников⁵⁰⁴. А из отчета о состоянии дел православного миссионера, ведшего дискуссии со старообрядцами 14 приходов Макарьевского и Варнавинского уездов в мае – июне 1894 г., мы узнаем, что он провел две дискуссии в Баках, на которые являлись спасовцы. В Варнавинском уезде раскол развивается, по его мнению, потому, что в этом уезде очень мало православных храмов: некоторые деревни находятся в 30 верстах от приходских церквей. В таких отдаленных деревнях живут австрийские попы и беспоповские наставники и, пользуясь отдаленностью деревень от церквей, безнаказанно совершают все, что им угодно⁵⁰⁵.

Эта хроника дискуссий с раскольниками в основном определяет только одно согласие, принимавшее участие в таких встречах в каждом отдельном приходе. Баки были единственным приходом, в котором участвовали спасовцы, и только спасовцы, так что мы можем предположить, что они были там в большинстве, но можно не сомневаться, что в приходе все-таки были и старообрядцы-поповцы. Брянчанинов и Арнольди отмечали в своем отчете от 1852 г., что среди удельных крестьян Варнавинского уезда и соседнего владения князя Ливена, то есть имений Баки и Ильинское, унаследованных Кристофом, а затем его братом Карлом, особенно активны были перекрещеванцы и что почти все браки заключались убегом и без совершения таинства священником⁵⁰⁶. Согласно газетной статье 1879 г., в Варнавинском уезде почти никто не ходил в православную церковь, большинство браков совершалось старообрядческими священниками, раскольниковство открыто распространялось и женщины особенно легко вербовались в то или иное согласие⁵⁰⁷.

То, что в Баках и в XVIII, и в XIX вв. было внушительное количество спасовцев, кажется, не вызывает сомнений, так же как значительное присутствие поповцев и, вероятно, членов других беспоповских согласий. Однако имеющиеся отчеты противоречивы. Например, утверждения, что в первой половине XIX в. браки в удельных вотчинах Варнавинского уезда заключались почти исключительно убегом и что в том же уезде во второй половине столетия брачный обряд почти всегда совершался старообрядческими священниками, были, скорее всего, преувеличениями. До 1830-х или 1840-х гг. спасовцы в баковской округе и в соседних удельных вотчинах, вероятнее всего, венчались у православных попов (как это делали беглые молодые, по докладу подпоручика Аверкиева), но, возможно, спасовцы – и тогда, и во второй половине века – считали старообрядческих попов ничем не хуже православных. Не исключено также, что во второй половине столетия многие спасовцы были уже новоспасовцами – спасовцами большого начала, чьи наставники хоть и не имели официального статуса священников, но совершали при этом бракосочетания. В Костромской губернии во второй половине XIX в., по имеющимся сведениям, были представлены оба Спасовых согласия⁵⁰⁸. К сожалению, похоже, что ни один из составителей отчетов по Варнавинскому уезду не знал, что, начиная с 1840-х гг. спасовцами

⁵⁰⁴ Извлечение из Всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора... 1883 г. СПб.: Синодальная типография, 1885. С. 235.

⁵⁰⁵ Вторая поездка миссионера-слепца Алексея Егоровича Шашина по раскольническим селениям Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1894. № 24. С. 558.

⁵⁰⁶ Брянчанинов [П. А.], Арнольди [Л. И.] О расколе. С. 300–301.

⁵⁰⁷ Китицын П. Старообрядческие скиты. С. 174–175.

⁵⁰⁸ Смирнов П. С. История русского раскола. С. 124; Архимандрит Павел. Краткие известия. С. 568.

именовали себя два совершенно разных согласия⁵⁰⁹.

УПРАВЛЯЮЩИЕ ИМЕНИЕМ БАКИ, СОПРОТИВЛЕНИЕ БРАКУ И САМОЧИННОСТЬ КРЕПОСТНЫХ

Мы уже знаем, что когда Карл Хеннеманн взял на себя ответственность за имение Баки, он, следуя указаниям Кристофа Ливена, принял жесткие меры, направленные на стимулирование брака. Он приказал незамужним девицам 18 лет и старше и парням 20 лет и старше вступить в брак к Великому посту 1800 г. и доложил Ливену о результатах: был заключен 91 брак; не считая тех, кто был слишком немощным или нетрудоспособным для вступления в брак, 19 мужчин и 43 женщины остались невенчанными. Вероятно, имелись в виду мужчины и женщины в целевой возрастной группе – грубо говоря, от 20 до 30 лет. Все они дали зарок вскоре обвенчаться, заверил в отчете Хеннеманн⁵¹⁰. Он должен был бы знать, что не все эти обещания будут выполнены. 8 февраля 1800 г. он записал в журнале наказаний, что наложил штраф на Григория Маркова за то, что тот не привел свою дочь Марфу в вотчинную контору, так что устроить ее брак не получилось⁵¹¹. Из этой записи мы можем сделать вывод, что Хеннеманн вызывал к себе отцов незамужних дочерей и сам курировал сватовство. В вотчинных бумагах сохранился список всех 92 браков, заключенных в начале 1800 г., с именами и (в 90 случаях) возрастами невест и женихов: средний возраст и невест, и женихов был 21 год (женихи чуть постарше); медианный возраст невест был 20–21, женихов – 21 год; чаще всего невестам было по 19 лет, женихам – 20. Только семи невестам и восьми женихам было по 25 или больше⁵¹². Обычный возраст вступления в брак в имении Баки вызывает мало сомнений. И не эти мужчины и женщины в основном волновали Кристофа Ливена.

По-видимому, вскоре после приобретения соседнего имения Ильинское в марте 1800 г. Шарлотта Ливен послала бурмистру и старостам инструкции по управлению имением; она распорядилась объявить в октябре крестьянам, что все мужчины старше 25 лет обязаны жениться, а кто к февралю не женится, должен заплатить 10 рублей штрафа. Если неженатый остался холостяком, потому что не смог найти готовую выйти за него женщину, и если он благонравного поведения, невесту ему сыщут бурмистр и старосты. Если выбранная невеста упорно отказывается выходить замуж и она старше 25 лет, ее будут ежегодно штрафовать на 5 рублей. Только те девицы, которых родители держат дома, потому что в их дворе нет других работоспособных взрослых, освобождаются от обязанности идти замуж или платить штраф⁵¹³. Хотя инструкций на этот счет по имению Баки не сохранилось, Ливен наверняка решила, что угроза Хеннеманна отправлять незамужних в Санкт-Петербург нецелесообразна, и переняла методы, бывшие в ходу у других помещиков того времени: управляющий и старосты должны сначала постараться принудить к браку, а если не получается, то ежегодно

⁵⁰⁹ Есть своего рода исключение: в начале XX в. земский исправник из соседнего Макарьевского уезда подал доклад о спасовской общине, которую назвал «поющие спасовцы», как иногда именовали спасовцев большого начала, потому что они пели по уставу во время богослужения (*Наградов И. С.* Расколеть «раскол». С. 245–246).

⁵¹⁰ LP 47422. Л. 45. В этом отчете не проставлена дата, но он идет сразу же за документом, содержащим приказ Хеннеманна, от января 1800 г., чтобы все не состоящие в браке немедленно шли под венец.

⁵¹¹ Там же. Л. 46 об.

⁵¹² Там же. Л. 53–54 об.

⁵¹³ LP 47428. Л. 22.

штрафовать. Ливен приняла на вооружение и еще один обычай – ежегодные доклады о неженатых мужчинах и незамужних женщинах. Сохранилось три таких списка из имения Баки, датированных 1800, 1802 и 1804 гг.⁵¹⁴ Только список от 1804 г. кажется более или менее полным: 129 мужчин в возрасте 15–35 лет, 225 женщин от 15 до 72 лет⁵¹⁵. В списке 1802 г. 18 из 92 женщин в возрасте от 17 до 33 лет значатся увечными или больными: «болна частыми трясованами, коса, мала ростом, малоумна, болна глазами, болна ногами, хрома, крива, болна сердцем, болна головою, глуха». 14 из 51 неженатого мужчины, в возрасте от 19 до 35 лет, страдали подобными изъянами, а также слепотой и увечьем «от поруба». Как нам известно из многих других источников, по мнению крестьян, эти недуги не исключали вступления в брак, но понятно, почему Хеннеманну могло так казаться.

Подворная опись деревни Баки, составленная на основе ревизской сказки 1812 г., но с включением не только мужчин, но и женщин, может дать некоторое представление о том, насколько успешно удалось Ливенам установить свои брачные порядки⁵¹⁶. Таблица 6.5 показывает, что баковские управляющие лишь слегка повысили брачность в этой деревне: в 1812 г. среди женщин 25–39 лет (тех, кто с 1800 г. попал под давление в пользу брака со стороны управляющих) 8 из 64 (12,5%) избежали замужества, в то время как среди женщин 40 лет и старше 14 из 95 (14,7%) остались старыми девами. Все, кроме двух, мужчины 25 лет и старше в 1812 г. были женаты, но это было никак не связано с управленческой политикой: баковские мужчины поголовно женились с 1780-х гг.⁵¹⁷

Таблица 6.5. Сопротивление браку среди мужчин и женщин 25 лет и старше в деревне Баки, 1812

Возраст	Мужчины		Женщины	
	Женаты	Никогда не были женаты	Замужем	Никогда не были замужем
25–29	21	0	17	2
30–34	22	1	20	3
35–39	15	0	19	3
40–44	13	0	18	2
45–49	9	0	15	2
50–54	10	1	17	3
55–59	10	0	11	0
60+	15	0	20	7
25+	115	2 (1,7%)	137	22 (13,8%)

Источник: LP 47424. Л. 135–143 об.

Подворная опись 1812 г. – первый из сохранившихся документов, в котором баковские жители сгруппированы по дворам, а не по родословной. Это дает нам лучшую возможность оценить степень сопротивления браку, чем количество расширенных семей, в которых имелись незамужние женщины, разошедшиеся по неизвестному числу дворов. В 1812 г. незамужних женщин 25 лет и старше было в двух дворах по три в каждом, в четырех дворах

⁵¹⁴ LP 47422. Л. 55–55 об. (1800); LP 47428. Л. 75–78 (без даты, но от 1802 г.: возрасты на 2 года старше, чем в списке 1800 г.), 131–134 (1804).

⁵¹⁵ LP 47428. Л. 131–134.

⁵¹⁶ LP 47424. Л. 135–146 об.

⁵¹⁷ Поразительно, насколько больше вступивших в брак женщин, чем мужчин, было обречено на вдовство: 42 вдовы, только 9 вдовцов. Я считал мужчин, взятых в ополчение, условно присутствующими, так как они вернулись домой в конце войны, а тех, кого забрали на постоянную военную службу, уже не живущими в имении.

по две в каждом, в восьми – по одной. Все никогда не бывшие замужем женщины 25 лет и старше принадлежали к 14 из 126 дворов (11%)⁵¹⁸. Это было близко к 13,8% никогда не бывших замужем взрослых женщин.

Та же опись, где дворы подразделялись в зависимости от дохода на пять групп – от зажиточных (два двора из этой группы имели годовой доход в 15 тысяч рублей) до бедных (включая живших на подаяние), – позволяет нам определить доход старообрядцев и дворов, где были незамужние женщины 25 лет и старше. Хозяева двух богатейших дворов Андреян Осокин и Василий Воронин были старообрядцами-беспоповцами. Все пять дворов записных старообрядцев-поповцев числились во второй группе – всего лишь исправных – с доходом в 1000–1200 рублей в год⁵¹⁹. Эти семь записных старообрядческих дворов попали в дюжину дворов в зажиточной и исправной категориях. Записные беспоповцы между тем оказались несоразмерно бедны. Вдова Варвара Васильева, 42-летняя записная беспоповка, жила одна в оставшемся от мужа доме; поскольку у них с мужем, видимо, не было взрослых детей, которые могли бы укрепить благосостояние двора, ее муж вряд ли оставил ей что-то, кроме избы и домашней утвари. Остальные записные старообрядцы-беспоповцы – три старые девы в возрасте 42–63 лет и вдова 37 лет с 9-летним сыном – жили вместе в одном дворе. Они кормились за счет продажи печных изделий и холста, две старшие женщины нанимались сеяльщицами, вдова понемногу занималась хлебопашеством; трудно представить себе, чтобы они имели сильно больше минимального прожиточного уровня⁵²⁰. Но записные беспоповцы составляли лишь 2 из 13 дворов деревни Баки, где обитали женщины, вышедшие из брачного возраста и оставшиеся незамужними. Среди этих 13 дворов зажиточных был один (осокинский), исправных один, посредственных три, небогатых один, бедных семь⁵²¹. Чуть больше половины, предположительно, беспоповских дворов были бедны, в то время как среди 122 дворов, обитатели которых поголовно брачились, бедных было 27 (22%)⁵²².

У беспоповских и других бедных дворов наблюдались общие черты, самой важной из них были отсутствие или недостаток взрослых мужских рабочих рук. Женщины в этих дворах – замужние ли, нет ли – кормились, нанимаясь в сеятельницы (что было по силам даже старым женщинам, но не могло приносить приличного дохода), занимаясь выпечкой, рукоделием и нищенствуя. Отрицание беспоповцами брака удваивало шансы на то, что двор попадет в такую плачевную ситуацию и рано или поздно сгинет совсем. Поскольку предыдущая ревизия 1795 г. не учитывала население по дворам, мы не имеем представления, сколько дворов разорилось с 1795 г. Но многим бедным дворам беспоповцев в 1812 г. оставалось жить недолго.

Ливены и после 1812 г. продолжали следить за матримониальным поведением в Баках так же пристально, как и раньше. В их бумагах нет списков не состоящих в браке в период между 1804 и 1836 гг., но управляющие, возможно, продолжали их составлять параллельно с

⁵¹⁸ В документе перечисляются только 125 дворов, но в хозяйственном примечании двора 49 отмечено, что двор фактически разделен и что незамужние сестры в возрасте 17, 28 и 31 года живут отдельно на собственном обеспечении; я посчитал сестер как отдельный двор (LP 47424. Л. 139). Еще одна женщина из двора 91 значится в примечаниях бездомной; ее я не рассматривал как отдельный двор.

⁵¹⁹ LP 47424. Л. 140–140 об. (дворы 66–70).

⁵²⁰ Там же. Л. 139, 140 об. (дворы 52, 65).

⁵²¹ Там же. Л. 135–143 об. (дворы 23, 25, 29, 35, 49а + 49б, 52, 55, 78, 88, 94, 96, 117). Только один из семи бедных дворов был так помечен. Подразумевалось, что остальные были за гранью нищеты; в подворной описи говорится, как они сводили концы с концами.

⁵²² Я соответственным образом скорректировал статистику, выведенную Мелтоном в его *Household Economies* (Р. 566).

соответствующими отчетами. В мае 1817 г. «всенизжайшие рабы и крестьяне» Баков сообщали, что в этом году уже сыграно 37 свадеб; в сентябре они написали, что в этом месяце свадеб не было⁵²³. Что более показательнее, в 1814 г. Шарлотта Ливен послала Ивану Кременецкому, назначенному баковским приказчиком в 1813 г., напоминание: «В данной мной инструкции вам приказала я чтобы девок не принуждать в выборах их при женитьбах, выходить за кого они сами пожелают. Но сие относится только до собственного их выборе своих женихов, холостым мужикам своих невест, что и ныне подтверждается, но нимало неотменяют прежде данное мною приказание за тем смотреть, чтобы как мужчины равно и девки неоставались слишком долго холостыми и чрез то вдавались в постыдную, грешную распутную жизнь. Для того предписываю сим, объявить всем крестьянам мое приказание чтобы мальчики не свыше 21-го или 22 лет – естли неподходит им близко рекрутская очередь – оставались холостыми, а крестьянские девки не свыше 20 лет к которому времени непременно мальчики должны приискать себе невест, а девки женихов. В противном случае призвав их в приказ с их родителями, объявить им еще сей приказ дав им еще год отсрочки объявить, что естли они в это время неотыщут сами себе мальчики невест, а девки женихов, то тогда уже прикажит им выйти за назначенных приказом им невест и женихов хотя и против их желания»⁵²⁴.

С другой стороны, Ливены хотя бы время от времени давали баковским женщинам вольную для выхода замуж. В сохранившихся документах эта тема впервые поднимается в черновике письма от июля 1820 г., которое Шарлотта Ливен послала управителю Баков Александру Алалыкину. Василий Воронин, тот самый богатый старообрядец-беспопoveц, попросил выдать его дочери Анне вольную с тем, чтобы она могла выйти замуж за пределами вотчины. Ливен ответила, что раньше она подобное запрещала, но если девица «действительно расположена идти в замужество» (скептическая нотка), то она отпустит Анну по получению выкупа, размер которого в письме не был указан. Однако, добавляет она, если сватовство не соответствует правилам, которые она ранее установила (не уточняется какие), то девица вольную не получит. И заключение: «...впредь выпускать на волю коголибо из крестьян моих намерения не имею»⁵²⁵. Ответ Алалыкина, по-видимому, убедил Ливен. В июльском черновом варианте вольной Анна отпускаясь, чтобы «жить где пожелает и выйтить в замужество по ее произволу», а в сентябре Алалыкин сообщает, что Воронин принес 300 рублей выводного и получил вольную для дочери⁵²⁶.

Из этой переписки мы можем заключить, что Ливены в какой-то момент назначили выводные в размере 300 рублей (судя по всему, Алалыкин уже знал, о какой сумме идет речь), но затем наложили запрет на вывод для замужества, потому, вероятно, что подозревали, что отцы платили за вольную для дочерей именно с целью оградить их от замужества – отсюда скептицизм Шарлотты по поводу истинных намерений Анны (на самом деле она вышла-таки замуж). До того как имение перешло к Шарлотте Ливен, отцам-беспоповцам не было необходимости покупать освобождение для дочерей. При новом брачном режиме некоторые беспоповцы, видимо, покупали вольные, чтобы дочери их оказались вне досягаемости вотчинных управителей. Те 300 рублей, которые требовали Ливены, превышали рыночную цену бракоспособной крепостной девки как минимум в два раза. Шарлотта Ливен, по ее собственному определению, сделала исключение из своего

---

⁵²³ LP 47427. Л. 150 об., 160 об.

⁵²⁴ LP 47429. Л. 143 об. В сохранившихся баковских бумагах нет предыдущего указания, на которое ссылается Ливен.

⁵²⁵ LP 47431. Л. 84 об.

⁵²⁶ Там же. Л. 93, 97–97 об.

запрета на освобождение для замужества из сочувствия к личным обстоятельствам, но ее действительным намерением было, скорее всего, сделать одолжение одному из самых влиятельных людей в имении.

Кристоф Ливен, унаследовавший имение в 1828 г., тоже иногда отпускал женщин в замужество на сторону; в 1836 г., например, он взял 350 рублей за освобождение Арины Ивановой, 21 года, из деревни Баки, с тем, чтобы она могла выйти замуж за донского казака, обосновавшегося в Варнавине в купеческом звании⁵²⁷. Но мы знаем, что Ливен дал своим баковским управляющим доверенность на выдачу крепостным вольных: подполковник (в отставке) Иван Греков, служивший управляющим в 1833–1835 гг., выдал вольные как минимум двум женщинам без ведома Ливена, безусловно имея документ, позволявший ему это сделать⁵²⁸. В бумагах Ливенов отсутствуют документы за период с 1820 по 1835 г.; по всей вероятности, у управляющих и тогда была такая доверенность и они хотя бы в отдельных случаях освобождали женщин – иногда с прямого согласия Ливенов, а иногда, возможно, и без него.

Ливены также периодически обменивались невестами с соседними удельными деревнями. В январе 1836 г. подпоручик Аверкиев – жандармский офицер, временно исполнявший обязанности управителя в имении, – писал начальнику штаба Корпуса жандармов генералу Дубельту, что имение Баки издавна обменивается невестами с соседними удельными вотчинами и что торговый баланс благоприятствует Ливенам: они получили больше невест из удельных деревень, чем отдали своих⁵²⁹. Местный удельный приказчик попросил, чтобы баковской девице было дано разрешение выйти замуж за удельного крестьянина; по его утверждению, жених ничуть не сомневался, что Ливен ее отпустит. Позже в этом же месяце другой жандармский офицер написал Аверкиеву, что Ливен действительно ее отпустил⁵³⁰. Выводные в этой переписке не упоминаются, что необязательно означает, что выкуп не был получен. Вполне возможно, что в баковской округе, как и в других местах, где между вотчинами заведено было обмениваться невестами примерно в равных количествах, кроме собственной крестьянской кладки деньги в обмене не участвовали. Отпускная грамота (и ее эквивалент от удельной администрации) между тем обязательно оформлялась. Ливены, вероятно, видели качественную разницу между таким освобождением и отпуском в замужество в имения других помещиков либо в более отдаленные вотчины, откуда Баки вряд ли могли получить невест.

Восстание 1835 г. взметнуло волну информации о браке в Баках. Подполковник Греков вступил в должность управляющего во второй половине 1833 г. Двумя годами позже, 10 июля 1835 г., крестьяне имения «почти поголовно» (слова Грекова) собрались в Баках, избили земского Ивана Калинина, заковали его в цепи и сместили всех других крепостных служащих (бурмистра, казначея, сотских), потому что не общиной они были выбраны⁵³¹. Грекова они бранили, но не тронули; они сказали ему, что намерены послать представителей

---

⁵²⁷ LP 47432. Л. 105–109 об.

⁵²⁸ Там же. Л. 1 об.

⁵²⁹ Начальником Дубельта был Александр Бенкендорф, главный начальник III отделения и брат жены Кристофа Ливена Доротеи; Бенкендорф был готов отрядить жандармов из своего немногочисленного костромского полуэскадрона для улаживания проблем в имении Баки. О семьях Ливенов и Бенкендорфов см.: J. Siebmachers grosses und allgemeines Wappenbuch. Nürnberg: Bauer & Raspe, 1898. Bd. 3. Abt. 11. S. 14–15, 32–33; Hyde H. M. Princess Lieven. Boston: Little, Brown and Company, 1938. P. 13–22.

⁵³⁰ LP 47432. Л. 101–102, 105–106 об.

⁵³¹ Сотские назначались уездным судом – и подчинялись ему – на срок до года; они не были вотчинными служащими.

для изложения своих жалоб Кристофу Ливену. Греков написал Ливену, что не вызвал властей на подмогу, потому что не знал, одобрит ли это он, и позволил представителям отправиться в Санкт-Петербург⁵³². Греков не смог бы их остановить, даже если бы попытался. Крепостные захватили имение.

В Санкт-Петербурге баковские крепостные обвинили Грекова и земского Калинина в многочисленных злодеяниях. В частности, Греков приказал заготовить по бревну от каждого тягла для сооружения лесопилки, и бревна теперь гниют. (По словам Грекова, крестьяне не хотели строить лесопилку на р. Усте близ Староустья, он объяснил им, что за работу им не заплатят, но они позже смогут заработать отправкой бревен на лесопилку. По утверждению крестьян, они как-то уже пытались построить там лесопилку, но ее невозможно было как следует закрепить, и в округе уже нет подходящих деревьев.) В 1834 г. Греков подрядил сотню мужиков на водоотводные работы за 200 километров от имения (позднее уточнялось, что в Вязниковском уезде), мужики работали день и ночь, перебиваясь с хлеба на воду, пока не сбежали оттуда – кто почти сразу, кто через несколько недель. Зимой прошлого года Греков продал купцу дров на 1500 рублей, деньги, вероятно, прикарманил, крепостные заготовили дрова в счет оброка, и им же затем было приказано эти дрова отвезти. Земский Калинин сказал ижминцам, что удельный ревизор собирается обвинить их в добывании дегтя и смолы с деревьев в удельных угодьях, уговорил их дать ревизору 420 рублей золотом откупа, они отдали деньги Калинину, а потом ревизор сказал, что денег этих не видел, а на самом деле, по утверждению крестьян, они пользовались деревьями с ливенских угодий⁵³³. Поскольку и вымогательство 420 золотых рублей, и заготовка бревен для сооружения лесопилки особенно тяжко пали на деревни Дранишное и Староустье по Усте-реке и на Ижму, неудивительно, что именно на крестьян из этих деревень указывали как на зачинщиков мятежа⁵³⁴. Баковские крепостные впоследствии жаловались, что Калинин заправлял местным рынком и наживался за их счет⁵³⁵.

Как вскоре выяснилось, Греков также капитально обворовывал Ливена. Как явствует из письма Дубельта, именно Греков рекомендовал те доходные новшества, на которые жаловались крестьяне, а также и другие, но Ливен считал полезным только одно из них – увеличить ежегодный оброк с 10 рублей до 20. Когда баковские крепостные стали жаловаться, Ливен (по словам Дубельта) согласился, как посоветовал Греков, на временную ставку в 15 рублей, на самом же деле Греков собрал оброк в 1834 г. по 20-рублевой ставке – о чем Ливен не знал – и положил лишние 11 500 рублей себе в карман под видом компенсации за вымышленные расходы. К тому же Греков самовольно ринулся после восстания в Санкт-Петербург – как раз когда его присутствие в имении было крайне необходимо. Он сказал Ливену, что находился в Санкт-Петербурге по личным делам⁵³⁶. В конце 1835 г. Ливен Грекова уволил. Он написал своим баковским крепостным, что все их

---

⁵³² Письмо Грекова к Ливену. 15 июля 1835 г.: LP 47432. Л. 18–20; Письмо Збруева к Ливену. 29 сентября 1835 г.: Там же. Ф. 45–45в.

⁵³³ LP 47432. Л. 3–6, 11–12 об., 16–17, 18 об. – 19, 34–35, 61–64 об., 200 об. – 201. Развернутое изложение жалобы крестьян по поводу лесопилки находится в письме Ливену, написанном в июле 1835 г. после того, как Греков объявил, что Ливен приказал ее построить (Там же. Ф. 11–11в).

⁵³⁴ Там же. Л. 330 об.

⁵³⁵ Там же. Л. 30 об., 34 об., 90. Баковские крепостные впоследствии жаловались также, что Калинин продал чужим разрешение рубить деревья в ливенском лесу и брал (или вымогал) откупы во время прошлого рекрутского набора (Там же. Л. 88).

⁵³⁶ Там же. Л. 30 об. – 31, 52–54, 57–60 об. О свидетельствах и доказательствах мошенничества Грекова: Там же. Л. 72, 77 об. – 78, 84–85, 92 об., 112–113.

жалобы на Грекова были оправданны, но мятеж непростителен⁵³⁷.

Восстание закончилось к концу июля. 21 июля Ивана Калинина освободили из цепей и послали на допрос в Варнавинский уездный суд. 24 июля в Баках уездный исправник Павел Збруев потребовал, чтобы другие крестьяне явились на допрос, но они отказались. После трех дней уговоров и угроз бурмистр и другие баковские крестьяне сдались, и с десятков подозреваемых зачинщиков были отвезены в Варнавин для расследования. В письме Ливену исправник Збруев обещал не докладывать о восстании в вышестоящие инстанции, если только Ливен сам того не пожелает. Ливен не пожелал⁵³⁸. В сущности, баковские крестьяне добились своего. Некоторых из них, по всей вероятности, наказали, но Збруев все же не довел дело до суда, и крестьянами была осуществлена полная смена вотчинного управления: Греков был уволен, Калинина окончательно отстранили от должности, Ливен в итоге назначил нового управителя⁵³⁹.

От баковских посланников Ливен узнал, что одно из многих преступлений Грекова было связано с браком: он получил по 500 рублей за вольные с двух вотчинных крепостных. Баковские крестьяне справедливо заподозрили, что Греков не сообщил об этом Ливену и присвоил деньги⁵⁴⁰. Кроме того, Греков добавил 150–200 рублей к установленному Ливеном выводному. Ливен по поводу вымогательства денег написал: «Подобное злоупотребление всемерно, но оное также трудно обнаружить; ибо пользы в сем случае и у земского и у ревизора были общие»⁵⁴¹.

Вследствие мятежа Ливен попросил своего шурина, начальника III отделения (охранки) Александра Бенкендорфа послать офицера для расследования и временного исполнения обязанностей управляющего, и начальник штаба Корпуса жандармов Дубельт выбрал служившего в то время в Костроме подпоручика Павла Аверкиева. Аверкиев прибыл в Баки в начале января 1836 г.⁵⁴² Мы уже с ним знакомы: он наш источник по обмену невестами между Баками и удельными деревнями, а также по преобладанию здесь свадеб убегом. Мы бы не узнали об обычае «самокруток», не будь Аверкиев прямо перед самым разгаром свадебного сезона и не будь он любознательным молодым человеком, стремившимся доказать, на что способен, успешным восстановлением порядка в имении.

Согласно Аверкиеву, баковские крестьяне принимали брачные решения без всякого вмешательства со стороны вотчинного управления, а их обычаи были диковинными и извращенными. Дело было не только в том, что они женились уводом. Молодые мужики жаловались, и старшие подтверждали, что к 1836 г. девицы зачастую давали парням «залог» в знак согласия выйти замуж – в прошлом нерушимый, – а затем шли на попятную, после чего вместе с подружками насмехались над неудавшимися женихами. У обещанных

---

⁵³⁷ Там же. Л. 93–94.

⁵³⁸ Там же. Л. 30–30 об., 41–45, 49–49 об., 50–51.

⁵³⁹ Аверкиев пытался оставить Калинина в должности земского за его умение писать, несмотря на его прегрешения, но отношение к нему было настолько враждебным, что в мае 1836 г. Ливен (по совету Аверкиева) заменил его (Там же. Л. 157, 215).

⁵⁴⁰ ЛР 47432. Л. 36: содержит копию расписки (датированную 5 января 1835 г.) на 300 бумажных рублей, полученных с Тихона Воронина за вольную его дочери; но она находится в чрезвычайно беспорядочном списке расписок, который был, возможно, сочинен Грековым после раскрытия его преступлений; последующий «полный учет» денег, собранных Грековым за время его управления имением, включал 650 рублей выводных за двух женщин, которые вышли замуж за пределами имения (Там же. Л. 74 об.).

⁵⁴¹ Там же. Л. 16 об.

⁵⁴² Там же. Л. 57–60, 81 об.

таким образом мужчин, говорил Аверкиев, жениться уже не было возможности. Обманутые женихи просили Аверкиева им помочь, он пытался примирить потенциальных супругов, но ему это редко удавалось: родители девиц на этом этапе запрещали брак, и девицы им повиновались⁵⁴³. Соппротивление женщин браку, во всяком случае по мнению Аверкиева, было связано с безнравственностью. Он утверждал, что незамужние женщины развратны, особенно в деревне Баки, и что «распутство у них почитается делом позволительным». Между тем мало кто из них рожал детей, потому что – как он, по его словам, выяснил путем тайного, но достоверного осведомления – они избавлялись от плода при первых признаках беременности, а многие «заранее себя готовят к неплодородию» либо прибегают к детоубийству⁵⁴⁴. Аверкиев предложил штрафовать взрослых незамужних женщин в возрасте 20–30 лет. Прежние штрафы на незамужних были отменены – конечно же, задолго до краткого правления Грекова – вместе со всеми другими мерами принуждения к браку. Другой жандармский офицер одобрил предложение Аверкиева и порекомендовал Ливену ввести ежегодный штраф в размере 25 рублей⁵⁴⁵.

Аверкиев связывал беспорядки сексуального характера с религиозными и социальными беспорядками. Он узрел параллели между половой распущенностью и религиозным иноверьем, в особенности в Дранишном, Староустье и Ижме – трех деревнях к востоку от Ветлуги, где в XVIII в. особо заметна была тенденция к отказу от замужества и где, по утверждению Аверкиева, большинство крепостных отпали от Церкви и исповедовали ложную и аморальную веру. Именно в этих деревнях, говорил он, бунтовщики 1835 года начали замышлять мятеж⁵⁴⁶. Связь между тем, что Аверкиев считал религиозной и половой аморальностью, вполне могла быть. Хотя незаконный брак, конечно же, не был непосредственной причиной восстания 1835 г., у крепостных этого имения имелась репутация неуправляемых, уходившая во времена их прибытия на новые лесные рубежи еще в XVII в. Связь между брачными и социальными беспорядками не была сугубо метафорической.

Восстание 1835 года было, возможно, серьезнее, хоть и ненамного, чем все другие подобные бунты. В своем первом докладе о мятеже Греков пытался уклониться от признания своей ответственности, утверждая, что аналогичные события имели место в 1833 г., до его назначения управляющим; во время оных баковские крестьяне сместили бурмистра, земского (в том году это был тот же Иван Калинин) и других крепостных служащих и написали костромскому губернатору Ланскому, протестуя против намерения Ливена увеличить размер их оброка. Другой информации об этих волнениях не имеется, но документы от 1835–1836 гг. свидетельствуют, что Ливен решил увеличить оброк только в 1834 г. по рекомендации Грекова, и ни в одном из документов, касающихся назначения Грекова, нет намека на то, что это произошло вследствие восстания. Если какие-то беспорядки, типа описанных Грековым, действительно имели место в 1833 г., это была, скорее всего, одна из заварух, возникших в результате конфликта между самими крепостными. Аверкиев предполагал то же самое относительно событий 1835 г.: он винил и старообрядцев, и богачей, надеявшихся, что их богатство послужит им защитой, в подстрекательстве к мятежу. Действительно, названные исправником Збруевым вероятные зачинщики были из самых зажиточных крепостных имения⁵⁴⁷. Показательно может быть

---

⁵⁴³ LP 47432. Л. 297 об. – 298.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 298–298 об.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 299, 330 об.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 329.

⁵⁴⁷ LP 47432. Л. 329. Л. 307 (Утверждение Аверкиева); Збруев указал зачинщиков в письме Кристофу

заявление Грекова, что в 1833 г. крепостные выбрали своим новым земским Василия Иванова Воронина – родственника-поповца беспоповской семьи Ворониных, с начала века находившейся в центре внутреннего конфликта в имении⁵⁴⁸. В 1813 г. недовольство крепостных Иваном Оберучевым (и его многочисленными подлостями) привело к его увольнению; крепостной писец – зять богатого беспоповца Василия Воронина – был отстранен от должности, очевидно по инициативе крепостных, и Воронин в результате лишился влияния в общинных делах. В 1817 г. совместные интриги Василия Воронина, его соперника Андреяна Осокина и, вероятно, других зажиточных крепостных, злых на Ивана Кременецкого за то, что он настаивал, что их сыновья подлежат рекрутской повинности или же что они должны сделать несоразмерно большой вклад в покупку замен, привели к отставке Кременецкого⁵⁴⁹. В 1818 г. крепостные, вроде бы по наущению одного из сыновей Осокина, опять сменили баковского бурмистра. В вотчинных документах это именуется бунтом, затронувшим имение Баки и соседнее ливенское имение Ильинское. Вследствие этих событий некоторые из родственников Воронина были назначены идти в рекруты, а Осокина и всю его семью выдворили из имения и заставили выкупить свою свободу за 10 тысяч рублей ассигнациями⁵⁵⁰. У баковских крепостных семей долгая история пренебрежения указами церкви, государства и барина. Из периода 1820–1834 гг. сохранилось всего несколько документов, но маловероятно, что крепостные были менее строптивы в этот период, чем до и после. Конфликты между самими крепостными почти всегда служили толчком к беспорядкам, но при этом неизменно выливались в отрицание власти управляющих.

Сведения, полученные благодаря восстанию 1835 г., убедительно показывают, что в какой-то момент, вероятно после отставки Ивана Кременецкого в 1817 г., управляющие оставили попытки добиться в имении поголовного вступления в брак. В октябре 1836 г. Кристоф Ливен приказал Аверкиеву принуждать женщин к замужеству и штрафовать тех, кто отказывается, из расчета 25 рублей в год. В феврале 1837 г. бурмистр сообщил Ливену, что в только что закончившемся брачном сезоне 72 женщины вступили в брак. Большинству из них было, судя по всему, меньше или немногим больше 20 лет, и замуж они выходили по своей воле⁵⁵¹. К сожалению, вотчинные бумаги прерываются на 1837 г., и обещанные списки тех, кто вышел замуж, и тех, кто платил штраф за безбрачие, не сохранились. Мы не

Ливену (там же. Л. 44 – 44 об.). Для определения их имущественного положения я использовал подворную опись 1836 г. имений Баки и Ильинское с подразделением на четыре уровня благосостояния (Там же. Л. 249–260 об.) и ревизскую сказку 1834 г. по имению Баки (ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 650–788). К обсуждению подворной описи 1836 г. см. ниже раздел о демографии Баков. Из трех опознаваемых зачинщиков в имении Баки двое были первого, самого высокого уровня, один второго уровня; оба выявленных зачинщика из имения Ильинское были первого уровня.

⁵⁴⁸ LP 47432. Л. 3–4 об., 11–14 об., 16–19 об. По словам крепостных, отец Калинина, служивший бурмистром еще при жизни Шарлотты Ливен, был порот за дурное с ними обращение, и ему и его семье запретили даже появляться на вотчинных собраниях (Там же. Л. 34 об. – 35). В 1836 г. Ливен по рекомендации Аверкиева назначил бурмистром Воронина-поповца – Егора Павлова (там же. Л. 156 об., 170 об.). Генеалогию семей Ворониных можно проследить по ревизии 1795 г., подворной описи деревни Баки 1812–1813 гг. и ревизии 1834 г., их религиозная принадлежность определяется в заявлении 1812 г. быть записанными в староверы.

⁵⁴⁹ Melton E. Household Economies. С. 573–576. Мелтон описывает изменения в управленческом штате в 1813 и 1817 гг. (какое-то время после 1817 г. у власти были бурмистры из крепостных). Краткий отчет Каменецкого: LP 47430. Л. 117–120 об. Он обвиняет Воронина и «богатых крестьян» в целом, деревенского писца, который был воронинским племянником, и бурмистра, то есть баковскую элиту.

⁵⁵⁰ LP 47430. Л. 201–206 об., 215–217, 228–243, 257–260, 274 об. – 275; LP 47431. Л. 2–12, 18–19.

⁵⁵¹ LP 47432. Л. 364.

знаем, какие еще усилия прилагали, и прилагали ли, Кристоф и его брат Карл, унаследовавший имение в 1839 г., к насильственному насаждению универсальной брачности. Можно с уверенностью сказать только, что приказ 1836 г. и другие, которые, возможно, за ним последовали, не возымели ощутимых последствий.

БРАЧНОСТЬ, 1795–1858

Таблица 6.6. Сопротивление браку среди женщин по возрастным когортам в д. Баки, 1834–1858

Возраст	1834		1858	
	Замужем	Нет	Замужем	Нет
25–29	42	18 (30%)	34	14 (29,2%)
30–44	68	12 (15%)	89	13 (12,7%)
45+	68	12 (15%)	110	19 (14,7%)

Источник: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 652 об. – 683; Оп. 13. Д. 30. Л. 471 об. – 522.

К 1834 г., как показывает таблица 6.6, предельный возраст для вступления женщин (да и мужчин) в брак поднялся в д. Баки до 30 лет, так что возрастная когорта 30–44 года лучше всего отражает матримониальную тенденцию в текущий момент. Сопротивление браку несколько выросло со своей нижней точки – 13,8% в 1812 г. – до 15%. К 1858 г. оно опять снизилось (судя по когорте 30–44-летних) до 12,7%. В 1795 г. 21,2% женщин д. Баки воздерживались от замужества. За три поколения женское сопротивление браку в значительной степени пошло на убыль.

Таблица 6.7. Сопротивление браку среди женщин по возрастным когортам в других 11 деревнях имения Баки, 1795–1858

Возраст	1795		1834		1858	
	Замужем	Нет	Замужем	Нет	Замужем	Нет
25–29	62	21 (25,3%)	122	34 (21,7%)	93	38 (29,0%)
30–44	113	40 (26,1%)	204	41 (16,7%)	310	40 (11,5%)
45+	127	46 (26,5%)	187	19 (9,2%)	277	63 (18,5%)

Источники: LP 47421. Л. 45–103; ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 688 об. – 788; Оп. 13. Д. 22. Л. 114 об. – 123; Д. 30. Л. 522 об. – 552, 560 об. – 592, 602 об. – 651.

Как показывает таблица 6.7, та же тенденция наблюдалась по имению в целом. Ключевой когортой опять являются женщины 30–44 лет, среди которых в период между 1795 и 1858 гг. сопротивление браку снизилось приблизительно на 60%. При этом картина снижения была далеко не единообразна. В 1834 г. отказ от замужества в шести деревнях на западном берегу был на уровне 15,6%, лишь немного ниже 18% в 1795 г. В деревнях Дранишное, Староустье и Ижма на восточном берегу сопротивление сократилось с 38,4% в 1795 г. до 17,5% (в Дранишном до мизерных 5%) в 1834-м. В Кирилово и Ядрово – тоже на восточном берегу, но с минимальным сопротивлением браку в 1795 г. – оно поднялось до тех же самых 17,5%. Уровни брачности в различных уголках имения, ранее резко отличавшиеся, сошлись в одной точке.

В период между 1834 и 1858 гг. уровни брачности опять разошлись, так как в Староустье-Ижме-Дранишном женское сопротивление браку продолжило сокращаться – до 11,2% (30–44-летние), а в шести правобережных деревнях осталось на уровне 16,3%. Уровень в Кирилово и Ядрово упал до 7%. Снижение уровня сопротивления среди женщин 45 лет и старше в 1834 г. и его повышение в 1858 г. были отголосками более ранней истории.

Ни значительный спад сопротивления браку в глубине лесов к востоку от Ветлуги, ни подъем и спад в Кирилово и Ядрово не были никак связаны с управленческой брачной стратегией. Уровни брачности в этих одиннадцати деревнях менялись по решению самих крестьян. Спад сопротивления браку в Дранишном, Староустье и Ижме с тех пор, как в 1836

г. Аверкиев назвал их бастионами раскольников, не свидетельствовал о возврате к православию. Женщины, скорее всего, оставались в беспоповской вере, но так же, как купчинские спасовки, начали выходить замуж – возможно, приблизительно в то же время и столь же поспешно, как в приходе с. Купля, если судить по поголовной брачности в 1834 г. среди 30–34-летних женщин Ижмы и Дранишного. Резкий скачок в отказах от замужества в Кирилово и Ядрово мог быть вызван – так же как среди поморцев в приходе с. Купля – пробуждением отрицательного отношения к браку, но длился недолго. В отсутствие фактических доказательств, которые могли бы объяснить эти тенденции, мы можем только гадать. Похоже, что в каждый конкретный момент между 1795 и 1858 гг. где-то в имении Баки женщины пересматривали свое отношение к браку.

ПРОТИВИВШИЕСЯ ЗАМУЖЕСТВУ ЖЕНЩИНЫ, УГРОЗА ДВОРАМ И ДВОРЫ-ПРИЗРАКИ, Д. БАКИ

Документы из Баков особенно полезны для уяснения обстановки, в которой даже одна взрослая незамужняя женщина могла обернуться для двора катастрофой. В июле 1836 г. Аверкиев составил список дворов, подразделенный на четыре категории в зависимости от состоятельности и морального облика. Он определил первые два класса (24 и 43 двора в д. Баки) как благополучные; в третьем классе (51 двор) числились дворы, у которых «нет больших нужд, но впрочем значительно беднее крестьян II класса». В четвертом классе (всего 17 дворов) помещались крестьяне, «совершенно ничего неимеющие, к сему принадлежать люди преклонных лет, сироты и крестьяне порочного поведения, из коих многие даже неимеют домов своих а шатаются с малолетства по чужим деревням...»⁵⁵². Порочное поведение было представлено двумя дворами, где в 1834 г. в общей сложности набралось три женщины, у каждой из которых был незаконнорожденный ребенок.

Если привязать эти дворы к ревизской сказке 1834 г., мы увидим, что в 25 (18,5%) дворах было как минимум по одной незамужней женщине 25 лет и старше. Дворы с незамужними женщинами составляли (в нисходящем порядке) 17, 16 и 14% в трех высших классах. В четвертом классе семь (41%) дворов содержали взрослых незамужних женщин. Они составляют 28% от всех противящихся браку дворов в списке Аверкиева, в то время как остальные 10 дворов четвертого класса составляют только 9,9% от поголовно брачащихся дворов⁵⁵³. Из этого мы можем сделать вывод, что в 1830-х гг. дворы с незамужними женщинами имели в три раза больше шансов оказаться в полной нищете и под неотвратимой угрозой распада, чем дворы, в которых все взрослые вступали в брак. В 1812 г. у дворов с незамужними женщинами опасность обнищания была выше лишь немногим больше, чем в два раза, но, учитывая относительно малое число дворов, находившихся в 1812 и 1836 гг. в полной нищете, разница могла объясняться случайными флуктуациями.

Между тем существовала и категория дворов, находящихся за чертой бедности. В списке Аверкиева не хватает 16 дворов, учтенных ревизией 1834 г.: только в одном из них наличествовал взрослый мужчина, в остальных – одни вдовы, незамужние женщины и малолетние дети⁵⁵⁴. Этих дворов почти наверняка не было ни в 1834, ни в 1836 гг.; на что

⁵⁵² LP 47432. Л. 247 об. (описания классов); Там же. Л. 250–252 об. (список по д. Баки). Аверкиев вписывал только старшего мужчину – одному было 3 года – в каждом из 135 дворов, но только два двора из списка нельзя с уверенностью связать с дворами в ревизской сказке 1834 г.

⁵⁵³ ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 652 об. – 682 об. Аверкиев сам не указывал, какие дворы содержали взрослых незамужних женщин.

⁵⁵⁴ Аверкиев включил в свой список несколько дворов, состоящих из подростков мужского пола и вдов, считая их, видимо, хотя бы потенциально жизнеспособными. Один двор состоял из незамужней 19-летней девицы; я не включил этот двор в число дворов с незамужними женщинами, так как любая незамужняя младше 25 или 30 лет могла еще выйти замуж.

бы они жили и почему Аверкиев не записал их в категории «ничего не имеющих»? Они были вымыслом составителя ревизской сказки 1834 г.: где бы эти женщины и дети ни находили приют на самом деле, счетчик-ревизор вставлял их в бывшие, ныне дворы-призраки, сохранявшиеся в ревизских сказках в целях учета и контроля, покуда все до последнего, кто в них жил, не умирали или не исчезали иным образом. В отличие от нищих, «шатающихся по чужим деревням», эти последки дворов были поглощены существующими дворами. В приходе с. Купля в 1830–1834 гг. случковская ревизская сказка скрывала дворы, в которых действительно проживали случковцы. Они обнаружили в исповедной ведомости священника. Опись баковских дворов Аверкиева от 1836 г. не дает сведений ни о скоплениях последков, ни об остаточных дворах, прибавившихся к дееспособным дворам, но указывает на их существование – куда еще могли деваться те 16 дворов?

Для лучшей оценки последствий как стихийного демографического невезения, так и женского сопротивления в Баках я добавил дворы-призраки к списку Аверкиева и получил номинальный итог в 151 двор; все они когда-то в прошлом были функционирующими дворами, иначе для них не было бы выделено собственных клеток в ревизской сказке 1834 г.⁵⁵⁵ 15 дворов со взрослыми незамужними женщинами, находившиеся на уровне нищеты или в действительности уже не существовавшие, составляли полные 45,5% от 33 дворов и дворов-призраков с незамужними женщинами из сказки 1834 г. 18 на тот момент бедствующих и призрачных дворов, в которых все женщины 25 лет и старше состояли в браке, представляли 13,6% среди поголовно брачащихся. Плюс к тому, по данным ревизии 1834 г., пять из записанных во время ревизии 1816 г. дворов убыли⁵⁵⁶. Если сложить их вместе с поголовно брачащимися дворами 1834 г. (подворная опись 1812 г., кажется, оправдывает такое допущение), то за период между 1816 и 1834 гг. распались или достигли точки невозврата 17,2% поголовно брачащихся дворов. Удивительно, наверное, что случайные демографические невезения разрушили без малого процентов 20 баковских дворов из тех, где (во всяком случае, в период между 1816 и 1834 гг.) не было взрослых незамужних женщин. Ошеломляет, что в Баках даже из-за наличия одной взрослой незамужней женщины вероятность распада двора взлетала к почти 50%.

К 1858 г. большинство дворов-призраков – 12 из 16 в 1834–1836 гг. – исчезли из ревизской сказки, потому что все, до этого еще остававшиеся в живых, умерли. Плюс, к моменту ревизии улетучились еще шесть дворов. Итого, за 22 года пропало 18 ревизских дворов. В семи из этих пропавших дворов, где все обитатели умерли, ранее имелись старые девы – 19,4% от 36 дворов со взрослыми незамужними женщинами. Остальные 11 составляли 9,8% от 112 дворов, переписанных ревизией 1834 г., в которых все женщины 25 лет и старше состояли в браке. Без какого-либо источника, с которым можно было бы сравнить ревизскую сказку д. Баки от 1858 г., у нас нет возможности выявить в ней дворы-призраки. Мы можем, однако, определить многие, которые, возможно, были всего лишь ревизскими призраками или находились под угрозой неминуемого вымирания: 39 состояли из одиноких мужчин и женщин (пожилых вдовцов и старых дев), престарелых бездетных супругов, давно вышедших из детородного возраста, вдов средних лет с малыми детьми либо по какой-то другой причине оказавшихся под угрозой демографического коллапса. В десяти из этих дворов были взрослые незамужние женщины – 27,7% от 36 противившихся браку дворов, по данным ревизской сказки 1858 г. В то же время 29 поголовно брачащихся, но подверженных угрозе вымирания дворов представляли всего

---

⁵⁵⁵ Согласно списку Аверкиева, 3 из 148 дворов, учтенных ревизией 1834 г., разделились, что объясняет разницу между дворами перечисленными и не перечисленными в 1834 г. (148) и 1836 г. (151). Они, возможно, разделились после ревизии либо счетчик в 1834 г. решил не признавать их как разделившиеся.

⁵⁵⁶ Здесь не включены два двора Осокина, изгнанного из имения в 1819 г.

19,8% от 146 поголовно брачащихся дворов 1858 г.⁵⁵⁷ Это только приблизительная оценка масштабов демографического риска. Некоторые пожилые супруги могли впоследствии усыновить мальчика, который бы содержал их в старости, или найти другой способ продлить жизнь двора. Некоторые из 39 находившихся в опасности дворов действительно существовали, но многие из них, безусловно, уже исчезли. Каким бы мерилom мы ни пользовались, взрослые незамужние женщины существенно повышали вероятность нищеты и распада двора.

Такая вероятность обуславливалась и другими предпочтениями баковских крестьян – прежде всего, малыми семейными ячейками. В 1834 г., по данным ревизии, средний по размеру двор в Баках состоял из 5,48 лица (всего 148 дворов, 372 лица мужского пола, 439 женского). Я привожу эту цифру только для сравнения, без учета того, что 16 из этих дворов были призраками и их мнимые обитатели были рассеяны по остальным дворам; в действительности же средний размер был 6,1. Опубликованные расчеты среднего размера двора в других деревнях тоже, по всей видимости, основаны на сведениях, включавших дворы-призраки. Как бы то ни было, 5,48 ощутимо недотягивает до среднего размера двора (среднего по обследованным деревням) – 6,8 – в середине XIX в. в центральной промышленной зоне России, в которую входила Костромская губерния; при этом данная цифра, по имеющимся сведениям, отнюдь не самая низкая⁵⁵⁸.

Мы получим более четкое понимание дворовых параметров в Баках, отставив в сторону 34 двора из переписанных в 1834 г., где уже не было супружеских пар: средний размер среди оставшихся 114 был 6,3 жильца. Типичным был двор с одной супружеской парой (не всегда с детьми): 56 из 114. Еще 27 пар жили с вдовым родителем. Этих следует объединить с 19 дворами, содержащими женатых отца и сына: их жизненный путь был одинаков – от супружеской пары с детьми к женатым отцу и сыну, к супружеской паре со вдовым родителем. Большинство дворов с одной супружеской парой аналогично позднее становились дворами с двумя парами и затем с парой и вдовым родителем. Остальные варианты – четыре пары женатых братьев, три двора по три женатых пары в каждом и кое-какие отдельные случаи (дедушка и бабушка с женатым внуком, например) – были исключениями. Взрослые одинокие женщины проживали в качестве сестер, дочерей, теток и племянниц во дворах, содержавших два (пара и дети) и три поколения. Все супружеские пары из малых семей до того, как отделиться, по всей вероятности, некоторое недолгое время после свадьбы жили в родительском дворе. Подавляющее большинство всех баковских крестьян, в том числе проживавшие, по состоянию на 1834–1836 гг., во дворах-последках, предпочитали либо жениться и остаться во дворе жениха, либо жениться и поселиться отдельно. Почти в точности такими же были типы дворов в 1858 г. Правилom, хотя и не совсем непреложным, являлось то, что только одна молодая пара оставалась с родителями⁵⁵⁹.

Малым семьям было особенно трудно противостоять демографическим напастям. У баковских мужиков вероятность ранней смерти повышалась из-за работы в лесах и на реках, а также путешествий по работе и торговому делу: в 1834 г. в Баках было всего семь вдовцов, но 46 вдов, из которых четверем было меньше 30–40 лет. В 1858 г. на 19 вдовцов там было 70

⁵⁵⁷ ГАКО. Ф. 200. Оп. 13. Д. 30. Л. 471 об. – 522.

⁵⁵⁸ См. сводную статистику по ряду исследований: *Moon D.* The Russian Peasantry. P. 159; *Миронов Б.* Социальная история России. С. 221. *Dennison T.* The Institutional Framework. P. 63: здесь выведен средний размер двора – 4,93 – в 1834 г. в Вошажниково Ростовского уезда, где основными занятиями были не сельскохозяйственные промыслы.

⁵⁵⁹ Таким образом, в Баках дворы обычно разделялись не до и после смерти хозяев, а делились до смерти отца, а по его смерти оставшаяся молодая пара наследовала двор. Анализ раздела до и после смерти см.: *Moon D.* The Russian Peasantry. P. 177–183.

вдов. Самым молодым вдовам было 19 и 28 лет, еще восьми было меньше 40, а еще тринадцати меньше 50. В 1812 г. – 9 вдовцов и 42 вдовы. Мужская смертность была так высока, что она способна была лишитъ взрослого мужского населения даже дворы, содержащие три поколения (в некоторых дворах не было взрослых мужчин, только два поколения вдов), но нуклеарные (малые) дворы, в независимости от того, содержали ли они взрослых незамужних сестер, племянниц, теток или нет, находились в наибольшей опасности.

Анализ дворовых структур не дает нам прямой подсказки, почему наличие взрослых незамужних женщин могло в столь значительной мере быть связано с обнищанием и гибелью дворов: в 1834 г. в аверкиевских трех высших категориях числились как малые, так и большие дворы (до 12 членов в поголовно брачащихся дворах, до девяти во дворах, где присутствовали избегавшие замужества женщины). Более того, средний размер двора в трех верхних классах был выше среди противившихся браку, чем среди поголовно брачившихся, – 7,1 против 5,8, – что говорит о том, что дворы с избегавшими брака женщинами имели в среднем такой же трудовой потенциал, что и дворы, не обремененные взрослыми незамужними женщинами. В аверкиевском четвертом классе, однако, явно видна связь между средним размером двора и нищетой: у этих бедняков в поголовно брачившихся дворах в среднем было 4,6 члена, а в избегавших брака дворах всего 4. В составе 16 остаточных дворов, не числящихся в списке Аверкиева, присутствовал только один взрослый мужчина.

Последки дворов были одним из вероятных источников опасности, грозившей дворам со взрослыми незамужними женщинами: большинство из них никак не могли сами себя содержать и, должно быть, ложились дополнительным бременем на дворы, которые давали им приют или кормили их. Существующие противящиеся браку дворы были наиболее расположены давать пищу и кров беженцам из разорившихся избегавших брака дворов; таков был обычай среди спасовцев в приходе с. Купля. Поскольку приют можно было найти у гораздо менее многочисленных, чем поголовно брачащиеся, избегающих брака дворах, беженцы из разорившихся сопротивлявшихся браку дворов низшей категории, по всей вероятности, просачивались вверх и, в свою очередь, тянули предоставившие им убежище третьеклассные дворы к нищете и конечному разрушению. А затем новая толпа уцелевших, должно быть, искала убежища наверху. Единственным прямым свидетельством, поддерживающим этот вывод, является замечание Аверкиева о том, что «ничего неимеющие» шатались по деревням – шатались, конечно же, в поисках хотя бы временного приюта в дееспособных дворах. Последки дворов-призраков, в основном состоявшие лишь из одного или двух членов, нашли себе, надо думать, постоянный приют.

Однако постепенный каскад оставшихся в живых горемык через отрицавшие брак дворы необязательно должен быть единственным объяснением необычайно повышенной доли нищеты и убыли среди них. Средний размер по семи противившимся браку дворам в аверкиевской третьей, еле сводящей концы с концами категории был выше общего среднего показателя 6,28, но если отставить в сторону взрослых незамужних женщин (в двух дворах их было в каждом по две), средний размер двора снижается до 4,86 (при условии, что к ним не прибились беженцы из вымерших дворов). Три избегавших брака двора, кроме взрослых незамужних женщин, содержали только по два члена, достигших по крайней мере 25 лет: муж и жена, 61 и 58 лет в 1834 г., незамужняя дочь, 27 лет, и холостой сын, 22 лет; муж и жена, 54 и 50 лет, с незамужними дочерьми, 25 и 29 лет; супруги, 46 и 48 лет, мужнина сестра – старая дева, 31 года, дочь, 25 лет, и холостой сын, 21 года. Остальная четверка не расположенных к браку дворов третьего класса, у которых, по аверкиевскому определению, не было «больших нужд», могла просто по случайности свалиться с этой скользкой ступеньки, но первые три были практически обречены впасть в нищету: один или оба родителя во всех трех вскоре бы, вероятно, умерли, в одном случае оставляя кое-как перебиваться двух старых дев, в других двух случаях – по одному неженатому парню; то, что они еще не женились, несмотря на очевидную острую необходимость, предполагает, что

один или оба из них не хотели или не могли вступить в брак. Во втором классе аналогично были дворы-кандидаты – во всяком случае, исходя из демографических показателей – на переход в третий класс или ниже; но у них, разумеется, имелись дополнительные ресурсы сверх рабочей силы. Дворы, у которых труд был единственным источником дохода, в том числе почти все дворы третьего класса, были не способны обезопасить себя от соскальзывания в нищету, если их состав сокращался до незамужних женщин и неженатого молодого мужчины, вне зависимости от того, женился он позже или нет. Здоровые вдовы и старые девы могли вносить свою долю в заработки двора, но не могли зимой валить деревья или извлекать из них деготь и смолу. Им также не под силу было успешно обрабатывать скудную местную почву. У оставшегося одиноким молодого мужика зачастую, вероятно, не было выбора, кроме как вымучивать средства к существованию из неподатливой земли вместо того, чтобы зарабатывать деньги на лесосплаве или на других не сельскохозяйственных промыслах⁵⁶⁰. И это был самый благоприятный, а не наиболее вероятный исход. Если такой двор принимал на содержание вдову или старую деву из беженцев, а зимняя работа в лесу уже подорвала здоровье парня, перспективы были весьма мрачными.

Рекрутчина также способствовала смертности дворов. За период с 1816 по 1834 г. в зачет частичного исполнения воинской повинности всего имения было куплено и отправлено в армию 17 лиц⁵⁶¹. Судя по деревне Баки, в выигрыше были в основном богатые дворы, которые вместе или по отдельности дали на это денег: из 24 дворов д. Баки, в 1836 г. помещенных Аверкиевым в первую категорию, не взяли ни одного рекрута. Рекрутов поставили 7 из 43 (17,3%) второклассных дворов деревни Баки, 7 из 51 (13,7%) третьеклассного двора, 1 из 17 (5,9%) нищенских четырехклассных. Не принимая во внимание богатые дворы, очевидно, были приложены усилия к тому, чтобы распределить ущерб от забора рекрутов более или менее соразмерно. И все же рекрутская повинность была, скорее всего, виновна в обнищании того четырехклассного двора, утратившего из-за нее сына. Рекрутчина разрушила и два других двора, которые к 1834 г. были сведены к жалким последкам: один рекрут оставил, возможно, жену (в таком случае она получила вольную, когда муж ушел в армию, и потому не числилась в ревизской сказке), точно оставил дочь, которой в 1834 г. было 13 лет, и 44-летнюю никогда не бывшую замужем сестру. Другой двор состоял, по всей видимости, из одной только 19-летней дочери рекрута (но, возможно, также его жены)⁵⁶². Исходя из имеющихся данных по рекрутскому набору в Баках в период с 1816 по 1834 г., похоже, что к самым неблагополучным баковским дворам не было особого отношения, просто именно эти дворы рекрутчина могла с наибольшей вероятностью обречь на гибель. Рекрутская повинность – так же как высокая мужская смертность – была неминуемой действительностью в Баках и, как смерть, в ряде случаев лишала дворы необходимого для выживания мужского труда.

Все баковские дворы с неблагоприятным соотношением производительной силы к

---

⁵⁶⁰ Основанием для этой оценки перспектив дворов послужили описания от 1812–1813 гг. того, как зарабатывали себе на жизнь бедные дворы с ограниченной мужской рабочей силой (LP 47429. Л. 135–143 об.).

⁵⁶¹ ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 682 об. – 687 об. Пятнадцать из них перечислены в самом конце ревизской сказки 1834 г. д. Баки (в конце сказок других деревень нет списков наемных рекрутов), но они явно пошли на замену мужчин и из других деревень. Я не причислил их к населению д. Баки, хотя с точки зрения ревизии они были частью его. Два наемника умерли до того, как их отправили на службу. В ревизии 1834 г. были записаны еще двое, 28 и 29 лет в 1816 г., ушедшие в армию в 1818 г. Их нет в описи баковских дворов 1812–1813 гг. Они, видимо, были наняты для замены рекрутов до 1816 г., их покупка учтена ревизией в 1816 г., но не упоминается в 1834 г. (Там же. Л. 682 об.).

⁵⁶² В сказке 1834 г. это дворы 43 и 64 (ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 462. Л. 661 об. – 662, 666 об. – 667). В подворной описи 1812–1813 гг. это дворы 36 и 49 (которые впоследствии разделились) (LP 47424. Л. 138, 139).

потребительским потребностям испытывали трудности, но в малых дворах с одной или двумя отказывающимися от замужества женщинами дефицит рабочей силы мог образоваться с большей долей вероятности, чем во дворах без такого бремени. В нижних 50% дворов – 3 и 4 аверкиевские категории – больше опасностей грозило дворам с одной супружеской парой либо с молодой женатой парой и престарелыми или вдовыми родителями. Потенциально выгодный, но демографически рискованный лесной промысел усугублял ситуацию. Аналогичный эффект имела рекрутская повинность. Многие баковские дворы пошли ко дну, но те, что содержали одну или двух незамужних женщин, терпели крах в два-три раза чаще, чем поголовно брачившиеся дворы.

Глава 7

СТЕКОВО И СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН: НЕПРИЯТИЕ БРАКА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

На фоне историй прихода с. Купля и ливенского имения Баки любые другие эпизоды женского сопротивления браку выглядят блекло. Сопротивление замужеству в имении Стеково Сергея Голицына в Нижегородской губернии никогда не приближалось к высотам, коих оно достигало в Случково, или Алёшково, или Староустье и Ижме в конце XVIII столетия. В 1795 г. по имению Стеково в целом оно было на уровне 14,5% (от всех женщин 25 лет и старше, включая жен, приведенных в имение со стороны). Эта статистика, однако, обманчива, так как волна неприятия брака докатилась до Стекова лишь в районе 1760 г. Среди женщин 25–54 лет, достигших брачного возраста в период между 1760 и 1795 гг., от замужества отказались 18,5%⁵⁶³. В целом в имении неприятие брака так и не поднялось до 20%, хотя в трех из пяти деревень этот показатель в апогее был превышен. Мы должны помнить, насколько немислимы эти 20% женщин, отказывавшихся от брака, в противовес как исходной установке, что русские крестьяне поголовно брачатся, так и реальному факту: в большей части России именно так и было.

Отличия Стеково от Купли и Баков в некотором роде поучительны. Например, явные демографические риски, связанные с неприятием брака в приходе с. Купля и в баковской округе, по большей части обошли Стеково стороной. Ревизские сказки и вотчинные подворные описи XIX в. показывают, правда, что многие дворы сократились до одних последствий без супружеских пар и затем вымерли. Однако они, похоже, редко разорялись, оставляя стариков на милость общины; более того, некоторые дворы-последки были вполне состоятельны. Экономика Стеково и, в частности, значительные земельные владения, нажитые стексовскими крепостными, служили защитой от разорения. Сергей Голицын тоже, возможно, поспособствовал предотвращению демографической катастрофы: унаследовав имение в 1804 г., он предпринял попытки искоренить сопротивление браку. Хотя он был далек от реального достижения этой цели, постепенное снижение процента отказов от брака могло отчасти объясняться его стараниями.

В XVIII в. сопротивление браку в пяти деревнях имения росло параллельно и приблизительно в одинаковых масштабах, но в XIX в. тенденция к неприятию брака в этих деревнях – так же как в имении Баки – стала развиваться совершенно в разные стороны⁵⁶⁴. В отличие от куплинских исповедных ведомостей ни в одной из немногих сохранившихся ведомостей Стеково не указывается, к какому старообрядческому согласию принадлежали те или иные раскольнические дворы. Нет подобной информации о записных раскольниках и ни в одной сохранившейся стексовской ревизской сказке XVIII в. Резкие различия в брачности от одной деревни к другой дают нам между тем кое-какие наводки и, безусловно,

⁵⁶³ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 163. Л. 297–400 об.

⁵⁶⁴ В 1834 и 1845 гг. Голицыну принадлежал один двор в шестой деревне – Коровино.

показывают, что среди крепостных Стексово было представлено несколько староверческих согласий. Как и в приходе с. Купля, спасовки были больше всех склонны противиться браку. И так же как в приходе с. Купля и в Баках, родители из спасовских и, возможно, других сторонившихся брака дворов позволяли дочерям, по-видимому, самим решать, выходить замуж или нет.

СТЕКСОВО СЕРГЕЯ ГОЛИЦЫНА

Стексово, расположенное в местности, которая в 1779 г. стала Ардатовским уездом в составе южной Нижегородской губернии, находилось в собственности Голицыных как минимум с начала XVII в. К 1780-м гг. большая часть исконно родового имения была в руках двух голицынских вдов – Дарьи и Прасковьи⁵⁶⁵. Сергей Михайлович Голицын (1774–1859) получил через своего отца Михаила Михайловича ту часть, которая когда-то принадлежала Дарье, в то время как большая часть Прасковьиной доли к 1820-м гг. перешла к семьям Оболенских и Бибиковых. Сергей Голицын, таким образом, делил владение тремя приходскими селами имения – Стексово, Писарево и Пятницкое – с не состоявшими с ним в родстве собственниками. В 1845 г. в его стексовском имении насчитывалось 213 дворов – всего 1293 души обоого пола⁵⁶⁶.

Во время правления Сергея Голицына его крепостные работали на барщине, выращивая зерновые, платили оброк и были относительно обеспечены. В Ардатовском уезде в целом условия для земледелия были посредственными: в середине XIX в. лес занимал три четверти территории уезда, большая часть земель была заболочена и хорошей почвы было немного. Урожайность зерновых, по имеющимся сведениям, составляла от 3:1 до 5:1 – близко к средней по Центральному промышленному региону, в который входила губерния. Из-за неплодородности большей части земель крестьяне Ардатовского уезда занимались кустарным промыслом либо уходили из своих деревень на заработки. Хотя само Стексово сидело на островке тучного чернозема и славилось лучшими в уезде садами, именно благодаря не сельскохозяйственным доходам некоторые стексовские крестьяне становились зажиточными, а многие другие более или менее обеспеченными. Имение располагалось у пересечения двух важных торговых дорог – из Нижнего Новгорода в Тамбов и из Москвы в Симбирск. По данным подворной описи 1845 г., большинство из 69 дворов, принадлежавших Голицыну в с. Стексово, занималось и сельским хозяйством, и каким-нибудь промыслом: перегонном скота из Оренбургской губернии в Нижний Новгород и в Москву, гужевыми перевозками, мукомольным делом, забоем скота, кузнечным делом, производством и продажей конопляного масла, торговлей зерном и т. д. У десяти из этих 69 дворов годовой доход был от 1000 до 8500 бумажных рублей; медианный доход по всем дворам – 450 рублей. У тех немногих дворов, которые занимались только сельским хозяйством, доход был значительно ниже среднего. Из остальных 144 дворов имения только шесть зарабатывали

---

⁵⁶⁵ Разные документы рассказывают разные истории о происхождении голицынской собственности (Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М.: ИОДР, 1915. С. 421–422; ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 56. Л. 1 об.; Д. 133 (1842); ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 1771). Брат Сергея Александр, а после его смерти два сына Александра официально были совладельцами с Сергеем, но в вотчинной переписке, ревизских сказках и приходских исповедных ведомостях Сергей значится единственным владельцем.

⁵⁶⁶ Цифры по населению 1845 г. взяты из подворной описи: ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2397. Управляющий вписал туда также шесть недавно забранных в солдаты мужиков и их жен, но не включил их в общее число жителей. Четырех из десяти переписанных беглых душ он причислил к общему населению, вероятно, потому, что они сбежали после ревизии 1834 г. и имение все еще должно было платить за них ежегодную подушную подать. В его расчеты были включены отпущенные на волю женщины, которые продолжали жить в имении; в 1834 г. Голицын распорядился переписать их в ревизии того года по их родным дворам (Там же. Д. 2322 (1840). Л. 31), то же самое было сделано в подворной описи 1845 г.

1000 или более рублей в год, но медианный доход составлял приличные 400 рублей⁵⁶⁷. По данным на 1843 г., крепостные имения Стексово обязаны были выплатить 16 тысяч бумажных рублей годового оброка, то есть в среднем чуть больше 75 рублей со двора. Для большинства это не должно было быть слишком обременительно⁵⁶⁸.

В относительном благосостоянии стексовцев не было ничего нового: с 1778 г. – даты первой сохранившейся подворной описи – около 90% дворов в Стексово и других селениях имения занимались торговлей и промыслами. Они также стабильно прикупали землю⁵⁶⁹. В 1845 г. из 69 дворов села Стексово 41 владел сельскохозяйственными угодьями. 12 дворов имели по 5 десятин (5,5 гектара) или меньше, еще пятнадцати дворам принадлежало по 20 десятин (23 гектара), а трем – по 100 десятин (109 гектаров) и более. Федор Грошев немного не дотянул до 1118 десятин (1229 гектаров), то есть больше 12,2 квадратного километра земли. Как и Грошевы, многие стексовские семьи поколениями накапливали земельную собственность⁵⁷⁰.

Землевладение непосредственно соотносилось с состоятельностью двора. В селе Стексово (1845) только 10 из 32 семей (31%) с доходом ниже 450 рублей имели собственную землю, в то время как из 37 семей с доходом 450 рублей или выше землей владела 31 (84%). В 41 дворе из 69 проживало только по одной супружеской паре (некоторые еще со вдовым родителем) или вообще не было ни одной. 26 дворов из этих 41 зарабатывали меньше 450 рублей, 15 имели доход 450 рублей и выше; это соответствует общему правилу, что малого размера дворы были в среднем беднее крупных. Но в Стексово земельная собственность могла компенсировать малый размер двора: 12 из 15 небольших дворов (80%) в группе с более высоким доходом имели землю, а в группе с меньшим доходом – только 8 из 26 (31%). Другими словами, 12 из 20 маленьких дворов (60%), имевших хотя бы небольшой участок земли, получали годовой доход на уровне или выше среднего.

Хотя Сергей Голицын, возможно, и не появлялся в своем стексовском имении – в Стексово не было помещичьей усадьбы, – он тем не менее лично вел переписку со стексовскими управляющими по всем делам, и его религиозные воззрения оказывали прямое воздействие на жизнь его крепостных. Он был видной фигурой в обществе – «последний русский барин», не жалевший трат на банкеты, балы и прочие развлечения. Близкий друг правящей семьи, он с 1807 г. помогал организовывать работу и сам жертвовал на императорские благотворительные общества в Москве, а с 1830 г. до своей смерти в 1859 г. служил председателем Московского опекунского совета. Его женой, разошедшейся с ним в

---

⁵⁶⁷ Там же. Д. 2397; Географическо-статистический словарь. Т. 1. С. 1245; Т. 4. С. 757; *Пестов М. П.* Описание ардатовского уезда нижегородской губернии // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 105–187; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. СПб., 1861. Вып. 3. Карта в конце; *Мельников П. И.* Отчет. С. 43, 63–64, 77, 81–84, 87; *Курмачева М. Д.* Расслоение крестьян в ардатовских вотчинах Голицыных в конце XVIII – середине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы. Рига, 1963. С. 363–378. Курмачева ошибочно характеризует данную управляющим оценку доходов в 1845 г. как объявленный капитал.

⁵⁶⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 18. В 1843 г. за стексовскими крепостными недоимки числились за предыдущие три года в 51 054 рубля и 1500 рублей за семена, выделенные Голицыным после неурожая 1840 и 1841 гг. (Там же. Л. 7, 18). Вотчинная переписка пестрит просьбами крепостных простить им на время уплату оброка по причине невзгод и лишений и требованиями вотчинной конторы взыскать положенное со злостных неплательщиков. Тем не менее, по моему общему впечатлению, большинство крестьян имения не бедствовали. В качестве примера, в 1839 г. вдову Марфу Сивову из Писарево ее же односельчане ограбили на 1000 рублей бумажными деньгами и 59 рублей монетами – немалые сбережения для вдовы (Там же. Д. 2322. Л. 14 об. – 15 об.).

⁵⁶⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2394; *Курмачева М. Д.* Расслоение.

⁵⁷⁰ Там же. Д. 2397. Л. 2–15.

1800 г., через несколько месяцев после свадьбы, была Евдокия (или Авдотья), она же знаменитая «Princesse Nocturne» («ночная княгиня»), хозяйка ночного литературного салона в Санкт-Петербурге. Для стексовских крепостных наибольшее значение имели приверженность Голицына православию и его близкие отношения с церковными иерархами: он с 1823 по 1858 г. переписывался с митрополитом Московским Филаретом и, в частности, обсуждал с ним опасность, исходящую от старообрядцев, и возможности их обращения. Хотя некоторые считали его демонстративное благоверие лицемерным, вотчинная переписка Стексово свидетельствует о его непримиримой враждебности к старой вере⁵⁷¹.

СТАРАЯ ВЕРА И НЕПРИЯТИЕ БРАКА В СТЕКСОВО

Получив в наследство в 1804 г. имение Стексово, он также унаследовал практику наложения штрафов на отцов годных для брака незамужних женщин. Вероятно, Александр Михайлович Голицын или его вдова Дарья ввели эти штрафы в 1770-х или 1780-х гг. в ответ на массовые отказы от брака после 1762 г.⁵⁷² В 1809 г. стексовский бурмистр Андрей Яковлев докладывал, что крестьянин Иван Вилков попросил вернуть только что им заплаченный годовой штраф в 20 рублей – за содержание дома двух незамужних дочерей (по 10 рублей за дочь) – на том основании, что они уже вышли из брачного возраста. Яковлев советовал московской конторе в просьбе отказать: у других отцов были незамужние дочери такого же возраста, как вилковские, и, если удовлетворить его просьбу, они все начнут требовать возврата денег. Имению необходимо было собирать эти штрафы, поскольку деньги шли затем на покупку вольных девок для мужиков, не имевших средств добывать себе невест самостоятельно. Сход «лучших крестьян» (наиболее состоятельных) согласился, что Вилкову в прошении нужно отказать⁵⁷³.

Действительно, в имении было много взрослых незамужних женщин, но они появились на два-три поколения позже, чем браконенавистницы прихода с. Купля и имения Баки. В 1762 г. их там почти не было: в тот год в частях имения, принадлежавших Александру Михайловичу Голицыну (мужу Дарьи), которые Сергей Михайлович унаследовал 42 годами позже, из 302 женщин 25 лет и старше не замужем были только 10 (3,3%). Семь из них были из деревни Писарево (9,2% от 76 женщин 25 лет и старше). Три из других четырех деревень составляли всего 1,3% женщин этого возраста⁵⁷⁴. Возможно, они были увечны. Только в Писарево неприятие брака в некоторой степени проявилось до 1762 г.⁵⁷⁵ К 1778 г. 27 из 304 женщин 25 лет и старше (8,9%) никогда не были замужем⁵⁷⁶. К 1795-му 55 из 298 женщин

⁵⁷¹ Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания; Письма Филарета. С. 97–98; Шумихин С. Мадригал с двойным дном (скрытый каламбур в послании Пушкина *Princesse Nocturne*). http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00900.php. Управляющий упоминает «господский дом» в 1843 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 7 об.), но это вряд ли было действительное место проживания, поскольку он не значится в кадастре 1847–1848 гг. (Зюзин В., Тюрин И. Стексово: сведения из истории села. Арзамас: Арзамаскомплектавтоматика, 1999. С. 38).

⁵⁷² После смерти Дарьи Голицыной Стексово перешло по наследству к Михаилу Михайловичу Голицыну. В одной, по крайней мере, из его других вотчин он насаждал брак грубой силой (см. главу 2); возможно, он продолжил установленную систему штрафования, но вряд ли сам был ее инициатором.

⁵⁷³ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2311. Л. 8.

⁵⁷⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1264. Гл. 2. Л. 1235–1288.

⁵⁷⁵ Там же. Гл. 1. Л. 833–858.

⁵⁷⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2394.

имения 25–54 лет (те, которым исполнилось 25 после 1765 г.), или 18,5%, никогда не были замужем, в то время как среди 89 женщин 55 лет и старше таких было только две. Среди мужчин 25–54 лет никогда не были женаты семеро из 254 (2,8%)⁵⁷⁷. Штрафование отцов никогда не бывших замужем дочерей не остановило распространение сопротивления браку, однако, возможно, мобилизовало значительные средства для покупки невест со стороны. Судя по реакции «лучших» крестьян на просьбу Вилкова, среди поголовно брачащихся дворов существовало, по-видимому, единогласное мнение, что дворы, придерживающие у себя дочерей, должны быть наказаны, хотя бы штрафом, за укрывание не желающих идти замуж девиц.

Приписки в ревизской сказке 1795 г., касающиеся происхождения и передвижения дочерей, вышедших замуж между 1782 и 1795 гг., судя по всему, говорят о том, что почти все девицы стексовского имения выходили замуж за женихов из этого же имения, если вообще выходили. Хотя в данных за 1795 г. у 27% мужчин отсутствуют примечания относительно места рождения их жен, в основном они находили невест в имении. Это все-таки было большое имение, и местные жены обходились, скорее всего, дешевле, чем посторонние. Тем не менее среди жен были и приезжие. Пятнадцать замужних женщин или вдов были обозначены как «крепостная господина моего» или «старинная господина моего», а не по названиям деревень; возможно, их привезли из отдаленных голицынских владений, чтобы выдать за стексовских мужиков. Еще десять прибыли из имений других помещиков, а одна была дочерью крестьянина, жившего в Арзамасе (или, может быть, только приписанного к этому городу). Это единственная женщина, которая могла быть «вольной девицей», вышедшей замуж в имение, возможно, она была куплена у отца за кладку, равную цене бракоспособной крепостной. Иначе покупка некрепостной девицы, на что, по-видимому, ссылался бурмистр Яковлев в 1809 г., не имеет особого смысла. Были также купцы и мещане, приписанные к Арзамасу или Ардатову, но жившие в Стексове; и в те годы, когда имение принадлежало Сергею Голицыну, его крепостные изредка женились на мещанских дочерях⁵⁷⁸. Однако, по данным на 1795 г., единственной кандидаткой для такого брака была дочь арзамасского крестьянина, который мог на самом деле жить в Стексово.

Более вероятно, что штрафные деньги использовались – скажем, в виде уплаты высоких выводных – на покупку крепостных из других имений, в том числе десяти завезенных крепостных женщин из переписи 1795 г. Мы знаем, что изредка, по крайней мере, стексовские крепостные покупали других крепостных. В 1809 г. передавая просьбу Петра Никифоровича Колоскова (три сына, три дочери, собственный капитал в тот год 1200 рублей) о выдаче вольной его дочери, с тем чтобы она могла выйти замуж на сторону, бурмистр Яковлев между делом замечает, что тот же Колосков вместе с братом просили до этого разрешения купить девушку за 80 рублей⁵⁷⁹. Возможно, Колосковы намеревались взять девушку в прислуги, но, может быть, они хотели приобрести жену для одного из своих сыновей. Колосковы не просили финансовой помощи; некоторым же дворам в Стексово понадобилась бы на это субсидия.

В какой-то момент Сергей Голицын отменил этот штраф: к 1820-м гг. он уже не упоминается в вотчинной переписке. Вероятно, Голицын понял, что штраф – это всего лишь малозначительный налог на безбрачие, уплата которого в действительности давала женщинам право избежать замужества. В приказе за приказом чередой сменяющихся

⁵⁷⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239. Д. 163. Л. 297–400 об.

⁵⁷⁸ ГАНО. № 3. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 898. № 10. Л. 10; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Л. 449–466. Согласно Мельникову (Отчет. С. 44), во времена его отчета от 1854 г. о старообрядцах в Нижегородской губернии в деревне Стексово проживало 306 лиц купеческого и мещанского звания.

⁵⁷⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2311. Л. 46–46 об.

управляющих он требовал, чтобы все крепостные вступали в брак. Он оставил, однако, лазейку: отец мог оградить дочь от замужества, купив ей свободу под видом уплаты Голицыну выводных, чтобы дочь якобы могла выйти замуж за пределами имения. В 1809 г. Колосков, по всей вероятности, заплатил 500 бумажных рублей за вольную дочери. Это была стандартная цена, которую Голицын требовал с зажиточных крепостных (и не только стексовских), стремившихся получить для своих дочерей свободу – как, например, за дочь Ивана Грошева (доход, по данным на 1845 г., 2500 рублей) в 1823 г. ⁵⁸⁰

Вполне вероятно, что Колосков и Грошев купили дочерям свободу не для того, чтобы те вышли замуж на стороне, а чтобы вообще не выходили⁵⁸¹. Так же как крепостные в орловском имении Романово, стексовские крепостные покупали дочернюю свободу обманным путем. И Сергею Голицыну это было известно, во всяком случае к тому времени, когда он отменил штрафы, но предложил гораздо более дорогой вариант – покупку вольной. В 1840 г. он разъяснял управляющему Даниилу Николаеву: «...крестьяне сей вотчины выкупают дочерей своих не для того чтобы отдать в постороннее замужество, но с тою целью чтобы навсегда оставали в ересеях, имели свои кельи и исполнили раскольнические обряды, и для того еще чтобы небыли выданы за своих вотчинных женихов»⁵⁸². Приказывая Николаеву заставлять крестьян вступать в брак, он тут же подтвердил ставки, по которым крестьяне должны были платить за свободу своих дочерей: 500 рублей с самых богатых, 350 или 250 рублей с менее состоятельных дворов⁵⁸³. Это было вымогательство: Голицын требовал за вольные куда больше рыночной цены бракоспособной крепостной, в то время стоившей, наверное, около 150–200 рублей. Между тем его ставки за освобождение были не выше, чем у других владельцев крепостных.

Хотя Голицын, похоже, никогда не упускал возможности нажиться на желании богатея-старообрядца спасти свою дочь от замужества, он сам и его стексовские управляющие усердствовали в принуждении остальных отдавать своих дочерей. В начале 1823 г. Прокофий Кротов доехал аж до Москвы, чтобы пожаловаться на попытки управляющего Ферипонта Попова заставить его выдать 15-летнюю дочь Авдотью за сына Ивана Голубкина. Утверждая, что его жена хворает и что у него три малых сына, за которыми нужен уход, Кротов просил разрешения оставить Авдотью дома еще на год. Управляющий Попов парировал, что, мол, Кротов мужик неотесанный, упрямый и никогда добровольно не отдает своих дочерей замуж, что он ранее выдал другую свою дочь только под принуждением, что Голубкин не может найти другой невесты для своего 16-летнего сына и Кротова надо заставить отдать Авдотью. В данном случае вотчинная контора распорядилась отложить Авдотино замужество на год, как просил отец. В итоге Голубкин нашел другую девицу для своего сына⁵⁸⁴. Желание Кротова оставить Авдотью дома могло быть связано с его религиозными убеждениями; при этом Авдотьи уже не было в его дворе к

⁵⁸⁰ Там же. Д. 2316. Л. 4 об. – 6; Д. 2397. Л. 9. Ставка 500 рублей фигурирует в переписке с другими голицынскими имениями, но иногда с исключениями, которых нет в стексовской переписке (Там же. Д. 3106. Л. 11, 26, 46–46 об., 83, 84–84 об., 91).

⁵⁸¹ След именно этого колосковского двора пропадает в ревизии 1834 г., но не исключено, что эта семья была среди 63 крепостных мужиков (с находившимися на их иждивении женщинами), переведенных в 1812 г. в имение в Рязанской губернии (ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 1842. Л. 26). С другой стороны, в 1834 г. было много грошевских дворов и много Иванов Грошевых, но нет соответствия девице Марии 1823 г. (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1102. Л. 363 об. – 395).

⁵⁸² ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2322. Л. 97.

⁵⁸³ Там же.

⁵⁸⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2316. Л. 1–2 об., 4 об. – 5 об., 21–23 об., 26–28, 38.

моменту проведения ревизии 1834 г.: она, по-видимому, либо вышла замуж, либо умерла, но в том же году с Кротовым проживала его незамужняя сестра, скорее всего староверка⁵⁸⁵. Между тем, возможно, ему действительно была нужна помощь дочери по дому, или он мог быть против предлагаемого жениха, или же считал, что она еще слишком юна для замужества. С другой стороны, управляющий Попов в ситуациях с обеими дочерьми Кротова явно действовал в интересах других крестьян, которые просили его обеспечить жен для своих сыновей.

В вотчинной переписке проблемы брака соседствуют с проблемами старообрядчества. Подавляющее большинство стексовских крепостных было официально православным, но их религиозные обряды на самом деле были иноверческими. Как писал управляющий Попов в 1823 г. в голицынскую московскую контору, в селе Пашутина имелась старообрядческая (он хотел сказать единоверческая) церковь, и прихожане прилежно ее посещали. Многие другие крестьяне, однако, «из-за лени и раскольнических заблуждений» не молились ни в той единоверческой церкви, ни в православных церквях в Стексово, Писарево или Пятницкой и не ходили на обязательную ежегодную исповедь и причастие. Православную церковь в Стексово посещало так мало народу, что приходского дохода не хватало на свечи, вино и ладан, не говоря уже о постройке каменной церкви – проекте, для осуществления которого все владельцы частей этой деревни рассчитывали на взносы от своих крепостных. Московская контора дала Попову указание штрафовать тех, кто не ходит в церковь⁵⁸⁶. В 1824 г. расследование Нижегородской епархии подтвердило, что стексовские крепостные не желали жертвовать на возведение новой церкви⁵⁸⁷.

Многие (возможно, большинство) из должностных лиц – выборных из крепостных имения – были старообрядцами и, по крайней мере некоторые были заводилами в сопротивлении православию. В 1822 г., например, бурмистр голицынского села Стексово обвинил писаревского православного священника Стефана Петрова в том, что тот регулярно отменяет церковные службы, лишая таким образом прихожан святых даров. Петров ответил, что может доказать, что провел все положенные службы, и приложил к своему письму благочинному заявление в свою поддержку от 115 бибикинских крепостных из Писарева. Петров утверждал, что стексовский бурмистр, чьи полномочия распространялись на проживавших в Писарево голицынских крепостных, сам раскольник и намеревается совратить их в старую веру⁵⁸⁸.

Павел Мельников, прошедший 1847–1855 гг. в изучении старообрядцев Нижегородской губернии и в 1854 г. написавший длинный отчет для Министерства внутренних дел, сообщал, что 60% населения села Стексово были старообрядцами и что стексовский был одним из 16 приходов, расположенных на границе между Ардатовским и Арзамасским уездами, которые были основательно заражены старой верой. По сведениям Мельникова, половина населения этих приходов состояла из раскольников. В эти 16 входили писаревский и пятницкий приходы, части которых находились во владении Голицына. Между тем Мельников выделил село Стексово как имевшее особое влияние на всех старообрядцев в округе⁵⁸⁹. Он, конечно, включил в свои подсчеты тех, кого в других местах называл

⁵⁸⁵ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1102. Л. 437.

⁵⁸⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2316. Л. 29–34, 41–42 об.

⁵⁸⁷ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1824). Д. 82. Л. 1–4.

⁵⁸⁸ Там же (1822). Д. 40. Л. 1–4. Епархия выразила Петрову полное доверие. Петров называл бурмистра просто «Кондаков», но в ревизской сказке по с. Стексово от 1834 г. Кондаковых нет.

⁵⁸⁹ Мельников П. И. Отчет. С. 33, 40, 44. О его карьере государственного чиновника см. официальный послужной список 1870 г.: Формулярный список; Евтухов. Портрет. С. 141–145; Усов. Павел Иванович

«тайными старообрядцами», то есть тех, кто хотя бы притворялся скрепя сердце православным, придерживаясь при этом обрядов старой веры.

И все-таки Мельников крайне недооценил количество старообрядцев в селе Стексово. По данным приходской исповедной ведомости за 1861 г. – всего 7 лет спустя после мельниковского отчета, – только пятеро бывших голицынских крепостных (он в 1847 г. продал имение Евграфу Соленикову) из прихода с. Стексово ходили на исповедь. В аннотациях к исповедной ведомости отмечается, что 207 прихожан 7 лет и старше не исповедовались, потому что являлись в различной степени раскольниками: «склонен к расколу», «раскольник», «раскольник от роду». Всего лишь четверо не явились на исповедь, поскольку были в отлучке из деревни. Крепостные села Стексово, принадлежавшие двум другим помещикам, были в той же мере приверженцами раскола: только 14 из 170 бибиловских крепостных 7 лет и старше и лишь 9 из 261 оболонских ходили на исповедь⁵⁹⁰. Можно не сомневаться, что императорский Манифест об освобождении от 19 февраля 1861 г., зачитанный им священниками во время Великого поста, подвигнул их объявить о своем освобождении и от православной церкви.

Сергей Голицын и православное духовенство провели ряд кампаний с целью загнать строптивых, упорствующих в инаковерии стексовских крепостных в православную церковь и брак. За неудавшейся кампанией 1834 г. (старообрядцы обещали присоединиться к церкви, но обещания не сдержали) в 1836 г. последовала другая – после того как 1 января бурмистр Безбородов доложил, что в имении 66 незамужних баб, от 16 лет – минимальный женский возраст вступления в брак – до 45 лет, и 46 холостых мужиков брачного возраста – 18–42 года. Московская контора Голицына не мешкая 8 января отдала приказ принять меры к тому, чтобы тут же выдать молодых девиц за холостяков, а старых дев за вдовцов. Безбородов должен был привлечь к этому мероприятию местное духовенство, и Сергей Голицын лично написал православным священникам имения с просьбой уговорить крепостных идти под венец⁵⁹¹. 22 января Безбородов сообщил, что крестьяне сочетались браком, как приказано (многие наверняка венчались по своей воле: самый разгар свадеб нередко приходился на январь)⁵⁹². Количество крестьян, противившихся браку, на деле было значительно ниже, чем сообщали цифры бурмистра. Если принять во внимание возраст, к которому почти все стексовские крепостные вступали в брак, если они вообще собирались это делать, – 20 у женщин, 22–23 у мужчин (как указывается ниже) – вероятно, не больше 3 мужчин и 27 женщин не хотели брачиться. В эти цифры, однако, не включены более старшие одинокие мужчины и женщины, которых бурмистр посчитал вышедшими из брачного возраста.

Голицын, управляющий Николаев и духовенство возобновляли усилия по принуждению сопротивляющихся женщин к браку в 1839 и 1840 гг. В феврале 1840 г. Николаев выдвинул предположение, что готовность Голицына давать вольную бракоспособным дочерям служила, по сути, поощрением для раскольников: освобожденные «проживают в домах родственников и не желают выходить в замужество, чем более умножая и закоренелый раскол. По чему представляя о сем на благоразсмотрение Вашему Сиятельству и оставлять ли таковых без выхода в замужество или удалить из вотчины, на сие

Мельников. С. 87–152; Бошенков П. И. Мельников. С. 52–68.

⁵⁹⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 100–107, 123 – 132 об.

⁵⁹¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2322. Л. 18–19, 20–27 об. Письма Голицына не сохранились, но остался ответ от писаревского священника; он был готов помочь, но заметил при этом, что старая вера пустила глубокие корни (Там же. Л. 40–42).

⁵⁹² Там же. Л. 33 об. – 34.

и спрашиваю от Вашего Сиятельства разрешение»⁵⁹³. Николаев подчеркнул также, что терпимое отношение к отказу от брака имеет экономические последствия: меньше крепостных в будущем. Московская контора немедленно приказала Николаеву изгнать освобожденных женщин⁵⁹⁴. Голицын сам дал Николаеву указание «употреблять старание о выдаче всех вообще девок за своих женихов, которые отнюдь не оставались бы холостыми после достижения узаконенного 18-летнего возраста»⁵⁹⁵. Он, правда, вновь подтвердил, что отцы могут купить вольную дочерям за 250–500 рублей, но добавил, что это возможно только по достижении девушками 16 лет (минимальный тогда брачный возраст для женщин), а если вольная не куплена, то девки должны выходить замуж за стексовских крепостных.

Отчеты Николаева о кампании 1839–1840 гг. говорят о возникшей в имении напряженной обстановке. Чужие священники, посланные Нижегородской епархией, ходили по избам, пытаясь запугать крестьян и вынудить их подписать обязательство присоединиться к церкви (подобная тактика позднее применялась на заре сталинской коллективизации). Некоторые крестьяне – среди них бывшие бурмистры Федор Грошев и Михаил Шобалов (который в то время был старостой стексовской православной церкви!) – попросили разрешить им вместо этого присоединиться к единоверческой церкви. Николаев заподозрил подвох и предположил, что они намереваются и ту церковь обходить стороной и пользоваться услугами беглых попов, то есть странствующих священников, которые отпали от православия и ходили с места на место, совершая требы для старообрядцев-поповцев. Другие упорно отказывались подписывать соглашение о прикреплении к православной церкви, а один предложил взятку в 100 рублей, чтобы его оставили в покое⁵⁹⁶. Со своей стороны и с одобрения Голицына Николаев отправил бывших бурмистров Михаила Шобалова и Алексея Грошева «по крамольничеству и расколу» в нижегородский и московский работные дома соответственно. Для полноты картины он приговорил старшего сына Шобалова к исполнению воинской повинности⁵⁹⁷.

В мае 1840 г. Николаев подвел итоги попыток – своих и духовенства – затолкать старообрядцев в церковь. Во время предшествующего Великого поста исповедались 496 голицынских мужиков и 477 женщин; 89 мужчин не явились на исповедь, потому что работали за пределами имения (многие, вестимо, подгадали время отсутствия так, чтобы им не пришлось исповедоваться, – сравните этих 89 со всего-навсего четырьмя отлучившимися из имения во время Великого поста 1861 г.); 27 мужчин и 83 женщины пропустили исповедь, потому были младше 7 лет или по другим причинам⁵⁹⁸. Целью кампании 1839–1840 гг. было заставить старообрядцев исповедоваться у православных священников, и Николаев давал понять (воздерживаясь от прямого утверждения), что эти цифры служат доказательством успеха. Однако, хотя от значительного большинства голицынских крепостных угрозами добились видимости духовного послушания, кампания, как мы скоро увидим, немногого достигла в плане преодоления нежелания женщин выходить замуж.

Голицын не видел причины ослаблять давление. В сентябре 1842 г. он выдал своему новому управляющему Александру Шорникову «Инструкцию». В обязанности Шорникова

⁵⁹³ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2322. Л. 31.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 33 об. – 34.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 97–9 об.

⁵⁹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2322.. Л. 14–14 об., 30, 54–54 об., 77 об. – 79 об.

⁵⁹⁷ Там же. Д. 2331. Л. 7 об. – 8.

⁵⁹⁸ Там же. Д. 2322. Л. 78 об.

теперь уже на регулярной основе входила женитьба крепостных по достижении положенного возраста. Голицын напрямую связывал необходимость принуждения крепостных к браку с присутствием старообрядцев: «Пришедших в совершенный возраст крестьянских детей заботиться тебе жениться на вотчинных невестах; ибо известно мне что многие из крестьян по невежеству своему и преданности к расколу послабляя дочерям своим вести жизнь развратную не хотят выдавать их в замужество; почему и необходимо с твоей стороны распоряжение к отклонению столь вредного для самих крестьян зла. – Не вышедшие в замужество девки наперед сего отделялись от семейств своих и жили в кельях; о истреблении коих хотя многократно было ото меня предписываемо, но за всем тем не существует ли до сего таковых келий, поставляю тебе в обязанность о сем удостовериться и в случае существования немедленно их уничтожить»⁵⁹⁹.

Голицын не ошибался, делая упор на женщин, живущих в кельях. Хотя у нас недостаточно сведений о том, чем они занимались в Стексово, старые девы-«келейницы» были неотъемлемой частью староверческих сообществ во многих частях России, они играли важную роль в обучении детей старообрядцев чтению и письму (что одновременно являлось обучением вере) и иногда руководили общиной.

Голицын наказал Шорникову предпринимать решительные действия против старой веры. Раскольники, говорил он, в 1834 г. дали обещание не иметь больше ничего общего с расколом, но они солгали: они продолжают крестить своих детей и хоронить своих покойников по-своему. Шорников должен был принять необходимые меры к тому, чтобы старообрядцы не укрывали своих беспаспортных одноверцев, и представить список главных раскольников с их семьями – так, чтобы Голицын мог их наказать, если они набедокурят⁶⁰⁰. В 1843 г. Шорников доложил, что он снес все кельи, кроме восьми. Последние он оставил до решения Голицына: он не тронул их, потому что старые девы-старообрядки в них уже не жили. Михаил Макаров, например, утверждал (лживо), что, не имея живых родственников, он сам живет в келье, а Иван Грошев говорил, что в келье на своем дворе держит скот⁶⁰¹.

Несмотря на явную решимость Голицына заставить крепостных брачиться, самые его суровые приказы так и не были приведены в исполнение. Он сам в начале 1840-х гг. продолжал позволять отцам покупать дочерям вольные, даже и после их 16-летия⁶⁰². Сравнение вотчинной переписи 1845 г. и ревизской сказки 1850 г. показывает, что и крепостные, и освобожденные женщины все еще отказывались выходить замуж. В 1845 г. в когорте 20–49-летних было 35 незамужних; 19 из них в той же когорте, теперь в возрасте 25–54 лет, в 1850 г. уже не было. Одна-две самых молодых, может быть, вышли замуж, сколько-то, возможно, умерли (в ревизской сказке их отсутствие не объясняется), но большинство, безусловно, отсутствовало потому, что, не будучи крепостными, они в том году были исключены (как предусматривалось в указе о ревизии 1850 г.) из податного списка имения⁶⁰³. То есть среди взрослых незамужних женщин было приблизительно равное количество освобожденных и крепостных. То, что 19 освобожденных женщин находились в

⁵⁹⁹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 20 об. – 21.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 17 об.

⁶⁰¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 219 об. – 220.

⁶⁰² Там же. Д. 2322. Л. 87 об.; Д. 2401. Л. 16–17 об.

⁶⁰³ ПСЗ. Втор собр. Т. 25. С. 23. Освобожденные женщины вместе с живущими в селе солдатками должны были заноситься в отдельную сказку, которая, по всей видимости, не сохранилась. По соответствующей стексовской переписи (бывшей доли Голицына, тогда принадлежавшей Евграфу Соленикову) 1850 г.: ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1606. Л. 326–423.

вотчинной описи 1845 г., означает, что приказ от 1840 г. изгнать из имения освобожденных старых дев так и не был выполнен. И в 1840-х гг. крепостные женщины в возрасте от 20 до 30 лет продолжали отвергать замужество: в описи ревизии 1850 г. таких было 11 в когорте 25–29-летних и 13 в когорте 20–24-летних. Крепостные женщины, которые при поддержке своих семей отказывались поддаться неоднократным попыткам священников и вотчинных управляющих принудить их к браку, наверняка вдохновлялись примером освобожденных односельчанок и поддержкой старообрядческой общины.

В имении было так много староверов, что они подрывали мораль местного духовенства. Иногда – а скорее всего, довольно часто – им удавалось уговорить или подкупить православных священников, чтобы те совершали требы на старообрядческий лад. В 1834 г. епархиальная консистория расследовала донесение о том, что стексовский православный поп Дмитрий Павлов совершил старообрядческое венчание в церкви села Гремячево в 28 километрах от Стексова. Женихом был сын тогдашнего стексовского бурмистра-старовера Ивана Грошева, невеста была из Гремячево. Гремячевский поп Иван Андреев (автор доноса) утверждал, что Павлов благословлял молодоженов старообрядческим двуперстным крестом, обводил их вокруг аналоя по старообрядческому чину посолонь (то есть по солнцу, а православные ходят против солнца) и употреблял святую воду и вино не из гремячевской церкви, а принесенные женщиной с жениховской стороны. К тому же, говорил Андреев, трое стексовцев, сопровождавших жениха, воздержались от молитвы; посему он решил, что это были староверы. Этот рассказ целиком или частично подтвердили многие из присутствовавших на свадьбе. Консистория сделала вывод, что Павлов действительно провел старообрядческую брачную церемонию. Вдобавок ко всему в 1833 г. выяснилось, что многие из его стексовских прихожан на самом деле ходили молиться в пашутинскую единоверческую церковь. Консистория вынесла решение перевести Павлова в приход, свободный от раскольников⁶⁰⁴.

Тем не менее, по данным приходской ведомости стексовской церкви, шесть из 14 венчаний, совершенных в 1839 г., сочетали браком раскольнические пары⁶⁰⁵. Обряд венчания мог соответствовать или не соответствовать православному чину, но священник явно пренебрег распоряжением – часто повторяемым правительственными и религиозными чиновниками – о том, что староверы не могут венчаться в православной церкви, если они не обратились. Возможно, поэтому управляющий Николаев в начале 1840 г. сообщил Голицыну, что начал записывать в журнале все действия духовных пастырей, которые потворствовали раскольникам⁶⁰⁶. В 1851 и 1854 гг. несколько стексовских венчаний были также записаны в приходской книге как раскольнические, и две из этих пар были записаны спасовцами⁶⁰⁷. Невзирая на твердое намерение их епархиального начальства искоренить старую веру, стексовские священники поддавались активному местному спросу на запрещенные браки – точно так же, как священники в других местах. Стексовским попам наверняка хорошо за это платили.

Какого же типа были старообрядцы в имении Стексово? В 1831 г. группа номинально православных крестьян из голицынского и сопредельных имений подала Афанасию епископу Нижегородскому прошение разрешить им присоединиться к пашутинскому

---

⁶⁰⁴ ЦАНО. (1834). Д. 39.

⁶⁰⁵ ГАНО. № 3. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1086 (нумерация страниц отсутствует). Только четыре из этих венчаний были между голицынскими крепостными: две пары официально православные, две раскольнические.

⁶⁰⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2322. Л. 30.

⁶⁰⁷ ГАНО. № 3. Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1427. Л. 131 об. – 134 об.; Д. 1514 (нумерация страниц отсутствует, две отдельные ведомости от двух разных стексовских священников).

единоверческому приходу. В XVIII в., писали они, предки их были спасовцами; они не стали членами единоверческого прихода, потому что не верили, что им действительно разрешат пользоваться старыми книгами и старыми обрядами. Нынешние просители понимали, что это была ошибка. Они утверждали, что каждый год говорили своим попам, что не ходят на православные службы и не исповедуются православным священникам потому, что являются староверами. Епархиальные чиновники проверили приходские исповедные ведомости 1820-х гг. и выяснили, что некоторые из просителей записаны как исповедовавшиеся ежегодно, некоторые время от времени и что кто-то, судя по записям, пропускал исповедь по забывчивости, другие – потому что раскольники. Двое из просителей из села Стексово вообще были выпущены из исповедной ведомости. Консистория постановила, что просители не убежденные старообрядцы, а просто слабы в вере, и в просьбе им отказала⁶⁰⁸. В 1839 г. и повторно в 1841 г. большая группа крестьян и мещан из Стексово и Пашутиной – никто из них не принадлежал Голицыну, но они жили бок о бок с его крепостными – просили разрешения присоединиться к единоверческой церкви, и большинство из них также сказали, что они спасовцы⁶⁰⁹.

Не все староверы Стексово – явные или скрытые – были спасовцами. В 1832 г. в прошении о разрешении построить каменную церковь на месте деревянной члены пашутинского единоверческого прихода утверждали, что они «сообщего всех согласий»⁶¹⁰. В списке мещан и крестьян, которые хотели присоединиться к единоверческой церкви в 1839 г., стоял подзаголовок «из разных сект», снова давая понять, что не все они были спасовцами⁶¹¹. Действительно, в имении были старообрядцы-поповцы, а также члены беспоповского федосеевского согласия. И те и другие подкупали священников, чтобы они совершали таинства, включая бракосочетание, по старообрядческому чину⁶¹². Павел Мельников в 1854 г. подозревал, что Стексово дает убежище странникам (известным также как «бегуны» – староверы, избегавшие какого бы то ни было контакта с правительственными и церковными властями)⁶¹³. К сожалению, в большинстве имеющихся документов не делается различия между поповцами и беспоповцами, не говоря уже об отличии одного беспоповского согласия от другого. Хотя мы можем не сомневаться, что в имении были старообрядцы разных толков, церковные документы определяют, и не один раз, только спасовцев как отдельное согласие. По описанию Ардатовского уезда от 1869 г., среди

---

⁶⁰⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1831). Д. 27. Поскольку старообрядцы имели обыкновение подкупать священников, данные исповедной ведомости в этом случае следует считать ненадежными. До официального открытия единоверческого храма в Нижнем Новгороде в 1798 г. старообрядцы составили список условий, которые должны были быть выполнены перед тем, как они согласятся присоединиться. Большинство этих условий не были предоставлены, чем, возможно, и объясняется скептицизм пашутинских раскольников (Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России. От зарождения до начала XX века. СПб.: Алетея, 2011. С. 75–78).

⁶⁰⁹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1839). Д. 16 (1841). Д. 37.

⁶¹⁰ Там же (1832). Д. 16. Л. 25–26.

⁶¹¹ Там же (1839). Д. 16. Л. 9.

⁶¹² Дневные дозорные записи о московских раскольниках, сообщены А. А. Титовым // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1895. № 3. С. 47–48. Информация о поповцах и федосеевцах была представлена осведомителем Министерства внутренних дел, выставившим себя членом Преображенской федосеевской общины в Москве. Он, в свою очередь, получил эти сведения от федосеевца из Стексова.

⁶¹³ Мельников П. И. Отчет. С. 9, 221.

уездных старообрядцев численно преобладали спасовцы⁶¹⁴. Большинство стексовских староверов наверняка были спасовцами. Есть основания полагать, что женщины, отказывавшиеся выходить замуж, были преимущественно спасовками, но, весьма возможно, не все; мы можем, однако, быть уверены, что не все молодые спасовки противились браку.

Вотчинная документация дает некоторые фактические сведения о том, кто принимал решение отказаться от брака – сама девица или ее отец (родители). Может показаться, что из тех документов, где говорится, что отцов приходилось заставлять выдавать дочерей замуж, следует, что замужество зависело от отцов, но это был просто принятый оборот речи: в русском языке, как и в английском, отцы «выдавали» дочерей замуж, даже когда дочери сами принимали брачные решения. Сергей Голицын, во всяком случае, придерживался мнения, что стексовские отцы давали волю («послабляя дочерям своим») или разрешали дочерям своим не выходить замуж⁶¹⁵. По его определению, молодые девицы сами проявляли инициативу, с которой родители затем соглашались. Как будет показано ниже, типичное распределение взрослых незамужних женщин – в основном по одной на двор – поддерживает этот вывод. И логично предположить, что если эти девушки имели право по собственной воле воздерживаться от брака, то их также нельзя было заставить против их воли выйти замуж: если родители девушки выбирали нежеланного жениха, она могла предпочесть вообще отказаться от брака.

Вотчинные документы проливают также свет на мучения, которые приходилось переносить старообрядцам, подвергаемым безжалостному давлению, дабы вынудить их признать авторитет господствующей церкви и против своих убеждений пойти на заключение брака. В конце 1840-х гг. Иван Пищирин, непоколебимый старовер, в то время 46 лет, вдовец и с одной только 24-летней дочерью Дарьей, тоже раскольницей, в помощь ему по хозяйству, счел необходимым принять в дом зятя. Дарье было за 20 – возраст, к которому почти все женщины в имении выходили замуж, если вообще выходили; Дарья, по всей вероятности, решила (с охотного, надо полагать, согласия отца) остаться в девках. Тем не менее, понимая, что двор нуждается во взрослом мужике-работнике, она сдалась. Мы можем догадываться, что это решение причинило отцу и дочери большие страдания, потому как в других отношениях они не готовы были идти на компромисс со своими религиозными убеждениями. В мае 1841 г. Пищирин сбежал из имения вместо того, чтобы уступить давлению со стороны вотчинных властей и священников и присоединиться к православной церкви. Вскоре после этого, отвергнув мужнины призывы обратиться в православие, Дарья тоже сбежала⁶¹⁶.

НЕПРИЯТИЕ БРАКА В ИМЕНИИ СТЕКСОВО, 1845

Поскольку в переписи податного населения 1795 г. пропущена информация о происхождении в имении 27% жен, а ревизские сказки и вотчинные подворные описи XIX в. вообще не содержат никаких сведений об их корнях, с достаточной точностью можно рассчитать только соотношение никогда не бывших замужем взрослых женщин и общего числа взрослых женщин в их деревнях, включая жен, привезенных в имение со стороны. Процент уроженок этих деревень, которые никогда не были замужем, должен был быть выше, но неизвестно насколько. К тому же склонность избегать замужества была подвержена колебаниям во времени. Чтобы быть последовательным, я оцениваю уклонение от брака среди всех женщин 25 лет и старше, но это показатель результата отказа от брака за

⁶¹⁴ *Пестов М. П.* Описание ардамовского уезда. С. 120.

⁶¹⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 20 об.

⁶¹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 40–41 об., 44 – 45 об.

период примерно в 40 лет, а не предпочтения женщин на момент проведения ревизии. По данным на 1795 г. (как я уже отмечал), 14,5% взрослых женщин имения Стексово никогда не были замужем, но этот подсчет включает женщин, достигших брачного возраста до того, как неприятие брака – где-то в 1760 г. – проникло в Стексово. Среди женщин, которым в 1795 г. было от 25 до 54 лет, 18,5% никогда не были замужем, что более или менее отражает предпочтения женщин на тот момент; среди женщин в когорте 25–29 лет доля незамужних составляла 19%⁶¹⁷. Общий уровень неприятия брака по всему имению несколько поднялся – до 17,1% к 1814 г., до 17,8% к 1834 г., но это явилось побочным результатом ухода из жизни женщин старшего возраста, которые поголовно выходили замуж, и повышенного уровня неприятия брака среди тех, чей брачный возраст пришелся на период 1795–1805 гг.: 23,3% этих женщин, которые в 1814 г. были в возрасте от 35 до 44 лет, отказались от брака. В следующей 10-летней когорте женщин, 25–34 года в 1814 г., только 19,6% никогда не были замужем⁶¹⁸. После 1834 г. женщины, избегавшие замужества в 1795–1804 гг., постепенно умирали, а в последующих когортах уровень сопротивления браку колебался от 10 до 15%⁶¹⁹.

Судя по данным подворной описи, составленной управляющим Николаем Третьяковым в 1845 г., только 5 из 213 дворов напоминали спасовские дворы в приходе с. Купля, которые накапливали женщин. Двор Михаила Макарова – того самого, чья келья уцелела в 1843 г., – состоял из Макарова, 61 года, его сестры – старой девы, 55 лет, и его никогда не бывшей замужем 37-летней дочери. У Алексея Грошева, вдовца и одного из вожakov стексовских старообрядцев, было два женатых сына, незамужняя дочь, 45 лет, и незамужняя внучка, 22 лет (как я объясняю ниже, возрастной потолок выхода замуж в Стексово был фактически 20 лет). После смерти в 1844 г. старообрядца Никиты Губанихина его двор состоял из его четверых несовершеннолетних детей и четырех его незамужних сестер в возрасте от 30 до 46 лет. Василий Мортухин, 24 лет, жил со своей женой, сестрой – старой девой, 31 года, и тремя незамужними тетками, 57–68 лет. Сидор и Сергей Сивовы, 59 и 49 лет, жили со своими сестрами – старыми девами, 60 и 32 лет, незамужней дочерью Сидора, 25 лет, и двумя женатыми сыновьями Сергея⁶²⁰.

Во многих других дворах было только по одной взрослой незамужней женщине, например 35-летняя дочь Ивана Грошева, который заплатил стексовскому попу, чтобы тот обвенчал его сына по старообрядческому чину⁶²¹. В общей сложности 45 незамужних дочерей, сестер, племянниц, теток, двоюродных сестер, золовок и своячениц, все старше 20 лет, были единственными одинокими женщинами в своих дворах. Управляющий Третьяков пояснил, почему 3 из этих 45 никогда не были замужем: хромая, безумная и слепая. В общее число входили три одинокие женщины, проживавшие во дворах, где у них, по-видимому, не было родственников: «принятая во двор», по определению Третьякова. Они поселились в этих дворах до ревизии 1834 г., и нет способа узнать, откуда они появились.

Присутствие такого количества незамужних женщин во дворах, где остальные взрослые состояли в браке, дает твердые основания полагать, что Сергей Голицын был прав: эти женщины сами предпочли не выходить замуж, а их родители согласились с их решением. Так, несомненно, было в случае с Авдотьей Шобаловой, дочерью Ивана Шобалова из

⁶¹⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 163. Л. 297–400 об.

⁶¹⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2396.

⁶¹⁹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1102. Л. 363 об. – 476.

⁶²⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 14. . Д. 2397 (стексовские дворы 51, 32, 58, 66; писаревский двор 25).

⁶²¹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 2397 (стексовский двор 37).

старообрядческого клана Шобаловых. В 1845 г. ей было 27 лет, она была не замужем и жила во дворе женатого брата, между тем в предыдущие три года две из ее младших сестер вышли замуж⁶²². Данные о размещении женщин по дворам в ревизских сказках 1834 и 1850 гг. полностью соответствуют данным в вотчинной переписи 1845 г.: в эти годы некоторые дворы также содержали по несколько одиноких женщин, а во многих других их было всего по одной⁶²³. Эта картина на самом деле начала складываться к 1795 г.: по данным податной ревизии того года, 46 незамужних женщин 20 лет и старше были в своих дворах единственными никогда не бывшими замужем взрослыми женщинами, в то время как 22 распределились по две на двор⁶²⁴. У многих из этих взрослых незамужних женщин – приходилось ли их в 1795 г. по одной или две на двор – были старшие и младшие сестры либо другие близкие родственницы, вышедшие замуж. Иными словами, в 1795 г. старообрядцы имения Стексово не навязывали своим дочерям ни брака, ни безбрачия, а, судя по всему, предоставляли им самим принимать такое решение. Поскольку во второй четверти XIX в. наблюдалось аналогичное распределение незамужних женщин по дворам, нет оснований сомневаться, что и тогда женщины сами решали, выходить или не выходить замуж. Не изменилось это и в 1861 г.: в селе Стексово каждая из 21 принадлежащей Соленикову (ранее Голицыну) незамужней женщины 20 лет и старше была единственным не состоявшим в браке взрослым членом своего двора⁶²⁵.

Таблица 7.1. Брачное состояние в голицынском имении Стексово по возрастным когортам, 1845

Возрастная когорта	Когда-либо женатые	Никогда не бывшие женатыми	Когда-либо бывшие замужем	Никогда не бывшие замужем
0–14	0	167	0	190
15–19	7	53	10	40
20–24	58	3	68	9 (11,7%)
25–29	46	0	50	7 (12,3%)
30–34	43	0	47	8 (14,5%)
35–39	39	1	30	3 (9%)
40–44	35	1	38	3 (7,3%)
45–49	38	1	49	5 (9,3%)
50–54	38	0	30	3 (9,1%)
55–59	20	1	31	7 (18,4%)
60+	57	7 (10,9%)	35	15 (30%)
ИТОГО?	381	234	388	290
ИТОГО 20+	374	14 (3,7%)	378	60 (13,7%)
ИТОГО 25+	316	11 (3,4%)	310	51 (14,1%)

Источник: ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2397. Л. 2–45.

Я даю общее число когда-либо состоявших и никогда не состоявших в браке, по данным на 1845 г., в возрасте 20 лет и старше и 25 лет и старше. В имении Стексово между этими когортами не наблюдалось значимой разницы, в отличие от дворцовых-удельных деревень в приходе с. Купля, где предельным возрастом выхода замуж были 25 лет, или Баков, где предельный возраст для замужества в 1830-х гг. поднялся до 30 лет. По меньшей

⁶²² Там же (стексовские дворы 25 и 27). Авдотья оставалась не замужем и в 1850 г.

⁶²³ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1101. Л. 364 об. – 476 (1834); Д. 1606. Л. 326–423 (1850).

⁶²⁴ Там же. Д. 163. Л. 297–400 об.

⁶²⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 100–105 об., 123–128 об.

мере шесть из девяти незамужних женщин в когорте 20–24-летних на 1845 г. пять лет спустя были по-прежнему не замужем, и вполне возможно, что ни одна из этих девяти женщин так никогда и не пошла под венец. Остальные три могли выйти замуж или получить вольную; в обоих случаях они не были бы приписаны к своему родному двору во время ревизии 1850 г. Не только подворная опись 1845 г. и ревизские сказки 1834 и 1850 гг. говорят нам о том, что 20 лет были фактически предельным возрастом для замужества в Стексово, но то же самое, лишь с небольшими исключениями, подтверждается конкретными примерами возраста вступления в брак. Управляющий Третьяков отметил возраст 12 из 17 женщин, вышедших замуж за пределами имения в период с конца 1842 г. по февраль 1845 г., когда он составил подворную опись: одиннадцати было от 16 до 20 лет, одной 22 года⁶²⁶. В 1839 г. всем крестьянским невестам, венчавшимся в стексовской приходской церкви, было 18–19 лет, крестьянским женихам от 18 до 20 (до 1830-х гг. стексовские священники не записывали возраст венчавшихся). В 1851 и 1854 гг. 18 из 20 крестьянских невест вышли замуж в 16–20 лет, одна в 22 года; другая, раскольница, в 27 лет. Дарья Пищирова – также исключение, так как раскольница в 1840 г. вышла замуж в 24 года, но не потому, что она этого хотела. 19 из 20 крестьянских женихов в 1851 и 1854 гг. было 18–20 лет, а одному – 22⁶²⁷.

Впрочем, представляется вероятным, что мужчины все еще женились и в возрасте 22 или 23 лет. Двое из троих 20–24-летних, неженатых в 1845 г., к 1850 г. состояли в браке. Возможно, по состоянию на 1845 г., им было не так просто найти невест. Гораздо меньше мужчин, чем женщин, вообще обходились без брака – в 1845 г. таких было всего четверо из 259 мужчин 25–59 лет (1,5%). Наиболее вероятным объяснением, почему очень небольшое число мужчин остались холостяками, было бы то, что они страдали физическими или умственными недостатками. Между тем в подворной описи значатся четверо мужчин с недостатками (слепой, пахорукий, хромой, пахорукий), и все они были женаты⁶²⁸. Иван Бирюков, 35 лет в 1845 г., никогда не был женат и проживал во дворе, где, кроме него, были только его брат, жена брата и незамужняя 23-летняя дочь брата⁶²⁹. Двое одиноких здоровых взрослых в одном дворе были бы необычным явлением для деревни, не отличающейся неприязнью к браку, что наводит на мысль о том, что Иван – так же как несколько мужчин из прихода с. Купля и имения Баки – не женился по религиозным соображениям. И все же, по существу, для мужчин голицынского имения Стексово брак был универсальным стандартом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ НЕПРИЯТИЯ БРАКА, 1750–1860-е

Вернемся к таблице 7.1, требующей некоторых пояснений: в 1845 г. процент избежавших брака женщин не сильно отличался по пятилетним когортам – от 20–24-летних вплоть до 50–54-летних, в то время как среди женщин 55 лет и старше и мужчин 60 лет и старше брак был гораздо менее частым явлением, чем среди более молодых. Это может быть результатом ошибок стариков при указании своего возраста или, возможно, отсутствия информации для точного определения их брачной истории – часто встречающиеся проблемы

⁶²⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2397 (стексовские дворы 27 (две девушки) и 31; пашутинский двор 6; писаревские дворы 24, 36, 39; дворы д. Пятницкое 1, 29, 38; дворы в Балахонихе 25, 28). Не указан возраст девушек, вышедших замуж на сторону из стексовских дворов 4, 8 (две девушки), 21 и писаревского двора 12. Вероятно, Третьяков записал их как вышедших замуж, потому что они вышли замуж за пределами имения. Если бы они вышли замуж за крестьян из своего имения, они были бы приписаны к другим дворам родного имения.

⁶²⁷ ГАНУ. № 3. Д. 1086 (без нумерации страниц); Д. 1427. Л. 99 об. – 101, 131 об. – 134 об. Большинство этих состоявших в браке крепостных были не из голицынских.

⁶²⁸ ГИМ. Ф. 14. Д. 2397 (дворы в д. Пятницкое 12, 19 и 32, двор в Балахонихе 12).

⁶²⁹ Там же (двор в Писареве 3).

со многими сохранившимися записями актов гражданского состояния. Однако, хотя подворная опись 1845 г. действительно оставляет брачный статус некоторых из самых старых мужчин и женщин неясным, сведения из ревизской сказки 1834 г. и подворной описи 1814 г. дают нам полную уверенность. Например, семеро неженатых мужчин в когорте 60-летних и старше в 1845 г. не состояли в браке и в 1834 г. Что же касается никогда не бывших замужем женщин 55–59 и старше 60 лет, это были последние оставшиеся в живых из когорт 1795–1804 гг., то есть из поколения, наиболее активно противившегося замужеству. И, как мы это увидели в приходе с. Купля и в баковской округе, в начальном порыве принятия противобрачной догмы небольшое, но не малозначимое число мужчин тоже отказались от женитьбы. Среди мужчин это было преходящим моментом: после 1804 г. они почти поголовно вступали в брак.

Ревизия 1762 г. выявляет Писарево как первую деревню, в которой женщины начали избегать замужества. Повторяем: в том году только 10 из 292 женщин 25 лет и старше в той части имения Стексово, которую в свое время унаследовал Сергей Голицын, были не замужем: семеро из них проживали в Писарево, где они составляли 9,2% женщин 25 лет и старше⁶³⁰. Женщины в другой части Писарево, передававшейся в наследство по другой ветви Голицыных, тоже к тому времени начали противиться браку: 10 из 182 женщин 25 лет и старше (5,2%) вообще не выходили замуж. Восьми из них было от 25 до 29 лет, и они составляли 19,5% от 33 женщин в этой когорте. Хотя в ревизии 1762 г. бросается в глаза возрастная аккумуляция среди женщин, ее данные явно показывают, что сопротивление браку возникло в Писарево без особого предупреждения в конце 1750-х гг.⁶³¹

Данные ревизии 1795 г. позволяют нам начертить схему поступательного движения сопротивления браку по имению, позднее перешедшему по наследству к Сергею Голицыну. Из 81 женщины 55 лет и старше только две (2,5%) никогда не были замужем. Из 33 женщин от 50 до 54 лет семь (21%) никогда не выходили замуж; из них шесть жили в Стексово и Писарево, а в Пашутиной одна из двух в этой когорте была не замужем. Женщины от 40 до 50 лет, достигшие брачного возраста в 1770-х гг., уклонялись от брака во всех пяти деревнях⁶³². По данным исповедной ведомости стексовского прихода 1791 г., женщины в маленькой деревушке Белозерье, тогда принадлежавшей Дарье Голицыной, но не вошедшей в долю, унаследованную Сергеем Голицыным, прониклись отвращением к замужеству только в 1780-х, но зато с особым пылом: на 1791 г. все женщины старше 29 лет были замужем, а из семи женщин 25–29 лет четыре никогда не были замужем и пять из девяти в 20–24-летней когорте еще не вышли замуж⁶³³.

Таблица 7.2. «Удельный вес» никогда не бывших замужем женщин 25 лет и старше в стексовском имении Голицына (с 1847 г. Соленикова), в разбивке по деревням, 1762–1861 (в процентах)

⁶³⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1264. Гл. 2. Л. 1235–1307 об.

⁶³¹ Там же. Д. 1264. Гл. 1. Л. 832–858.

⁶³² ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 163. Л. 297–400 об.

⁶³³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 409. Л. 441–442 об.

	1762 податная ревизия	1795 податная ревизия	1814 вотчинная перепись	1834 податная ревизия	1845 вотчинная перепись	1850 податная ревизия	1861 исповедная ведомость
Стексово	1,7	15,0	18,0	22,1	17,6	15,4	16,1
Писарево	9,2	14,4	17,7	19,5	13,9	11,0	
Балахониха	2,0	17,7	22,0	22,4	18,0	17,7	
Пашутина	0	22,6	21,0	3,4	6,5	8,7	8,0
Пятницкое	0	7,8	13,3	9,3	7,5	8,5	
Все имение	3,3	14,5	17,9	17,8	14,1	12,9	

Примечание: единственный двор в Коробино, 1834–1850 гг., включен в общие цифры по имению.

Источники: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1264. Гл. 2. Л. 1235–1307 об.; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 163. Л. 297–400 об.; Д. 1102. Л. 363 об. – 376; Д. 1606. Л. 317–423; ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2396; Д. 2397; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 100–105 об., 113 – 114 об., 123–128 об.

Как показывает таблица 7.2, в период между 1762 и 1795 гг. сопротивление браку резко возросло по всему имению. Тенденция к избеганию замужества продолжала повышаться приблизительно до 1805 г. и затем пошла на убыль, но благодаря разгону, взятому особо несклонными к замужеству женщинами, которым исполнилось 25 лет в промежутке между 1795 и 1804 гг., доля никогда не бывших замужем женщин увеличивалась вплоть до 1814 г., затем, после 1834 г., стала сокращаться. Ревизия 1850 г. сомнительный источник, поскольку в ней не учитывались освобожденные женщины, все еще проживающие в родном дворе. По моим самым скромным подсчетам, 9 из 19 незамужних женщин 20–49 лет, попавших в список в 1845 г., но не в 1850 г., в этот промежуточный период не вышли замуж и не умерли. Исповедная ведомость 1861 г., куда среди прихожан внесены (без указания) и освобожденные, дает сведения для более точной оценки, но только по селам Стексово и Пашутина.

Возможно, не было простым совпадением, что отказы молодых женщин от брака пошли на спад вскоре после того, как Сергей Голицын унаследовал имение в 1804 г. К 1820-м гг. он отменил ежегодный 10-рублевый штраф на женщин, избегавших замужества, а цена вольной в 250–500 рублей оказалась не по карману, по крайней мере, некоторым отцам несговорчивых невест. Вотчинная переписка не оставляет сомнений в непреклонном намерении Голицына заставить молодых крепостных женщин выходить замуж. Тем не менее различия от одной деревни к другой и особенно снижение сопротивления браку в Пашутиной и Пятницком близко к началу XIX в., а в Писареве позже говорили о том, что это не было заслугой одного Голицына. Мы не знаем, как Евграф Солеников управлял имением после его покупки в 1847 г. Похоже, что уровень сопротивления браку в Стексово стабилизировался где-то на планке 1845 г. В течение 14 лет после прихода Соленикова молодые женщины продолжали вступать в ряды незамужних взрослых: в 1861 г. в селе Стексово четыре из 30 женщин 25–34 лет никогда не были замужем (13,3%), а среди 20–24-летних, то есть достигших или пересекших то, что издавна было фактически предельным возрастом выхода замуж, все еще одиночками оставались 13 женщин (23%)⁶³⁴.

⁶³⁴ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 100–105 об., 123–128 об.

Карта 4. Имение Стексово Сергея Голицына и Белозерье

У нас есть уверенность, что в Стексово и Пашутиной спасовцы были в количественном преимуществе. Мы не имеем прямых доказательств, касающихся религиозной ориентации старообрядцев в Писарево, Балахонихе и Пятницком. Однако брачное поведение балахонихинских женщин ничем не отличалось от поведения их современниц из Стексово, так что не исключено, что и там противницами брака были в основном спасовки. Во всяком случае, балахонихинским крепостным была свойственна строптивость: в 1836 г. 15 из ее 39 дворов наотрез отказались выполнять требование Голицына раскошелиться на подушный сбор 4 рубля 20 копеек на содержание православных приходов имения⁶³⁵. Единственное,

⁶³⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2321. Л. 221–224 об.

что мы можем сказать о сопротивлении браку в Писареве, – это то, что оно значительно ослабло после 1834 г. (при этом никогда не бывшие замужем концентрировались среди пожилых – отголоски прежних времен; по данным на 1850 г., только 8,2% женщин в возрасте 25–54 лет никогда не были замужем). Если до 1834 г. брачное поведение писаревских женщин корнями уходило в традиционные убеждения спасовцев (только как гипотеза), после 1834 г. писаревские спасовцы могли разделиться на традиционалистов и сторонников брака – новоспасовцев (большое начало). Имеющаяся статистика, конечно, допускает и другие гипотезы.

Пятницкое, с другой стороны, последовательно являло собой исключение; уровень сопротивления браку достиг там апогея, 12,9%, в 1834 г. и, если не считать женщин 55 лет и старше, упал до 7,3% в 1850 г. Это не означало какого-либо особого тяготения к православию: в 1854 г. Павел Мельников назвал Пятницкое в ряду 16 приходов вдоль границы между Ардатовским и Арзамасским уездами, где староверы составляли половину населения (и его подсчеты, как и по Стекову, были, вероятно, занижены). Пятницкие старообрядцы, какого бы они ни были согласия, тоже покорностью не отличались. В 1836 г. 11 из 42 голицынских дворов презрели приказ Сергея Голицына об уплате по 4 рубля 20 копеек с носа на приходскую церковь⁶³⁶. Спасовки села Стеково противились замужеству, а большинство их сестер-староверок в Пятницком были из разряда брачащихся.

История старой веры и сопротивления браку в Пашутиной, находившейся всего в 2 километрах от села Стеково, была совсем другой, но она лишь частично освещена в сохранившихся документах. По одной версии – по всей видимости, устному преданию, – село было основано в середине XVIII в. выходцами из Стеково и других деревень и названо в честь основателя Павла⁶³⁷. Это, однако, маловероятно, так как в 1762 г. в той части Пашутиной, которую позже получил в наследство Сергей Голицын, общее население насчитывало 116 душ мужского и женского пола (более ранних ревизских сказок по местности, позже ставшей Ардатовским уездом, не сохранилось), а доля села, наследованная по линии Прасковьи Голицыной, была больше⁶³⁸. Трудно представить, что новое селение достигло бы таких размеров за 10 с лишним лет. Между прочим, в 1763 г. все женщины 20 лет и старше в части села Дарьи Голицыной (и позже Сергея) были замужем, и 23 из 25 жен были родом из этой же деревни. Это составляет больший процент жен местного происхождения, чем в остальном имении: например, в более крупных деревнях, таких как Писарево (293 души обоих полов в будущей доле Сергея Голицына), Пятницкое (160 душ) и Балахониха (215 душ), от 60 до 74% жен были родом из этих деревень. Стеково, с самым большим населением – 444 души всех возрастов и обоих полов (в будущей доле Сергея Голицына), – было вторым по количеству жен местного происхождения – 88%, но, естественно, чем больше деревня, тем легче найти невесту по соседству. Похоже, что пашутинские мужчины приводили жен из-за пределов своей общины, только когда в селе не оставалось ни одной незамужней женщины⁶³⁹. То есть предпочтение брать себе пару из своей общины было осознанным и почти наверняка связанным с религией.

Пашутина во второй половине XVIII в. была почти целиком старообрядческой; в ней

⁶³⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2321. Л. 221–224 об.

⁶³⁷ Бажаяев А. Исторические сведения о селениях ардатовского района. Ардатов; Арзамас: АГПИ, 2004. С. 65.

⁶³⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1264. Гл. 2. Л. 1288 об. – 1293. Ревизская сказка, касающаяся доли, в 1762 г. принадлежавшей Ивану Алексеевичу Голицыну (там же. Гл. 1. Л. 858–869 об.), не полностью сохранилась, но в ней переписано больше 116 душ.

⁶³⁹ По данным ревизии, к 1762 г. только две уроженки Пашутиной вышли замуж в другие деревни имения.

была своя, заведенная без разрешения властей старообрядческая часовня вплоть до 1798 г., когда Нижегородская епархия дала добро на создание там единоверческого прихода⁶⁴⁰. Из последующих прошений, в которых старообрядцы обращались за разрешением присоединиться к этому приходу, нам известно, что многие пашутинцы принадлежали к Спасову согласию и вначале отказывались войти в единоверческую церковь. Присутствие значительного количества спасовцев может объяснить, почему в 1795 г. 24% (6 из 25) пашутинских женщин в возрасте от 25 до 54 лет никогда не были замужем⁶⁴¹. Между тем после 1795 г. сопротивление браку практически прекратилось. В 1834 г. в живых осталась только одна взрослая незамужняя женщина 48 лет. В 1845 г. там была еще одна взрослая незамужняя женщина, 21 года, но она была хромя и, возможно, поэтому не вышла замуж; она оставалась одинокой и в 1850, и в 1861 гг. В 1850 г. еще одна взрослая женщина также была не замужем; она не была включена в ревизскую сказку того года, вероятно, потому, что получила вольную, но ей было либо 23, либо 27 лет, в зависимости от того, где ее возраст был записан правильно – в вотчинной переписи 1845 г. или в исповедной ведомости 1861 г. (я посчитал ее 23-летней). В период между ранними 1800-ми и 1861 г. она и хромя девица были единственными не вышедшими замуж коренными пашутинками⁶⁴². Нам известно только одно обстоятельство, которое могло бы объяснить конец уклонения от замужества в Пашутиной: открытие дозволенного законом места для старообрядческих богослужений – единоверческой церкви. По всей вероятности, возможность регулярно совершать старые обряды, включая дониконианский обряд венчания, убедила женщин села, в том числе спасовок, что брак все-таки от Бога.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Предпочтительный состав дворов в Стексово снижал демографический риск, сопутствующий неприятию женщинами брака: стексовские супружеские пары, хотя и не в подавляющем своем большинстве, тяготели к совместному проживанию с другими родственными парами. Управляющий Третьяков в подворной описи 1845 г. переписал 69 дворов с общим числом 394 жителей обоих полов – средний размер двора 5,7 души. Как и для Баков, я определял предпочтения по дворовому составу, не принимая в расчет 10 остаточных (но реально существующих, не призрачных) дворов, в которых в 1845 г. уже не было супружеских пар. В селе Стексово только 21 из 59 полноценных дворов (36,6%) состояли из одной пары (обычно с детьми), в то время как в Баках таких было 56 из 114 полноценных дворов (49,1%). В Стексове 20 дворов состояли из двух женатых пар и еще 11 из женатой пары и вдовы или вдовца: 31 из 59 полноценных дворов (53%) содержали, или недавно содержали, по две пары. Были там также семь дворов, где проживало от трех до пяти пар в полном составе. Типичным стексовским двором был двор, где в настоящий момент или несколько раньше проживали две пары. Таких дворов в Стексово было 64%, а в Баках только 51,1%. В Стексово, таким образом, существовала меньшая вероятность, что смерть мужа оставит двор без взрослого мужчины. Для сохранения жизнеспособного двора столь же важен был более высокий коэффициент выживаемости среди взрослых мужчин Стексова: в селе Стексово в 1845 г. было всего 10 вдов (8% от 129 женщин 25 лет и старше) по контрасту с 46 (21% от 220 женщин 25 лет и старше) в 1834 г. в селе Баки⁶⁴³.

⁶⁴⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1832). Д. 16. Л. 13.

⁶⁴¹ Эти цифры касаются только части села, унаследованной Сергеем Михайловичем.

⁶⁴² В 1845 г. там также находилась, по всей видимости, незамужняя 58-летняя женщина, «принятая во двор». Она не была записана в пашутинской ревизской сказке 1834 г. и, вероятно, была родом не из этого села.

⁶⁴³ В Стексово было 11 вдовцов, в Баках только 7.

Выяснилось также, что в Стексово отсутствие женатой пары не обрекало двор автоматически на обнищание. Из десяти неполных (остаточных) дворов села в 1845 г. как минимум пять были – невероятно, но факт – жизнеспособны, по крайней мере на ближайшее время. Одиноким Николай Еремеевцев, 68 лет в 1845 г., получал от торговли приблизительно 500 рублей в год; он был единственный мужчина во дворе после того, как в 1831 г. его сына 31 года забрали в армию. Губанихинский двор – самый крупный из этих десяти после того, как в 1844 г. в возрасте 48 лет умер его глава вдовец Никита Губанихин, – насчитывал восемь жителей: два сына Никиты, 14 и 15 лет, две дочери, 8 и 9 лет, и четыре никогда не бывших замужем сестры, 30–46 лет. По сведениям управляющего Третьякова, они зарабатывали 1500 рублей в год, занимаясь земледелием и сдавая в аренду принадлежавшие им 83,7 гектара земли; после смерти Никиты доходы от земледелия, возможно, сократились, но арендный доход, безусловно, мог содержать семью. Федор Хибарин, 76 лет, и его сестра – старая дева, 59 лет, ежегодно зарабатывали 500 рублей торговлей. Мавра Губанихина, 48 лет, и 68-летняя девственница-тетка умудрялись зарабатывать торговлей 400 рублей в год даже после того, как муж Мавры сбежал. Дворы Губанихина, Хибарина и Губанихиной, содержавшие взрослых незамужних женщин, предположительно, были беспоповской старой веры Спасова согласия. Николай Еремеевцев, по-видимому, тоже: в стексовском дворе других Еремеевцевых жила 50-летняя дочь хозяина двора – старая дева. 50-летний вдовец Иван Шобалов (доход 600 рублей от сельского хозяйства и мельницы, которую он арендовал) тоже, вероятно, был спасовцем: хотя две из его дочерей были замужем, старшая в 27 лет еще оставалась в девицах и жила во дворе своего женатого брата. С еще одним сыном, 19 лет, и двумя юными дочерьми, 17 и 13 лет, Иванов двор почти наверняка пережил бы его смерть.

Четыре из пяти беднейших остаточных дворов, возможно, не были старообрядческими-беспоповскими (сведения из раздробленных дворов по определению разрозненные, но подворные списки 1814 и 1834 гг. дают основания полагать, что действительно не были). Три двора вообще не имели доходов – Андрей Федотов, 15 лет, и его мать Дарья, 60 лет; братья Семен и Иван Лапшины, 17 и 9 лет; одинокая Наталия Пешанова, 32 лет, муж которой числился в бегах, – и старых дев в них не было. Двор Авдотьи Лапшиной – ее муж сбежал, но у нее было два сына, 17 и 19 лет, и двое младших детей – зарабатывал, судя по описанию дворового хозяйства, 100 рублей хлебопашеством и работой в качестве мелкого служащего имения – последнее явно касалось не Авдотьи, а ее сбежавшего мужа. То есть двор потерял часть прежнего дохода. Только неимущий двор Михаила Осерина, 61 года, его невестки – старой девы Анны Егоровой, 55 лет, и его незамужней дочери, 37 лет, был, вероятно, спасовским: они не занимались сельским хозяйством и Осерин зарабатывал всего 35 рублей в год, работая сторожем в вотчинной конторе. Осеринский двор и три двора без всякого дохода могли выживать только за счет подаяний, но они, надо полагать, все-таки жили в своих избах.

Эти десять дворов представляют собой очевидный парадокс. В селе Стексово четыре из десяти остаточных дворов в 1845 г. содержали старых дев; они составляли почти пятую часть от 21 стексовского двора с незамужними женщинами 25 лет и старше. Шесть убогих дворов без взрослых незамужних женщин (их там не было также и в 1834 г.) составляли всего лишь 12,5% от 48 дворов в этой группе. В свете анализа демографической участи баковских дворов неудивительно, что присутствие незамужних женщин почти удваивало для стексовского двора вероятность демографического увечья. Между тем среди этих десяти дворов три из четырех, содержавших никогда не бывших замужем взрослых женщин, здравствовали, в то время как пять из шести без старых дев впали в крайнюю нищету или нуждались: в остаточных дворах старые девы соотносились с достатком, а не с бедностью.

И это не было нечаянным подарком судьбы, однажды выпавшим около 1845 г. В период между 1834 и 1845 гг. процент выживаемости дворов, имевших и не имевших у себя

старых дев, был почти одинаков: 49 из 56 дворов без старых дев в 1834 г. (87,5%) уцелели по 1845 г. включительно, как и 20 из 22 со старыми девами (91%)⁶⁴⁴. Ревизия 1834 г. не дает сведений о ресурсах или доходах дворов, но экономическая информация в подворной описи 1845 г. в такой же степени отражает недавнюю хозяйственную историю дворов, как и результаты труда одного года. В 1845 г. из 21 двора Стексово с незамужними женщинами 25 лет и старше 14 (67%) зарабатывали 450 или более рублей. Среди остальных 48 дворов лишь 23 (48%) зарабатывали не менее 450 рублей. То есть не только среди остаточных дворов наблюдается соответствие между старыми девами и благополучием, но такой расклад был в Стексово в целом. Связь между стародевичеством и благосостоянием могла (это только гипотеза) быть основана на общинной солидарности спасовцев.

В период между 1814 и 1816 гг. (годы вотчинной подворной описи и податной ревизии) и 1834 г. дворы в с. Стексово с незамужними взрослыми женщинами показывали лучшую выживаемость, чем без них. За эти 20 лет 13 из 91 двора Стексово не стало. По данным от 1814 г., ни один из этих 13 не был обременен незамужними взрослыми женщинами (25 лет и старше). Все 18 дворов с незамужними взрослыми женщинами, которым в 1814–1816 гг. было как минимум 25 лет, сохранились до 1834 г., в то время как 13 из 78 дворов без незамужних взрослых женщин (16,7%) исчезли. Основной причиной гибели двора было сочетание маленького размера с демографическим злополучием. Два двора – в каждом по одному взрослому мужчине – пали жертвами войны: муж и вдовец ушли в ополчение воевать с французами и не вернулись; из одного двора пропали вдова и ее три дочери, а из другого 14-летний парень пошел со временем «в примак» в семью Писаревых. Другие четыре двора, которые в 1814 г. возглавляли вдовы, также сошли на нет. Одна из вдов вышла замуж за стековского вдовца и взяла сына, которому в 1814 г. было 12 лет, с собой в дом нового мужа. До 1834 г. прекратили существование еще пять дворов, в 1814 г. состоявших из пожилых супружеских пар с юными дочерьми⁶⁴⁵.

Вымирание дворов было бы масштабнее, если бы они не привлекали новые силы. Четыре двора со старыми девами и два без них приняли к себе зятьев, которые к 1834 г. стали в них хозяевами, а другой двор (без старых дев) взял в приемыши мальчика, который со временем стал в нем главой. Еще один двор попытался продлить свое существование путем принятия к себе нового члена, но к 1834 г. двор был обречен: приемыш превратился в 56-летнего одинокого вдовца. Двенадцать других дворов (только один из которых, по данным на 1814–1816 гг., содержал старую деву) стали остаточными: у них не было ни способных произвести потомство пар, ни других очевидных способов продолжить свой век. Подворные описи, что интересно, оставляют впечатление, что в годы вокруг 1800 г. порядка дюжины супружеских пар либо совсем избегали, либо ограничивали деторождение. Это только впечатление, не гипотеза, что в Стексове в те годы практиковался целибатный брак. Очевидно лишь, что в 1814–1834 гг. дворы с незамужними взрослыми женщинами лучше, чем остальные, способны были предотвратить свою гибель.

В отношении всего периода 1814/1816–1845 гг. три момента не вызывают сомнения: в Стексове шел медленный, но неуклонный процесс убыли дворов, присутствие незамужних взрослых женщин имело минимальное отношение к обнищанию и гибели дворов и – по крайней мере, в период 1834–1845 гг., а возможно, также и раньше – дворы с незамужними

⁶⁴⁴ Два двора со старыми девами преклонного возраста, которые исчезли к 1845 г., могли быть призраками уже в 1834 г.: в тот год не было мужчин. Старые девы могли на самом деле жить у соседей.

⁶⁴⁵ В подворной описи 1814 г. числятся 77 дворов. Три сразу же после этого разделились, добавив четыре двора к переписи 1816 г., сохраненной в ревизской сказке 1834 г. Плюс к этому у последних 10 дворов из сказки 1834 г. не находится предшественников в 1814 г. ни в селе, ни в имении Стексово. Возможно, что они прибыли из других мест между 1814 и 1816 гг., и положенная запись об этих переводах была сделана в утерянной сказке 1816 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2396. Л. 1–25 об.; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1102. Л. 363 об. – 395).

взрослыми женщинами были более благополучны, чем те, где их не было. С 1814 по 1834 г. исчезли 13 из 91 двора, так же как 9 из 78 с 1834 по 1845 г.; годовой показатель убыли был чуть меньше одного процента в первый и чуть больше одного процента во второй период. По другим меркам, за 29 лет исчезли 22 из исходных 91 двора или 7,8% от исходных 91% за десятилетие. Из 22 дворов со старыми девами гибель настигла только два (9%), а из 69 дворов без старых дев исчезли 20 (30%). Это сценарий, полностью противоположный баковскому. Некоторые из сопротивлявшихся браку дворов в стремлении предотвратить демографический коллапс брали к себе потенциальную смену, но более значительным фактором является то, что дворы со старыми девами в среднем отличались от дворов без них большим благосостоянием.

СОЛДАТЧИНА И СРАВНЕНИЕ: СТЕКСОВО ГОЛИЦЫНА И СТЕКСОВО ОБОЛЕНСКОГО

Ревизские сказки 1834 и 1850 гг. показывают, что в имении Стексово Сергея Голицына из 122 мужчин, которым исполнилось 20 лет (минимальный возраст призыва в армию по данным на 1831 г.) между 1816 и 1825 гг., на военную службу призвали 27 (22%); в 1826–1835 гг. из 127 мужчин, которым исполнилось 20 лет, в армию ушли 20 (15,7%); а из 92 мужчин, которым исполнилось 20 лет в 1836–1845 гг., воинская повинность забрала 13 (14,1%)⁶⁴⁶. Некоторых мужчин из когорты 1836–1845 гг. должны были забрать также после ревизии 1850 г. Поскольку эти ревизии учитывали только женщин, которые были живы в 1834 и 1850 гг., и ничего нам не говорят о тех, кто исчез из вотчинной описи между 1816 и 1850 гг., мы не можем сравнить количество мужчин и женщин, вошедших в эти годы в брачный возраст. Отток стексовских мужчин в армию действительно предполагает возможность, что рекрутская повинность могла быть причиной, по которой многие стексовские женщины оставались незамужними. Однако это предположение так же неверно в отношении Стексово в 1820–1840-х гг., как и в отношении дворцовых крестьян прихода с. Купля и ливенского имения Баки в 1760–1790-х гг. Это более или менее напрямую подтверждается возрастом мужчин, в котором их призывали в армию, и, косвенно, сравнением с ревизской сказкой 1850 г. из части села Стексово, принадлежавшей Оболенским. В Стексово, как и везде, рекрутчина нанесла ущерб многим дворам и некоторые разорила, но шансы бракоспособных женщин выйти замуж от этого существенно – а возможно, и никак – не пострадали.

Во второй четверти XIX столетия в России большинство мужчин, ушедших в армию, имели жен. Этот факт идет вразрез с устойчивым представлением о том, что в XVIII и первой половине XIX в. большинство рекрутов были холостыми, так как именно холостяки играли менее важную роль в выживании двора, чем женатые. Само собой разумеющимся считается также, что дворы с тремя и более мужчинами трудового возраста первыми и в наибольших количествах отдавали сыновей армии. Эти принципы были выработаны крестьянскими общинами, обязанными выбирать призывников, и вписаны в закон о воинской повинности 1831 г. Было, конечно, много исключений, особенно в крепостных имениях⁶⁴⁷. Между тем данные, собранные Борисом Мироновым, показывают, что с 1826 по

⁶⁴⁶ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1102. Л. 364 об. – 476; Д. 1606. Л. 317–423. Я учитывал рекрутов моложе 20 лет в когорте, в которой они достигли этого возраста. Возможно, некоторые из более состоятельных стексовских крепостных купили освобождение от рекрутской повинности, как то позволялось правилами рекрутского набора, за 1000 рублей, но я не нашел этому прямых доказательств. По данным Б. Миронова (Благосостояние населения. С. 303), рекрутчина забрала в 1830-х гг. 3,1% и в 1840-х гг. 3,7% всех мужчин европейской части России в возрасте от 18 до 60 лет. Эти цифры не дают прямой картины демографического урона, нанесенного рекрутской повинностью той или иной когорте мужчин.

⁶⁴⁷ См.: *Wirtschaftler E. From Serf. С. 3–25; Редигер А. Комплектование. С. 86–90; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 69–80; Александров В. А. Сельская община. С. 242–293.*

1830 г. примерно 40%, с 1831 по 1835 г. порядка 50%, а с 1836 по 1845 г. около 60% рекрутов были женаты⁶⁴⁸.

В голицынском имении процент женатых рекрутов был значительно выше. В стексовской подворной описи 1845 г. находим шестерых мужчин, ушедших в армию в 1843–1844 гг.; все они были женаты и оставили своих жен, которые после призыва мужей получили вольную. Эти стексовские рекруты были старше среднего по стране возраста призыва: в 1841–1846 гг. средний по стране призывной возраст был 23,5 года, а в Стексово – 28 лет (24, 26, 26, 29, 31, 32)⁶⁴⁹. Их возраст объясняет, почему они все уже имели жен: к 24 годам практически все мужчины имения вступали в брак. В ревизии 1850 г. переписаны дополнительные восемь мужчин, забранные в армию между 1840 и 1850 гг., но ничего не сказано об их брачном состоянии. Двое, 18 и 19 лет, могли быть или не быть холостыми, остальным было от 23 до 31 года (медианный возраст 26–27), и они, скорее всего, были женаты⁶⁵⁰.

Ревизия 1834 г. точно показывает, когда именно Голицын и его управляющие начали отправлять в армию преимущественно женатых – в 1831 г. В период между 1816 и 1827 гг. имение утратило из-за воинской повинности шесть мужчин 15, 16, 21, 23, 24 и 32 лет (в те годы уровень ежегодного набора в армию варьировался от нулевого до низкого). В период с 1828 по 1830 г. 14 мужчин ушли из имения в рекрутчину – медианный возраст 22–23 года. Возможно, половина рекрутов с 1816 по 1830 г. были холостыми. Начиная с 1831 г., однако, средний призывной возраст резко подскочил: 9 рекрутов в 1831–1833 гг. были в возрасте от 26 до 33 лет – медианный возраст 30. Медианный возраст 16 рекрутов в 1834–1839 гг. упал до 23 (включая двух мальчиков 16 и 17 лет; обоих явно отобрали в наказание)⁶⁵¹. За некоторыми исключениями в середине 1830-х, между 1831 и 1850 гг., почти все мужчины, отправленные из имения в армию, были женаты. По моим самым скромным подсчетам, 74% всех мужчин, отданных из имения Стексово в солдаты в 1816–1850 гг., имели жен; в 1831–1850 гг., по моим подсчетам, – 88%.

И ревизские сказки, и вотчинная переписка свидетельствуют о том, что Сергей Голицын и его вотчинные управляющие играли активнейшую роль в решении, кто будет принесен в жертву армии, и их выбор более или менее гарантировал, что большинство рекрутов из имения Стексово будут женаты. В «Инструкции» Голицына от 1842 г. управляющему Шорникову два раза упоминается воинская повинность и оба раза как вид наказания: в армию следовало отправлять пьяниц, крестьян, неисправно плативших оброк, а также сыновей пожилых лесничих, подозреваемых в попустительстве незаконной рубке помещичьего леса⁶⁵². Из вотчинной переписки мы знаем, что сыновья самых упорных

⁶⁴⁸ Миронов Б. Благополучие населения. С. 222 (таблица), 217 (значение этих цифр). Павел Щербинин установил, что в первой половине XIX в. 63,3% всех рекрутов в Тамбовской губернии были женаты (*Щербинин П. Военный фактор*. С. 92); Хок (*Serfdom and Social Control*. P. 152) делает вывод, что «большинство» рекрутов из гагаринского имения в Петровском были женаты; Bohac R. (*The Mir*. P. 653) сообщает, что 60,5% рекрутов из гагаринского имения Мануиловское в Тверской губернии, ушедших в армию в 1820–1855 гг., были женаты.

⁶⁴⁹ Миронов Б. Благополучие населения. С. 222; ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2397.

⁶⁵⁰ Мы не знаем, как распорядился отправкой в армию Евграф Солеников, купивший имение в начале 1847 г.

⁶⁵¹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1101 (1834). Л. 364 об. – 476; Д. 1606 (1850). Л. 326–423. О численности призывников по стране: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 74–80. О минимальном призывном возрасте: ПСЗ. Вып. 2. Т. 7. С. 324.

⁶⁵² ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2331. Л. 19 об. – 20.

староверов тоже были определены в солдаты. Управляющий Третьяков не добавил в свои примечания к подворной описи 1845 г. никакого объяснения, по какому критерию были выбраны шесть рекрутов в 1843–1844 гг., но в трех случаях вотчинные служащие отправили в армию одного из двоих трудоспособных мужчин двора, а в еще одном – единственного мужчину моложе 50 лет. Военская повинность серьезно подорвала способность как минимум четырех дворов платить оброк и пахать на помещичьих полях. С другой стороны, тех редких мужчин, которые в начале своего третьего десятка еще не были женаты, в 1843–1844 гг. не тронули. Ту же самую картину безразличия к сохранению жизнеспособности дворов можно увидеть в данных о рекрутской повинности из ревизских сказок начала 1830-х гг. и отчасти на протяжении всего этого десятилетия. Конечно, учитывая относительно маленькие размеры стексовских дворов, рекрутчина неизбежно должна была нанести ущерб многим из них.

Голицын, по всей видимости, систематически использовал рекрутскую повинность, чтобы устранить смутьянов из своего имения, с упором, вероятно, на старообрядцев. Среди помещиков Нижегородской губернии к середине того века было в порядке вещей скорее отправить в армию старообрядца, нежели православного, дабы вынудить раскольников присоединиться к господствующей церкви⁶⁵³. В имении Стексово д. Балахониха, в 1834 г. насчитывавшая 100 душ мужского пола (от младенцев до стариков), между 1834 и 1850 гг. отдала в солдатчину 10 мужчин – то есть 10%; средняя по всему имению цифра – 4,6%. Весьма возможно, это объясняется тем, что балахонихинские крестьяне были особенно упорными староверами: как-никак в 1836 г. 15 из ее 39 дворов воспротивились требованию Голицына внести по 4 рубля 20 копеек с души на содержание православных приходов имения⁶⁵⁴.

То, что в период с 1831 по 1850 г. примерно 90% всех рекрутов из имения Стексово были женаты, означает, что рекрутчина могла послужить объяснением только маленькой части избытка никогда не бывших замужем взрослых женщин. Сравнение с долей села Стексово, принадлежавшей Оболенским, наглядно показывает, что рекрутская повинность, весьма вероятно, вообще никак не влияла на демографический баланс. Ревизская сказка 1850 г. по той части села Стексово, которой в то время владели Сергей Петрович Оболенский и его дети (276 крепостных в 56 дворах), раскрывает демографическую структуру, сильно отличающуюся от структуры в голицынской доле.

Таблица 7.3. Брачное состояние в части с. Стексово, принадлежавшей Оболенским, по возрастным когортам, 1850

⁶⁵³ Усов (Павел Иванович Мельников. С. 89–90) дает краткое изложение меморандума, представленного Мельниковым нижегородскому губернатору. Мельников рекомендовал, чтобы этот подход применялся везде, где смешивались староверы и православные; он только предупреждал, что нужно будет принять меры против подкупа староверами должностных лиц. Мельников (Отчет. С. 37) описывает, как С. С. Шереметев, после того как он в 1834 г. поселился в своем имении Богородское, использовал рекрутский набор, чтобы вытравить старую веру: мужчины моложе 35 лет, которые неоднократно пропускали церковные службы, отправлялись в армию. В результате к началу 1850-х гг. только мужчины старше 35 лет не скрывали своих иноверческих убеждений.

⁶⁵⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 2321. Л. 221–224 об. Из голицынской части села Стексово в армию шло всего 3,7% мужского населения, возможно, благодаря «подкупательной» способности сравнительно состоятельных тамошних старообрядцев, а может быть, потому, что у них были средства для покупки освобождения от рекрутской повинности.

Возрастная когорта	Когда-либо женатые	Никогда не бывшие женатыми	Бывшие когда-либо замужем	Никогда не бывшие замужем
1–14	0	28	0	28
15–19	3	10	7	8
20–24	9	4 (30,7%)	16	2 (11,0%)
25–29	13	1 (7,1%)	4	1 (20,0%)
30–34	7	0	6	0
35–39	9	0	15	1 (6,3%)
40–44	15	0	8	0
45–49	5	0	12	0
50–54	9	0	5	0
55–59	8	0	9	0
60+	17	0	16	0
Итого	95	43	98	40
Итого, 20+	92	5 (5,2%)	91	4 (4,2%)
Итого, 25–54	58	1 (1,7%)	50	2 (3,8%)

Примечание. Итоги включают в себя четырех женщин и двоих мужчин (все состояли в браке), которые сбежали, бросив своих супругов, в 1850 г. все еще здравствовавших. Беглецы не были учтены в переписи населения имения, но, так как они раньше составляли часть общего фонда бракоспособных мужчин и женщин, я включил их в свои расчеты.

Источник: ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1604. Л. 155–172.

Среди крепостных Оболенских наблюдался демографический баланс почти по всем параметрам: в общей численности и в итоговых цифрах по когда-либо состоявшим в браке из общего числа населения, в общей численности и в итоговых цифрах по когда-либо состоявшим в браке с 20 лет и старше и в почти одинаково низком проценте никогда не состоявших в браке мужчин и женщин 20 лет и старше. Одно явное различие – недостаток замужних женщин от 25 до 54 лет – полностью компенсировалось непропорционально большим количеством замужних женщин в 20–24-летней когорте. То, что из общего числа 146 мужчин и женщин 25 лет и старше только один мужчина и две женщины никогда не состояли в браке, могло бы свидетельствовать о том, что среди крепостных Оболенских все, кроме самых физически или умственно недееспособных, вступали в брак. На самом деле это было так лишь потому, что Оболенские и их вотчинные управляющие добились гораздо больших, чем Голицыны, успехов в подавлении женского неприятия брака.

Действительно, в ревизии 1850 г. не учитывались освобожденные женщины, но они включены в исповедные ведомости 1826 и 1861 гг. Из них видно, что в 1826 г. примерно такой же процент женщин отказывался от замужества в части села Стексово, принадлежавшей Оболенским, как и в голицынской части, но что к 1861 г. у Оболенских практически все женщины выходили замуж. В 1826 г. население в возрасте от 25 до 54 лет состояло из 78 мужчин, все женатые, кроме одного, 87 женщин, которые были замужем, 16 незамужних и еще 6 солдаток. Если брать в расчет солдаток, 14,7% женщин никогда не были замужем; если исключить солдаток, 15,5% остались в девках – примерно такое же соотношение, как в той же возрастной группе среди женщин голицынского имения (так же не считая солдаток) в 1834 г. (17,8%). Взрослые из семи дворов в имении Оболенских в 1826 г. пропустили исповедь, потому что исповедовали старую веру, взрослые из трех дворов, потому что были в отлучке, и из еще 14 дворов – «от нерачительности»⁶⁵⁵. Открыто или тайно крепостные Оболенских были, несомненно, столь же массово привержены старой вере в 1826 г., как и в 1861 г., когда только 9 из 261 прихожанина старше шести лет исповедались в своих грехах. Тем не менее к 1861 г. с неприятием брака было практически покончено: по данным на этот год, в группе 25–54-летних в имении Оболенских было 63 мужчины (один холостой) и 68 женщин (включая получивших вольную), из которых (5,9%) только четыре

⁶⁵⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 966. Л. 454–459 (дворы 80–186).

никогда не были замужем. Одной было ровно 25, возраст остальных был записан как 47, 48 и 54 года. Только 25-летняя была внесена также в ревизскую сказку 1850 г.⁶⁵⁶ Остальные, скорее всего, в конце 1820-х и начале 1830-х получившие вольную, являли собой остаточное явление предыдущих времен – до того как Оболенские преодолели сопротивление замужеству. Подавив уклонение от брака среди своих стексовских крепостных, они привели количество мужчин и женщин имения в равновесие. Это веское, хотя косвенное доказательство того, что демографический перекос в имении Голицына был следствием не рекрутской повинности, а неприятия брака.

Оболенские, по всей очевидности, преодолели сопротивление своих крепостных женщин замужеству двумя способами. Начиная с 1830-х гг., как свидетельствует исповедная ведомость 1861 г., они перестали продавать вольные грамоты девицам, которые не имели намерения выходить замуж: все оболенские крестьянки из исповедных ведомостей 1861 г., кроме трех крестьянок старшего поколения, нашлись и в ревизской сказке 1850 г. Однако в приписке к сказке 1850 г. отмечается, что незамужняя девица Авдотья Ивановна получила вольную в 1856 г., когда ее отцу было 36 лет. Она была, вероятно, в брачном возрасте и, поскольку являлась единственным освобожденным членом в своей семье и, по данным на 1861 г., уже не проживала в приходе, вольную ей, скорее всего, выдали, чтобы она могла выйти замуж за пределами имения⁶⁵⁷. Лишение отцов возможности выкупать дочерей из крепостной зависимости постепенно сократило в имении количество незамужних вольных женщин и, таким образом, привлекательность их примера. Молодые женщины, желавшие избежать замужества, утратили, судя по всему, уверенность, что им это удастся. Но поначалу, во всяком случае, Оболенские наверняка прибегали к принуждению, противостоять которому было почти невозможно.

Конечно, Сергей Голицын тоже был твердо намерен заставить своих стексовок выходить замуж: он посылал требование за требованием к управляющим добиваться этого. И все-таки, какова бы ни была степень морального насилия, живя далеко от имения, в Москве, он не мог заставить своих управляющих довести дело до конца. К тому же он часто менял управляющих, в 1830-х и 1840-х примерно каждые два года; минимум половина срока, по-видимому, уходила у каждого из них на то, чтобы узнать, кто есть кто. Управляющие, в свою очередь, полагались на содействие бурмистров и сотских из крепостного люда, которые, вероятно, почти поголовно были староверами (потому как таковыми были, считай, все крепостные имения). Чтобы довести дело до конца, Голицыну нужно было жить в имении, а не в далекой Москве. Оболенские же какое-то время жили в своей части Стексово: княгиня Александра Андреевна Оболенская, 47 лет, вместе с двумя дворовыми записана в стексовской исповедной ведомости 1861 г.⁶⁵⁸ Были, кажется, также Оболенские, проживавшие в 150 километрах, в Нижнем Новгороде⁶⁵⁹. Если Оболенские действительно

---

⁶⁵⁶ Там же. Д. 1502. Л. 105 об. – 107, 128 об. – 132 об.

⁶⁵⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1604. Л. 158 (двор 18). Она была также единственным ребенком. Ее отца Ивана Васильевича Чадаева тоже нет в ведомости 1861 г. Если бы он получил вольную, об этом была бы запись в ревизской сказке 1850 г. Там записано, например, что мужчина и его сын вместе с их женами были освобождены в 1860 г. (Там же. Л. 161 об. (двор 35)).

⁶⁵⁸ Там же. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 5 об.

⁶⁵⁹ Там же. Ф. 177. Оп. 766. Д. 8847. Это история никогда не бывшей замужем Анны Шапошниковой – крепостной из стексовского имения Оболенских, которая сумела превратиться в мещанку. У нее были помощники, в том числе мужчина, который, называя себя Сергеем Оболенским, пришел в 1851 г. в нижегородскую уездную канцелярию, чтобы подтвердить, что он действительно выдал вольную грамоту, которую Шапошникова изначально представила в 1839 г. Самозванец убедил канцелярских чиновников, которые должны были как минимум счесть появление Оболенского в их конторе вполне вероятным.

жили в имении или хотя бы иногда наезжали туда в 1830-х и 1840-х гг., вотчинные управляющие, надо полагать, приводили их приказы в исполнение с безжалостным усердием. Какими бы средствами они ни пользовались, Оболенские сломили сопротивление браку, в то время как Голицыну в лучшем случае удалось его только обуздать.

Демографический баланс среди крепостных Оболенских в 1850 и 1861 гг. показывает также, что рекрутчина необязательно приводила к дефициту взрослых мужчин. С 1834 по 1850 г. в армию забрали десять крепостных Оболенских (5,5% всех мужчин, переписанных ревизией 1834 г., в отличие от 3,7% в голицынской части села и 4,6% по всему имению Голицына, 1834–1846). Двое из рекрутов Оболенских, 28 и 31 года в момент ухода на службу, были женаты: у них дома остались дети. Ревизская сказка не дает прямых сведений о брачном состоянии остальных. Мы знаем, однако, их возраст при заборе: 16, 18, 21, 24, 26, 26, 27, 31. Пятеро, которым было 24 года или больше в момент ухода в армию, почти наверняка были женаты. 16-летний был слишком молод для брака. Последствия для дворов рекрутов – некоторые были полностью уничтожены – дают основания полагать, что управляющие имением Оболенских пользовались рекрутской повинностью, чтобы отправлять в солдаты смутьянов (конечно же, включая несговорчивых старообрядцев), невзирая на вред, наносимый их дворам, и также, очевидно, грубо попирая закон: 16 и 18 лет были ниже установленного законом призывного возраста⁶⁶⁰.

В общем, отправка в армию, кажется, происходила одним и тем же манером в обоих имениях: в 1830–1840-х гг. большинство мужчин уходило в солдаты в возрасте, в котором почти все мужчины из этих имений были уже женаты, и, очевидно, управляющие обоих имений использовали рекрутскую повинность в целях избавиться от нежелательных лиц, независимо от брачного состояния и ущерба, наносимого дворам. Если бы голицынским крепостным женщинам не было присуще изрядное отвращение к замужеству, демографический баланс между мужчинами и женщинами 25 лет и старше в 1845 г. (и 1850, и 1861) должен был быть так же близок к абсолюту, как это было среди крепостных Оболенских в 1850 г.

Отношение к браку стексовских крепостных Сергея Голицына было характерно только для меньшинства русских крестьян, но это меньшинство было существенным в региональном масштабе. Ведь не только в имении Сергея Голицына, но и во всех разделах изначального имения Голицыных – его, Оболенских, Бибиковых (20% бибиковских крепостных женщин 25 лет и старше, по данным за 1861 г., никогда не были замужем), другими словами, по всей обширной полосе востока Ардатовского уезда – крепостные женщины сопротивлялись замужеству⁶⁶¹. Сопротивление продолжалось многие поколения: с примерно 1760-х до 1830-х в будущем имении Оболенских, с 1760-х вплоть до по меньшей мере 1860-х в имениях Голицыных и Бибиковых. Женщины из немногочисленного населения государственных крестьян в Стексово были в той же степени склонны избегать брака⁶⁶². Наверняка многие другие переполненные старообрядцами деревни на приграничных землях Ардатовского и Арзамасского уездов разделяли эту историю.

НЕДОЗАКЛЮЧЕНИЕ

⁶⁶⁰ Там же (дворы 19, 20, 30, 44, 50, 76, 85, 87, 88).

⁶⁶¹ Бибиковские крепостные: ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1502. Л. 104–105 об.

⁶⁶² В 1864 г. в восьми дворах государственных крестьян проживало семь незамужних взрослых женщин (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234 (1864). Д. 175. Л. 181–185). Это семейный рекрутский список – описание дворов, предназначенное для определения потенциальных рекрутов. Здесь дается та же информация, что и в ревизской сказке. К сожалению, это единственный подобный сохранившийся список из Ардатовского уезда.

Русские и американские историки, которым я за последние годы частично представлял содержание данного исследования, задавали мне много толковых вопросов, на которые я не могу ответить. От некоторых, в особенности от тех, которые касались внутренней жизни – эмоций и убеждений – спасовок и других русских крестьянок, отказывавшихся от замужества, я вынужден был уклониться, поскольку известные мне источники не дают на них очевидных ответов. Я выдвинул ряд гипотез; некоторым может показаться, что я остановился на полном скаку, другим – что слишком далеко заехал. Ответы на другие вопросы теоретически возможны, но я их не привожу. Мое оправдание, одновременно являющееся и заявкой, состоит в том, что многие из этих вопросов возникают лишь благодаря представленным в данном исследовании доказательствам, более или менее, как мне кажется, неоспоримым.

Я начну более традиционным образом с обозначения выводов, которые заложены в предыдущих главах, но не всегда в виде положительного утверждения. Однако я определенно на них настаиваю. Первое, и наиболее важное: отказ спасовок выходить замуж в столь беспрецедентных масштабах, как в приходе с. Купля и в Баках, нанес вред и им самим, и их дворам, и – по убеждению их соседей – дворам поголовно брачащимся. Они отвергли обычай универсального брака, который большинство русских крестьян почитало как крайне важный для поддержания жизнеспособности дворов и общин, и таким образом, заложили новую почву для трений в русском крестьянском обществе. Этот конфликт был тогда и остался впоследствии почти полностью не распознанным никем за пределами этих деревень, кроме некоторых владельцев крепостных душ, которые призваны были вмешаться либо увидели возможность нажать на нетрадиционном поведении крепостных женщин. Когда Святейший синод и государственные чиновники классифицировали старообрядческие согласия по степени их вредности или опасности, они отнесли спасовцев к всего лишь «вредным», а не «особо вредным», поскольку спасовцы признавали брак. За очень немногими исключениями (даже Павел Мельников не оказался среди них) нет никаких признаков, что кто-либо из обличенных религиозной или светской властью знал об истинном отношении спасовцев к браку.

Брачные решения спасовок, явно пользовавшиеся поддержкой со стороны мужчин их дворов, столь кардинально противоречили крестьянскому здравому смыслу и социоэкономическим интересам, что только убеждения или идеология – религиозная вера – могут послужить им объяснением. Историки склонны по вполне понятным причинам искать материалистические обоснования поведению крестьян. В спасовском сопротивлении браку мы сталкиваемся со случаем, когда вера взяла верх над крестьянским прагматизмом не только в рамках местного и временного отклонения от нормы, а среди солидной части населения с охватом многих губерний и на протяжении по меньшей мере полутора веков. По всем этим трем параметрам масштабы сопротивления браку были слишком велики, чтобы свести его всего лишь к случаю; это была значимая часть истории русского крестьянства в целом. Я рад был бы провести подробный анализ религиозного мировоззрения, лежащего в основе спасовских брачных порядков, но источники хранят молчание. Мы мало что можем сказать сверх того, что дошло до нас в лаконичных высказываниях Козмы Андреева, сделанных где-то в 1700 г., и старца Абросима из «живых покойников» ранних 1870-х: женское сопротивление браку было порождением экзистенциалистского отчаяния спасовцев от существования в мире, к которому Бог полностью безразличен.

Подход спасовцев к браку со временем менялся: мужской целибат и прекращение воспроизведения населения дворов были в ходу, по всей видимости, только на раннем этапе рвения новообращенных, уровень женского безбрачия достиг своего гребня и затем постепенно пошел вниз, через какое-то время меньше стало дворов, содержащих более одной незамужней взрослой женщины. Это похоже на прагматичную адаптацию к опасностям, кои спасовцы сами на себя навлекли. Пережив период воистину самоубийственного отказа от брака, большинство спасовских сообществ начало, вероятно, изыскивать способы приведения своих религиозных убеждений и материальных интересов в разумное

равновесие. Но по крайней мере до появления новоспасовцев в 1830-х (если внезапное возобновление замужества спасовок куплинского прихода было предвестником этого нового согласия) и 1840-х гг. сопротивление женщин браку было определяющим фактором социальной истории спасовцев.

С того времени, как спасовское учение из лесных скитов расползлось по деревням, женщины начали подталкивать согласие к сопротивлению браку. Во всяком случае, такое впечатление создают обрывки сведений о ранней истории учения. Это согласие с самого своего основания было враждебно настроено против брака, но в этом отношении спасовцы мало отличались от других беспоповских согласий. Справедливо отметить, что работники-спасовцы из керженских лесов, в 1720-х гг. приобщившие к своему согласию дворцовых крестьян Домодедово, к югу от Москвы, принесли с собой исходное противоположное учение и что по крайней мере один из обращенных ими домодедовцев, Яков Родионов, вследствие того отделился от своей жены и отослал дочерей жить в безбрачии в керженских скитах. Но в мирских сельских общинах, которые я изучал подробно, первыми ласточками безбрачия в начале XVIII в. были женщины, чьему примеру приблизительно одно поколение спустя (и только на период одного поколения) последовали некоторые мужчины, между тем как все больше и больше женщин посвящали себя целибатному образу жизни, несмотря даже на то, что в какой-то момент в XVIII в. руководители согласия дали обратный ход и признали брак, совершаемый (еретическими) православными священниками. Эти руководители, кто бы они ни были, возможно, рекомендовали, но, безусловно, не приказывали женщинам не выходить замуж. Женщины согласия взяли на себя инициативу, приняв целибат и позже сделав его консенсуальным, хотя и не непреложным правилом согласия. Некоторые женщины из других старообрядческих согласий тоже выбирали целибат, но, очевидно, за редкими исключениями только среди спасовок этот выбор приобрел такой масштаб в местах, не являвшихся религиозными центрами, в миру. Сопротивление браку, таким образом, оказалось религиозно мотивированным общественным движением – делом рук спасовских женщин. Все описанные мной социальные и экономические последствия были результатом начала, положенного крестьянками. Некоторые последствия были, конечно же, непреднамеренными и непредвиденными, но ведь история – это нескончаемое разматывание непредусмотренных последствий людских деяний.

Я хочу подчеркнуть крестьянскую составляющую этой истории не меньше, чем женскую. Хотя историки, и этнографы не в России давно уже распростились с мнением, что русские крестьяне жили в замкнутом мире под властью исконных традиций, мы обычно видим крестьянскую инициативу в свержении или борьбе против гнета того или иного типа либо в практической сметке, как, например, когда крестьяне (скажем, в Баках и Стексово) увидели возможности зарабатывать за пределами своей деревни. Мы понимаем, что крестьяне не были пассивны. Между тем мы обычно рассматриваем крестьянскую инициативу как ответную реакцию, и небезосновательно: крестьяне, будь то крепостные или нет, были народом подневольным, если не угнетаемым. На какой бы социальной, экономической или политической арене они ни выступали, правила устанавливались сторонними, власть имущими лицами. Возможно, это не было, как нам часто представляется, такой уж стройной закономерностью, но именно так крестьяне понимали или говорили, что понимали, свое место в мире.

Начало уклонению от брака было положено крестьянками-спасовками, но вряд ли они могли бы это делать, по крайней мере в массовом порядке, если бы спасовские мужчины были решительно против. В крепостных имениях потворство мужчин – отцов, бурмистров – было необходимо, чтобы оградить от замужества не расположенных к нему женщин или заплатить сотни рублей, чтобы выволить их из крепостной кабалы. В дворцовых деревнях, таких как Случково, мужчины, хозяева дворов, должны были быть готовы держать на своем иждивении в некоторых случаях многочисленных взрослых одиноких женщин, а также принимать к себе и содержать престарелых женщин – как родственниц, так и тех, которые, судя по демографическим источникам, не имели, по-видимому, с ними родственных связей.

Мужчины играли важнейшую вспомогательную роль в решимости женщин избегать замужества. Так что я отношу женское сопротивление браку на счет спасовской общины в целом. Принадлежа к крестьянскому сословию, женщины взяли на себя инициативу и получили поддержку своих мужчин. Они действовали не против угнетения, не ради использования выгодной возможности, а во имя того, что было для них делом духовной веры, отвергая при этом исторически сложившиеся крестьянские брачные обычаи. Их действия непосредственно нарушали интересы соседей, не имевших намерения отказываться от универсального брака.

Женщины-спасовки, которые сделали отказ от брака правилом своей общины, одновременно открыли дверь свободе выбора. Если большинство выбрало безбрачие, некоторые – даже в куплинском приходе, где женское отвращение к замужеству на какое-то время стало для спасовцев аксиомой, – делали противоположный выбор. В Баках и Стексово – я предполагаю, но не могу доказать – многие спасовки выходили замуж. Нарушая общинное правило, они «по умолчанию» присвоили себе право выбирать мужей. В Баках и, несомненно, во многих других деревнях с высоким уровнем женского сопротивления браку женщины выходили замуж убежом с молчаливого согласия родителей или без него. Брак убежом передавал выбор суженых в руки юноши и девушки; у девушки, по крайней мере, было право вето. Между тем свадьбы убежом практиковались не только у спасовцев: многие другие старообрядцы, для которых брак был грехом – за что родители, хоть и признавая это делом естественным, не готовы были брать на себя ответственность, – прибегали к этой уловке. В этом отношении образ действия спасовок, выходивших-таки замуж, совпадал с повадками крестьян-старообрядцев некоторых других толков, а также православных.

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ – О ДВОРЕ И ОБЩИНЕ

Я оставил висеть в воздухе очевидную демографическую головоломку: откуда брались жены, когда – как в приходе с. Купля, в баковской округе и, вероятно, в Стексово – не одной, а многим деревням в округе, более того, целому уезду приходилось справляться с повышенным уровнем женского сопротивления браку? Ревизские сказки 1763, 1782 и 1795 гг., когда таковые имеются, предоставляют первичный материал для разгадки. Но разгадка, безусловно, будет более масштабной, чем то, что можно извлечь из сказок даже такой солидной группы селений, объединенной брачными связями, и я не сделал даже такой попытки. Что касается куплинского прихода, мощная вспышка сопротивления браку в период между 1763 и 1795 гг. потребовала расширения диапазона поиска невест. Естественно: по мере того как растущее число женщин во все большем и большем количестве деревень вокруг Купли стремилось избежать замужества, дефицит невест разрастался и мог компенсироваться только за счет поиска сговорчивых невест все дальше и дальше от дома. Эта брачная экспансия представляется мне и дробной, и концентрической: когда большинство женщин, родившихся в Случково и Алёшково, отказались выходить замуж, невест пришлось брать из более отдаленных селений, где молодые мужчины, в свою очередь, вынуждены были раздвигать границы поиска, пока растущее и перекрестывающееся поисковое поле не достигло мест, где большинство женщин готовы были вступить в брак. Но общий дефицит невест, скажем, во всех 24 удельных деревнях Гороховецкого уезда – в совокупности в 1834 г., возможно, около 400 невест – должен был просто экспортироваться, если 400 невест были забраны из прилегающих уездов, в которых мужчины и женщины уже поголовно брачились. Мне представляется также, что этот дефицит рассеивался по очень большой территории, где на внешних ее границах он становился в итоге неощутим.

Это всего лишь гипотеза, чрезмерно, скорее всего, упрощенная, которая может не выдержать встречи с фактическим материалом, если его сохранилось достаточно для такой проверки. В Гороховецком уезде женское сопротивление браку пустило корни во всех категориях крестьянства и распространилось необычайно широко. Нет никаких оснований предполагать, что сохранилось достаточно ревизских сказок или исповедных ведомостей,

чтобы позволить даже самому старательному историку отследить до окончательного затихания центробежную рябь или, лучше, по-видимому, сказать, ударные волны, вызванные большими концентрациями женщин, отказавшихся от замужества. Мы можем только с уверенностью сказать, что во всей полосе Гороховецкого уезда к югу от р. Клязьмы, окруженной с севера и юга незаселенными землями, откуда нельзя было взять невест, к 1800 г. или ранее поиск невест должен был распространиться на далекие расстояния на прилегающих территориях с востока и запада. Даже если все женщины в этих местностях желали выйти замуж (маловероятное предположение), неудовлетворенный спрос на невест, выплескиваясь наружу из клина к югу от р. Клязьмы, должен был и там, дальше, дестабилизировать брачные рынки. По топографии клина к югу от р. Клязьмы можно, во всяком случае, легко себе представить линии напряжения. В баковской округе, где крепостные и дворцовые (позже удельные) крестьяне, похоже, заключали между собой браки без особых препятствий, но где поиск невест для жителей деревень, прятаящихся в лесу, вдали от восточного берега р. Ветлуги, уже был осложнен расстоянием, топографией и низкой плотностью населения, местный дефицит невест имел, вероятно, не менее далекоидущие последствия. Поскольку большинство крестьян вокруг Стексово жили в крепостных имениях и мы почти ничего не знаем о тех препонах, которые могли ставиться местными владельцами крепостных душ для перемещения женщин через границы имений, мы не можем даже строить догадок об общем эффекте дефицита невест в этом регионе.

Тщательное изучение женского сопротивления браку в районе прихода с. Купля, в Баках и Стексово не может показать нам, как восполнялся местный дефицит невест, но заставляет нас обратить внимание на более общие последствия избегания замужества значительным количеством женщин. Нам удастся хотя бы краешком глаза увидеть крестьянское общество, вынужденное справляться с отказом женщин от замужества, масштабы которого грозили подорвать саму его структуру – в деревнях, которые держались традиции универсального брака ничуть не меньше, чем деревни с большим количеством избегавших брака женщин. Совсем неудивительно, что отказ крестьянок выходить замуж вызывал в этом обществе напряженность: крестьяне, утверждавшие, что женщины, не желавшие выходить замуж, ставят под угрозу брачные перспективы их сыновей и, следовательно, благополучие родительских дворов, были правы. В имеющихся источниках находятся красноречивые свидетельства таких трений между крестьянами, в частности в имениях Орловых, которые рассматриваются в 2 главе. Принимая в расчет факторы риска, напряженность должна была быть весьма высока во всех уездах, где не хватало невест. Крепостные мужики могли пожаловаться своим владельцам, которым иногда удавалось заставить женщин выйти замуж.

Дворцовые крестьяне куплинского прихода были предоставлены сами себе. Они являлись одновременно и виновниками, и жертвами, позволяя, вполне возможно, призывая и, может быть, иногда приказывая своим дочерям не выходить замуж и в то же время стараясь найти невест для сыновей. Мы не знаем, как они осмыслили свою ситуацию. Были ли некоторые из крепостных, которые просили Владимира Орлова и Сергея Голицына или их управляющих принудить другие дворы отдать дочерей в жены, сами главами дворов, укрывавших никогда не бывших замужем женщин? Я не уверен, но предполагаю, что так: после единственного поколения, в котором некоторые мужчины тоже уклонялись от брака, молодые мужчины из спасовских дворов женились так же поголовно, как и мужчины из других старообрядческих и православных дворов. Главам спасовских дворов тоже нужно было как-то преодолеть местный дефицит невест, и они наверняка, точно так же как другие крепостные (и вообще крестьяне), готовы были использовать любые подручные средства, в том числе способности своего владельца к принуждению, чтобы заставить своих крепостных собратьев пойти им навстречу.

В 3 главе я выдвинул мысль, что крестьянские дворы, в которых прекратились браки и производство потомства, по сути откололись от русского крестьянского общества. Дальше следовало отчуждение: когда дворы переставали отдавать и получать от других дворов

дочерей, они разрывали биологические сцепки, которые лежали в основе многих социальных связей, объединявших дворы в общину. Если, будучи старообрядцами, они сторонились своих православных соседей, распадалась другая связь. Когда мужчины тоже перестали жениться, последовала неизбежная расплата – вымирание дворов. Есть соблазн предположить, может быть даже с большой вероятностью, что именно такой результат и его последствия – в первую очередь, нищенское существование под конец жизни – убедили спасовцев по истечении всего только одного поколения отказаться от мужского celibата и перейти к тому, что стало спасовским правилом: мужчины вступают в брак, женщины нет. Показательно, что последовательность событий в Баках, Купле и Стексово была одна и та же: первое поколение, в котором женщины избрали celibат; второе поколение, где женский celibат быстро распространился и некоторые мужчины тоже приняли celibат; третье поколение, когда женский celibат достиг пика, но мужчины опять начали жениться. Однако при единой последовательности принятия и отказа от celibата временные вехи были разные: в Баках первый опыт по мужскому celibату закончился году в 1750 (если не считать того, что мужчины, уже выбравшие celibат, оставались холостыми до конца жизни); в куплинском приходе он исчерпал себя в 1780-х; в Баках второй, «православный» эксперимент с мужским celibатом свернулся в конце XVIII в.; в Стексово мужской celibат достиг своей высшей точки и закончился в районе 1800 г. Каждая спасовская община испытала на себе опасность мужского celibата и скорректировала брачное поведение самостоятельно. По крайней мере, такое впечатление создают демографические источники.

Опасности, исходящие от женского celibата, были не так очевидны, поскольку не проявлялись столь быстро. Сыновья, приводившие в дом жен, казалось, обеспечивали будущее двора независимо от того, выходили их сестры при этом замуж или нет. Спасовцы, вероятно, осознавали, что содержание многих незамужних женщин обременительно, но они, наверное, не понимали, что даже одна незамужняя взрослая женщина могла стать угрозой для выживания двора. Между тем при одних, вполне очевидных обстоятельствах, нередко встречавшихся в русских селениях, так оно и происходило: когда во дворе не было сыновей, но была хотя бы одна дочь на выданье, во двор в качестве наследника и кормильца мог прийти зять. Феврония Афанасьева из Алёшково, перед тем как умереть в 1794 г. взявшая в дом юношу в качестве опоры для своих трех взрослых незамужних дочерей, мудро применила ту же стратегию в несколько измененном варианте. Но это, пожалуй, особый случай. В 1830 г. в Случково у Прокофия Васильева и Прасковьи Федоровны не было сыновей, но были две незамужние дочери, 31 и 42 лет; нет никаких сомнений, даже заглядывая далеко вперед, какое будущее ожидало этот двор. В Стексово, когда Никита Губанихин умер в 1844 г., он оставил четверых несовершеннолетних детей и четырех незамужних сестер в возрасте от 30 до 46 лет. Ни одна из сестер не пожелала в интересах двора выйти замуж; самая младшая сестра, по крайней мере, имела еще возможность выйти замуж, когда угроза двору стала очевидной. В Стексово в 1840 г. 24-летняя Дарья Пищирина, видимо, с большой неохотой согласилась выйти замуж за православного, который переехал в ее двор, но через год ее отец ударился в бег, а потом и она исчезла. Дарья явно предпочла почти неизбежную нищету, а не жизнь замужней женщины с православным мужем или, может быть, даже со старообрядцем.

Прагматичная готовность мужчин жениться составляет контраст с упорным нежеланием многих браконенавистниц жертвовать религиозными принципами ради сохранения жизнеспособности двора и ставит ряд вопросов. Является ли это еще одним свидетельством того, что в отрицательно настроенных к браку дворах дочерям разрешалось самим решать, выходить замуж или нет? Была ли очевидная неготовность родителей (или, как в случае Губанихина, хозяев дворов) принуждать дочерей или сестер выходить замуж основана на гендернодифференцированном понимании мирской экономики и экономики духовной: мужчины должны были жениться, да, но женщины, избегавшие брака, создавали запас праведности, заносившийся на счет всего двора? Мне кажется, что отказ выходить замуж даже в крайнем случае и убеждение, что такое решение праведно и, во всяком случае